

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

АЛЕКСЕЙ ЯШИН

ПИР В ВАЛГАЛЛЕ

**СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА
21-ГО СТОЛЕТИЯ**

Санкт-Петербург
Изд-во «Центр современной
литературы и книги на Васильевском»
2024

ББК 84 Р7 (Рос.— Рус.)
УДК 882
Я 96

Алексей Яшин. Пир в Валгалле: Семейная хроника 21-го столетия: Академия российской литературы. — Санкт-Петербург: Изд-во «Центр современной литературы и книги на Васильевском», 2024. — 401 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ISBN 978-5-94422-172-8

В нынешнюю эпоху гнетущего расчеловечивания, что есть, увы, уготованная эволюцией несветлая и уже всю осуществляемая будущность *homo* (уже не) *sapiens*, не то что читать классические русские романы, но и писать «от руки» есть непозволительная роскошь ума. А какими всеотрицающими словами современной ущербно-канцелярской лексики можно определить литератора, позволяющего себе самонадеянность сочинять такие романы? Но писателю, если он не «датский» или записной «премиальный» пиарщик, такое мнение в одно ухо влетает, в другое вылетает. Ныне же и полнейшее отсутствие читателей ему безразлично, ибо литературное творчество суть занятие самодостаточное. На том и аминь! Итак, постучимся и войдем в Зимовье на улице Павелина среднерусского областного города. Почему зимовье? — да потому, что округ его свирепствует неостановимая стужа расчеловеченного мира глобализации. И в старинно-гостеприимном, помещичье-поместительном доме вошедший тотчас попадает в атмосферу (пока) существования еще естественных, биологических людей, прежде всего — русских, и не столько по давно упраздненной паспортной «пятой графе», сколько по зримому еще дыханию тысячелетней истории наиболее уникального племени — народа, о который споткнулись Запад и Восток. Но многовековое дыхание это все слабее и слабее, ибо глобализация с ее монстрами умозамещения, цифрофрени, расчеловечивания стократ сильнее ушедших в века рыцарей-крестоносцев и азиатских степных орд. Главное — тысячекрат беспощаднее. Зайдем же в оазис нашего зимовья, хоть на время чтения этой книги усилием воли отринув нерадостное наше бытие. Ибо пока есть еще *homo sit* — я человек!.. Это роман для сохранившейся интеллигенции; новой, увы, не предвидится.

Иллюстрация на обложке Олеси Янгол (Юрмала, Латвия).

- © Яшин Алексей Афанасьевич, текст, 2024
- © Олеся Янгол (Чмыр Олеся Владимировна), обложка, 2024
- © Яшин Алексей Афанасьевич, макет книги, 2024

Пролог, которого требует классика
**ЗИМЫ НЕ МИНУЕШЬ, НО В ТЕПЛЕ
ОТОГРЕЕШЬСЯ**

◆ Писатель фронтового поколения, первый главный редактор возобновленного «Нашего современника» Борис Михайлович Зубавин, в семинаре которого автор этих строк учился в Литературном институте, умел парой десятков слов выразить мысль, которая накрепко оседала в наших головах. И не просто оседала, но служила в дальнейшем руководством, неизменяемым и непререкаемым, в нашей литературной жизни. Помнится, зашел на семинарском занятии разговор о взаимоотношении писателя и критика, в смысле критика по литературной профессии. Кто-то из начитанных по части литературной и философской классики, Курносенко или Устинов (их имена в восьмидесятые-девяностые годы были на слуху), а может и ваш покорный слуга³ привел слова Декарта, что-де критика есть бесстыдство ума, не обладающего творческим даром, способным лишь к субъективной трактовке произведения. Что-то в этом роде. Снисходительно и добро посмотрев на современного картезианца*, седовласый Борис Михайлович похвалил французского философа семнадцатого века за ясность и нелицемерие в определении критики и перевел высказывание основателя учения о рационализме, по совместительству выдающегося физика и математика, на язык современных понятий, а именно: неважно, что пишет критик о произведениях конкретного писателя, тот может спокойно пропускать эти писания мимо ушей. Ведь читатель в массе своей интересуется романами, рассказами, стихами писате-

---

* То есть последователя школы картезианцев, развивающих учение Декарта: от латинского написания имени: *Renatus Cartesius Descartes*.— Прим. авт.

ля и поэта, а вот критика читают только его собирая по профессии и парторги отделений Союза писателей. Гонорар же литератора напрямую зависит от тиража, который «делают» именно читатели, но не критики с парторганами... Все нам стало предельно ясно и радостно на душе.

Понятно, что в наше время начала седьмой капиталистической пятилетки слова «гонорар» и «профессиональный критик» напрочь забыты; пресловутое общественное мнение, да и собственно понятие читателя изящной словесности, тож. Однако по своего рода коллективной генофенотипической памяти и современный сочинитель прозы и поэтических строк порой чувствует за спиной нечто незримое, но укоряющее, через левое плечо пишущего, внимательно вчитывающегося в создаваемый автором текст: призрак вездливого критика, почему-то неизменно с квадратно-малорослой фигурой, в мешковатом костюмчике из серой саржи, с глубокими зальсынами и в старинных круглых очках с роговой оправой...

К чему это мы о критике вспомнили? Причем не со злостью, не с обидой, а с доброй ностальгией. На безрыбье и рак рыба, то есть даже самый суровый, с нарисованной на лбу партийной принципиальностью, литературный критик «времен былых», явись он сейчас вживую, был бы заключен в самые теплые и искренние объятия писателя. Дескать, наши пришли! раз есть критик, так и читатели подразумеваются... а там и реанимация сладостных гонорариев!

...А о критике, в смысле об институте профессиональной критики, вспомнили потому, что мысленный подзаголовок к названию настоящей книги суть *Классический русский роман*... Тридцать лет направляемого Великим глобализатором, родным братом Великого инквизитора Ф. М. Достоевского, оглуления мировых масс с практической потерей имитации к художественному вкусу, понятно дело (глоба-

лизация ведь!), и в нашем отечестве дало себя знать. Поэтому (ныне гипотетический?) читатель таковой подзаголовок воспринимает либо как форму «гробового» юмора, но, скорее всего, прочитав слово «классический», далее перелистывать книгу не станет... Из числа неоглупленных до полного примитивизма кто-то укажет на несоответствие неявного подзаголовка провозглашенному автором новому русскому критическому реализму.* И так далее, сколько мыслящих людей, столько и мнений: по поводу или без оного.

Мы же не видим никакого противоречия между понятиями *классический русский* и *новый русский*, более того, объединяем их онтологически: *вечно обновляющаяся классика*. То есть классика у нас не архаика, но выверенное строение литературного, художественного слова, как высшее развитие этой отрасли социальной эволюции. Отсюда и ее стабильность. Наивные «дадаисты» и «ничевоки» в русской поэзии первой четверти прошлого века, всевозможные новаторы тех лет в прозе (читайте роман «У» Всеволода Иванова**), недолго грозившие «сбросить Пушкина с корабля истории», ушли столь же скоро если не в небытие, то на книжные полки библиофилов. А роман остался на весь русский двадцатый век. Примерно то же самое и в западной литературе. И все всхлипы-причитания записных литературове-

---

* См. книгу: Яшин А. А. Прологомены к новому русскому критическому реализму: Академия российской литературы.— М.: «Московский Парнас», 2015.— 533 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»). В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru (рубрика «Библиотека главного редактора»).— Прим. авт.

** Единственное издание этого романа, спустя более полувека с момента его написания (1932 г.),— в малотиражной (по тем временам) библиофильской серии «Из литературного наследия»: Иванов В. В. «У», Дикае люди.— М.: Книга, 1988.— 399 с. (Серия «Из литературного наследия»),— Прим. авт.

дов, то есть сейчас переодетых таковыми штатных сотрудников телерадиовещания, о «конце романа как жанра», «построманной эпохе» и пр. есть противоестественная болтологическая чушь-недотыкомка, говоря словами выдающегося русского поэта и романиста Федора Сологуба (не путать с графом Владимиром Соллогубом (1814—1882), автором знаменитого «Тарантаса»). И если здраво оценивать реально наблюдаемое в последнюю четверть века снижение, что называется «количественное и качественное», роли романа в литературном творчестве, то в такой же пропорции снизились и все остальные жанры, виды, направления и пр. словесного творчества. Парциальный же вклад романа, как первенствующего жанра, остался незыблемым. К сожалению, если в литературном «водоеме» всю крупную рыбу повытаскивали браконьеры, а остались одни мальки, то этот же парциальный (то есть пропорциональный) вклад обитающих тут ихтиологических видов хотя и остался прежним, но, увы, все они по размеру и весу малопитательны. Так и роман в нынешней мелкотравчатой литературе... тем более без достаточного круга читателей.

◆ И еще несколько равнодушных замечаний в части презумпции романа. Литература исторически, от античных времен, пожалуй даже и от древнеегипетской «Повести Петеисе III», стремилась к некоторой оптимальной фабульно-сюжетной форме творческого отображения реального бытия, включая бытие прошлого и прогнозируемого будущего, которая бы в едином произведении, причем *именно законченном*, воссоздавала весь осознанный жизненный путь индивидуального человека и окружающего его социумного круга. Даже если внешне действие такой законченной книги длится... один день, как, например, в нашем «романе одного дня» «Женщина в человейнике» (М.: «Московский Парнас», 2018). Или

в сюжете прослеживается жизнь главного персонажа от... момента его зачатия до исполнения ему пяти лет от роду, как в знаменитейшей же «Жизни и мнении Тристрама Шенди, джентльмена» Лоренса Стерна. И объем повествования здесь роли не играет: от относительно небольших «Рудина», «Дыма» и «Нови» И. С. Тургенева до семитомного «В поисках утраченного времени» Марселя Пруста.

Нет, здесь все дело в другом: роман заключает читателя в свои объятия, заставляет его *участвовать* в разворачивающихся и завершающихся действиях, соперничая с участием, но «не внимая равнодушно добру и злу». Как чувствует и ведет себя человек в своем семейном кругу, где порой перемешиваются круги рая и почти что ада. И не видеть в последнем Дантова проводника Вергилия... Но — чудесное дело! — на то она и семья, что добро всегда побеждает зло, а облако уюта отторгает вонне хмурые, свинцовые тучи недоброжелательства. Итак, добрались до сути: роман для читающего есть образ его обобщенно понимаемой семьи, избави бог! — не идеализированной конфетно-сладкой, но наподобие той глухой деревенской избы с теленком в сенцах, войдя в которую с тридцатиградусного мороза или русской непролазной позднегоябрьской хляби, которую Андрей Платонов назвал апокалипсическим явлением, семейственник-железнодорожник таковой, втянув в ноздри духмяный, пряный запах свежесваренных щей с убоиной и аромат только что испеченного ржаного хлеба, мигом забудет все тяготы нелегкой нашей жизни (двести лет назад, вчера, сегодня и, скорее всего, на все будущее), а его душу и тело окутает чувствительный и всепобеждающий уют. Роман и строится как воплощение душевного уюта и спокойствия при его чтении. Словом, *зимы не минуют, но в тепле отогреться*. Еще раз подчеркнем: уют не сусальный, но в борьбе добра со злом. И

если даже зло вроде как торжествует в эпилоге романа, то читатель рассуждает «от противного», как в математических доказательствах: да, зло в этой романтической истории победило; но победа ли это? — нет, просто добро брезгливо обошло стороной протекшую клоаку зла; от добра не убудет, а зло к нему не пристанет. Опять-таки уютно чувствует себя читатель.

Именно потому романная форма восторжествовала в беллетристике, она же изящная словесность. И чтобы там не зудели о построманной эпохе (а вот постлитературная — это скорая реальность!), но последний писатель неуютного нового мира напишет именно роман — для последнего читателя.

◆ Уютная романная форма художественной литературы, вопреки упомянутому зудению, сейчас как никогда востребована читателем «прежним и новым»; опять же с оговоркой: для малого числа их оставшихся. Именно душевной успокоенности, что есть семантический синоним уюта, более всего не хватает человеку эпохи стремительно взлетающего глобализма с его директивным расчеловечиванием. Ведь не только интернетовская зависимость и пандемическая настороженность сделала сейчас пустынными улицы городов. От безысходной тоскливости суконно-цинковой жизни тянет людей, отбивших дневной трудовой урок, домой в свой условный круг уюта: от душевного мороза мерзопакостной неустроенности социума — в тепло домашнего очага, где не надо следить за казенной осторожностью и выверенностью своих слов, не опасаясь «красных шапок» (сейчас американизированных черных бейсболок), выпить стопку-другую расслабляющей сорокаградусной и оказать финансовую подмогу государству, закулив сигарету. Желательно при этом приглушить телевизор — современный ящик Пандоры... и увеличить громкость, когда ближе к полуночи безрек-

ламные телеканалы «Культура» и ОТР начнут «крутить» ностальгические, добрые и спокойные советские фильмы. Под которые и уснуть на диванчике или в кресле: уютный по содержанию сон так и подхватывает своими облачными крыльями. Еле растолкает супруга, чтобы перебрался в спальную половину.

О-хо-хо! раззевается и она, хозяйка и добрый дух ячейки общества, докончив остатние дела на кухне; муж с дневного устатку заснул, спят дисциплинированные сын с дочерью, почти что школьные погодки. Комнатная собачка Жучка спит, свернувшись на своем коврикe калачиком, лишь изредка всей кожей и лапами вздрагивая: лает во сне на общественного дворового кота Тайсона, приписанного к магазину «Красное & Белое», что расположился в торце их пятиэтажки-хрущевки. Мир им всем и покой душевного уюта. В супротивном доме их двора только лишь два заполуночных окна неярко светятся. Усмехнулась дóбро хозяйка, припомнив от кого-то из соседей услышанные слова: «Последний писатель и такой же читатель!» За одним светящимся окном пожилой, пенсионный учитель, страдая бессонницей, все толстенные романы читает, запивая их слабой заварки чаем. За другим — писатель местный, что иногда по городскому радио выступает. Все пишет, пишет... Крепкий чай с лимоном и ложечкой коньяка пьет для вдохновения. Так соседки из пожилых и неработающих судачат.

Раззевалась, подкравшийся было сон спугнула. В полуночный час да при ровной погоде за окнами мысли все более уютные и ясные в голове роятся, хотя бы и окрашенные во все цвета и оттенки много-сложной жизни.

Пенсионный же учитель тоже, отвлекшись от книги романов Тургенева, взглянул в окно: в доме напротив в нескольких квартирах еще не спят, в ос-

новном глаз еле улавливает слабые отблески на стекле. Понятно, молодежь «в инте зависает» — это на их языке. Только одно, судя по расположению кухонное, окно в нормальном, от потолочного плафона свете. Штора не задернута, а через тюлевую занавеску четко вырисована женщина среднестарших лет — в неподвижной задумчивости. Видать, всех домашних накормила-напоила, спать уложила, а сама в начале первого полночного часа, перемогая усталость от долгого заботного дня, отняла от грядущего сна пару десятков минут: продумать себе урок на день завтрашний да так его перемежить и расставить, чтобы поздним вечером выкроить часок времени, посидеть у телевизора, посмотреть сериал по женскому каналу. Чушь, конечно, несусветная. Но успокаивает на сон грядущий — имитация все того же уюта вроде как.

Так размышляет пожилой, мучающийся бессонницей учитель, точно угадав мысли соседки напротив. Сам же, прихлебнув чуть теплого, спитого уже чая — не от жадности или лени свежий заварить, но опять же бессонница! нечего ее баловать — вернулся к тому Ивана Сергеевича. Немного не по себе было ему в первые годы отлучения от школы, но по привычке. Опять же домашнее тепло и спокойствие неторопкой жизни. Вот только сложности с регулярным сном? Фармацевтику он принципиально не использует, с этими таблетками не знаешь, где потеряешь и что найдешь... Просто сместил режим дня, благо пенсионная жизнь только своему расписанию и подчиняется. Даже в чем-то выиграл: к домашнему покою добавил таковой от чтения русской классики. Вот и сегодня, сейчас в «Дворянском гнезде», читанном-перечитанном невесть сколько раз, заново, как в первый раз, знакомясь с бессмертным романом, сопереживал Владимир Константинович трагической истории любви Федора Ивановича Лаврецкого и его

двоюродной племянницы Елизаветы Михайловны. И хотя печальное окончание и скучно будет житье Лаврецкого в родовом поместье Лаврики, но... само действие, развертывание сюжета, замкнутое во времени, в пространстве, в ограниченном круге действующих лиц, вдали от русских столиц, от Парижа и Италии, откуда только что вернулся после многолетней отлучки от родных мест Федор Иванович, — все это создает специфический, даже в ситуации личной трагедии, уют. И в точку здесь попал великий наш писатель самым названием произведения: дворянское гнездо, как символ провинциального дворянского спокойствия, доморощенного мирка, главное — отъединения от пустых хлопот и человеческой толкотни жизни в больших городах: отечественных и европейских.

И вся замечательная русская литература девятнадцатого века, как опытным практическим умом учителя-словесника с сорокалетним стажем работы определил Владимир Константинович, так или иначе, зачастую вопреки замыслу автора, тяготеет к «гнездовому» развитию сюжета, то бишь к своеобразно понимаемому, только русскому человеку присущему, стилю бытия: на огромных просторах страны с не очень многочисленным населением только замкнутые круги тесно общающихся друг с другом людей могут создавать обстановку спокойствия, гармонии души и тела. Вот отсюда и возникают дворянские гнезда, поповки церковного причта, купеческие особняки в три поколения проживающих в них, сообщества чудаков по увлечению в мещанской среде глухих уездных городков... вплоть до провинциальных нигилистов, которые «в мягких шляпах и с пледом».

Вот и сложился у отставного учителя свой круг чтения романов с такими объединяющими признаками: «Угрюм-река» Вячеслава Шишкова первый среди них. После Тургенева, конечно же. Николай Се-

менович Лесков с его «Соборянами», «Очарованным странником» и «Запечатленным ангелом» и даже его антинигилистические романы «Некуда» и «На ножах» — с незабвенной стриженной вечной девицей Вансок, которую даже Достоевский — а они с Лесковым истинно были на «литературных ножах»! — назвал восхитительным образом в русской литературе. Да и романы Достоевского, при всей их нервической напряженности и этакой сюжетной изломанности, Владимир Константинович несомненно относил к такому избранному им кругу.

...Но вот поймал-таки наш читатель уютной русской классики долгожданный сон. Погас свет в окне его квартиры. Только одно во всем доме еще теплится: писатель все пишет. Сам себе мир спокойствия создает.

◆ Зимовье в стылом месте как защищенность его обитателей — есть романный символ борьбы современного человека с глобалистским расчеловечиванием, то есть обнулением когнитивных качеств *homo sapiens* и превращением его, в совокупности всего человечества, в роботизированный придаток мировой информационно-технологической машины, которую мы образно называем Великим глобализатором. Здесь даже самые общие пояснения излишни: преодолев отвращение, пощелкайте пультом все того же «ящика Пандоры». Прямым текстом, без завуалированных вещается круглосуточно: вы, смотрящие нас, есть последние естественные, сугубо биологические люди. С демонстрацией уродцев, глаза которых зашорены нахлобучкой, полностью отъединяющей таких от реальности. А если чьи-то СМИ, впрочем, как и все остальные в мире, стопроцентно отражают мнения своих «партий и правительств», то вывод однозначный: Великий глобализатор повсемирно овладел массовой и вообще любой иной информационной пропагандой. И нет здесь никому ис-

ключения: «ярким западным демократиям» и самым выверенным азиатским тоталитарным режимам, просвещенным европам и полуфеодальным странам Африки и той же Азии, веротерпимым и фундаменталистским государствам, выраженно империалистическим и сохранившимся социалистическим и так далее. И уже в открытую сообщают человечеству о грядущей его участи. Торопливость это или глупость? — Нет, именно ускорение расчеловечивания фактором запугивания: смирись и жди своей участи! Запугивание — вам любой психолог или лучше психиатр запросто объяснит — есть самый мощный инструмент подавления в человеке объективного разума и качества когнитивности, что и ведет к «тактическому» расчеловечиванию. А его дополнение виртуализацией и оцифровыванием есть уже выполнение оперативных и стратегических программ Великого глобализатора. Впрочем, не будем огорчать читателя неуместным для художественной литературы умничаньем; интересующимся же рекомендует обратиться к нашим естественно-научным работам.*

...Во все времена эпохи цивилизации и культуры существовала устремленность людей к замыканию, единолично или в числе своих сторонников, добровольному или вынужденному и принужденному. В разных странах и столетиях именовались такие отчуждения от мира скитами, монастырями, бантустанами, гетто, резервациями, пустынями, коммунами. У нас же зимовье стало таким замыканием. Не в смысле жилищно-климатическом. Близко к «Зимовью на Студенном» Мамина-Сибиряка, но все равно не то. Тот же Пандорин ящик иронизирует раззяв-

---

* Яшин А. А. Живая материя и феноменология ноосферы (Многотомная монография). Издается с 2007-го года различными издательствами Москвы, СПб, Твери и Тулы. На настоящий момент времени вышло 20 томов. В электронной форме — на различных сайтах; см. по поисковику.— Прим. авт.

ленными ртами своих телеведущих, вещателей и вездуний, что-де при нынешних темпах цифраизации и всего связанного с ней скоро потребуются отдаленные от городов места без благ цивилизации, где утомленный человек сможет хоть на время забыть свою цифровую маркировку, разрешительные и ограничительные коды. Отлепить от своих рук ненавистные гэджиками и прочую дрянь, окутавшую человека, некогда разумного... Примерно так говорят, изгаляясь, только суконными канцелярскими словами.

Но наше зимовье не формальное. Надеемся, что и не краткосрочно-отпускное. И даже дары Пандоры с гэджиками, хотя и не обоготворяемые, здесь имеются. Люди, обитатели зимовья, защищаются от цифровой, расчеловечивающей стылости окружающего мира силой духа, исторической памяти, генофенотипической связности поколений. И русскость характеров здесь не на последнем месте. Но в особом понимании, не противореча евангельским словам: «Несть еллина, несть иудея...» — а скорее соглашаясь с ними, ведь базис русскости — совокупность языческого растворения человека в природе, сохранявшаяся до окончания прошлого века общинность и православие, как содержание души, а не формальная сторона церковности.

Сейчас, когда маски на мировом карнавале сняты, а Великий глобализатор обнародовал всепланетно свои намерения завершения эволюции человека превращением его в винтика-биоробота, и жизнь человека приобрела гибридный характер, зимовье в стылом месте есть единственный путь сопротивления. Хотя бы и возникает мысль о страусе, прячущем свою голову под крыло... Но мало ли какие аналогии в голову приходят? Тем более, что по европейскому римскому праву, на наше отечество тоже распространено, регулирующему все, без исключения, стороны жизни, аналогии не являются доказательст-

вом истинности. Ведь сказать, что некто Петр Петрович, как человек, аналогичен человеку же Василию Васильевичу, значит сморозить глупость несусветную. Но вот самодостаточно мыслящий Петр Петрович совершенно отличен от руководимого телящиком или «интом» Василия Васильевича. Так и наши персонажи вовсе не сравнивают себя со страусом, ибо в их зимовье царит атмосфера душевного трепета и тепла, своими градусами по Цельсию, Реомюру, Фаренгейту и даже зловеще-морозному Кельвину с его пугающей *OK* намного превышающего стылость окрестных мест.

Уместным будет и физиологические сравнение с душевным уютом и защищенностью. Придя с ядерного, каких сейчас в Европейской России и след простыл, мороза в теплый дом, лучше всего именно в свой семейный дом, отапливаемый от *АГВ* с регулируемой температурой, отогревшись — лучше всего со стопкой «очищенной» — и уютившись на покойном диванчике, человек с неотягченной совестью чувствует не выразимое словами блаженство — апофеоз души. Главное, не именовать спиртное казенным термином «алкоголь»: канцелярица и «кирка» не совместимы!

◆ Теперь о символике романа, то есть не о подзаголовке названия, а о нем собственно. Опять же обратимся к истории, на этот раз русской живописи второй половины позапрошлого века. Со школьных лет, во всяком случае советских, все мы помним о бунте в Академии художеств, что в Петербурге. Это когда, по тогдашней традиции академии, завершавшим обучение была предложена тема выпускной работы: написать картины, у каждого своя конечно, в классическом академическом стиле на тему скандинавской мифологии «Пир в Валгалле». Поясним: Валгалла, другой вариант — Вальхалла (*Walhalla*), «дворец убитых» в древней германо-скандинавской

мифологии, место пребывания павших в бою воинов. В той мифологии только воин и полагался человеком, в отличие от недееспособных и женщин. Валгалла же представляла собой огромный дворец с 540 дверями; наверное, чтобы толпы polegших в больших сражениях героев не мерзли в очередях, а незамедлительно проходили в положенный им по статусу погибших с мечом в руке воинский вечный рай.

Кстати говоря, по случайному совпадению, на другом конце света, в Древней Японии, точно также павший в бою с оружием в руках воин, то есть самурай (относительно камикадзе не ведаю), автоматически получал статус бога и попадал в ихний синтоистский рай... Герои же Валгаллы обязывались на вечное развлечение образцово-показательными боями друг с другом и веселыми пирами под председательством Одина — бога войны, то есть главного в скандинавском мифологическом пантеоне. Хмельной мед им разносили валькирии. Здесь заметим: мифология сложилась еще до восьмого-девятого веков нашей эры, то есть до появления викингов с их родом занятий — набегами и грабежами всей бережной Европы. Но викинги пьянствовали уже не забродившим медом, а изобрели коньяк. Нападая на средиземноморское побережье Европы, викинги запасались тамошним виноградным вином, тем самым совмещая приятное с полезным. Последнее: в долгих переходах по морям затаренная питьевая вода портилась — средневековая антисанитария! — поэтому с протухшей воды переходили на вино.

Но здесь подвела, говоря нынешним новорусским языком, *логистика*: время плавания вокруг Европы, тем более в Исландию, на Фарерские острова и — историко-гипотетически — в Северную Америку, длительное. Чтобы хватило вина, бочками с ним заставляли все трюмы корабля, что снижало боевую маневренность, скорость плавания, главное — огра-

ничивало полезный тоннаж под грабительскую добычу, что огорчало всех: от рядовых бойцов до князей-конунгов. Скандинавские саги, преимущественно сочиненные в Исландии, умалчивают о имени гениального изобретателя перегонного куба, посредством которого викинги, ограбив средиземноморские берега Италии, Греции, Франции и Испании, перед отправлением на родину в промышленном масштабе перегоняли тамошние вина в самогон солидной крепости, навроде грузинской чачи. Полученным продуктом заполняли большие дубовые бочки, каждая объемом где-то под тысячу литров, которые назывались *тоннами* — отсюда и нынешняя всемирная мера объема жидкости. В другие бочки закачивали воду. Когда та начинала портиться, то при питье в нее добавляли из заветной дубовой бочки: приятно, хмельно, а спирт дезинфицирует тухловатую воду. И еще викинги тотчас смекнули: чем дольше хранится виноградный спирт, тем вкуснее и ароматнее он становится. Поэтому — голь на выдумки хитра! — старались хоть четверть, а лучше любую половину продукта довести до родных мест, где на отдохновенных пирушках, как люди физически крепкие, с удовольствием пили чистый коньяк.

...Возвращаясь в историю родного отечества, уже нетрудно догадаться об истоках появления у нас водки: князь Владимир, прославленный в числе многих его достоинств девизом «веселие Руси есть питье», был не столь уж и далеким потомком варяга, то есть викинга, Рюрика. Кстати говоря, он и бороду-то отпустил лишь приняв византийское крещение, а до того, как видно по сохранившимся изображениям, являл собой типичного варяга: с бритым подбородком, вислыми усами и оселедцем — как у прежних малороссов и у нынешних «прикидных» хохлов после посещения *Barben Shora* на Крещатике...

Понятно, что на Руси виноград не произрастал,

поэтому и гнали водку из ржи и пшеницы. Однако мы увлеклись историческими сравнениями, поясняя, почему в пирах на Валгалле пили хмельной мед, а не более крепкие напитки. Но ведь здесь преимущество: слабоградусный мед можно сутками пить, веселясь и похваляясь битвами своей земной жизни. А дерябни братину-другую викингского коньяка? — В сон бросит, весь смысл валгалльского пребывания пропадает. Заметим, что в начале сороковых годов девятнадцатого века баварский король Людвиг I завершил строительство близ Регенсбурга величественного мраморного здания, названного Валгаллой. Дверей в нем намного поменьше, нежели в мифологическом «дворце убитых», зато все стены его в помещении украшены барельефными картинами из истории древней Германии и Скандинавии (их мифологии одного корня), а в залах установлены бюсты знаменитых немцев всех времен.

Итак, узнав, что их дипломные работы должны уложиться в тематику мифологического пира в Валгалле, весь выпуск академии взбунтовался и ушел в «свободное плавание». Скандал вышел громкий, до царского двора и самого государя дошло. Однако оказался благотворным для русской живописи, дав мощный стимул для развития и торжества изобразительного реализма. Все громкие имена русских художников, передвижники, направления и так далее — все это пошло от того академического бунта.

И еще одно, обещаем — последнее, отвлечение. Наши добрые советские школьные учителя, следуя наробразовским программам, на уроках рисования, литературы и русской истории девятнадцатого века, касаясь темы академического бунта, внушили нам убеждение в некоей второсортности творчества русских художников-академистов по сравнению с бунтовщиками-реалистами. Но попав уже взрослым, во время учебы на матмехе ЛГУ, в Русский музей, что

в здании Михайловского дворца, недалеко от Невского проспекта, в залах, отведенных картинам академистов, пришел в полное восхищение от их лицезрения. Конечно, тон здесь задавал «Последний день Помпеи» Брюллова. Но великолепные картины Сильвестра Щедрина, Максима Воробьева, Никанора Чернецова, написанные в классической манере, а особенно огромные полотна на исторические и мифологические сюжеты художников, имена которых не вошли в школьную программу, ориентированную сугубо на передвижников и великих русских реалистов*, потому и неизвестные мне, произвели впечатление восторженное.

Однако — к нашей Валгалле-зимовью.

◆ Избави, бог, подумать, что наше зимовье ассоциируется с Валгаллой как местом пребывания бывших людей, то есть выброшенных из жизни нынешней! Не совсем подходит здесь определение жильцов зимовья как условно людей прежней эпохи, что пируют, то есть постоянно вращаются мыслями в ностальгическом прошлом, в полном отъединении от сегодняшнего бытия-социума. В то же время символ Валгаллы здесь не только уместен, но есть образно определяющий.

Нет, обитатели зимовья и круг их общения суть люди нынешнего мира, даже заставшие в годы сознательной жизни мир предыдущий. Они не деятельные противленцы установлением своего социума, тем более не активные революционеры-инсургенты, вооруженные идеями борьбы за возвращение прошлого или ожидания и приближения нового «золотого ве-

---

* Впрочем и творчество сугубых реалистов в этих программах было, так сказать, «цензурировано». Не упоминались, например, такие картины Репина как «Заседание Государственного Совета» и встреча Александра III на коронации в Москве с сельскими старостами (точное название не помню).— Прим. авт.

ка». Они понимают всю тщетность даже мысленного, в «кухонных разговорах», мечтания о возможности изменения хода социальной эволюции. Для подобного они мыслят самодостаточно, то есть ни ящику Пандоры, ни «Утопии» Томаса Мора ни на промилле не верят. Тем более с безудержным хохотом встречают они заверения адептов и агентов глобализма о грядущем счастье жить в полностью роботизированном мире, где все можно делать, не вставая с дивана. О подобных прожектерах полтора века тому назад писал Н. С. Лесков в уже упомянутом выше романе «На ножах»: «...В самом деле, чего тут только не было: и аэростаты, и газодвигатели, и ступоходы по земле, и времяисчислители, и музыкальные ноты-самоучки, и уборные кабинеты для дам на улицах, и наконец пружинные подошвы к обуви, с помощью которых человеку будет стоить только желать идти, а уже пружины будут переставлять его ноги».

Потратьте четверть часа, посмотрите отрывки из телепрограммы навроде «В гостях у цифры» и услышите про те же пружинные подошвы... только оцифрованные, которые — это уже не произносится, но читается на лукавых лицах телеведущих — проектируют в американской Силиконовой долине, растиражируют в китайской Мастерской мира.

Зимовье наше следует уподобить Валгалле в том непреложном смысле, что бывший жизненно активный человек (не путать с телерекламными «экономически активными гражданами» — сущность их «активности» пояснять излишне) и нынешний умственно и морально самодостаточно организованный индивидуум, отвращающий себя от оцифрованного человеичника, условно замыкаются в дружественном мирке — в свободное от неустранимого социумного общения. Причем не только и не столько в смысле физического отъединения от внешнего мира, а преимущественно

но в плане духовного и душевного (это суть различные понятия, хотя бы и коррелирующие) личного существования и *со-существования* в семейно-дружеском общении. «У них мундиры синие и сабли на боку. Огонь по линии: ку-ка-ре-ку!» — распевали парижские гавроши, бегая по баррикадам очередной французской революции. Так мы, молодые инженеры оружейного конструкторского бюро, литературно-хрестоматийно приветствовали входящего в пивную Пашу Грождана, потомка гавроша Парижской коммуны, вывезенного добродетельными русскими моряками из Марселя в Россию, тем самым спасшими парнишку от расправы озверевшими версальцами Тьера.

«Как истинный француз, в кармане...» — Павел Маховлич, его прозвище по имени тогдашней звезды канадского хоккея, доставал из кармана пальто бутылку водки и, не интересуясь желаниями коллег-инженеров, разливал ее по пивным кружкам: «для ершистости», — пояснял он. К финишу пребывания в парковой пивной, в которую к вечеру набивалась инженерная братия, Паша начинал «тосковать по родному Парижу», в котором сто лет никто из его обрусевших пращуров не бывал. Крепчайший его организм к алкогольным пароксизмам головы склонен не был, поэтому объяснить Пашину тоску можно только генетической памятью, с чем мы и соглашались молчаливо.

А вспомнили мы этот курьез давних лет потому, что такая вот генетическая, точнее — генофенотипическая, тоска-мечтание по уютному зимовью живет в каждом человеке, даже в какой-то малости и в полностью роботизированном винтике глобального человека. Исполать такой многозвенной памяти! — жизнь ведь есть неразрывная цепь.

Наше зимовье — это не нынешний загородный охраняемый «элитный» поселок, обнесенный бетонной стеной бантустан пресловутых «экономически

активных людей». Они-то отгораживаются от внешнего мира, который враждебен им именно инстинктивной ненавистью голодного к сытому, отобравшему у них хлеб насущный.

◆ Если погибшие с оружием в руках воины прибывают в Валгаллу хотя и для вечного проживания, но все же ожидаемыми гостями, то валькирии в северной, нормано-германской мифологии являются хозяйками дворца с 540 дверями. Они изначально бессмертны и обладают чудесной красотой, стремительно летают в золотом облачении в воздухе между землей и небесным куполом. «Полет валькирий» и другие сцены опер Рихарда Вагнера цикла «Кольцо нибелунгов» красочно описывают многосторонние обязанности этих воительниц (а другого рода занятий как мужчин, так и женщин, в Валгаллу не допускают). По повелению Одина они руководят, распоряжаются земными битвами, распределяя победы и смерть между воинами. Эти северные амазонки носят на стремительных конях, с мечами и щитами в руках*, а гривы коней суть облака небесные, оплодотворяющие живительной росой землю, которую освещает солнце отблесками от мечей валькирий.

Не только распоряжаются валькирии жизнью и смертью воинов, но берут на себя всю заботу о павших: подбирают с поля боя, отводят их в Валгаллу, где продолжают опекать обожествленных героев, беспрестанно разнося хмельной мед на нескончаемом пиру.

По происхождению валькирии, как и богини судьбы Норны — Урдр, Верданди и Скульд (то есть прошлое, настоящее и будущее), валькирии есть

---

* На известной картине Питера Арбо «Валькирия» (1869 г.) воительница на коне держит в руке поднятое к бою копьё; это, скорее всего, вольность художника, поскольку именно меч являлся основным оружием боя у древних скандинавов, тем более у викингов.— Прим. авт.

потомки эльфов и других сверхчеловеческих небесных существ, являются в образах женщин или лебедей обязательно группами от трех до двенадцати. Валькирией была Брунгильда в древнегерманском эпосе «Песнь о нибелунгах». Как и все валькирии, вступив в брак со смертным, а выбирают они в возлюбленные только благородных героев, Брунгильда лишилась бессмертия и дарованной ей сверхчеловеческой силы.

И если богини Норны прядут у колодца нити жизни смертных, то и валькирии в определенном смысле также предрекают эти жизни, поскольку они держат в руках судьбы воинов, руководя исходом битв.

...Мы потому столь подробно охарактеризовали этих добрых в душе, но воинственных в жизненных проявлениях хозяек Валгаллы, что именно их земные подобию создают климат нашего зимовья, как говорится, от **А** до **Я**: хранительницы очага, символы домашнего уюта и душевного тепла, они же домоправительницы и дароносительницы, моральные и нравственные настоятельницы, обереги внутреннего покоя зимовья. Здешние валькирии, в земном облике, красивы безвозрастно: физическая красота юности и молодости плавно и неакцентированно переходит в красоту души. Но и сугубая молодость их в корне отлична красотой от косметически-инкубаторских образов, поставляемых ТВ-дьяволом для подражания. Как, в частности, в бандитско-ментовских бесконечных сериалах; типовая сценка: размахивая из стороны в сторону грудями четвертого (хирургического) размера, стремящимися выскочить на свободу из выреза глубокого декольте, полицейская лейтенантша-оперативница бросилась за матерым рецидивистом Федькой Тамбовским... Суконно-цинковое смешение примитивной эротики с административной канцелярщиной. Таких в зимовье не держат; здесь

здоровая, естественная эротика есть притягательное раскрытие красоты тела, а канцелярией домово́й веда́ет ответственная за это домоправительница. Порой не прочь такие валькирии и «поиграть бровями». Их-то, скорее всего, имел в виду Игорь Северянин:

*Она вошла в моторный лимузин,
Эскизя страсть в корректном кавалере.
И в рокоте танцующих пружин
Возобновила голос Кавальери.*

...Года два-три тому назад некто из «высоколобых» американцев, навроде Билла Гейтса или Илона Маска, предрек, что уже родился человек, который станет последним живым пилотом самолета. А вот явно на днях появился на свет последний живой водитель (стрелок, наводчик) танка. С полной автоматизацией танка посложнее чем с самолетом: здесь требуется не двумерное, но трехмерное (3D — на современном американо-нижегородском*...) сканирование местности. Естественно задаться вопросом: а родился ли последний обитатель зимовья? И будет ли это непременно валькирия? Вопрос, конечно, сакраментальный, но наш возможный ответ на него читатель найдет в содержании романа.

◆ Среди сакральных чисел, известных интуитивно с глубокой древности, но на самом деле обусловленных фундаментальными законами Мироздания, художественным творчеством наиболее приязнены 3 и 7. Столь же интуитивно об этом говорит и Пуш-

---

* В этом «три дэ» наиболее ярко проявилось все отечественное (в смысле СМИ) низкопоклонство и обезьянничество перед «просвещенной Европой-Америкой». А теле(нарко) зависимое большинство масс даже не дает себе труда задуматься, что американизм 3D от *three dimensional* имеет несколько русских эквивалентов: объемный, пространственный, трехмерный и пр.— Прим. авт.

кин в «Пиковой даме»: «...Тройка, семерка и туз». Семерка, как групповое число, прочно занято кинематографом: почти одновременно, соревновательно, на экранах появились японский «Семь самураев», американская «Великолепная семерка» (вроде как с будущим президентом Рональдом Рейганом?) и советский фильм «Семеро смелых». И если Голливуд просто американизировал японский сюжет, заменив самураев с мечами бандитствующими бродягами Дикого Запада с кольтами, но без изменения оставив сюжетную линию благородной защиты совершенно посторонних им людей, то «Семеро смелых» — героизация советского человека в тяжелом, но мирном труде покорения и освоения Арктики. Однако везде героев-то семь!

А вот в художественной литературе преобладает сакральная тройка. Даже в формальной ее организации: трехстишие в поэзии, той же японской, «трилистники» в русском стихосложении Серебряного века. Опять же признанной, канонической формой романа является его трехчастность, либо (но намного реже) кратная ей организация этого жанра в шести частях. Это правило подтверждается исключениями, например, четырехчастностью «Братьев Карамазовых», к которому чуть ниже вернемся. А уже упомянутый роман Н. С. Лескова «На ножах» — образец «кратного»: в шести частях. А у нас нет частей — только главы.

В данном сакральном контексте перейдем от формальной организации романа к композиционной, что есть основа его творческой содержательности. Не замудряя головы читателей, объясним: таковая содержательность есть творческое, художественное раскрытие идеи произведения. Движители раскрытия суть его главные персонажи, «отвечающие» каждый за свою романную сюжетную линию, но — все это в самой тесной взаимосвязи. Классической иллюст-

рацией в русском литературоведении являются как раз «Братья Карамазовы», в котором триединство главных персонажей, братьев Дмитрия, Ивана и Алексея (Алеши в тексте) Карамазовых, суть воплощение *трех* основных типов *русского характера*. Полагаем излишним раскрывать столь литературно-хрестоматийную тему. Тем более, что наша книга — без лицемерных оговорок — назначается для людей читающих, которые Достоевского «не пропустили» в своем литературном образовании. Но поясним, что сейчас лицемерие именуется двояко: политкорректностью и толерантностью (толерастией — в отношении к разного рода половым извращениям...).

Предметом спора одновременно можно полагать: типы «базовых» характеров у Достоевского отражают русский социум девятнадцатого века, отчасти в некоторых чертах их можно перенести на советский век двадцатый. Понятно, что таковые характеры не на пустом месте сформировались ко времени написания «Братьев Карамазовых», но выработывались тысячелетней историей русского народа, его первозданным византийским православием и органически сосуществующим с ним дохристианским язычеством.

Но уже безо всякого дискуссионного спора следует признать, что эпоха глобализации, с эффектом внезапности обрушившаяся на человечество, и на типы русских характеров наложила свою каинову печать. Даже в лицах лучших из них, не утративших самодостаточность мышления, сохранивших традицию православной морали и нравственности. А изменение в типах характеров таких людей скорее следует соотносить с определенной асимметрией черт «базовых» характеров. Ее сложно описать словами; здесь к месту будут строки Константина Бальмонта:

Слова — хамелеоны,
Они живут спеша.

У них свои законы,
Особая душа.

Они спешат меняться,
Являя все цвета;
Поблекнут — обновятся,
И в том их красота...

Главное, что обитатели зимовья в такой асимметрии не утратили названные традиции русскости.

И еще один существенный момент. Поскольку развитие сюжета романа происходит вокруг зимовья, то и все персонажа в той или иной степени связаны родственно или свойственно. Это, конечно, не взятая с «Братьев Карамазовых» схема, ибо великому литературному таланту если и допустимо в чем-то подражать, то только в достижимой степени собственного мастерства. ...Дабы не уподобляться английскому писателю (любителю?) первой трети прошлого века Лоуренсу, перу которого принадлежат романы, написанные по дичайшим фрейдистским схемам.

Именно в жанре романтического повествования явно проявляется личное авторское *nota bene*. У нас — это память о детских, отроческих и частично юношеских годах жизни в Заполярье («ребята семидесятой широты», точнее — на несколько сот километров выше Северного полярного круга), проведенных в самых настоящих, не условно-образных зимовьях! — крохотных островках на выходе из Кольского залива в Баренцево (Студеное — старое поморское название) море. С годами последующей жизни, уже на Большой земле, реальное зимовье и трансформировалось в образное. Но — к собственно повествованию!

Глава первая

ЗИМОВЬЕ НА ПАВЕЛИНА

◆ «Какова пса ловля, такова ему и кормля» — вспомнил Егор одну из любимых присказок бабули Натальи и едва удержится от ее озвучивания, вставая с сиденья остановившегося автобуса и кивком головы прощаясь с попутчиком, инженером другого отделения, всю дорогу от НПО «Меткость», через весь пространно раскинувшийся город, жаловавшийся шапочно знакомому соседу на нелюбовь к нему сразу всей цепочки его начальников: сектора, отдела и отделения. Понятно дело, огорчал пятидесятилетнего ведущего инженера не сам факт нелюбви, но уже несколько лет застabilизировавшееся, как ракета в выверенном полете, жалованье. Попутчиков не выбирают: как влился в очередь к служебному автобусу своего маршрута, выйдя из проходной флагмана оборонпрома, а перед этим в одном из турникетных проходов оставив «выпускающие» отпечатки пальцев на датчике, так и вошел в его дверцу, поднялся в салон (уже не первый год как «контора» раскошелилась на туристические автобусы) и сел, особо не выбирая, на свободное сиденье. Желательно боковое, у прохода, чтобы в зимней одежде не ощущать себя вставленным между оконным стеклом и соседом. По крайней мере так полагал Егор Болховитов, тридцатилетний конструктор, руководитель группы, то есть еще не «осиянный» первым начальничьим чином. Но через годик сектор ему уже был обещан. Для тридцати лет это хорошо.

Автобус их маршрута шел экспрессом, без промежуточных остановок, поскольку укомплектовывался работниками «Меткости», густо жившими в нескольких кварталах на пересечении главного проспекта города и престижной улицы Первого Мая. Отме-

тим, что в полутора километрах выше по проспекту (он от низины города, от кремля, на всем своем протяжении полого поднимался) его пересекала улица Девятого Мая... В городе эти автобусы называли «идущими из леса», поскольку «Меткость», основанная почти столетие назад, в середине двадцатых годов прошлого века, в годы пятидесятые перебазировалась из тесного исторического промышленного центра за черту города, где под нее возвели в вырубленном километровом квадрате леса обширный промышленный комплекс с подведенной железнодорожной колеей. Маршрут автобуса заканчивался на этом пересечении проспекта и Майской улицы; заходя свернув в переулок, останавливался в тупике улицы, упиравшейся в стену городского кладбища, за двести лет полностью заполненного и ныне обретшего статус исторического некрополя.

Выйдя из автобуса, Егор мягко отклонил предложение двух сослуживцев, приятелей еще с однокашних лет учебы в университете, в «пентагоне», как называет весь город корпус военно-технических специальностей, «пройтись по пивку, а еще лучше по сто грамм с прицепом... из того же пивка», в ближайшей, что за углом, «стекляшке». Не без причины огорчил слегка дружанов — середина декабря, по неизжившей себя за тридцать воровских лет советской привычке народ загодя расслабляется к новому году... тем более — в уикэнд. Просто дома, в «зимовье на Павелина», сегодня тоже ожидается «освежение» организма.

От тупиковой остановки автобуса сто метров до перехода через проспект. Далее Егор, все также неопределенно усмехаясь, пошагал по Майской улице, через пару домов перешел через трамвайные пути, что легли параллельно проспекту. Памятуя, опять же из фольклорного запасника бабули Натальи, что «запасливый гость без ложки не ходит», сразу за

трамвайными рельсами зашел в попутный винный магазин, не стандартный «Красное & Белое», но с хорошей репутацией (ведь фактический центр города!), остановился перед коньячным рядом и подошел к кассе с бутылочкой «Старого Кахети». Пару раз пробовал: Грузия сейчас в щекотливых отношениях с бывшим старшим братом, винный экспорт не бодрит, а ее торговая агентура следит, чтобы акцизные марки к северу от кавказских гор не лепили где попало — не компрометировали генацвалея.

По рассказам родителей и старших сослуживцев, весь первый этаж следующего по пути дома раньше занимал самый большой в городе, естественно и в области, книжный магазин. Теперь же он был поделен на полдесятка отсеков, каждый со своим входом. Как ныне принято, каждый год вывески этих магазинчиков менялись; была, например, «Студия макияжа», а перед пасхой уже сомнительная лавка «Природные чистящие средства» — без посетителей, дверь всегда на запоре. А соседняя «Колбасы и окорока» на днях заместилась «Интимом 18+». И так далее в последовательности отсеков и течения времени торгового бытия. Только один из них держался: остатки бывшего «Книжного мира». На безрыбье и рак рыба; во всем более чем полумиллионном городе таких книжных урезанных магазинчиков осталось раз-два и обчелся. Нерентабельно, спроса нет! А на нет и суда нет. Белая ворона — читающий Егор Болховитов каждую пятницу, приехав на автобусе «из леса», по пути домой заходил в этот книжный магазинчик поинтересоваться новинками.

Единственная (их всего в магазине две подменных) продавщица среднестаршего возраста приветливо кивнула постоянному покупателю, тем более из столь редкостных в таком месте молодых, и указала рукой на стенд с новыми поступлениями, огорченно, ориентируясь на уже сложившееся у нее мнение о

вкусах покупателя, добавив: «На этот раз женщины-писатели лидируют». Егор и сам убедился, окинув по-инженерному, то есть крест-на-крест, как диагонали Андреевского флага, что на стенде «женский батальон»: столичные пиарщицы, слегка разбавленные переводными детективами, исключая... в глаза бросилось имя Урсулы Ле Гуин, книжка «Время, занятое жизнью», в твердом переплете с девизом сверху: «Размышления волшебницы» и знаком 18+, что обычно не ставится на лицевой стороне, но он сообразил: дешевый издательский рекламный трюк, так себе трючок, чтобы слаборазборчивый покупатель клюнул, мол, чернуха или клубничка в книге. Тем более, американская сочинительница, а им, сучьим дочкам, сам их протестантский бог, а скорее всего чертенок из антихристового воинства, велел эпатировать читателя из мира «мек моней» чем-то мало-потребным.

Но Егор имя писательницы несколько раз слышал из телятника: редко, но иногда с полчаса смотрел по телеканалу «Культура» заинтересовавшие его названием передачи. И составилось мнение, что Урсула эта с французской фамилией Ле Гуин является классиком современной западной литературы, которую обходят нобелевкой явно по недоразумению. Уже пару лет, как возникло желание прочитать что-либо из ее книг, да как-то на глаза не попадалось, а в обеих домашних библиотеках — в «зимовье на Павелина» и в родительской квартире — тоже отсутствовало. Но желание желанием, однако не столь устремленное, чтобы специально заняться поиском. Нет, не лень руководящая, а именно своего рода желание второй, где-то даже третьей степени важности. По принципу: в руки попадетсЯ — с определенным, то есть познавательным, интересом прочитаю, а не попадетсЯ³ — не велика потеря, может даже лучше потратить это время на чтение чего-либо

из классики русской, да и той же американской: давно трехтомник Фолкнера, его трилогия «Деревушка», «Город» и «Особняк», скромной пестротой торцов суперобложек укоризненно и выжидающе смотрели на подрастающего Егорку, затем студента Егора много лет в родительском доме, и посеи́час упрекают его, когда заходит он туда. Да мало ли книг первостепенной значимости еще не прочитано им?

Но на то она и Урсула, запиаренная на Западе, чтобы размножаться в своих книгах, переведенных на русский. Законы же статистики случайностей, то есть вероятностей, столь хорошо знакомые инженеру Егору Болховитову, по мере такого тиражного размножения и при малом числе желающих читать художественные книги, неумолимо подталкивали выходящие книги американской знаменитости все ближе и ближе к рукам и глазам Егора. Вот и случилась нечаянная встреча у стенда свежих поступлений маленького магазинчика — хилого потомка прежнего «Книжного мира», занимавшего весь первый этаж многоподъездного дома на престижной улице старинного русского города, издавна областного центра, недалеко от столицы.

Пока степенная продавщица пробивала чек и отсчитывала мелочную сдачу, Егор пробежал глазами краткую аннотацию на обороте титульного листа, слегка поморщился, прочитав, что книгу эту писательница, на середине девятого десятка жизненных лет ставшая блогершей, составила из своих интернетовских бесед-рассуждений. Он неосознанно чурался слов навроде блога, но... книга куплена; опять же, читать-то он будет ее вживую, не с экрана? «Раньше был бог, теперь его место занял блог,— подумал с усмешкой,— где наша не пропадала, вынесем и блоги, как некрасовские мужики «вынесли эту дорогу железную».

Опытная в жизненных наблюдениях, как всякая

женщина среднестарших лет, продавщица правильно поняла легкую усмешку приятного ей молодого покупателя, промолвив, что-де современная иностранная литература несколько непривычна *для нас*, но для интеллигентного читателя всегда найдется определенная грань интереса, в частности, литературно-познавательного характера...

Егор знал, что Полина Павловна двадцать с лишком лет преподавала русский язык и литературу в коммунально-строительном техникуме — для поступающих с неполным средним образованием.

◆ Выйдя из магазинчика, он продолжил короткий путь по Майской улице, а именно миновал два жилых дома, построенных в переходные годы: робкие остатки сталинского ампира теснились наступающим хрущевским сиротским конструктивизмом. Но все одно гляделись они, по сравнению со стандартными пятиэтажками, которых на престижной улице не имелось, архитектурно выигрышно. Стены первого из них отмечены несколькими мраморными табличками — в новопостроенный в пятидесятые годы дом горисполком вселил наиболее значимых местных писателей. Второй же дом и вовсе получил архитектурное излишество: поскольку был построен угловым, то имел со стороны Майской фигурно выложенную закругленную арку — вход во двор. Табличек и барельефов на стенах не имелось, но по словам сослуживца, ранее жившего с родителями в этом доме, большинство квартир здесь занимали потомки достаточно значимых в прежние годы людей: должностные из областного и городского исполкомов, милицейские в полковничьих чинах, судейские, серьезные адвокаты Шпильшер и Шейнберг. Одно время там квартировал начальник городской тюрьмы. Почти до ста лет прожила здесь вдова первого послереволюционного председателя губкома Карла Павелиса, из фельдфебелей латышских стрелков. Фамилию

свою то ли он сам, или следуя народному ее упрощению, переименовал на Павелина. И этим именем называлась перпендикулярно впадавшая в Майскую улица Павелина. По другую ее сторону на углу стоял чуть ранее построенный, совсем похожий на «сталинский», большой, тоже угловой, дом для обкомовских и горокомовских партийцев. Потому в городе имел устойчивое название «обкомовского дома».

Вот на эту родную уже несколько лет улицу имени латышского революционера и свернул Егор Болховитов, огибая угол дома с фигурно закругленной аркой. Интересуясь историей города, он знал, что улица эта вступила в советскую жизнь с вызывающим названием Нижняя дворянская, а потому предгубкома Карл Павелис без раздумий переименовал ее в честь наркомвоенмора товарища Троцкого. Вскоре и это имя стало одиозным, поэтому, чтобы не ломать голову и снова не попасть впросак, вернулись к усеченному старому названию: улица Нижняя. В двадцатую годовщину Октябрьской революции, когда городские власти по отношению из обкома и горкома «подчищали» старорежимные или безотносительные уличные названия, Нижнюю переименовали в честь латышского первоглавы города, поскольку длинная и неухоженная Нижняя упиралась в историческом центре города в бывший купеческий особнячок, где в бытность своего председательства проживал сам Карл Павелис. Тогда уже Павелин.

Еще через двадцать лет, уже к сорокалетию Октября, в новопостроенном угловом доме с аркой вдове знаменитого революционера выделили квартиру. Намеренно поселили ее здесь на стороне, выходящей на улицу имени ее покойного супруга и товарища по партийной работе. Проживала же она с семейством племянницы в трехкомнатной квартире на пенсионерском первом этаже. Про вдову предгубкома Егор узнал все от того же сослуживца.

В досоветские времена улицы называли метко и, так сказать, с привязкой к географии и неровностям местности. Так и Нижняя, тогда еще дворянская. Начиналась нынешняя Павелина от тех же домов по ее сторонам: дома с аркой и обкомовского — с другой стороны Майской улицы почти на полкилометра тянулась ограда главного городского парка с входом в створе улицы Павелина, которая поначалу резковато брала под горку, затем выравнивалась до следующей поперечной улицы, с которой и вовсе летела вниз до исторического городского центра, упираясь в тот самый купеческий особнячок, в котором некогда квартировал предревкома Карл Павелис.

Часть левой — по движению Егора — стороны улицы еще в советское время застроили добротными кирпичными пятиэтажками, а в нынешнее время «точечной застройки» обе стороны вразнотык заполнились разной этажности домами. Единственные два частных домовладения, что по правой стороне сразу после углового дома с аркой и еще одного, неприятельной советской типовой архитектуры семидесятых годов, так и остались с девятнадцатого века. Разумеется, с учетом перестроек и достроек. Почему этих двух домовладений не коснулись указующие перста кого следует по строительной части как на советских генпланах, так и нынешних проныр, лихоградошно ищущих по всему городу где бы на всем готовом в части подвода воды и газа, а также канализационного отвода, поставить на попа многоэтажную коробку? — Здесь природа ехидно посмеялась над любителями скороспелого домостроительства, ибо участок этот оказался в низине, образуемой быстро спадающей от Майской улицей Павелина, а затем несколько поднимающейся к относительной ровности — до следующей, после Майской, поперечной улицы. «И что это за причина такая легкомысленная, — занедоумевает иной, — ведь в крат-

чайшие сроки работяги с японскими экскаваторами *КАТО* выровняют низину под нулевой цикл строительства очередного торгово-развлекательного центра «Русский Вавилон». Ведь не так ли?»

Не следует торопиться с выводами. С природой не поспоришь — это ведь не мыльные пузыри с «озоновыми дырами» девяностых годов, либо нынешнее «глобальное потепление». Природа не политика. Раз решила она в ближайшие к нам по времени геологические эпохи именно по территории двух реликтовых частных домовладений подпустить подземный ручей, что и вымыл за пару десятков тысяч лет эту низину, а под поверхностным слоем в глинистой толще еще и пустоты образовал, то и строить нечто многоэтажное, полновесное здесь себе дорожке обойдется. Так благоразумно рассудили советские геологи из тогдашнего местного института «Горгражданпроект». И хотя в новейшие времена институт этот за ненадобностью распустили, а само его здание, вполне еще добротное, пару лет назад выкупил у города и подчистую снес для постройки сорокаэтажного небоскреба один знатный купец (правда, переименовавшаяся в городе власть приостановила стройку...), но и нынешние «точечные» застройщики помнят о подземном ручье: вот он, прохладный, на левой стороне улицы Павелина выбирался-таки из подземного заточения и далее вольно бежит к низине города по прорытому за тысячи лет все расширяющемуся оврагу. И чтобы остановить эту овражную диверсию, люди вновь схоронили ручей, забрав его в железные трубы... Суша и вода в вечной борьбе: от океанов до городов. Людям же остается окапываться или наоборот, рыть протоки для отвода воды. И ничего они не могут поделать с ней, такой безобидной на вид, приятно прохладной в жаркое лето, струящейся и весело играющей бликами солнечных лучей. И все людские досужие разговоры о покорении вод-

ной стихии — не хуже тех мышей, что спорят за лобное место, где будут кота казнить. Опять же в голове Егора Болховитова из мудростей бабушки Натальи навек засело.

◆ «Точечные» застройщики только злобно зубами щелкают, проезжая по улице Павелина, если не легкая их туда в поисках «точек» заносит, и видя два старорежимных частных домовладения, но — лица видит сыр, да у вороны он в клюве, не добраться до него... Одно из этих домовладений, ближе на спуске от Майской улицы, и есть Егоров дом — «Зимовье на Павелина», как уже в третьем поколении именуют себя жильцы, они же владельцы ныне поместительного дома с мезонином, в полтора этажа с поместительным полуподвалом, смешанной, как в прежних купеческих особняках, кирпично-бревенчатой постройки, с обширным хозяйственным двором с отдельно стоящими службами, с садом-огородом, с центральным водо- и газопроводом. Канализацией тож. Только отопление свое — от газового АГВ. Получается, что загородный дом с коттеджной претензией и с земельным участком в центре города.

Когда семь лет назад Егор, учившийся на пятом, предпоследнем курсе (в «пентагоне» срок обучения шесть лет) университета, в советское время политехнического института, не последнего в стране по части военно-технических специальностей, в первый раз был приглашен своей подругой Лизой Павшиной, только-только окончившей педуниверситет по филологической части, а до него и музучилище, в родительский дом на улице Павелина, то был он озадачен поместительностью этого частного владения в культурном центре города. Дочерью знатного купца, удачливого чиновника и вообще кого-либо из нынешних «властителей дум» за полгода знакомства она ему не представлялась и не казалась таковой по

характеру и недурственному содержанию красивой головки... нет, именно изящной женской головы, ибо головки у хитреньких дурочек присутствуют.

И было чем озадачиться квартирному обитателю, войдя в обрамленное полутораметровой металлической изгородью с равноотстоящими друг от друга кирпичной кладки столбиками с пирамидками из нержавеющей стали (все же инженер — сразу фактуру материала определил!) поверху, владение. Войдя через калитку в двустворчатых воротах — под машинный въезд-выезд, следом за привычно-уверенно впорхнувшей Лизой, Егор даже на миг приостановился, затворив калитку, щелкнувшую собачкой английского замка. Молодая же хозяйка, чутко уловив по замершим шагам спутника его озадаченность, полуобернувшись к нему, с уже выработавшейся женской понятливостью, смягчила легкую напряженность сложившейся ситуации: «Ведь изба, вопреки пословице, не одними пирогами красна, а? — и доверительно рассмеялась, взяв Егора под руку, поощрительно прижавшись плечом и чуть наклонившись в его сторону головой, — пошли, мой суверен, в зимовье на Павелина, как с легкой руки бабушки в этой части города наше фамильное становище кличут. Хотя бы сейчас и разгар лета!»

Изгородь с частыми металлическими прутьями, яблони с фасадной стороны дома скрывали от взгляда с улицы подлинное содержание «зимовья». Дом в полтора этажа и с мезонином, Г-образный в плане, по прикидке Егора занимал солидную часть участка, а это, уточнила Лиза, двенадцать соток: двойной земельный советского времени. Яблони, пара слив и плодовые кустарники окружали дом, следуя линии изгороди, с фасадной и боковых стен. Во внутреннем же Г-створе обширным квадратом радовал глаза своим разнолистым огород. К тыльной стороне изгороди примыкали вплотную шлакоблочный сарай с

хозяйственной мастерской — в одном углу, гараж под одной крышей с кладовой — в другом. Между тыльным торцом Г-ветви и гаражом примостилась летняя беседка с мангалом. Асфальтовая дорожка, но с шириной для машинной колеи, шла от ворот, фигурно огибая внутренний угол дома, заворачивая за тем самым тыльным торцом к воротам гаража. Здесь же от нее ответвлялась пешеходной ширины асфальтовая дорожка к хозяйственному сараю.

Вход в жилище располагался во внутреннем углу, впрочем, скошенному, с крытым крыльцом.

♦ Как люди, по доброхотной старине — следствие воспитания — верящие в любовь если не с первого взгляда, то уж во всяком случае после первого «медового месяца», неофициального, конечно, не загсовского, Егор и Лиза к окончанию полугодового *активного* знакомства, особо это не обсуждая и не сомневаясь, полагали свой союз свершенным. К обоюдному устремлению и, как говорится, физическому и духовному взаимодовольствию. «Главное, Егорушка, первую страсть пройти и посмотреть: что в остатке? — вроде как со смехом, но явно из слышанных от многоопытной матери слов, воспитательных для дочери, хотя бы напрямую к ней и не адресованных, говорила Лиза, — а если, как у нас с тобой, в этом остатке обнаруживается бездонный колодец страсти и взаимного интереса, то все серьезно, все требует продолжения. Я не слишком прямолинейна?» И, получив от него утвердительный ответ, Лиза уже без забытого волнения звонила домой: в зимовье, мол, сегодня не ждите, я останусь на Серебрянке. И Егор репетировал, говоря по-флотски словами своего деда со стороны отца, тоже звонил домой — с тем же текстом. Родители обоих — в курсе дел чад своих... Уже с полгода, с начала стремительного знакомства, встречались они — отсюда и определение его как активного — в однокомнатной

квартирке хрущевской пятиэтажки на окраинной, вдоль железнодорожной линии московско-южного направления, улице Серебрянской, попросту Серебрянке. Квартира эта отошла к Лизиному семейству от дальней одинокой родственницы, не имевшей прямых наследников. По семейной разрядке прописали в ней Лизу, возложив на нее и обязанность время от времени заходить на Серебрянку: все ли там в порядке? «Ты у нас девушка на выданье, потому полезно хозяйкой себя ощущать... хотя бы и условной пока», — многозначительно заметила на «семейном совете» мать, добавив шепотком на ухо дочери: «Меня в твои года к хозяйничанью только у плиты на кухне приучали!» Остальные обитатели зимовья, каждый в меру своей понятливости, одобрили поручение младшей в семействе.

...Полугодовое «хозяйничанье» Лизы с Егором и завершилось первым приходом Егора в зимовье (все в доме это прозвание привычно «акцентом не закавычивали»), а там честным пирком да за свадебку. Вот и сыну их Кириллу шестой год — школа не за горами.

В первый же его приход Егора поразила не столько ухоженность и своего рода стародворянский изыск дома о более чем десятка помещений, сколько некоторая разнородность обитателей. Конечно, это на взгляд современного квартирному обитателя со стандартной раскладкой: родители, дети, иногда и коротающая вдовий век бабушка. Как бабуса Наташа в Егоровом семействе.

Понимая определенную официальность прихода в зимовье с Егором, Лиза и подгадала к полному сбору его обитателей. Даже Надежда Тихоновна, жительница райцентровского городка, хотя часто и загацивалась у родственников на месяц-другой, иногда и дольше, но обычно поздней осенью и зимой, и та на днях приехала, хотя бы и по сугубым делам — в

областную стоматологию: нижний протез дал опасную поперечную трещину. Егора Лиза успокоила: это не мещанские смотрины, но появление в доме человека, имя которого заочно уже на слуху: без перемыва косточек образовавшейся паре, но как свершившийся факт. Лиза — девушка вполне современная, но воспитана серьезно, значит и зачастила на Серебрянку не для развлечения... впрочем, и для него тоже; словом — это не баловство, для девушки простительное и даже в ее возрасте почти что поощрительное, но тот неизбежный перелом в жизни, когда естественное женское начало неумолимо требует того спутника, с кем не страшно, но уверенно, не обыденно, легко и сладко идти рука об руку по уходящим в неизвестное будущее годам.

Со слов Лизы о «бабском коллективе» Егор полагал узреть в зимовье, хотя бы и в разгар лета, некоторое подобие базарной бестолковости. Несколько взбудрило наличие там деда Сергея, хотя бы и двоюродного для Лизы. Еще он не то что услышал, но по губам ее прочитал после слов «...все же один мужик, дед Сергей, у нас в хозяйстве имеется»: «Надеюсь, второй появится...». Возражать не стал, но подумал необидчиво, что в подкаблучники-то он не годится.

Лиза нарочито явилась с Егором по рекомендации Остапа Бендера, что-де в Берлине садятся за стол по времени непонятно: то ли поздний обед или ранний ужин? — чтобы не конфузить его представлением всем сразу за семейным сбором. Маневр удался вполне. Не успели они, завернув за фасадное крыло дома, пройти пары метров в сторону углового входа, парадного в речи старших обитателей зимовья, как их заметил возившийся с ближней стороны огорода крепкий, хотя и невысокий, несколько колченогий мужичок, выглядевший свежо как раз для своих лет — в первой трети седьмого десятка (ранее Лиза заочно всех Егору обрисовала — с указанием

возраста, родственной иерархии, рода занятий вне зимовья и ответственности в доме). Положив тяпку, чтобы не испачкать рукоять, поперек морковных грядок, тот распрямился, отряхнул ладонь об ладонь, подошел к остановившейся молодежи.

— А ты, Лизавета, с гостем припожаловала? — первым обратился он, аккуратно перешагнув через крайние грядки и сходу протягивая Егору руку для приветствия. Лиза взаимно представила:

— Сергей Степанович, а это Егор; прошу любить и жаловать.

Некоторая колченовость при ходьбе и заметная шепелявость, впрочем, не раздражающая, не навязчивая, дядьки Лизиной матери, опять же еще заочно, Лиза объяснила другу инвалидностью с детства: баловался с ребятами на стройке, а там, понятно дело, и взрослый человек в безопасности себя не чувствует. По словам Лизы, ногу повредил и, главное, голове досталось. Потому дед Степаныч, хотя бы нога уже полвека не отказывала, а контузия головы если и приостановила развитие, то внешне это сказало лишь в речевой артикуляции и в некоторых особенностях... «а впрочем,— перестала тщательно подыскивать слова Лиза,— вполне дед Степаныч обычный человек, даже с качествами аккуратности и вежливости выше, так сказать, усредненных. В чем-то может ребенок в нем и остался, но это ведь не во вред ему самому и нашему окружению?»

По причине детской инвалидности двоюродный дед Лизы так и остался сам-один, в смысле неженатым и бездетным, прижился в зимовье и до не столь давних времен трудился надомником, то есть в угловом шлакоблочном сарае с мастерской и проведенным из дома отоплением, соблюдая сам для себя рабочий распорядок: восьмичасовой рабочий день с перерывом на обед и двумя выходными днями, сидя за верстаком, собирая для завода метизов, что в

Поречье, по старинке именуемым в городе скобяным, всякую всячину, замки разных типов, бельевые прищепки, но более уважал технику посложнее: в девяностые годы на волне лихорадящего энтузиазма скобяной завод много чего пробовал массово выпускать из вспомогательных бытовых механизмов. Отштампованные на заводе детали раз в две-три недели привозили на разгонном грузовике в зимовье и забирали наработанное, то есть собранное Степанычем. Надомничество, еще с позапрошлого века, широко практиковалось в городе, исторически известном различными металлическими промыслами.

Дед Степаныч и посейчас в охотку бы трудился надомником, но метизный завод в двухтысячных годах постигла участь всех в стране предприятий бытовой техники: не выдержав конкуренции, а скорее всего «откатной» политики, с китайским ширпотребом, завод обанкротился и самоликвидировался. Освободившись от регулярной работы, пенсионер Сергей Степанович окончательно взял на себя все дела по хозяйству в зимовье: от садово-огородных до столярно-слесарных ремонтных — заботы такого рода в частном домовладении почти что каждодневные и не имеют окончания. Остальные жители зимовья в шутку и всерьез именовали его завхозом.

Глава вторая

ВАЛЬКИРИИ ЗИМОВЬЯ НА ПАВЕЛИНА

◆ — Идите в дом, там все девки в сборе, а я моркву dokonчу, — махнул завхоз Степаныч в сторону углового «парадного» и перешагнул в обрат крайние грядки. Егор несколько озадаченно взглянул на Лизу. Та усмехнулась:

— Девками Степаныч для краткости речи име-

нует весь женский пол от младенчества до кому сколько бог лет жизни отпустит. Пойдем.

Поднявшись по крытому, с декоративно остекленными боковыми стенками крыльцу, Егор вслед за Лизой, что на правах хозяйки, вошел в растворенную по-летнему двустворчатую дверь.

— Это навроде прихожей с гардеробной, попросту с вешалками. Сейчас налево, тоже пышное название: гостиная, она же столовая. Вообще в доме много дверей, но почти всегда полурастворенных,— явно играя под экскурсовода, поясняла Лиза,— летом, чтобы воздух для прохлады свободно перемещался; зимой наоборот: тепло по дому равномерно распределялось. Все по законам физики, этой... как ее?

— Термодинамики с тремя законами.

— Вот-вот, именно с законами. У нас отопление водяное, от АГВ, но батареи по дому неравномерно расставлены. Поэтому термодинамика и требуется. А вот и маман...

Увидев от двери что-то переставлявшую в старинном резном буфете мать Лизы, Егор непроизвольно крутанул головой и даже инстинктивно перевел глаза на стоявшую рядом Лизу. От женщин, особенно многоопытных в жизненных ситуациях, ничего не скроешь:

— Нет-нет, молодой человек, Егор? вам не померещилось: Лиза одесную вас стоит и усмехается, а я Нина Григорьевна. Обе мы с ней Павшины, и хотя при искусственном свете, когда на улице стемнеет, с расстояния в четыре-пять метров нас запросто можно перепутать, тем не менее я — мать этого очаровательного, ха-ха, часть комплимента нескромно и на себя переносу, создания. В достаточной степени очаровательного, чтобы, гм-м, подружить себе не менее привлекательного юношу. Впрочем, как сейчас телеящик с его сериалами приучает словесными штампами изъясняться,— молодого человека...

И хотя в большие окна гостиной, она же столовая, комнаты, одно напротив другого по разные стороны внутреннего крыла дома, на полную мощь вливался солнечный свет, чему не препятствовали раздернутые дневные полупрозрачные шторы, тем не менее развеселившаяся от своего шуточного вступления в знакомство Нина Григорьевна и сама на пару шагов приблизилась к вошедшим, и Лиза по ее неуловимому движению бровей выступила навстречу, полуобернувшись в сторону Егора. И тот, поддерживая заданную хозяйкой дома тональность знакомства, тоже улыбнулся и подал голос:

— Здравствуйте, Нина Григорьевна! Не скрою, поражен. А на фоне старинчатого буфета так и вовсе картина Веласкеса, что-то вроде группового портрета инфанты Изабеллы с кузиной...

— Ха-ха-ха, льстите, Егор, но политесно, в меру: ведь в кухни нас произвели, а не в сестердвойняшек? Верным путем идете! Одобряю. А Веласкес? В музее Прадо довелось бывать?

— Нет, родители не баловали, а сам классический студиозус на выходе в люди...

Егор со слов Лизы знал, что мать родила ее в девятнадцать лет, вроде как и осознанно, не по классическому «залету», в первый же год раннего замужества. Значит ей сейчас всего лишь сорок со столь небольшим, что можно смело округлять. Еще Лиза обмолвилась, что мать и во время замужества, а особенно после развода, держит себя в прекрасной форме, причем даже «не пресловутыми глупыми диетами и фитнесом, но не распускает себя, и вообще все в *нашем* роду по женской линии отменным здоровьем могут похвастаться, не бахвалясь, конечно, чтобы судьбу и бога не гневить, и моложавость до серьезных лет сохраняют». И опять же она добавила, что сейчас мать в расцвете второй молодости, причем настоящей, не косметично-хирургической.

Вот почему Егор непроизвольно потряс головой и инстинктивно, сравнивая, скосил глаза с матери на дочь: они были не копиями-клонами, но едиными в своем различии. Этими неловкими словами он и определил существо двуединости Нины Григорьевны и Лизы.

И еще мелькнула мысль: если, не будучи ранее знакомым ни с одной из них, но встретив порознь, например, на улице, одну за другой с интервалом в несколько часов, даже дня, то отметил бы про себя: что-то часто мне эта изящная девица стала попадаться? или изящная женщина?

Даже интонации голосов Лизы и матери различались лишь большей уверенностью у последней и чуть более низким тембром. Но даже Егору в его двадцать с небольшим лет долго задумываться не пришлось: от курения, хотя и нерегулярного, Нины Григорьевны и, вполне возможно, от — наоборот регулярного — использования в девятых — начале двухтысячных «грубых» (тогда в страну иные не поступали массово) оральных контрацептивов, противозачатки, по-русски говоря.

Еще ранее Лиза сочла не то что необходимым, но доверительно полезным рассказать об основных жизненных вехах матери. Еще отзываясь на девичье имя Нины, она, окончив школу, поступила в столичный институт культуры по специальности музыковедения. Даже не учеба в детской музыкальной школе подвигла ее на это, но первая юношеская любовь, правда, безответная, к однокласснику — кумиру всех старшеклассниц, гитаристу и кучерявому красавчику Дане Игошину. В Москве по землячеству очень скоро — в роду их женщины страстные — выскочила замуж за третьекурсника юрфака МГУ Славу Павшина, в нашем городе почти что соседа, с дальнего конца Майской улицы. Про осознанность ранней беременности матери и сама Лиза говорила не-

уверенно. Даже как-то раз на встрече в серебрянской квартирке, затянувшейся до утра следующего дня, несколько озабоченная сомнительной по безопасности датой, она вспомнила к чему-то, что «вот в конце восьмидесятых — начале девяностых годов, когда мать с отцом поженились, и вовсе женщинам нужно было математиками с этими днями быть: в аптеки всякую дрянь, поддельную и просроченную, а то и просто фальшивую, коммерсы завозили...».

Как бы там ни было, но со второго курса Лизина мать, взяв академку по беременности, вернулась в зимовье. Через год после рождения дочери и вовсе перевелась на заочный. Домашние одобрили. Тем более при местном музучилище, еще не переименованном в колледж, открыли что-то навроде учебно-консультационного пункта — от все того же столичного института культуры: рядом с Москвой, из города многие там заочно учатся, опять же лихие, кому денежные, а другим без оных, девяностые годы. Преподы ринулись во всевозможные приработки.

И без мужа с крохотулей Лизонькой недолго находилась: еще дочь не освоила первых шажков, как Вячеслав получил престижный диплом и вернулся домой, в смысле примаком в зимовье, сходу ринувшись в разверзшийся над страной дикий рынок «купи-продай», уже скоро обретя весомое юридическое лицо. Поскольку в девяностые, как уже младшим школьником со всех сторон слышал Егорка, дурные деньги ручьями с небес обетованных лились, успевай только лопату-шахтерку подставлять, то глава семейства, уже на людях именовавшийся Вячеславом Тимофеевичем, греб их даже не лопатой, а подставляя рогожный мешок. И зимовье его радением в считанные годы, из хотя не рядового частного домовладения, приобрело нынешний облик почти городской помещичьей усадьбы.

Лизина мать и не подумала превращаться в сон-

ную, обеспеченную домохозяйку. Поскольку с двухлетней дочерью было кому — и с охотой! — заниматься, то Нина Павшина, завершив заочную учебу, занялась своей карьерой, причем по дипломной специальности музыковеда. Скоренько переменяв пару мест, осела основательно в областной филармонии. Ко времени появления Егора в зимовье, Нина Григорьевна уже уверенно правила филармонией на второй роли: заместителем директора по планово-репертуарной части. Что-то в этом роде, может и другими словами, отложилось у Егора в голове со слов Лизы. Главное же — это должность первого зама.

◆ Интуитивно не зря Нина Григорьевна при преуспевающем — по провинциальным меркам — супруге торила свой трудовой путь. Почти постоянное обитание мужа в столице, что требовала юридическая подоплека его *business*, обернулось телевизионно-сериальным: в начале двухтысячных Вячеслав Павшин поменял энергичную красавицу, с умом выше стандартного женского, Нину на коммерческую сделку: женитьба на несколько перезревшей дочери вышедшего из криминала солидного, даже по столичным меркам, воротилы в обмен на должность и доходы если не правой, то левой уж наверняка, руки папаши по юридической части. «Ничего личного, дорогой, только бизнес, а?» — полутвердительно спросила Нина Григорьевна безо всяких эмоций, выслушав безэмоциональное сообщение супруга. Здесь же перешла к деловой стороне. Во многом ее спокойствие объяснялось именно почти постоянным отсутствием мужа дома и в городе вообще: Лиза росла с устойчивым ощущением, что папа — это такой член семьи, что иногда приезжает, осыпает домашних, особенно ее, ворохами подарков, несколько дней его можно видеть и слышать в доме, затем он снова выводит из гаража машину и уезжает в Москву. До

второго класса она уверенно полагала, что именно там он постоянно живет. То есть для нее мало что изменилось после развода родителей: только папа реже стал приезжать, а спать вечером поднимался в мезонинную гостевую комнату.

Другая причина спокойствия Нины Григорьевна — уверенность красивой, умной женщины в расцвете затянувшейся молодости, что судьба ее в дальнейшем не обидит. И, конечно же, понимание определенной сомнительности очень ранних браков. «Не Prismotrevshisʹ, Лизок, — ненавязчиво поучала она дочь, уже студентку, — руку и сердце, как это в романах пишется, не торопись отдавать. Поэтому прежде погуляй, говоря языком косолученских и пореченских девок, без излишеств, конечно, но и без ханжества».

Экс-супруг, при всех его вывертах, все же обладал одним хорошим качеством: жлобской жадностью природа его обошла. Зимовье, им заново и обширно благоустроенное, солидные алименты, не судебные — по договоренности, на дочь и нечто навроде «отступных»: на банковские проценты можно жить обитателям зимовья.

...Все ранее слышанное от Лизы в части эпизодов из жизни ее матери и абриса ее многосложного характера мигом прорепетировалось* в голове Егора, но уже отмеченное им чуть глуховатое контральто Нины Григорьевны вернуло его к действительности.

— Что же мы застыли как при случайной встрече на вернисаже? — Егор, это не шпилька за твой сравнения с Веласкесом. Было бы слишком побабски. Понимаю, что наш гость лихорадочно припоминает все услышанное обо мне от Лизы, а она, в свою очередь, радуется своей ловкости внезапным,

---

* Принятый в военном флоте термин: репетировать, то есть дословно повторить, например, команду.— Прим. авт.

без предупреждения, приводом в дом своего шер ами. Не буду употреблять в речи нынешний штамп-примитивизм: мой молодой человек. Ладно, прости-тельно ей со своим секретом полишинеля, а я-то са-ма хороша! — с первой минуты с пока еще условно знакомым, но впервые лицом к лицу наблюдаемым, действительно, молодым человеком стоя беседовать... как классная руководительница с вызванными для разборки родителями провинившегося. Милости прошу присесть — лучше к столу. Я ведь девушка не только волоокая, но и зоркоглазая: в окно приме-тила вас беседующими со Степанычем и распоряди-лась насчет чая. Скоро будет готов. А с буфетом занялось не для оправдания эффекта неожиданности вашего появления, но сугубо по делу.

Нина Григорьевна вновь отступила к столярному, рук достаточно искусного краснодеревщика, раритету и за горлышко сняла с полки и поставила на стол, с края усевшихся Лизы и Егора, легко узнаваемую глиняную бутылку рижского бальзама.

— У нас здесь все, Егор, уважают санаторно-курортный, он же помещичий из старых романов, чай с ним пить. Все же немецкие бароны за полты-сячи лет приучили бывших *наших* прибалтийцев к дисциплине и добросовестности. Это к тому, что за прошедшие тридцать лет всеобщего воровства и фальсификации в пределах бывшего союза неруши-мого качество рижских бальзама и шпрот существен-но не пострадало.

— Прямая связь с Прибалтикой? — неуклюже пошутил Егор и тут же подсадовал на себя.

Нина Григорьевна, понимая понятную неловкость смутившегося гостя, и бровью не повела.

— Отчего же, в винном магазине на углу про-спекта и Майской он почти всегда наличествует. И доверять ему можно. Магазин этот марку держит, в центре города никак, клиентура опять же разборчи-

вая... из грязи в князи впрочем по преимуществу,— еле заметно опустила левый уголок губ Нина Григорьевна.

Дисциплинированно взявший себя в руки, уже отошедший от легкой взволнованности первого знакомства, Егор наблюдательно подметил эту мимику: Лиза как-то упомянула, что по материнской линии дворянство, хотя и служилое, далекое от столбового, прослеживается.

— У нас в доме, Егор, издавна дисциплина не хуже чем у пресловутых остзейских баронов, то есть ужин, до которого тебе — ничего, что я с места в карьер без «вам» обхожусь? — дотерпеть в женском окружении сам бог и Елизавета Батьковна велики, еще не скоро, но по русскому обычаю знакомство за столом отлагательству не подлежит. На минутку вас покину.

Нина Григорьевна, так и не присев, как-то весело-стремительно, даже нарочито, как Егору показалось, этакой элегантной змейкой обогнув овальную сторону стола, мелькнула и исчезла в проем раскрытой двери на кухню, откуда тихо и неясно доносились два женских голоса: чей-то готовившей обещанный чай и Нины Григорьевны. Лиза, усмехнувшись, ободряюще кивнула Егору, который в молчаливый ответ с нарочитой солидностью пригнул голову. Надо полагать, что Лиза, как и Егор, воспитанно знали: вести разговор *tête-à-tête*, когда третий собеседник оставил их на минуту, столь же неприлично, как изъясняться не по-русски в присутствии не знающего иностранного языка человека из их компании,— по этой причине оба и промолчали пару-тройку минут. Егор рассматривал обстановку гостиной, а Лиза магнетизировала выражение лица его, уже привычно читая мысли-впечатления. «Так и формируется двуединство; это где муж и жена одна сатана»,— утвердительно подумала она.

— Все же наши гостеприимные гроссдамы ради внезапного гостя решили плавно перевести пионерский полдник в ранний ужин, благо он почти готов; бургерская дисциплина отменяется, а знакомство с ними на полчаса откладывается — надо ведь им съестное дожарить и полупарадные кринолины надеть, то есть начнем без них и Степаныча,— быстро, четко поставленным голосом сообщила от двери Нина Григорьевна, все той же нарочитой змейкой огибая стол и ставя на него откупоренную бутылку массандровской мадеры из одной руки, а с ладони другой ловким, как у официантов, манером стряхивая большую десертную тарелку с закуской.

— Еще секунду, я за чаем.

Лиза без напоминания принесла, взяв из резного буфета, рюмки и мельхиоровые приборы.

Когда овальный край стола заметно заставился, Нина Григорьевна села. Лиза коротко взглянула на Егора и глазами показала ему на мадеру. Тот взял в руку бутылку, как-то неуверенно посмотрел на нее и рюмки... На этот раз хозяйка дома несколько неверно поняла заминку гостя, а тот просто соображал: как по этикету рюмки вином наполнять, на какой объем?

— Понимаю, понимаю, Егор: за знакомство и за встречу положено чокаться водкой. Это как у Бунина в его восхитительной «Натали» Соня, встретив в уже спящем помещицьем доме приехавшего за полночь кузена-студента, извиняется, что водки нет, придется чокнуться за встречу крымским вином. Оно, конечно, и у нас крымская мадера, но водка имеется, однако не будем нарушать более значимый русский обычай: ею начинается только общий сбор; подождем же его.

Егор, приятно пораженный, что о нем так хорошо подумали в части знатока светскости, уже с легкой душой и даже с некоторой лихостью наполнил

рюмки на две трети. И мерой не ошибся, отметив поощрительно опущенные ресницы Лизиной матери.

◆ За чаем с рижским бальзамом разговор по-женски наладился, то есть перешел в ненавязчивый монолог Нины Григорьевны. Кстати, когда она на несколько минут вышла из гостиной — поинтересоваться внеплановым ужином и принести вазочку какого-то особенного варенья с тмином, — Егор, показав глазами на бутылки с бальзамом и мадерой, поинтересовался у Лизы: не проверяют ли его на особое отношение к спиртному? Правда, сам же поспешил засомневаться, дескать, не может же столь умная и проницательная женщина столь примитивно, по-бабски, устраивать проверку... Лиза рассмеялась.

— Ха-ха-ха! Маман даже сверхпроницательна. Как она порой говорит: самой противно. Нет, конечно, какая проверка? Она слишком хорошо меня знает, поэтому на все, что уже меня непосредственно касается, смотрит опосредованно моими глазами. Опять же наше пребывание на Серебрянке, сам понимаешь, никогда для маман секретом не являлось. Будь спокоен, мой милый. Все уже проверено, мысленно задокументировано и проштемпелевано, ха-ха-ха! Поцелуй лучше меня скоренько — от мадеры в баловство тянет. Это у нас родовое... Вот и хорошо, есть свои достоинства у бесцветной помады. Потом не забывай, маман в филармоническом круге пребывает. Как говорит, не в солженицынском круге первом, но во всех сразу Дантовых. Без допинга там не обойтись... как грузчикам и всяким такелажникам. Так что ей и мизерной мыслишки не могло прийти в голову: мол, как кандидат в будущие зятя с трезвостью сражается? Скорее наоборот, но только пить по-гусарски, а не по-матросски. И еще два практических момента: во-первых, попробуй как-нибудь, вроде в шутку, заметить, что твоя норма — бутылка, водки конечно; во-вторых и в главных, постарай-

ся внимательно следить за словами маман, поскольку я, как и положено дочери, только на интонацию ее ориентируюсь, а не на семантику, а именно: если она вроде как невзначай, совершенно по пустяшному поводу, пословицей скажет *на своем пиру да без последнего блюда*, то все о'кей! даже не в смысле благословения, что уже без нас с тобой решено, но пожелания нам с тобой продолжить, так сказать, общение. Здесь опять же тонкости. Ни в коем случае тебе не следует благовоспитанно откланиваться и уходить без меня. Сочтут хитромудрым лицемерием, мол, все же парень кешбэкистый, несколько себе на уме! А где мы это самое общение продолжим, здесь в моих покоях девичьих или на Серебрянке? — это уже я сама постараюсь сообразить.

— Извиняюсь, что покинула вас и ритм тройственной беседы расстроила, — с немаскируемой наигранностью, как по нотам, произнесла Нина Григорьевна, входя в гостиную с мало кого интересующим кизилковым вареньем с тмином.

Быстро, единым поворотом зрачков, окинув парочку, убедилась: нарочитую паузу они использовали с толком.

— Лизок, разлей еще по чашечке чая. Успеем допить, на кухне попросили четверть часа форы. И Степаныч пошел отмываться от сельхозработ в летнюю душевую. Жаль, что в последние годы совершенно перевелись анекдоты. Даже в нашей филармонической толоке, где раньше без них и двух шагов не ступишь. Полное уныние. А как у студенчества с этим обстоит, Егор?

— Точно также и еще хуже: при слове анекдот испуганно по сторонам оглядываются...

— Да-да, слышала, что в интернете за ними следят и удаляют. Но все равно: где же устное народное творчество с его остроумием? Как, ребята, думаете?

— Наверное, мам, все евреи, как люди врожденно остроумные и основные сочинители анекдотов, либо из страны уехали — большая часть в Америку, меньшая и пожилая в Израиль, — а оставшиеся все в серьезные финансовые дела устремились. Не до анекдотов им, куй бабки, пока горячо.

— Может быть, дочь моя многоумная. Я вот когда училась в МГИК'е, поначалу очно, пока Лизой не ошастливилась, тусовалась, как это на нынешнем языке именуется, с однокурсницами; знакомство водили с ребятами из театральных институтов, из ВГИК'а и Литературного института. Впрочем, с последними быстро раззнакомились: хмурые пьяницы. А вот киношники парни что надо, главное, языки у них ловко подвешены, любой голову сходу задурят. Как говорится, кто студентом не был... Но я к тому, что от них узнала происхождение чапаевских анекдотов, что еще до моего рождения, а потом в бессознательном младенчестве, с завидной регулярностью, как люди тех лет рассказывают, раз в неделю заставляли всю страну хохотать. Оказывается, все они родом из вгиковской мастерской Бабочкина, который каждое занятие со студентами начинал со слов: «Вот когда я играл Василия Ивановича...». Вот ребята и сговорились: к очередному понедельнику все обязывались сочинить по чапаевскому анекдоту. А чей ядренее оказывался, того остальные бесплатно в пивной потчевали, а анекдот-победитель пускали во всесоюзный оборот через многочисленных московских друзей-приятелей. Поколение за поколением студенты у Бабочкина сменялись, но традиция прижилась. Пока сам он в бозе не почил. Егор, а ты как насчет исчезновения анекдотов мыслишь?

— Некомильфо для нынешних людей мыслю.

— Вот и замечательно, расскажи! Комильфо сейчас мало для чего и кого сохранилось. Можешь и матерком по делу подпустить. У нас в зимовье к

нему не эмоционально относятся, а как к исторически обусловленной языковой, филологической единице. Вот Лиза, как дипломированный словесник, не даст соврать. Потом мы с ней и музыкальности не чужды, сленг лабухов ненормативный знаком.

Лиза моргнула ресницами в сторону Егора разрешающе.

— Да нет, уважаемые дамы, здесь можно и нормативной речью обойтись и без канцелярщины суточной. Я еще молод, извините — это не кокетство, для объективных умозаключений, но последние три года у меня есть неформальный учитель, наш доцент с кафедры ракетостроения, то есть по моей специальности, Николай Андреевич. У него, в свою очередь, имеется друг, профессор известный из нашего же университета, с биофизического факультета, института по-нынешнему, Игорь Васильевич Скородумов. Приятельствуют они с давних советских лет, когда по распределению после политеха — нынешнего университета — попали в НПО «Меткость», куда, кстати говоря, и я уже определился. Так вот, этот всячески заслуженный профессор и большой оригинал, потому и безо всяких административных вузовских чинов, хорошо известен в научном мире созданием, не побоюсь этого слова, учения, развивающего предвидение выдающегося нашего академика Вернадского о переходе биосферы Земли в ноосферу. Даже в телеграфном стиле не буду объяснять теорию Вернадского в современном ее развитии профессором Скородумовым. Если вас, Нина Григорьевна, это заинтересует, могу принести пару книг профессора. Опять же все его труды имеются в интернете.

— Егор, все это крайне занимательно, но для начала нашего знакомства слишком серьезно. А наш легкий разговор за чайным полдником как-то вокруг анекдотов завертелся. Ведь да?

— Конечно, то просто преамбула. Как говорится, чужая слава нам ни к чему, но причину исчезновения из обихода анекдотов я и вывожу из утверждений профессора Скородумова, что нынешний глобализм есть начальная фаза, извините за мой инженерный технизм, того самого биосферно-ноосферного перехода. Увы, глобализм предполагает расчеловечивание, как это ни прискорбно, оглушение человека и превращение его в биотехнический придаток мировых телекоммуникационных и технологических систем. Нина Григорьевна! В нескольких словах закончу. Оглушение есть в первую очередь снижение творчества человека, а значит обнуление работы подсознания. А как доказал Зигмунд Фрейд в своей работе «Остроумие и его отношение к бессознательному», существует прямая связь способности человека к остроумным заключениям и степени работоспособности его подсознания. Анекдот же есть высшая форма остроумия. Итак, заглохнет подсознание — и анекдоту капут. У меня все.

— Замечательно, наш юный мудрец. Надеемся, еще не раз послушаем о теориях достопочтенного профессора Скородумова в интерпретации Николая Андреевича и выводах их достойного ученика. Однако, голоса с кухни к нам напрямую обращаются! Не сиди, Лиза, барышней. Пошли за предметами сервировки. К Егору это двойко не относится: как к гостю и мужчине.

Лиза с матерью вышли в коридор, где находилась кухонная дверь. Егор несколько озадаченно посмотрел им вслед, пробуя собраться с мыслями, но так их и не собрал воедино. А затем и вовсе в этих самых мыслях махнул рукой: вроде как с матерью Лизы можно нормальным языком говорить, не фильтруя слова и их прямой и подспудный смысл. Семантику, как выражается филолог с дипломом Лиза. Конечно, обе они, мать и дочь, ведьмы, но ведьмы в самом положитель-

ном толковании этого значимого в фольклоре персонажа. Не ведьмы с Брокена, что устраивают шабаш в первомайскую Вальпургиеву ночь, даже и не отечественные киевские (до самостоятельности) ведьмы с Лысой горы. Нет, это чисто русское понимание фигур славянского фольклора, своего рода женское дополнение к совсем уж доброму домовому. Но если домовый — символ чистого домашнего устройства, то русская ведьма скорее всего домашний оберег, но с качествами как воинственности в обереге, так и критической оценки окружающей ее дом обыденности... «Тьфу-тьфу, что-то я запутался,— усмехнулся Егор,— и всего-то с рюмки мадеры и двух стаканов чая с ложечкой бальзама. Ну и что? — пусть будут ведьмами в моем толковании. А если такие мне нравятся, значит хоть горшком назови, только в печь не ставь! Только чтобы не рыжие».

◆ Лиза достаточно подробно, еще в начале их знакомства, обрисовала фигуры обитателей зимовья. Кроме нее с матерью, постоянными жильцами являлись уже кратко знакомый Егору моложавый дед Степаныч и Антонина Филипповна, без малого семидесятилетняя мать Нины Григорьевны, соответственно, главная бабушка Лизы. Главная — потому что имелась и другая, мать Вячеслава Тимофеевича, недалеко от зимовья живущая, и после развода сына с Ниной Григорьевной не утратившая связь с внучкой и ее «зимовным» окружением.

Антонина Филипповна родилась спустя два года после окончания войны в семье офицера-фронтовика и медсестры, к тому времени работавшей в одной из городских больниц. Окончив школу, продолжила материнскую традицию. В городе имелось только медучилище, поэтому поступила в московский Первый мединститут, благо столичными жителями были родственники отца. У них и жила. Окончив институт, вернулась домой; почти круглая отличница, малого

не хватило до красного диплома, поэтому и имела льготы по месту распределения, в списке которых значился и их город. До пенсии, прихватив еще десяток лет, работала отоларингологом сначала в больнице скорой помощи, затем в госпитале стоявшей в городе дивизии, а с постройкой комплекса новой областной больницы определилась в нее, где и оставалась старожилком. Только три года назад из условной пенсионерки перешла в разряд действительных. Как в домашнем кругу добродушно шутили, поздравляя старейшину зимовья с очередным днем рождения, «продолжай, дорогая наша бабуся-мамуся, и дальше неизменно и долголетне огорчать Пенсионный фонд», при этом тостирующий и поздравляющий кивал головой по направлению красного угла гостиной. Все присутствующие понимающе ухмылялись: по указанному азимуту менее чем в полукилометре гордо высился над районом хрущевских пятиэтажек и сохранившихся, навроде родного зимовья, частых строений четырнадцатизэтажный корпус с дворцовыми аляповатыми излишествами — возведенное в начале двухтысячных годов здание для областного отделения этого самого фонда. Язвительные языки, которыми исстари славился город казенных мастеровых, поговаривали, что именно начиная с «миллениума», все областные и крупные районные города страны включились в капсоревнование: кто выше этажностью и роскошностью внешней и внутренней отделки соорудит губернскую или уездную штаб-квартиру богоугодного фонда. Благо, сначала вечная заморозка индексации пенсий работающим, а затем и вовсе увеличение пенсионного возраста, позволяли такое соревнование... Но на то они и злые языки. И правильно, что в последние годы это злоязычие, кроме как в кухонных пересудах, пресекли. Зачем народ почтенный волновать? И без того жизнь все сложнее становится.

Со своим будущим мужем, инженером, Антонина Филипповна познакомилась в первый год по возвращению домой после окончания мединститута. Вскоре родилась дочь Нина. Супруг был старше на пять лет, трудился на машиностроительном заводе, дорос до начальника цеха с дальнейшими перспективами, но... скоропостижно скончался в год, когда Нина окончила девятый класс школы. Как объясняла Антонина Филипповна дочери и подрастающей внучке, сказались три начальных года жизни в военное время, причем первые из них в оккупации с голодом и другими лишениями. Все в младенчестве навалилось и сказалось на середине пятого десятка... всего лишь. Лиза с грустью вспоминала свое детство и отрочество в полной, трехпоколенной семье с родителями, двумя бабушками и дедушками.

...Она специально, объяснив это Егору, выбрала время для привода его в зимовье: чтобы застать и познакомиться с двоюродной, по матери, сестрой Антонины Филипповны, помоложе ее на три года, Надеждой Тихоновной. Она живет в райцентре, ранее со всех сторон изрытом шахтами Подмосковского бурогоугольного бассейна; он хоть и именуется постоличному, но весь целиком размещается на территории нашей области. Да еще мыском выдается в Калужскую область — Куровские шахты.

С приходом к власти в девяностые годы нового «класса-гегемона» и первоначального развала все и вся в стране, все шахты и угольные разрезы в одночасье канули в лету. Но с тридцатых годов и до конца советской власти на буром угле этого бассейна работали все теплоэлектростанции Европейской России, а особенно оказался он востребован в годы войны — после недолгой оккупации осенью сорок первого года, — когда Донбасс надолго оказался во вражеском тылу. Поскольку же взрослое мужское население шахтерских районов, да и области в целом,

было призвано в действующую армию, а часть эвакуирована с военными заводами на Восток, то недостаток местных рабочих рук на шахтах восполнили переселенными с семьями поволжскими немцами*, которые здесь и прижились, оставшись после войны. Да и куда им было податься при ликвидированной их поволжской автономной республике?

Поволжские немцы хотя и происходят из адептов сектантского протестантизма (вроде как гернгутеры — припомнилось Егору из читанного), за что их германские курфюрсты и передали охотно Екатерине Второй для переселения, но за годы советской власти отошли от национально-религиозной замкнутости, а расселенные по всей страны достаточно активно ассимилировались.

Разговоры же Егора с Лизой о поволжских немцах в их области возникали, когда она рассказывала о семье Надежды Тихоновны, поскольку вышла она в свое время за сына такого переселенного немца, тоже шахтера со среднетехническим образованием. Родился сын Василий. Сама она, окончив экономический факультет филиала одного московского института, что в их райцентре, работала по специальности. Семейная жизнь сложилась хорошо по тамошним меркам. Но пришли незваные «лихие девяностые», шахты одна за другой закрылись. В безработных городах началось повальное пьянство — от отчаяния

---

* В последние годы, когда безудержный либерализм (головного мозга...) небезосновательно поприжали, СМИ перестали верещать о «сталинском геноциде поволжских немцев и их выселении». Имея многих знакомых из потомков направленных на шахты нашей области немцев Поволжья, ни от одного из них не слышал подобных упреков. Как люди здравомыслящие, немцы ведь! наоборот, они того мнения, что указом о выселении (рядом был Сталинград...) их родители были ограждены от ситуации между молотом и наковальней, если бы немецкая армия переправилась через Волгу и подошла к городу Энгельсу... — Прим. авт.

и полной нищеты. В пару лет спился и угас муж Надежды Тихоновны. Жила она теперь для сына, но и Василий в начале девяностых, только окончив школу и проучившись один курс в том же филиале, в компании с двумя своими дружками — один такой же полунемец, другой чистый фольксдойче — уехал в Германию. С щемящей тоской она согласилась с доводами сына: ему же жизнь строить. Сейчас Василию немного до полтинника не хватает. Слава богу, русскому и ихнему протестантскому, Василий жизнь в неметчине устроил на добротном среднем уровне. Раз в пару лет навещает мать, приезжает с семьей: жена все из тех же поволжских, сын и дочь. Но на все уговоры забрать мать к себе Надежда Тихоновна не соглашается: где родился, там и пригодился. Дважды и она у него гостевала. Сейчас пенсионерка. Зимой же приезжает в зимовье на полтора-два месяца, иногда и подольше там остается. А летом у нее огородные заботы: половина бывшего шахтерского двухсемейного дома и три сотки земли. Есть где покопаться. Сейчас же, несмотря на разгар лета — правда, все уже посажено и еще не созрело под уборку, — приехала на пару недель: заняться зубами. У Нины Григорьевны по ее общительной должности половина города в знакомцах и подругах. В областной стоматологической лечебнице тоже.

Глава третья

ВО СНЕ НЕ БРЕДЬ О ТОМ, ЧЕМ ЗАНЯТ,— КИКИМОРА УСЛЫШИТ

◆ ...После окрошки на домашнем, настоящем ржаном квасе и с маслинами без косточек, предваренной стопками водки для Егора со Степаньчем и Нины Григорьевны и рюмками давешней мадеры для остальных, старшая хозяйка Антонина Филипповна,

которой ассистировала Надежда Тихоновна, подали на овальный стол гостиней фирменное для лета блюдо: котлеты по-киевски с замысловатым гарниром. Именно настоящие, не упрощенные ресторanno-общепитовские, а с выступающей косточкой, обернутой фольгой — за что держать при еде.

Мать Нины Григорьевны и ее двоюродная сестра настолько точно были ранее охарактеризованы Лизой, что Егору и приглядываться к ним без надобности оказалось: как будто век знакомы и всего пару дней не виделись. По ним же было видно, что и Лизин ухажер вполне отвечал заочно составившемуся о нем мнению в домашних пересудах — со слов Лизы. Даже студент Егор, хотя бы и выпускного курса, уже понимал: женщина сплетничает, если полагает, что слова ее дойдут до мужских ушей; но в сугубо своем, феминистском кругу, подгляди за ними в астрономическую трубу любознательный и грамотный мужик, они изумят его набором высших качеств логики, индукции и дедукции — все не в теории, мало кому нужной, но в самой конкретной практике. И никаких умолчаний, бабских околосплетений словесных, недомолвок! Но где взять такую оптическую трубу? Разве что у Галилео Галилея, пробирного дела мастера*... И еще редкий мужчина способен себе представить: до какой степени откровенно бесстыдны женщины в своем узком кругу. Именно бесстыдны, а не грубы и циничны. Это как строители, водилы и матросы торговых судов с их многоэтажным, витиеватым матом: они не ругаются, не злятся друг на друга — они просто разговаривают на особом, общепрофессиональном языке.

Но и прихрамывающий Степаньч, после пары сто-

---

* Одна из книг Галилея (*Il Saggiatore*, 1623) по астрономии (русский перевод в издательстве «Наука», 1987).— Прим. авт.

пок обретший удивительно четкую речь, не столько простоват показался Егору. С удовольствием отметил он, что завхоз зимовья не уступит его, Егора, бабусе Наталье в пристрастии к пословицам и присказкам. «Еще не пивши, говоришь уже, что кисло», — обращаясь ко всем застольщикам, но кивнув в сторону Лизы, что-то поморщившейся и отставившей взятый было фужер с белым вином — перед поданной горячей рыбой в маринаде, сказал Степаныч, опрокинув стопку водки. Иных напитков он, малопьющий, не признавал. И Нина Григорьевна с затаенной опаской посмотрела на дочь. Лиза, перехватив взгляд матери, откровенно расхохоталась:

— Маман! Ты столь молода еще, что тебе-то не следует даже безосновательно и предположительно торопиться стать бабушкой. Просто мушка залетела мне в фужер и прилипла к стенке. Мадера ведь не водка? — правильно я говорю, Сергей Степанович?

Хохот Лизы подхватили остальные.

— Гол в мои ворота, — с нарочитой сокрушенностью молвила Нина Григорьевна, — бдительность теряю после второй, но ведь это чисто женская черта, да?

Зато ни единого гола старшая хозяйка зимовья не пропустила, более того, выверено спланировала игру с представлением Егора домочадцам. Умело руководя действием, Антонина Филипповна не допускала ситуаций явного любопытства к новоприбывшему: никаких вопросов кроме безобидного: «Обратите (старшие дипломатично еще не перешли на «ты») внимание: огурцы и помидоры в салате не то что с нашей грядки, но редчайшие, не геномодифицированные, с прошлого еще века только свои семена используем год от года; чувствуете уже забытый вкус? — и петрушка с луком и чесноком тоже». Словом, привели в дом гостя, а заодно и к столу пригласили, благо парень лицемерной скромностью не отягощен. Ужин

не по времени ранешенек? — Так ведь общего полдника сегодня как-то не получилось. Опять и Степаныч нынче перевыполнил свой сельхозурок, на пару трудодней выработал, проголодался — отчего же завхоза зимовья не уважить? А потом и сама Нина Григорьевна повернула дело таким образом, что всем в доме не терпелось проверить качество работы областной стоматологии: сегодня утром Надежде Тихоновне поставили новые коронки. Надо их на деле проверить, а затем уже переходить к протезам. Именинница засмушалась было, но затем согласилась: без испытания никак нельзя. Догадливостью бог и воспитанием не обидели. Как и всех в семейном кругу. А Степаныч убедительно одобрил проверку качества коронок в деле:

— Оно, конечно, зубы есть дело тонкое. Ты, Тихоновна, на что потверже налегай сейчас, не робей, а то стоять по уста в воде и не сметь напиток?

Фольклорный довод Сергея Степановича вовсе отвел причину раннего ужина от персоны Егора. Более того, почтенный завхоз зимовья и сам включился в тонкую игру своей племянницы. Телевизионным футболом он не интересовался, поэтому по-мужски перевел разговор на политику, о злободневном: события на Украине со свержением Януковича и вновь обретенном Крыме. Лиза, донельзя довольная ступешением внимания к Егору, как филолог по образованию, поддержала Степаныча в своем ключе. Скоренько сбегав через угловую прихожую в библиотечную комнату, принесла томик стихов Шевченко на украинском языке, прочитала пару страниц:

— Ну что, понятно без перевода?

Все согласно закивали головами, хотя бы чтица со смыслом выбрала стихотворения малоизвестные, не из школьной программы.

— А вот если попадет вам в руки современная газета или журнал из незалежной, то будете споты-

каться на каждом втором-третьем слове. Это уже другой язык. Как нам в университете доцентша-славистка то ли в шутку, а скорее вполне серьезно говорила: если в традиционной мове красивая девушка произносится как гарна дивчина, то на нынешнем галицийском наречии: файна кобета! То есть первое слово из немецкого в произношении идиша, второе чисто польское.

— Как и нынешний американо-нижегородский язык наших эсмэи,— попробовал было Егор вставить левую ногу в стремя одного из своих любимых коньков, но интуитивно почувствовав, что его время солировать в застольных беседах еще не пришло, развивать тему не стал, заинтересовавшись этикеткой на бутылке белого вина, поданного по этикету к рыбе.

— Правильно,— отметил Степаныч,— посмотри на наклейку, отставь подальше и водочки себе в стопку подлей. От вин этих, кроме мадеры с хересом, крепленых, конечно, и портвешка, знающие люди говорят — непременно подагра ревматическая пристанет! А вот водочка или неподдельный коньячок против вин этих...

— Что столяр супротив плотника,— рассмеялась Лиза, переиначив классика.

◆ На затянувшихся до первых вечерних часов смотринах Егор показал себя обитателям зимовья с хорошей стороны. Что и требовалось: именно с хорошей, а не с блестящей, что могло быть истолковано нарочитостью. Примерно в таком ключе Лиза разъяснила ему, похвалив за естественность поведения, когда они через гуляющий вечерний центральный парк неторопливо шли на Серебрянку: все же она интуитивно предпочла на сегодня ставшую привычной квартирку, а не оставаться на ночь в зимовье. Пояснить что-либо Егору она не сочла необходимым, а на его немой вопрос ответила, что ей так кажется более правильным; «ты и сам сообразишь

чуть позже, сопоставив все *pro et contra*, но... ах, да и не надо задумываться особо: так надо и все тут!» Егор по семейному назначению никак не готовил себя в подкаблучники, но в некоторых вещах надо принимать сторону *своей* женщины. Потому и «снял» свой немой вопрос.

Поскольку получилось так, что предыдущие пять дней им не довелось уединиться на Серебрянке, а сегодняшнее пребывание в зимовье с эффектом смотра, да с почти торжественным застольем, возбуждающе лихорадило обоих, то заснули счастливые и условно обрученные Егор с Лизой только под раннее летнее утро. На этот раз они сам-двое совместили завтрак и обед наступившего дня. Почти по-семейному сидели в маленькой кухоньке «хрущевки», суеверно не обсуждая день вчерашний.

— Я вполювь спала, видно перевозбудилась — тобой, мой милый, и нашим гостеванием в зимовье. А вот ты хотя и в глубокий сон упал, но совсем не безмятежный.

— Откуда такое умозаключение?

— Знаешь, среди многих присказок Степаныха есть такая: «во сне не беречь о том, чем занят, — кикимора услышит». Вот и ты, несмотря на наш затянувшийся медовый месяц, беспокойно почивал, временами ворочался. И хотя ты, насколько я уяснила, во сне не разговариваешь, но вроде — или мне показалось? — как по зоологической части сновидения твои случились. Даже вполне четко про рыбку мойву вымолвил... и еще непонятное мне, вроде как пестушка? Это что за вид из классификации Линнея?

— Пеструшка, а не пестушка. Это что-то навряд ли полярной мыши...

— Мыши не к добру снятся: я как-то для бабуся Антонины сонник купила, так, для веселости, но и сама его внимательно просмотрела. Плохо там о мышках пишут.

— Нет, именно навроде мыши северная пеструшка, но в родстве с нашими не состоит. Насчет же сна угадала: зоологический точно. А все оттого, что — помнишь? — когда вчера зашел разговор на геополитические темы — с подачи Нины Григорьевны, может меня на грамотность твоя маман проверяла? — о перенаселении шарика земного, о войнах гибридных и прочем.

— Чего же не помнить. Головка моя маленькая, как бабушка говорит, поменьше чем у слона, но не совсем пустая, особенно по части памяти...

— Вот-вот, тогда же Антонина Филипповна с ее медицинской доминантой вспомнила об африканском вирусе Эбола, все усложняющихся азиатских гриппозных штаммах — мол, это ответ протестующей природы на засилье людьми планеты, за их уродование природы, загрязнение всего и вся в мире земном, водном и атмосферном.

— Понятно. Но при чем здесь пеструшки и мойва в твоем сне?

— А при том, что я все порывался рассказать о теории профессора Скородумова и ее, так сказать, практическом комментарии из личной жизни Николая Андреевича. Он как-то на практических занятиях нашей группы, утомившись смотреть на явно скучающие физиономии — ведь весна в разгаре, а он нам о флаттере крылатых ракет докучает... словом, чтобы мы не заснули, резко сменил тему и рассказал эпизод из своего заполярного детства. Вот я и хотел в тему твоих матери с бабушкой разговоров встрять, а ты же мне и рта раскрыть не дала.

— Потому что на первом явлении в новый для тебя дом солировать в общей беседе не *comme il faut*.

— Некомильфо, так некомильфо. Мы платных частных гимназиев не оканчивали. Но раз тогда мне в голову вступил тот памятный рассказ доцента-ракетчика, так ведь должен был из той же головы ка-

ким-либо образом выйти, да? Вас ведь в педи-психологии-то обучали, должна знать. Впрочем, я и сам-с-усам, догадываюсь: раз наяву рта не позволили раскрыть для комильфо, вот во сне и проигралась та история по мышку-пеструшку и рыбку мойву.

— Так для полного очищения головы ты мне сейчас и расскажешь все это. День выходной, выпей рюмку коньячку и за чаем, а я за кофе, и расскажешь.

— Хорошо. Слушай. Про коньяк уместно сказано, хвалю!

◆ Пятиклассник Николка из большой семьи маячника Андреяна с острова Большой Олений, что отделен от города Полярного, базы подводных лодок, торпедных катеров, противолодочных кораблей «охотников» и много его чего, промежуточным островом Екатерининским, учебный год проживал в интернате при полярнической средней школе. Каникулы же проводил дома, а в хорошую погоду случалось также и в субботу-воскресенье между каникулами там побывать, если мать или кто-либо из маячных женщин (мужикам недосуг, они вахты на маяке по графику несут) приходили в субботу в город по магазинным делам, на почту заглянуть за письмами и посылками, или зубы подлатать в гражданской поликлинике. Вот и забирали маячных ребят домой. Дело-то! — переправиться на шлюпке через неширокую перейму на Екатерининский, за час-полтора прошагать через него наискосок и снова на шлюпке через узкий пролив, отделяющий остров Большой Олений от Екатерининского. А в понедельник утром кто-то доведет ребят до переймы и проследит, чтобы их перевезли на материковый берег. Кто в первую смену учится, тот сразу, с опозданием на первый урок, в школу. Учащихся же ребят с Большого Оленьего трое. Скоро и оба младшие брательники Николки присоединятся.

Так и в тот раннеоктябрьский субботний день Николка пришел с другими ребятами домой. Забрала их мать первоклассника Петьки Пряхина Наталья, приходившая в город за магазинными покупками по хозяйству. Поскольку тоскливая осенняя погода с холодным мелким дождем, перемеживаемым мокрым снегом, с задувавшим с моря пронзительным ветром, на несколько дней сменилась относительной сухостью и почти безветрием, штилем на море, то Наталья и забрала оленеостровных школьников. Понятно, что такой уговор заранее с маячными бабами имелся. Опять же по времени угадали к отливу, когда открывалась песчаная перемычка между Екатерининским и Большим Оленьим — ее в войну насыпали для подвоза боеприпасов для зенитной батареи на острове.

Николка еще по пути домой, то есть по тропе к перейме, что огибала гору Энгельгардта* по незастроенной городской окраине, далее при ходьбе через Екатерининский, по отливной насыпи и затем по своему острову, непроизвольно отмечал какую-то активность пеструшек, обычно малочисленных и редко попадающих на глаза. А при переправе на шлюпке через перейму Петька, даром что несмышленный первогодок в школе, но углядел нескольких, вроде как плывущих в сторону Екатерининского острова зверьков. И мать его Наталья заметила, что со вчерашнего дня что-то часто на их острове они появляются.

Но Николку в тот день эти потешные зверьки, редко-редко ранее им виденные на материковом берегу в межсопочных лощинах за городской чертой, а

---

* Еще в царском Александровске, как назывался Полярный, основанный в 1899 году, так называли самую высокую в городе сопку — в честь архангельского губернатора Энгельгардта, пешком прошедшего весь Кольский полуостров, курируя прокладку телеграфной линии в Норвегию. — Прим. авт.

теперь, по осени, меняющие летний пестро-коричневый мех на зимний белый, с коротенькими хвостиками, в ладонь размером, мало интересовали. Как начинающий коллекционер старых и иностранных монет, он второй уже день досадовал: по его же глупости не состоялся обмен с одним из меньших братьев Шевляковых, чье семейство проживало в барачном доме на улице Советской в Старом Полярном. А именно, почти договорился с шевляковским Семкой, имевшим серебряный рублевик времен царствования Николая Первого, невесть как к нему попавший: Семка ему отдает монету, а Николка в обмен осколочную рубашку, что надевается на противопехотную гранату и защелкивается пружинным замком на ней — этого добра на их острове завались осталось после прошлогоднего съезда зенитной батареи, передислокации в другое место. И... уже протянул замызганный шевлятиненок рубль в ладони, а Николка ему заветную гранатную рубашку, похожую на чайный подстаканник, только без ручки и зеленого цвета с вычеканенными ромбиками будущих осколков, как сам же и сплеховал. Язык твой — враг твой, как укоряла его порой мать, вот и ляпнул, что-де у коллекционеров ценятся рублевики Николая Первого первых десяти лет его правления, как вот этот. Похвастался, не утерпел себя умным перед мелким второкласником выставить. А вычитал про внимание к таким монетам серьезных коллекционеров в журнале «Филателия СССР», недавно начавший издаваться. Журнал, конечно, для собирателей почтовых марок, но иногда и статьи про монеты печатались. Николка от корки до корки прочитывал все новые номера в районной библиотеке Полярного; так она именовалась по старой памяти, хотя райцентром гражданским вместо Полярного уже десять лет как стал построенный в начале пятидесятых годов Североморск, а полярнинская библиотека все еще значилась район-

ной... Услышав про редкость рублевика, Семка насторожился и сунул монету в карман.

И что первоклассник Петька, зоркий чертенок! углядел в накрывавшем воду низовом тумане плывущих пеструшек, Николку нимало не занимало: ботаничка Вера Григорьевна, рассказывая на уроке о растительности их северного края, упомянула о поедателях тундровой травы пеструшках и заодно отметила, что к зиме эти зверьки не только, как белки, меняют свой окрас, но и коготки на лапках осенью у них чудесным образом расплющиваются и смыкаются в этакие лопаточки, которыми им удобнее разгребать снежный наст, добираясь до замерзшей тундровой растительности. «Так что и плавать пеструшки смогли бы, но где они воду зимой найдут?» — рассмеялась добродушно Вера Григорьевна, пояснив, что ученое название зверьков — лемминги, норвежское.

◆ Вторую половину субботнего дня, уже дома, вернее в своей квартирке общего маячного здания, Николка посвятил накопившимся за время его интернатского отсутствия делам рукодельным, которых у двенадцатилетнего островного пацана всегда выше головы. С перерывом на мытье в бане (суббота — банный день на маяке), избышка которой в ста метрах от дома, рядом с озерцом. Да еще после бани успел с полчаса посмотреть фильм по телевизору, что недавно появился у начальника маяка Седалина-старшего (младший брат служил на маяке острова Седловатого, где семейство Николки ранее проживало).

По причине крепости сна хорошо потрудившегося человека и воскресного выходного дня проснулся он часов в десять. Дома одна мать, отец на маячной вахте, оба младших — слышно из общего коридора по голосам — с другой малышней в пекарне, маячном «клубе». Поев, оделся по погоде в сапоги и ватник, закрепил на поясе патронташ, закинул за плечо двуствольную «ижевку» и вышел из дома с

намерением пострелять готовящихся к осеннему отлету куликов, крупных полярных, на внутреннем, маловодном, вдающемся в остров почти на километр заливе.

Однако по выходе из дома не сразу сообразил: что такое произошло со вчерашнего дня? А изменился весь вид окрестной бревенчатого маячного дома плоской вершины сопки: вместо тусклого, от бесконечно накрапывающего осеннего дождя с перемежкой мокрым снегом, гранита с проплешинами серого жухловатого мха Николка видел что-то похожее на мелко кольшущееся огромное одеяло с калейдоскопическим белесо-коричневым рисунком, каким-то великаном небрежно наброшенным на мокрый гранит сопки, но с прорезями для маячного дома, стоящей чуть поодаль бревенчатой бани и озера около нее.

— Николка! — окликнул его старший Пряхин, стоявший на мостках с торца дома, где в полуподвале располагалась общая мастерская для хозяйственных нужд маячников, — затворяй плотно дверь за собой, а то эти чертяки в дом попрут!

Переведя взгляд на свои ноги, увидел плотным стадом идущих пеструшек, причем от тесноты и напора сзади теснящих шли они на задних лапах, положив передние на спины предыдущих: как свифтовские крохотные человечки, идущие плотной толпой поглазеть на гиганта Гулливера (недавно прочитал знаменитую книжку английского писателя). Николка стоял не шелохнувшись, опасаясь наступить на пеструшек, а они, не опасаясь ничего на свете, Николку тем более, огибали его ноги в сапогах, вновь смыкались и плотным пестрым одеялом, также обогнув дом, спускались по круто обрывавшейся сопке на северный берег острова.

Сообразив, что идя скользящим по граниту шагом, раздвигая равнодушных ко всему пеструшек, он и до вечера не доберется до внутриостровного зали-

ва, Николка от двери свернул направо на мостки, где только что стоял окликнувший его Пряхин, уже скрывшийся за дверцей мастерской. На доски мостков зверушки не забирались — протекали под ними. Обогнув торцовую часть дома, остановился: отсюда хорошо был виден северный склон сопки, спускавшийся к воде. Все то же мелко колышущееся одеяло накрывало крутоватый спуск к островному берегу и краем своим опускалось в свинцовато отсвечивающую, спокойную штилевую воду Кольского залива. В ней одеяло размахрялось и еще виднелась тонкими нитками на расстоянии десятка-двух метрах от берега, а затем полностью исчезало. Пеструшки, как он понимал, могли бы своими осенне-зимними копытцами проплыть и несколько поболее, прежде чем утонуть, но скученность их в стаде и напор все прибывающих и прибывающих с берега лишали возможности продлить на несколько минут свое пребывание на неудобном для них, привыкших к гостеприимной, обжитой тундре, каменистом кольском побережье...

Пряхин вышел из подвальной мастерской, вытирая пробензиненной ветошью перепачканные руки — перебирал мотор для казенной маячной шлюпки, на которой летом ходили по грибы-ягоды на противоположный, необитаемый берег Кольского залива.

— Откладывай охоту. До вечера, а то и до следующего утра будут идти, пока все не пройдут, что в отлив по насыпи с Екатерининского к нам не переправились. Если и завтра не иссякнут, то придется вас, школяров, на моторке в обход Екатерининского в город доставлять. Потому и с мотором вожусь. Ступай домой. Ничего не поделаешь — природа!

С природой не поспоришь. Не в первый раз препятствия заполярной островной жизни чинят Николке свои неудобства. Но на то и урожденный в этих местах, чтобы не огорчаться. Опять же неоднократно отлагаемая докука займет этот неудачный для

уличных дел день: изготовление деревянной шкатулки для монетной коллекции, причем с сотами-перегородками под разные их диаметры, благо заготовки для сборки уже готовы и отполированы наждачной бумагой третьего номера и стеклянными осколками. К вечеру все и сделал, опять же отложив на следующий приход домой из Полярного завершающую операцию: обтянуть шкатулку ранее припасенной кожей от голенища хромового сапога, явно забытого каким-то растеряхой-лейтенантом, а скорее его малохозяйственной женой (по молодости!), в бывшем офицерском общежитии съехавшей с острова зенитной батареи. Поскольку сапог оказался без пары (?), то отец и не прибрал его к домашнему хозяйству, а оставил на усмотрение сына.

Трижды за день он выходил из дома производить диспозицию. Отметил, что поток самоубийственных пеструшек редет. Исход завершается. Значит завтра не на моторке, а в пешем порядке в утреннюю еще темень через Екатерининский версты мерить.

Пошабавив с коллекционной шкатулкой и поужинав, Николка не пошел на вечерний телевизор к бездетным Седалиным, а пристроился к приемнику «Родина» послушать вражеское радио на коротких волнах: «Голос Америки» и «Немецкую волну», а если повезет, услышать «Интернационал», то есть албанскую радиостанцию из Тираны. Она тоже несколько лет назад перешла в разряд вражеских. Слушать приходилось постоянно крутя ручку настройки — отстраиваться от мурманской глушилки.

◆ Поздно встал — поздно лег, поэтому Николке не спалось. Мать пряла шерсть для вязания носков и варежек на всю семью. Меньшие братья видели уже вторые сны, когда с маячной вахты пришел отец.

На маяках, где малое число людей живет ску-

ченно и одними заботами, чесать языками не принято, даже если событие и самое сверхнеобычайное. Так и о нашествии пеструшек к вечеру того дня уже не вспоминалось особенно. И отец за поздним ужином, в затем за чаем, который он даже на сон грядущий, как истинный северный чаехлеб, выпивал неторопливо не менее трех стаканов, если чем и озаботился, так завтрашней отправкой школяров в Полярный. А поскольку вести их по негласной очереди выпадало матери, то Андреян по-флотски скрупулезно перечислял, что она должна прикупить в городских магазинах, начиная с китайского цветочного чая и табака «Золотое руно» (трубку курил) до захода в охотничий и книжный отделы магазинов, занимавших весь первый этаж большого Циркульного дома, что на склоне сопки над пирсами Екатерининской гавани. Пеструшек же упомянул к случаю, вспомнив, что только второй раз в своей двадцатипятилетней жизни в этих местах видит их массовых исход, а первый, когда в самом конце войны его перевели служить на мурманский пост наблюдения и связи. Понятно, что по разбомбленному немцами городу, но людному, застраиваемому бараками для портовой рабсилы, пеструшки не бегали, но он в тот день был в увольнении, встретил случайно еще довоенного годка*, взяли у известной им шинкарки бутылку разведенного спирта и ушли в сопки за Мурманском. Там и пили-закусывали, сидя на валуне, а под подошвами матросских (хотя оба были в ундерских, то есть старшинских званиях) ботинок шло в обход неспокойного города стадо зверьков курсом строго на норд — до ближайшего берега... и капут!

Еще отец, как знакомый с зоологией, поскольку перед призывом во флот, в тридцатых годах учился

---

* Во флоте — сослуживцы одного года призыва; это как в сухопутных войсках земли. — Прим. авт.

в сельхозтехникуме в Калуге, сказал, что перепроизводство пеструшек случается периодически и чаще, не менее раза в десять лет, но мало кто это видит, ибо они обходят даже в своем скорбном пути населенные места. Идут же они из кольской тундры. Кому беда смертная, а кому радость, философски заметил Андреян: в год перепроизводства пеструшек немисливо размножаются и их поедатели — песцы, а тундровые охотники-лопари, саамы по-официальному, почетные грамоты, а то и медали трудовые получают от обилия заготовленных и сданных песцовых шкурок...

Слякотная и холодная осень перешла в снежную, умеренно морозную на Кольском Севере (Гольфстрим!) зиму. А с ней полярная ночь, живописные всполохи северного сияния... Но в положенное время и весна пришла, а с ней и стаивание снега. И еще раз Николка вспомнил о пеструшках, когда прибыв домой на майский праздник, удачно пришедшийся в этом году денежной реформы на понедельник, прямо за воскресным выходным, прошелся по *своему* острову, выбирая освободившиеся от пожелтевшего слежалого снега проталины. Конечно, проведал и порушенное хозяйство бывшей зенитной батареи. Никто за убывшими зенитчиками порядка не навел, поэтому всюду валялись пустые железные бочки из-под горючего, всякие ящики. С изумлением обнаружил он, что все эти предметы, если открытыми полостями лежали обращенные в южную сторону, забиты слежалыми, спрессованными зимними морозами трупиками пеструшек. То есть кто в море утонул, а иные, встретив на пути ту же отверстую бочку, забивали ее и там дожидались неминуемой. Кому не суждено утонуть... Внутренний компас, компас по-флотски, один курс забавным зверушкам показывает: норд-норд, то есть строго на север, до ближайшего северного морского берега.

— Очень хорошо, Егорушка, пересказываешь печальную повесть вашего Николая Андреяновича, — даже чуть погрустнела Лиза, — у тебя еще и литературный талант, мой суженый-ряженный?

— Нет, я просто почти дословно передаю рассказанное Андреянычем, как мы его заглаза и почти любовно (на экзаменах и зачетах снисходителен) зовем; у меня ведь память почти абсолютная.

— Хвались-хвались, а вот про рыбку мойву, что ранее вспоминал, и запомятовал, ха-ха-ха!

— Так я еще не завершил пересказ «лекции» Николая Андреяновича. Слушай же.

◆ — И не только пеструшки периодически переразмножаются и снижают свою численность, руководствуясь законами природы, устремляясь к северной оконечности материка. А в виденном мною — даже переплывая через неширокий пролив между берегом Полярного и островом Екатерининским, а затем с Екатерининского на наш Большой Олений по обсушке песчаной переходя. Главное — строго на север, без всяких боковых обходов...

Николай Андреянович хитровато усмехнулся и продолжил увлекательный экскурс в науку зоологию, несколько неуместную на практическом занятии по конструированию крылатых ракет.

— Пивко, небось, уважаете? Хотя в девяностые годы, когда его в рёзлив и в таре на каждом свободном уличном пяточке продавали, вы еще молочную кашку дома или в детсадах распробывали. Не грех, конечно, то и другое — каждому возрасту свое. Я вот в студенческие, потом молодые инженерные годы приязнь к этому напитку имел основательную. Тем более, что советское пиво — натурального изготовления, а не нынешняя мурцовка из скороспелого, недоброжденного солода, крепленого спиртягой и со всякими добавками пищевой химии... Впрочем, я не собственно о настоящем советском

«жигулевском» или «мартовском» вспомнил, а о закуске к нему, то есть обычной селедочке с зеленым горошком и лучком. Хорошая закуска! Сейчас и она, селедка, безвкусная: трижды перемороженная, через Норвегию, а не мурманский порт к нам приплывает.

И вот как-то случилось, а я уже второй год инженерил молодым специалистом в оборонке, когда вместо обычной атлантической пряного и бочкового посола во всех пивных и кафе-стекляшках, в рыбных отделах гастрономов появилась и почти год держалась ранее невиданная тихоокеанская селедочка с японским названием иваси. В два раза поменьше (ведь японская, ха-ха!) обычной, но жирности и вкусоности невероятной. А по телящику народу разъяснили: в обычные годы она немногочисленна, потому непромысловая, но раз в пятнадцать лет случается ее перепроизводство в Охотском и Японском морях, в Татарском проливе тож. И столько ее за путину вылавливают, что нашей стране и Японии на целый год хватает!

Николай Андреевич от нахлынувших вкусовых воспоминаний даже облизнул губы и продолжил.

— Кстати говоря, уже четверть века, сколько делятся новые для нас времена, иваси не появлялась в широкой продаже. Видать, как мои земляки, мурманские рыболовы, всю выловленную треску и селедку норвегам за валюту продают, так и дальневосточники иваси в год улова японцам сбавривают. Ну, ладно, иваси японцам, треску норвежцам, заводы и фабрики... понятно кому. Я же в контексте с пеструшками хотел о нашей же, северной рыбке мойве любопытное рассказать. Видно норвежцы ею брезгуют, потому она в наших магазинах продается, обычно копченая, в желтых таких коробках весом с полкило.

Как ее ловят? — честно скажу: не знаю. Да и мы на маяках, пацаны как я и взрослые мужики,

даже не вспоминали об этой мелочи: полуметровой трески на удочку и наподдев со шлюпки хватало. Ну-у, еще палтус, зубатка, камбала. Семга, конечно, царская рыба, но здесь местá, речки для нереста надо знать, уметь *рюрики* — этакие перегородки решетчатые от берега до берега сооружать... словом, этим артели рыболовные и браконьеры опытные занимаются. И мойву ловят тоже рыболовецкие колхозы на побережье, коль скоро она по осени появлялась в полуживом виде в полярных магазинах. Народ тамошний на рыбу прихотлив и разборчив, поэтому только такую и берет — чтобы сразу на сковородку. Гурманство сугубо сезонное.

Но как-то, в классе четвертом вроде учился, тоже по осени после уроков и обеда в интернате спустился к пирсам Екатерининской гавани, но не где подлодки ошвартованы двумя-тремя номерами*, туда гражданских не пускают, а слева, где у деревянных причалов всякие малые надводные корабли, буксиры, вспомогательные катера, а между этими причалами участки галечного пологого берега. И внимание мое привлекли и озадачили именно они «ничейные» участки, обычно безлюдные. Сейчас же на них толпился штатский народ, преимущественно женщины, а у самой воды мелькали матросские бушлаты. Что за чертовщина? Подхожу ближе, а навстречу женщины возбужденные от берега идут, тяжелые сумки клеенчатые, даже небольшие рогожные мешки тащат. Известно, для них своя ноша не тянет! А на кромке берега и вовсе чертовщина: мойва из воды прет и кишмя кишит, норовя на гальку выброситься. Матросы же ее прямо ведрами черпают и баб... в смыс-

---

* Это когда непосредственно к стенке пирса пришвартована подлодка — первый номер называется; к ней вплотную другая — второй номер, к ней — третий номер (флотск.) — Прим. авт.

ле женщинам вываливают в сумки и мешки. Старшина же матросов стоит тут обок, зорко по сторонам шарит: не видать ли офицеров,— и от покупательниц принимает зелененькие, тихо и монотонно повторяя: «Три рубля* ведро, товарищи женщины. Три рубля...»

Живая рыба, тем более маловкусная — не палтус, не треска! — меня в те детские годы нимало не интересовала,— чему-то своему усмехнулся Николай Андреевич,— поэтому развернулся и направился в кондитерский отдел Циркульного магазина: в кармане теплилась рублевая бумажка-рыжий и двугривенный. Как раз на сто грамм конфет-подушечек.

Коль скоро весь город на другой день обсуждал нашествие мойвы, то наша учительница Анфиса Алексеевна, младший брат которой, по ее словам, учился на последнем курсе гражданского Мурманского мореходного училища на рыболовецком отделении, разъяснила, что раз в семь-восемь лет, когда киты из Гренландского моря и касатки из *нашего* Баренцева зачем-то спускаются в Северную Атлантику, то их пища — мойва невероятно размножается и гигантскими косяками движется по своему компасу на юг, достигает кольского побережья и забивает губы, заливы и гавани, как наша Екатерининская,— тупики для дальнейшего движения на юг. Отсюда и видимость попыток выбрасываться на берег. ...А когда я рассказал отцу в очередную побывку дома — на октябрьский праздник, про нашествие мойвы, столпотворению женщин-покупательниц на берегу и зоологическое разъяснение поведения этой рыбы Анфисой Алексеевной, то тот хмыкнул и заинтересовался только матросской торговлей, мол, ребята к празднику революции решили подзарабо-

---

* То есть еще не деноминированные, до 1961 года, три рубля — после реформы 30 копеек.— Прим. авт.

тать на водку, достать которую по милости Хруща* теперь что на Луну слетать... Только у гражданских «курьеров», которые за ней в Мурманск ездят, за двойную цену. Да их, курьеров-то, еще поди сыщи!

◆ — Я не утомил тебя, Лизок, пересказом внепрограммной лекции нашего Николая Андреяновича о любопытных зоологических типах кольского Крайнего Севера?

— Напротив. Только из первых уст редких очевидцев и узнаешь о таких вещах и делах. Только вопрос: к чему ваш уважаемый доцент это рассказывал студентам-технарям?

— А он сам пояснил в завершении своих северных воспоминаний: они практически иллюстрируют новую теорию его друга, профессора Игоря Васильевича Скородумова с биофака, суть которой: асимметрия действия в биоэволюции гегелевского диалектического закона единства и борьбы противоположностей...

— Уй-уй-уй, не раскалывай мою гуманитарную головку. Тем более, что находишь ее очаровательной, да!

— Вне всякого сомнения... как и все остальные части твоего стройного организма. Переведу на общедоступный русский: в каждом шаге эволюция сначала создает избыточность всего что угодно, а затем приводит к нужной норме ликвидацией этой избыточности.

— Я действительно гуманитарий, слабый на логику, если вчера сразу не сообразила, когда маман и бабушка начали говорить про перенаселение Земли и

---

* Из многих пакостей, что учинил Хрущев Северному флоту и Мурманской области, эта была первой: во всех «владениях» Северного флота, а это территория небольшой европейской страны, не считая морей, был введен полный «сухой» закон. Его отменили лишь через двадцать лет. — Прим. авт.

всякие азиатско-африканские вирусы, почему ты все порывался пересказать «лекцию» Николая Андреевича. Теперь дошло. Уй! аж зябко стало и как-то неуютно в ожидании участи пеструшек симпатичных и рыбки мойвы. Истинно, лучше и не думать об этом — кикимора услышит.

Глава четвертая

В КАЖДОМ РОДУ ЕСТЬ СВОЙ ХОДОК

◆ «В семье не без урода,— порой приговаривала Наталья Андреевна, старейшина рода Болховитовых, и чуть помолчав, добро улыбнувшись, добавляла,— если даже наш Костик красавец живописный со своими есенинскими рыжеватыми кудрями, весельчак и вообще источник семейного оптимизма». Относительно его единственной, в числе остальных, рыжекудрости, шуток и всяких пакостливых намеков среди друзей и знакомцев семьи Болховитовых не водилось: ушедший из жизни в год крымских событий и знакомства Егора с Лизой патриарх рода Болховитовых Василий Алексеевич, бывший флотский офицер, капитан первого ранга, с пенсионного возраста вернувшийся в родной город, имел до частичного поседения точно такие же рыжеватые кудри. А его супруга, ныне здравствующая Наталья Андреевна, по профессии учительница химии и биологии, заметив оттенок легкого недоумения, а у иного, явно подловатого на натуре, и многозначительно скривившуюся нижнюю губу, у нового гостя — явно на сравнении внешности старшего внука с остальными членами семьи, обычными темно-русскими (если таковой появлялся в отсутствии Василия Алексеевича или уже после его кончины) — вроде как между делом профессионально поясняла: вот вам классиче-

ский пример передачи наследственности через поколение.

Если же детсадовец, а затем младший школьник Костик жаловался родителям и деду с бабушкой, что ребята дразнят его: «Рыжий, рыжий, конопатый, убил дедушку лопатой», — то все та же Наталья Андреевна по-учительски доходчиво успокаивала внука: «Ты, Костик, вовсе не рыжий, тем более вообще не конопатый. У настоящего рыжего все такого цвета: волосы на голове, брови с ресницами, обязательно конопушки на лице, вообще вся кожа белесорыжеватого оттенка. У тебя же только кудряшки твои яркого цвета, причем вовсе и не рыжего, а красноватые. Как у дедушки Василия. А у него — от далеких предков такая расцветка досталась. А предками этими были переселенные еще при царе Алексее в Россию шотландцы с таким цветом волос. Их потомки до сих пор живут на Севере, в Архангельской и Вологодской областях. Вот оттуда кто-то из них и в наши места переселился. Вроде как в конце прошлого века, еще до революции. Так твой дедушка Василий говорит — по своих родителей памяти».

Но то маленький Костик плакался бабушке на обиду от сверстников по части своих ярких волос. Однако в классе шестом-седьмом все в школе и во дворе, особенно девочки и их матери, оценивающие будущих зятьев, с изумлением (девочки с восторгом) разглядели в Костике эдакого подрастающего херувима. А кто этого слова, тем более его смысла, не понимал, тот увидел подростка, обещающего через несколько быстролетных годов предстать красавцем лицом и стройной фигурой, очерченная правильным овалом голова которого венчается яркой волнистой шевелюрой, которую может сотворить только природа в человеческой наследственности, но перед такой естественной красотой бессилен самый искусный

мастер парикмахерского ремесла... Но матери восторженных девочек, неумело еще строящих глазки Костику, отойдя от первого впечатления, посерьезнели. Пошептавшись между собою, например, расходясь попарно или по-трое после школьных родительских собраний, опять же в откровенных разговорах подруг — без присутствия дочерей и мужей, пришли к общему мнению: если и позволить через несколько лет своим дочуркам общаться накоротке с красавцем Костиком, старшим школьников и студентом первых курсов, то, во-первых, исключительно для их женского оформления; во-вторых, тщательно их проинструктировать насчет предохранения от залетов. На этом и ставить крест дальнейшего общения: как возможный зять и муж (именно в такой последовательности значимости!) Костик уже не рассматривался. Категорически!

Оно по-женски и понятно. Одно дело красавица дочь: любого серьезного парня и мужика окрутит и в семье подкаблучником вмиг сделает. И всем хорошо: мать, она же теща, спокойна; дочь материально как за каменной стеной. Мужу же подкаблучнику одно и остается: с утра пораньше убегать из дома и до темноты трудиться, семью материальным достатком обеспечивать. При правильно поставившей себя теще и красивой, в меру капризной жене мужик как бы волею судьбы (редкий догадывается о планомерной женской рукотворности) поставлен в безысходное положение: хочешь отдохнуть от роли закабаленного — торопись на работу. Истинно о советском времени говорят: утром с охоткой на работу, вечером с удовольствием домой... надо полагать, чувство удовольствия от того, что весь световой день сумел провести подальше от своих домашних женщин... Вполне может быть и в этом правота жизни.

А вот Костик, достигнув жениховского возраста (в бесстыдных женских междоусобных разговорах:

когда пиписка подрастет), в подкаблучники не то что не годится, но вовсе не предназначен для данной семейной роли. При таком муже и теща остервенится, а о судьбе дочери страшно и подумать.

...Этим-то коллегиальным вердиктом матери школьных и дворовых знакомых девочек и предопределили всю будущую судьбу Костика, затем Константина Болховитова. Матери взрослеющих дочерей редко ошибаются в таких делах. Хотя бы и сами в жизни не одну промашку сделали — тем более: опыт учит!

◆ Не только яркие вьющиеся волосы, что сами создают прическу без услуг цирюльника, унаследовал Костя от своего военно-морского деда, следуя законам чрезпоколенной наследственности. Первенец-внук появился на свет в год начала горбачевщины, когда молодые его родители Валерий Васильевич и Елена Викторовна проживали в ленинградской квартире кавторанга Василия Алексеевича Болховитова и его супруги Натальи Андреевны. В тесноте, да не в обиде — не про их семейство, с рождением Костика ставшее трехпоколенным, сказано: как раз к женитьбе сына бравый сорокашестилетний капитан второго ранга, «сойдя на берег» с командования эсминцем Балтфлота, занял приличную должность ранга капитан-лейтенанта (недостающую третью звезду на погоны он вскоре же и получил; через полгода после рождения внука) в штабе флота. Как он сам домашним объяснил — в управлении приемкой надводных кораблей от промышленности. И частые командировки, кроме черноморского Николаева, все поблизости: Северодвинск и Сормово обычно. А новая служебная трехкомнатная квартира — по должности, по наследству от предшественника — и вовсе сняла препятствия к скорому расширению семьи. Так что на новоселье Наталья Андреевна, от своей вологодской деревенской бабуши знавшая множество пословиц и погово-

рок, провидчески сказала, что запас беды не чинит и хлеба не просит...

Даже несмотря на частые командировки, сухопутная жизнь — не по морям на корабле ходить, поэтому в ленинградскую бытность, на время которой выпало детство Костика, Василию Алексеевичу хватало домашнего досуга, чтобы внимательно наблюдать чрезпоколенное повторение его самого: не в деталях и обстановке, конечно, но в повторении общих черт характера. А переезд всем большим семейством в родной город Болховитова-старшего, после выхода в отставку с положенным пенсионом (успели так в начале «лихих девяностых» отхватить по линии военкомата аж редкостную для периферии четырехкомнатную квартиру! — бывшее начальство из переименованного Собчаком Ленинграда посодействовало), и вовсе этот наблюдательный досуг расширило. Работа («служба»! — как он строго поправлял), хотя бы по вольнонаемному, гражданскому реестру, но в военной приемке в НПО «Меткость» академика Гусакова, и вовсе регламентная, без командировок, с двумя положенными выходными. «Отдежурил на заводе восемь часов, тросточку в зубы и пошел гулять», — неточно цитировал он слова подкулачника из «Поднятой целины», грустновато усмехаясь. Все понимали: никак не отвыкнет от насыщенной неожиданностями флотской жизни, в том числе и недолгой береговой.

По мере отроческого и юношеского взросления Костика, хотя бы уже появились другой внук Егор и долгожданная невесткой Еленой внучка Женья, отставной мореман со смутным ощущением дежавю все более отмечал сходство старшего внука с собой — в его годы. Он и гордился такой мощной наследственностью, но в то же время постоянно чувствовал некоторую настороженность: слишком хорошо помнил перипетии своей молодости — опять же по причине

особенностей характера, которые с некоторой тревогой отмечал в своей копии. Начудесил же он в молодости предостаточно. Кое о чем табуированно даже супруге своей не поведал. Зато с хохотом в семейных застольях рассказывал о своих морских приключениях до службы во флоте и поступления в военно-морское училище в Ленинграде.

Дитя последнего предвоенного года, кстати как и его супруга Наталья Андреевна, до окончания школы и получения паспорта Василий Болховитов, уроженец и житель среднерусского города, и не помышлял о морской жизни. Но пятьдесят шестой год с его политическими бурями и всевозможными хрущевскими нововведениям наваял на молодежь страны романтику странствий. Понятно дело, умело направленную «партией и правительством» в русло государственных нужд и забот. Поваяло романтикой и на хулиганистого Василия, детско-отроческие годы которого пришлось на послевоенное время бывшего прифронтовым города — явно невоспитательное. Но на целину и сибирские стройки коммунизма ехать в их городе, исстари казенно-мастеровом, запьянцовском и вороватом, среди подростков и неженатой молодежи полагалось запахло. И здесь-то приученному родителями к чтению Василию в одночасье припомнились книги морских приключений. Нетерпеливый характер, к тому же развинченный хулиганистой вольницей их пореченской мастеровщины, ныне рабочей слободы, не позволили ему искать дорогу к морю дисциплинированным путем, благо аттестат на руках, а по содержанию головы ничуть не бестолков, — через военное или гражданское морское училище. И до армии — а он твердо решил во флоте служить — еще почти два года. Вот и двинул в Одессу к дальнему родственнику по матери. Тот, на его счастье, какое-то малоначалническое отношение к торгфлоту имел. Так и оказался Василий по лег-

кому благу и простым тогдашним нравам в шестна-
дцать лет, всего лишь с сомнительными двухмесяч-
ными курсами, чем-то навроде разнорабочего «по-
дай-принеси» на сухогрузе средиземноморской ли-
нии. Самым весомым приключением веселого парня
оказалось участие в драке «команда на команду» с
американскими матросами, тоже с торгового флота,
понятно, по пьяному делу, в греческом порту Пирея.
Чем-то он в той битве отличился, поэтому по прихо-
ду в Одессу его перевели с каплинии на социалисти-
ческую: Одесса — Шанхай — Владивосток.

И здесь он отличился на все сто! Судно стояло в
шанхайском порту на разгрузке-погрузке, команду
баловали увольнительными. Дошла очередь и до са-
лаги Василия. Он ранее слышал много хвалебных
слов о шанхайском пейцзю, особенно если им лаки-
ровать пару-тройку стопок местной же бейцзю, а
еще лучше — баландзю*. Что он в увольнении на
берег и испробовал, да так, что отстал от своей
тройки (в увольнении для бдительности отпусками
малой группой), заблудился, а тут к нему пристал
рикша: «Ти, русска сидеть, а я везу!» Вовсе забыл
Василий строгий инструктаж чифа**»: «Если возник-
нет необходимость — нажретесь до потери ного-
стояния или опаздываете к отходу судна, когда в
кабаке, у марухи портовой засидитесь, — то берите
такси, хотя и дорого это, но ни в коем случае не
садитесь к рикше! — это недопустимое унижение
братского китайского народа». Еще что-то чиф впол-
голоса добавил — но в сторону.

Василий, от неправильной пропорции в смешении
пейцзю с бейцзю, оказался в высоком градусе весе-
лости. Поэтому не только сел в повозку рикши, но

---

* Пиво, водка, коньяк, соответственно (кит.).— Прим. авт.

** Так на английский манер в торговом флоте именуется
помощника капитана.— Прим. авт.

по-купчески еще с десяток других нанял ехать за ним кавалькадой — дать подзаработать юаней братьям-китайцам. Великодушно поступил! На его несчастье, когда он с почетным эскортом подкатил по пристани к своему сухогрузу, по трапу его спулся шанхайский советский консул...

Во Владике его отправили в резерв торгфлота с рекомендацией руководству управления вообще постараться избавиться от конфликтного парня, но морское начальство опередила призывная повестка, пересланная во Владивосток по военкомовской связи. Поэтому Василия снабдили проездными деньгами — в качестве выходного пособия, — и он отправился через всю страну в свой город по месту прописки и призыва.

Учитывая личное желание, отменное здоровье (после конфуза с рикшей дал зарок не пить всю долгую транссибирскую дорогу) и какую-никакую мореходную практику, Василия без колебаний рекрутировали во флотскую службу. Так он оказался в учебке, а затем в электротехнической БЧ-5 нового крейсера Северного флота с базированием в Североморске. Поскольку то был осенний призыв, не имело смысла проситься вместо срочной службы на поступление в военно-морское училище: экзамены давно закончились, а до следующих без малого год. «Раньше следовало думать, — посочувствовал майор из военкомата, к которому обратился Василий, — где же тебя десять месяцев мариновать? Придется послужить — легче учиться будет потом».

Не видать бы было Василию офицерских погон на своих плечах, прослужи он положенные тогда на флоте четыре года срочной, но помог... Никита Сергеевич Хрущев: ни много, ни мало. Оболгав Генералиссимуса, так любившего пляски подвыпившего Никиты, начерно навредив в хозяйственной жизни страны, принялся реформировать флот. Вот и ко-

рабль, на котором Василий всего лишь год прослужил, отправили, наряду с другими крейсерами Северного и Балтийского флотов, на консервацию в Лиепаяу. Что-то похожее в пехоте и авиации творилось. Проще всего поступили с образовавшимся избытком офицеров: их отправили в запас, многих без пенсий, а Хрущев получил несколько сотен тысяч самых гневных его хулителей. Сложнее со срочными служащими: их-то по домам, как в мае сорок пятого, не развезешь?

Как и все остальные непродуманные нововведения Никиты, массовое увольнение в запас офицеров грозило через несколько лет обернуться их хронической нехваткой. Опять же разгон офицерского корпуса и гражданская «оттепель» с ее сопутствующим негативом в отношении к армии, как символу тоталитаризма. Отсюда и отток желающих поступать в военные училища. В Генштабе, выждав административную паузу после кампании с сокращением офицерского состава, спохватились. Так Василий, успешно сдав экзамены — школа еще не забылась, стал курсантом в черной форме. В Ленинграде конечно.

Год матросской службы на крейсере и учеба в военной мореходке выправили-таки нервности характера, чего не скажешь о волнистых ярких волосах. Возможно по этой именно причине Василий Болховитов и женился уже на втором курсе училища: очень увлеклась им и заставила увлечься ею самую Наташа Осипова, его ровесница, родом из вологодского села, студентка герценовского пединститута, но уже заканчивавшая учебу: она-то, пропустив всего год, поступила после школы, но не в своей Вологде (село ее рядом с городом), а в Ленинграде. Не столько престиж института Герцена, старейшего педвуза страны еще с царевых времен, здесь речь сыграл, но возможность проживания не в вологодской общаге, а в отдельной «своей» комнате квартиры

семейства родного дяди по отцу, работавшего в крупном кораблестроительном исследовательском институте, известного в своих кругах конструктора. По родству профессий, связанных с военным флотом, в семье дяди одобрили брак курсанта Василия Болховитова и племянницы-студентки. Когда же с третьего курса Василию было разрешено, как семейному, проживать дома, то таковым для молодой семьи и стала поместительная квартира заслуженного конструктора.

◆ Если характер деда выровняли флотская учеба и служба, то для внука Константина, увы (или к счастью для него самого?), не подвернулось такого сдерживающего препона. Вот почему дед Василий Алексеевич, отставной и вернувшийся в родной город сам-пятеро, то есть он с супругой, единственный их сын Валерий с женой Еленой и шестилетний внук Костик (на момент «великого переселения» Елена уже была беременна Егором), с каждым последующим годом размеренно потянувшейся жизни, без штормов Атлантики, слежения за маневрами кораблей американского Шестого флота (*6-th US Navy*) в Средиземном море... даже разносы начальства на сухопутной службе перед пенсией и те вспоминались ностальгически,— словом, в этой спокойной жизни тем с большим огорчением осознавал как неизбежное: внук, физиологическая характерная, только в годах масштабная, копия его самого, достигнув возраста первой молодости, не остановится, не остепенится. А что же дальше-то будет? И со вздохом делал отмашку то правой, то левой рукой: был он переученным левшой от рождения. И для пугающей клоновости Костик также левшой родился, но его в духе либерализующегося последнего советского пятилетия уже не переучивали.

«А Константин берет гитару и тихим голосом поет...». Действительно, чего ждать от левши, то есть

человека с преобладанием правополушарного мышления, которое в организме ответственно за всякие художественные искусства и творчества? — Так бабушка Наталья Андреевна, всю трудовую жизнь преподававшая в школе биологию, которой в пединституте имени Герцена научали очень серьезно, с научных позиций объясняла Василию Алексеевичу своеобразный характер их внука, заметив эту характерную отмашку супруга, сопровождаемую сокрушенным вздохом. На контрверзный довод того, что, дескать, и он должен быть левшой, но затем до пенсии беспорочно служил во флоте, где выверенная дисциплина и устав корабельной службы исключают эти искусства и творчества, Наталья Андреевна как-то очень искусно, по-женски затемняла биологическую научность: мол, у тебя просто художественность переигралась, что характерно для работы мозга, в морскую романтику... Да-да, язвительно подталдыкивал Василий Алексеевич, это как до выпрямителя бежит по проводам переменный ток, а после него постоянный. «И особенно не размышлять, товарищи матросы, не задумываться: зачем этот ток надо выпрямлять в постоянный. Ваше дело тугое: не перепутать входы и выходы этого выпрямителя. Понятно?» — вспоминал он учебный отряд Балтфлота, где его готовили к службе на надводных кораблях в электротехнических боевых частях.

...Словом, к восьмому классу Костик уже достаточно уверенно, то есть примерно придерживаясь нотной грамоты, играл на гитаре, а к окончанию следующего класса завершил с похвальной грамотой обучение в детской художественной школе. И вовремя завершил! — В тот год обучение сделалось только платное, а с подачи смелого реформатора, ласково прозванного в народе киндер-сюрпризом, курс рубля по отношению к доллару в одночасье упал в четыре раза. Затем здание этой школы и вовсе приватизи-

ровали, перепрофилировав в казино с бегающей световой вывеской *Petite Monte Carlo**, с рестораном на первом этапе и «номера для отдыха».

Когда к гитаре и похвальному листу за изобразительное искусство добавился и школьный аттестат с неровно прыгающими оценками предметных знаний, Костя — уже не Костик! — несколько задумался, даже пару раз в присутствии семейных неуверенно процитировал школьное: «У меня растут года, скоро будет их (здесь он задумался о цифре)... шестнадцать. Что же делать мне тогда, чем же мне заняться?» Но шестнадцать уже исполнилось, а после гитары, в двух последних классах, первая его любовь, учившаяся в музыкальной школе, на слух, который у Кости был превосходный, научила его игре на домашнем (у нее) пианино в «потребительском» репертуаре. В первый же год обучения сторожившая внучку ее бабуся умилялась чистой школьной дружбе, вспоминая свое детство, тимуровские заботы о старших, взаимопомощь одноклассников в приготовлении домашних заданий... Но на следующий год бабуся забрали в родственную семью с другим внуком. Родители Людвиг-тимуровки целый день на работе; брэнчание на пианино калужской фабрики (после войны вывезена по репарации из восточногерманского Мейнингена) становилось все реже, зато соседней по дому с неважной звукоизоляцией начали интересоваться странные дневные стоны и аханья за стеной. Бдительные пенсионерки дали знать родителям музыкантши Людочки. Внезапная инспекция матери имела для нее два противоречивых чувственных порыва: негодование и невольная зависть с обидой. Первый — по статусу матери, благопристойной семейной женщины, верной своему мужу жены. Воз-

---

* «Маленький Монте Карло» (название по-французски с грамматической ошибкой).— Прим. авт.

можно такому же. Второй — от лицемерия современной половой раскрепощенности, которой молодежь на «отлично» обучается просмотром кинопорнухи. Конечно, и мать, уже замужняя и с дочуркой Людочкой, в девяностые годы в узком кругу подруг, собравшихся вволю поболтать и посплетничать насчет чужих баб и их мужиков, после пары рюмок поддельного ликера-«бабоукладчика» «Амаретто», залакированного бокалом (раньше его фужером называли) молдавского порошкового мартини, включали видик, смотрели смелые фильмы. Восхищались изысканностью и недоговоренностью французских, очаровательной наивностью итальянских. Притворно отплевывались при просмотре тевтонски грубой немецкой порнухи, озадачивались усложненной техничностью *a la* голливудской.

Но увидев — для надежности диагноза пару минут в щелку двери подсматривала — эпизоды фильмовых сюжетов не на экране, а вживую, с участием дочери? — она и почувствовала эту невольную зависть с обидой. Как, она, цветущая в свои сорок, да еще без целого года, лет второй, самой плотской молодости, так и не решилась за почти двадцать лет замужества разохотить своего благоверного, напрочь лишённого постельной фантазии, на что-либо иное, кроме как дедовских скромных поз (так в кругу подружек принято говорить)? А здесь недоросли, юнцы малолетние, чего только не творят? — в пору с них самих порнуху снимать! А опытный женский взгляд отметил и мужскую гордость в роду Болховитовых — мигом вспомнились порнофильмы с двухметровыми неграми...

Не известно, что более возобладало в цветущей второй молодостью — кровь с коньяком! — Людочкиной матери: негодование по части морали или понятная зависть, возможно и второе, но для юных сексофантазеров все окончилось ликвидацией любов-

ной базы. Срочно вновь выписана бабуся, заступившая на бессменную вахту. Сладка ягодка закончилась. Костя научился лабухать на фоне, а входившими в обиход почасовыми квартирами оба брезговали, да и небезопасно: можно самим в порноиндустрию невольно и без оплаты встроиться. А тут экзамены выпускные на носу... словом, расстались добрыми друзьями. Настолько добрыми, что в последующей взрослой жизни позволяли себе при случае вспомнить шалости юных лет.

◆ Впрочем, послешкольная задумчивость Кости длилась не дольше пары недель после получения аттестата. Вышку — на новорусском диалекте — твердо решил получить по художественной части: в Москву! в Москву! Но бабушка Наталья Андреевна охолодела в присутствии всего семейства, как обычно, своей вологодской присказкой: «Губу раскатай толще, брюхо будет тоньше — а ты и так не жирен». И разъяснительно продолжила: «Сейчас Москва не то, что не советская, как ранее, а и вовсе иное государство в государстве. Для жизни там деньги нужны немалые, а у нас, к сожалению, как сейчас с иронией говорят, никто не удосужился в воры-казнокрады, спекулянты-перекупщики и иные честные предприниматели, России спасатели, в депутаты на худой конец, выйти. Ума у всех палата, а небрезгливых талантов нет! Такоже ты рыжий-рыжий, кучерявый, значит бабник в тебе намечается ходоковатый, как же в семье да без ходока по этой части! — и рюмку уже сейчас мимо рта не проносишь... Как говорится, аз пью квас, а увижу пиво, не пройду мимо».

И всякие другие качества старшего внука, опасные для столичной жизни в течение пяти-шести лет учебы, долго перечисляла. Окончила же, начав за упокой, за здравие: «Давай-ка в бывший наш, где и ты на свет появился, Ленинград!» Домашние засуе-

тились: гора с плеч упала. Действительно, и там должны быть художественные институты, та же знаменитая почтай со времен царицы Екатерины живописная академия. Главное — за столько лет, как уехали из города с еще прежним названием, не потеряли связь с семейством дядьки Натальи Андреевны. Сам корабельный конструктор, увы, почил. И не только открытками на Новый год обменивались, но и взаимно гостевали в отпускное время.

...Самое существенное, и Костя пришел к выводу, что это наилучший из возможных вариантов. Проживание в дружественном, памятном с детских лет семействе само собой редкая удача для жизни во втором столичном городе. Но главное в другом: в гении живописи рафаэлемикельанджеловские выйти зарекаться глупо. Да и кому они сейчас нужны в стране и в мире? Учиться станковой живописи, акварельной и пастельной лирике в московских институтах? — опять же на ветряную мельницу дуть. А времена на дворе стоят уже две пятилетки настолько практические, что без мелочи в кармане и в сортир общественный по нужде не зайдешь. Конечно, есть запиаренные малеватели портретов на заказ, но далеко не всякий в их число сможет попасть. Только и остается завидовать: изобразил с нарочитой небрежностью (время — деньги; дескать, в европах так сейчас в моде) физиономию олигарха с трехдневной щетиной — положил на свой счет сумму в зеленых с приятным числом.

А там, услышав про модного портретиста, уже в очередь записываются которые из грязи в князи, прослышавшие, что для престижа делового следует не только поменять прежнюю простоватую супругу на алчную стервозину-фотомодел, но и запечатлеть себя в каком-либо искусстве. Проще всего в живописи. Опять же, если мазила «с именем», то и выгодное помещение капитала. Слышал как-то из теле-

ящика, что общая стоимость картин какого-то *Пикассы* аж десять арбузов* долларов. Вот и тянутся к высокому живописному искусству представители нового класса-гегемона: легализованные бандюганы, чьи морды с трудом влезают в размеры холста, власти телевизионных дум — депутаты, не сходящие с экрана, серьезные банкиры. За ними тянутся рангом поменьше. И хотя последние платят с меньшим числом нулей, но запиаренный живописец и ими не брезгует: курочка по зернышку себе прокорм добывает...

Да, размышляя Костя, самый высший класс — выбиться в топ-гоп, как сейчас говорят, в абстракционисты. Здесь недостижимый светоч все тот же Пикассо. За полчаса мазюкал свои бессмертные шедевры, менял стиль под публику и заказчика. Образец художника-торгаша с постоянным устремлением «попасть в майстрим», опять же по-нынешнему: вашим и нашим; состоял в коммунистах и продавал свою абстрактную продукцию по большой цене европейским и американским банкирам. Но куда там, эх... чтобы этим самым гоп-стоп в абстракции стать, надо либо в историческую эпоху, как Пикассо, попасть, а в основном — лишь в памяти лет через восемьдесят, как наши гипермодернисты кисти двадцатых годов, в знаменитости выбиться. Но это уже печально. И выбиться в абстракционисты-модернисты потому архисложно, что предложение невероятно превышает спрос: искусство рисования здесь излишне, а число банкиров, что особенно уважают абстракцию на стене своего кабинета, увы, ограничено.

Помечтал, помечтал Костя о высоком в квадрате: живописи и ее оплате, — вернулся на грешную зем-

---

* Речь здесь идет о самом начале двухтысячных; на сленге тех лет арбуз — миллиард (ниже но номиналу лимон, штука).— Прим. авт.

лю, ныне носящую на себе сугубо практических людей. Предложением же своим, столь бурно поддержанным всем семейством, бабушка Наталья не Америке для Кости открыла, но только утвердила его в самолично созревшем мнении, а именно: сейчас не времена Рафаэлей и Микельанджелов, не эпоха славных русских передвижников девятнадцатого века, когда цари и великие князья из Петербурга, а Третьяков из Первопрестольной конкурировали в приобретении полотен, не жалея тысяч рублей в золотом обеспечении. Тем более не славные советские годы: за идеологически выдержанные картины в классическом исполнении присуждались Сталинские премии, на которые можно было безбедно жить. Их сменили Ленинские и Государственные*, несколько меньшие по бухгалтерским проводкам, но тоже не фунт изюма!

...А времена сейчас миллениумные: по вызову и заказу. Бывшая советская халтура с оформиловкой нынче стала во главу угла, переродившись в поставленные на индустриальную основу рекламу и дизайн. Когда в доме произносилось последнее слово, все хохотали, вспоминая некогда рассказанный одним из гостей, коллегой по работе Валерия Васильевича, отца Кости, добрый, еще советских времен, анекдот: «Прибыл молодой специалист по распределению на предприятие, представился своему начальнику, на его вопрос, что нужно для работы? — ответил: кульман, ватман и рейсфедер. Тот ласково улыбнулся, дескать, Кульман в отпуске, Ватман в командировке, а

---

* Принятое толкование (в школе нам так объясняли), что Государственная премия есть (хрущевская) замена Сталинской премии неверно по смыслу. Вторая из названных — личная, частная, как бы сейчас сказали, премия от Сталина: ее денежная часть формировалась из гонораров Вождя за публикацию его трудов; первая же именно из государственных средств.— Прим. авт.

Рейсфедера за помятый вид по понедельникам отправили на месяц в колхоз. «Вы не поняли, я — дизайнер». — «Ха-ха, вижу что не Иванов». Сам рассказчик, Семен Львович Гольдштейн, отчаянно хохотал.

Наиболее престижное, оно и единственное по прикладному профилю подготовки, высшее учебное заведение — это Художественно-промышленное училище имени Веры Мухиной в Северной столице. Долгие сборы — лишние хлопоты. Тем более времени до начала экзаменов в обрез. На вокзальном перроне, усаживая Костю в одиноко стоящий вагон, который вот-вот должны прицепить к составу «Адлер — Санкт-Петербург», домочадцы дружно желали «успешного начала взрослой жизни». «Благослови, мать», — шутейно хмыкнул Василий Алексеевич, по-флотски принявший на грудь в вокзальном буфете сто пятьдесят, обращаясь к супруге. На что Наталья Андреевна по-новомодному перекрестила внука, но в сторону тихо промолвила: «Лихости не уймешь благостью»...

◆ «Прощайте, скалистые горы, на подвиг отчизна зовет», — порой запевал гимн Северного флота Василий Алексеевич, в своей кочевой флотской службе побывавший в Североморске и Полярном, на семейных торжествах в последующие пять лет учебы Кости в Мухинке, когда по-флотской традиции он поднимал тост за отсутствующих. Женщины, Наталья Андреевна и мать Елена Викторовна в особенности, даже младшеклассная сестра Кости Женья, грустновато при этом вздыхали, высчитывая: сколько-то времени осталось до приезда их Костика домой на летние каникулы или внепланово на недельку перед Татьяниным днем. И очень все огорчались, если тот звонил с неутешительным для них: на зимние межсеместровые собрались с друзьями покататься на лыжах в Карелии или «халтурка подвернулась

во городе во Пскове». Летняя же каникулярная пара месяцев обычно сокращалась вполтину: практика «с этюдами в худотделе текстильного комбината Иванова»... Зато иногда и внеурочно, неожиданно, да с парой однокашников, заявлялся к радости домочадцев. Но это на старших курсах, когда по обмену удавалось командироваться в ближнюю к дому столицу. А после четвертого курса и вовсе с другом Лехой приехал на все лето (Леха на обязательный месяц) в родной город: по разрядке именно в нем сама практика образовалась в тогда еще не выкупленном и снесенном под строительство торгово-развлекательного центра главным купцом города Гарином Мовсеяном градостроительном институте Приокскгражданпроекта.

Пребывая дома, Костя старался не огорчать семейственников. Если и пропадал из виду, то не более двух-трех суток — это летом. Но всегда вежливо предупреждал: очно или по телефону звонил. Дед Василий Алексеевич еще со старших школьных лет внука одобрял в нем хорошее качество: не пронося рюмку мимо рта, да и не одну, никогда не напивался до положения риз. В крайнем случае покачивался, но так элегантно и ненавязчиво для сторонних глаз, что можно было принять за веселого человека, пританцовывающего под одним им слушаемому мелодию. «Молодец! — хвалил дед, — по-флотски это у тебя выходит: вроде и выпил, а на вид приятен. Как говорит Андреевна, пьян да умен, два угодия в нем. Так, Костюха, держать!»

И сама Наталья Андреевна была того мнения, что пьяный проспится, а дурак никогда. Ее же школьная подруга, в смысле коллега по учительской работе, преподававшая литературу, часто бывая в гостях у Болховитовых, доверительно отметила, что-де очень Костя, ближе к окончанию своего ленинградского училища, подходит под определение Льва

Толстого в «Воскресении»: «...Это где автор знакомит читателей с фигурой Нехлюдова: как и все светские люди, он перед обедом выпивает для аппетита водки, в ужин вина и так далее. То есть постоянно находится в состоянии веселости, но при этом безукоризненно выглядит, остроумен, находчив. Так и ваш Костя, дорогая Наталья Андреевна, истинный джентльмен, из тех, для которых подлинно вино не во вред, но даже в пользу. Главное, всем приятно на него смотреть — глаза отдыхают. А уж девушки, как я понимаю...».

Про девушек регулярно в письмах, сначала обычных, рукописных почтовых, а с началом повальной мобильной телефонизации и изустно, докладывала Наталье Андреевне старшая из ленинградского, сейчас петербургского, семейства, приютившего студента Костю. По-ленинградски дипломатично, по-родственному обстоятельно и доверительно отслеживали жизнь молодого живописца. Впрочем, ничего особо беспокоящего в тех письмах и телефонных звонках не содержалось. Так что Наталье Андреевне ни разу не потребовалась на случай запасенная присказка про блудного сына — ранней седины отца...

Огорчало домашних только уверенное желание Кости по окончании Мухинки остаться в Ленинграде, где со специальностью его не то что было где закрепиться, но обещало если не заоблачные гонорары Пикассо, то уж со временем положение, позволяющее забыть сколько копеек в рубле. ...Кстати говоря, из всех абстракционистов он признавал только Сальвадора Дали, который свой модернизм совмещал с живописной классикой; проще говоря — умел рисовать, а не только измочаленной в краске метлой мазюкать по полотну.

Все та же доверительная питерская родственница к завершению Костей учебы намекала: постоянная девушка у него появилась, из очень приличной се-

мы, к Косте хорошо относится, так что примаком возьмут до самостоятельного домоустройства... Но, как сокрушалась Наталья Андреевна, бог не мишишка, видит на ком шишка, — когда Костя с новеньким, еще пахнувшим терпкой типографской краской, дипломом объявился в родном доме — без предварительного звонка, в то время, когда по предположению всех Костя должен был бы «окольцовываться». С прямою, достойной древнеримских консулов, он объяснил родителям и деду с бабкой, что по неизжитой до конца провинциальной доверчивости попал в историю, после которой и мечтать о породнении с семьей, в которой наличествует депутат городского собрания, а сын — старший брат несостоявшейся невесты, уже юрисконсульт экспортно-импортной фирмы, штаб-квартира которой размещается в бывшем великокняжеском дворце, не приходилось. Более того, следовало забыть и о самом пребывании в Питере. «Дело не уголовное, уберите испуг с ваших честных лиц, — усмехнулся с горчинкой провинившийся, — а сам я всего лишь стрелочником оказался на малом полустанке деловой жизни, далеко не персонажем «Бандитского Петербурга», польстился и прельстился... ладно, как-нибудь расскажу свои мемуары. Пока же примите в свои огорченные объятия слегка блудного сына без пыток и дознаний».

Даже бабушка Наталья снова не решилась после этих слов озвучить присказку про блудного сына — причину ранней седины отца.

Последующие годы жизни возвратившегося к родному очагу Кости, так и не ставшего в стороннем общении Константином Валерьевичем, особо не огорчали домашних. Работа художником-рекламщиком давала более-менее достаточный прокорм. Не в Питере, но в родном городе ушел в примаки, женившись. А когда родился сын, нареченный в честь возликовавшего прадеда Василием-младшим, то от-

ставной кап-один и Наталья Андреевна, вкупе с ними и родители Кости, вовсе успокоились, дескать, ходок-то наш слегка умиротворился, вот и Каринка его перестала порой им жаловаться на вольнолюбивого супруга... «Не сглазьте,— бдительно замечала Наталья Андреевна в домашнем кругу,— каждая сосна своему лесу кланяется»,— загадочно добавляла она, не поясняя свою наследственную деревенскую мудрость слов.

Гром прокатился по небу, когда Василию-младшему исполнилось четыре года: с шумом развелись его родители. Из мстительности вернув себе девичью фамилию Бутенко, Карина Алексеевна с сыном теперь живет с родителями, как жила и до Кости. Трудится, имея экономическое образования, полученное в местном филиале московского финэка, в небольшом офисе заместительницей управляющего. Замуж почему-то вновь не вышла, но имеет уже долголетнего женатого друга... как сейчас говорят.

Если сказать, что Костя в штиле жизни опять попал в полосу умиротворения, то только в смысле обретения новой постоянной подруги с модным ныне именем Анфиса, на одиннадцать лет его моложе — в прошлом, двадцатом году ей на пять лет побольше исполнилось. Впрочем, в отличие от Кости, на службе ее величают, несмотря на молодость, полным титулом: Анфиса Анатольевна, поскольку является она референтом в департаменте культуры областной администрации. Рядовым, конечно, референтом, но для разного рода сторонних посетителей-просителей все одно Анфиса Анатольевна. По образованию культуролог, опять же рóзлива местного университета, в департаменте — по небольшим связям родителей. Даже Наталья Андреевна с ее строгим советским и военно-морским воспитанием давно ничему не удивляется в части жизненных перипетий старшего, все так же неизменно любимого внука, в том числе и его

отношениям с новообретенной подругой: у Анфисы имеется отдельная от родителей квартирка, но Костя, привыкший после давнего развода считать своим домом семейную квартиру Болховитовых, благо сестра Женя ушла замуж, Егор тоже собирается, живет то с родителями и бабкой, потом на неделю-другую с Анфисой уединяется, затем снова возвращается... Впрочем, все ко всему привыкли.

Глава пятая
**В ЦАРСТВЕ
ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ ГРЕЗ**

◆ Если в трехпоколенном семействе Болховитовых Костя значился любимым баловнем, его младший брат Егор еще в младших классах делегировался по части серьезного умствования («Самый умный из армян — Петросян»*), — подмигивал школяру Егорке при встрече во дворе их сосед Вазген Варданович), то долгожданная дочь и внучка Женя отождествлялась у каждого по-своему. Бабушка Наталья загадывала в ней идеальную жену и домоправительницу. Елена Викторовна на правах матери прочила Жене поуютнее устроиться в наступившем бардаке (родилась в девяносто четвертом году), а раз в стране главную и единственную роль стали играть деньги, желательно в валюте, то получить ныне востребованное образование и выйти замуж за успешного человека, причем покладистого в семейной жизни, словом «чтоб не пил, не курил, тещу мамой называл» — как-то пропела она дурашливую песенку, а

---

* Шутливая советская присказка, в девяностых года еще бытовавшая: «Самый храбрый из армян — Баграмян; самый хитрый из армян — Микоян; самый умный из армян — Петросян». Понятно, что имелся в виду знаменитый шахматист.— Прим. авт.

флотски грубоватый Василий Алексеевич, правда, про себя, добавил ядреную рифму к последнему слову.

Они же и в мужской солидарности с сыном Валерием, отцом Жени, конкретности на будущее внучки и дочери не загадывали, понимая статистическую бесполезность этого дела. Главное, был их вердикт, чтобы не выросла стервой, попрекающей мужа рюмкой и клянчащей без конца колечки-цепочки, а детей не воспитывала бы инкубаторскими куклами.

Мнениями девятилетнего Кости и трехлетнего Егорки о будущем новорожденной их сестрички никто не интересовался. Но самое интересное, что все эти пророчества сбылись в своей совокупности. Даже несколько более позднее Костино предречение, когда третьеклассница Женя взяла мобильник брата, приехавшего из Питера на каникулы и потому отсыпавшегося после гулянки с друзьями школьных лет, набрала номер уже *домашнего* телефона своей подружки и трепалась с ней, похваляясь звонком с сотового (тогда детям еще не покупали такие штуки), до полного исчерпания денежного содержания. А Костя при выезде домой солидно зарядил свою машину. Проснувшись, обнаружив обнуление счета и проведя дознание, только и сказал сокрушенно: «С такой болтливостью, недержанием словесного поноса, быть тебе, Женька, по причине бескостности языка какой-нибудь журналюгой в местной газетенке или на том же телерадио. Будешь грезы навевать сонной провинциальной публике. Вот будете по литературе Горького «На дне» проходить, обрати внимание на слова одного тамошнего персонажа, вроде как Сатина... я их почти даже запомнил: «Если к правде святой мир дорогу найти не сумеет, честь безумцу, который навеет человечеству сон золотой». Ладно, сеструха, мне сейчас освежиться следует, не до тебя». На предложение же пристыженной сестренки возместить убыток из своей копилки, еще бабушкиной

фарфоровой кошечки, Костя рассмеялся, мол, за неимением простой пишем на гербовой, примиряюще махнул рукой: «С первого гонорара о трудовых подвигах местной администрации расплатишься». И направился к выходной двери, хриловатым с умеренного похмелья голосом напевая: «В кейптаунском порту, с какао на борту, «Жаннетта» поправляла такелаж...». С детских лет перенял у флотского деда: тот исполнял ее наутро со вчерашнего застолья после поднесенной бабушкой Натальей освежающей стопки.

♦ Все сбылось *in summa*, как щеголял своей латынью юрист Денис Курков, ставший в положенное время супругом Жени, для младшей в семье Болховитовых. После школы без труда поступила на журфак МГУ, побрезговав местным университетом, в котором бывший главный редактор областной газеты «Юный ленинец», а теперь ее владелец, создал кафедру журналистики. Тогда главная кузница акул пера страны находилась еще под патронажем бесменного Ясена Засурского, который продолжал держать марку факультета. Это все к тому, что в непустой, очаровательной головке Жени достаточно отложилось, чтобы оправдать надежды — и расходы на жизнь в столице! — родителей и, само собой разумеется, Василия Алексеевича и Натальи Андреевны. По понятной причине расходная часть лежала на родителях, уверенно закрепившихся в административно-депутатском корпусе областной власти. «Взятки не берем, а благодарностью не преминем отметить», — одобрительно сказала Наталья Андреевна, когда по окончании журфака с подачи и связей родителей Женья тотчас определилась на областном радиотелевидении. Для журналистов место это если и уступало по доходной части сорокавосемиполосной газете «Толока» — частной владычице желтой прессы в городе, то совсем немного. Тем более, что в последние годы окончательного укрепления вертика-

ли власти и стремительного ужесточения порядка во всем желтая пресса начала жухнуть, все более ориентироваться на «как бы чего не вышло», а значит и терять аудиторию. Тем более, что прямо на глазах, буквально в два-три года, когда из Китая подогнали эшелоны со смартфонами, а начавшаяся пандемия китайского вируса вконец разобщила людей, уединила их по квартирам, то бумажные газеты почти вышли из обихода. Так что Женья еще раз убедилась, что судьба изначально ведет ее верным курсом — так это определил отставной флотской офицер Василий Алексеевич. А бабушка Наталья на его же язвительное замечание об «административном восторге» провинциального телевидения примирительно высказалась в том смысле, что где жить, тем богам и молиться... На том и сошлись.

Другое предназначение судьбы новонародившейся дочери и внучки Женечки тоже сбылось буквально: это об устройстве личной, семейной жизни. В традициях рода Болховитовых — ранее замужество; в год окончания столичной учебы поменяла урожденную фамилию на Куркову, исконный владелец которой Денис Николаевич, на четыре года ее старше, что отдавало таким аристократическим англоманством, окончил местный университет по юридической специальности и работал юрисконсультом на умеренно крупном пригородном мясокомбинате, контрольный пакет акций которого принадлежал его отцу. Сын же Денис полагался и единственным наследником. Впрочем — это дело далекого далека; в свои пятьдесят пять лет Курков-старший, здоровяк и любитель моржевания, даже не подумывал об отходе от дел в ближайшие два десятка лет.

Семейное предназначение даже с перевыполнением получилось: пятилетний сын и трехлетняя дочь, новомодно названные Романом и Роксаной, соответственно, невообразимо радовали оба семейства в

старших поколениях: Болховитовых (увы, правнучка Роксана появилась на свет уже без старейшины Василия Алексеевича) и Курковых.

Само собой разумеется, никто бы на областном телевидении не стал держать сотрудницу, только что закончившую журфак, что с перерывом в два года становится роженицей, но в отношении Жени работали сразу два останавливающих момента: во-первых, гордумовское депутатство отца и мать в областной администрации; во-вторых, что наиболее существенно, ее квалификация — от факультета Ясена Засурского — и как-то она умела неафишированно проходить стадии беременности (фигура помогала, подлаженная под спортивную?), тем более в загородном доме мясопромышленника Куркова-старшего было кому до минимума сокращать послеродовые отлучения Жени от трудовых телебудней.

Хотя автономность языка Жени от мысли, когда за первым не поспеешь и босиком, от детских лет уверенно перешагнула в студенческую юность и замужнюю молодость, но не стала определяющей в жизненных ситуациях, а значит и не раздражающей окружение: в семье и вне ее. Даже Василий Алексеевич, вплотную приблизившийся к восьмидесятилетию, одобрительно замечал, что единственная их внучка почище своих брательников умеет отделять котлеты от мух: «В этом, мать (обращаясь к Наталье Андреевне), и бабское начало, вне всякого сомнения, роль свою играет, но и наша порода верховодит с годами: пей да дело... тьфу! в смысле в поле жнец и на дуде игрец. Словом, Женька наша на глазах поумнела, что в лихолетные эти времена, будь не к ночи они помянуты, тем паче к стопке-другой под домашнего соления сало, единственное условие, даже для женщины, не двинуться рассудком». А заужал семейный патриарх внучку, когда темой дипломной работы та взяла исследование происхож-

дения семейной фамилии в связи с топонимикой, то есть названиями местности и поселений западной окраины нашей области, исторически приходившейся на окский водораздел.

◆ Идея исходила от деда Василия, любителя-историка, уважавшего после второй стопки порассуждать о родовых корнях. Начинал он, когда собирались в семейном кругу (с гостями — избегал, чтобы ненароком кого не задеть), с ругательств по адресу нынешних выскочек примерно в такой интонации: «Эк графьев-то и князей нынче развелось, особенно в столице! Там в каждом квартале свое дворянское собрание соорганизовалось, где нанятые за умеренную плату якобы знатоки геральдики, то есть студенты истфака за компьютером, уже за приличную плату осчастливят любого желающего графским, баронским — если фамилия на немецкую похожа, княжеским титулом. Если клиент малоденежен, то получит грамоту о простом столбовом дворянстве с выпиской из шестой книги перечня дворянских родов Российской империи. Вот так-то! Все упростилось и опакостилось. Размечтались, разгулялись сукины дети: из черноземной грязи в сиятельства и светлейшества! Почудилось им в девяностые — двухтысячные года, что весь мир окоемный из западных фильмов у них под ногами: виды с боингов, что на смену последним советским самолетам приходят, на Ниццу, Рио, экзотические острова... А того, сволочи, не понимают, что еще немного времени и вновь будут в ватниках, но уже китайской фабрикации, щеголять и на жратву зарабатывать, от зари до зари горбатятся: потребность в пресловутом «среднем классе» исчерпана. Олигархическая пирамида выстроена и намертво зацементирована».

Добавив третью, Василий Алексеевич добрел голосом и душой, переходил на собственную родословную. Дескать, если мы и из дворян, то посконно-

домотканых. Никогда и ни на что не претендовали, а если и вспоминаем порой, то больше со смехом. В кварталные геральдические конторы не обращаемся! А то вот знакомый архитектор наемни выправил себе дворянскую грамоту: две месячные зарплаты спустил.

...Когда на последнем курсе журфака пришло время выбирать темы дипломных работ, то, припомнив дедовы родословные рассуждения, и решила по жанру исторического журналистского исследования взять происхождение в пятнадцатом-шестнадцатом веках странного дворянства на берегах Оки в ее течении где-то между нынешними, впрочем и тогдашними, городами Белевым и Алексиным. От тех времен дошло и известное историкам поименование этих мест: Страна князей. Тему утвердили, но слегка ехидно посмеялись, прочитав в Жениной аннотации, что исторический аспект исследования будет конкретизирован примером рода Болховитовых: «Что ж, Евгения Валерьевна, тема ваша сейчас актуальна. Как это у Ильфа и Петрова архивист Коробейников говорит? — «Живем мы, знаете, как на вулкане... Все может произойти... Кинутся тогда люди искать свои мебели, а где они, мебели? Вот они где... Вот господа спасибо и скажут старичку, помогут на старости лет...» — заведующий кафедрой любил щегольнуть своей аутентичной памятью, — значит и ты решила застолбить в новой жизни страны свое происхождение из Страны князей, да?» — «Немного не так, просто в тему хорошо вписывается, — и, вспомнив одну из присказок бабушки Натальи, вовсе рассмешила завкафедрой, ценившего находчивость в людях, — какова Аксиныя, такова и ботвинья».

Не только фантазийные послестопочные рассуждения деда Василия подвинули Женю к выбору темы диплома, но как-то прочитанная, по рекомендации бабушки, историческая книга «Кара», изданная в

двух частях, местного писателя Грекова*. Двухтомник этот Наталья Андреевна получила с дарственной надписью от самого автора в бытность своего учительства: в ее школе учился внук писателя, и мать его как-то привела на предпраздничный вечер приехавшего в город из своего Белева отца — по его просьбе: посмотреть как и чем живет в начавшиеся «переустроечные» годы средняя школа, ученики и их наставники. Заинтересовавшись фамилией Болховитовой, завязал разговор с учительницей биологии, а спустя некоторое время передал ей через дочь и внука историческую свою книгу, только что изданную.

Читала Женя книгу, учась в десятом классе, и была поражена версией, явно не учитываемой школьной историей — и вообще историческим воззрением на разгром Святославом Хазарии, государства-химеры в дельте Волги. Правда, она уже была подготовлена ранее прочитавшей «Кару» бабушкой Натальей, а с ее подачи и Василием Алексеевичем. Оба соглашались с новым словом в древнерусской истории. Получалось, что Святослав, не видя возможности, не имея большого войска, напрямую пройти от Киева до Хазарии степью — частью контролируемого хазарами Шелкового пути (с этих доходов они и жили-здоровствовали, да еще данью обложили всю срединную Русь и поволжские финно-угорские и тюркские племена), — защищенную цепью мощных крепостей-городов, решил на обходной путь. А именно: подняться войску от Киева до верховьев Оки, где она уже судоходной становится,

---

* Реальное лицо, был в дружеских отношениях с автором; оба состояли в Тульской писательской организации еще с советских времен. Виктор Яковлевич являлся директором Белевского художественно-краеведческого музея, активно публиковался в редактируемом нами литературном журнале «Приокские зори». На первые две книги «Кары», что успел издать Греков, нами были опубликованы рецензии. — Прим. авт.

а это окрестности будущего города Белева. Именно здесь на берегах Оки, сплошь заросших мощным сосновым лесом, что корабельным называется, еще до прихода Святославого войска, по заранней договоренности, присланные балтийскими варягами — родичами рюриковских киевских князей и заглавных воинов их дружин, которым хазары тоже поперек пути «из варяг в греки» стояли, — мастера-корабелы спешно построили множество гребных судов-лодий.

Флотилия с воинством Святослава прошла Оку, затем по Волге приблизилась к владениям хазар, не подозревавших о приближавшейся рати своих погубителей. Для сохранения тайны похода, еще при выступлении из Киева высланные вперед до Оки и далее по берегам этой реки до впадения в Волгу группы лазутчиков уничтожили хазарских сборщиков дани со славянских племен древлян, туровских дреговичей и вятичей, их присланных и местных приспешников. Особые посольские люди Святослава на берегах Волги — от впадения в нее Оки до волго-донской степи, — населенные финно-угорскими племенами черемисов-марийцев, мордвы, вотяков-удмуртов и тюркских чувашей и болгар, изнемогавших от хазарских поборов дани, с их помощью и усердием истребили всех, сколь-либо связанных с Хазарией.

Удар войска Святослава на незащищенный фланг странного государства, производившего только один продукт — рыбий клей из осетровых хребтов, был неожидан, внезапен и беспощаден. Уже не Олегово «отмстить неразумным хазарам», но полная ликвидация Хазарии, от которой отныне осталась только глухая историческая память... и загадки мирового уровня, например, о переселении изгнанных хазар на территорию Полоцкого славянского княжества и нынешней Восточной Польши, которые — тюркский народ с иудейской верой — и стали именоваться восточными евреями-ашкенази... «ну-у, внучка, —

комментировал исход хазар с низовьев Волги в Центральную Европу Василий Алексеевич, — это дело темное... потому что ясное». На вопрос же школьницы Жени: как хазары смогли пройти через Киевское княжество и непроходимые леса Срединной России? — дед отвечал контрвопросом: а как это в еще более глухой и непроездный, непроходимый шестой век угорцы с Северного Урала — мадьяры, ближайшие родственники *нашим* косякам, хантам и мансям, сумели перебраться всем народом на нынешнюю Венгерскую равнину?

Выбрав дипломную тему, Женья вспомнила читанную в школьные годы «Кару», где было упоминание и о Стране князей. Поскольку преддипломную практику она оформила в их областном «Юном ленинце», то в библиотеках города нашла и прочитала другие книги Грекова. Не особо доверяя неряшливому в фактах и датах интернету, почти месяц, как на работу, ходила в областную библиотеку с приличным ее фондом разновременных изданий. В итоге в положенный срок завершила и сдала на внутренние рецензии журфака свою дипломную работу, которую дед Василий, горделивый своей родовой причастностью, нарек Семейной сагой рода Болховитовых.

◆ Эту Сагу (Женья защитила диплом на отлично с устным добавлением плюса от самого Ясена Засурского!) дед Василий, ради такого дела не пожалев половины своей полковничьей (каперанговой, строго поправлял он иного неуча в различии флотских и сухопутных воинских званий) пенсии, в тайне (тайне полишинеля, конечно) от внучки отпечатал в лучшем городском издательстве «Грифон» сотенным тиражом книгу Жениного диплома. Да не просто издал, но в твердом переплете с суперобложкой.

«Когда в конце пятнадцатого века, спустя ровно столетие от Куликовской битвы, после исторически знаменитого Стояния на Угре, что в нынешней Ка-

лужской области, последний золотоордынский хан Ахмед (Ахмат по-другому) так и не решился перейти этот приток Оки и вступить в бой с московским войском, а бежал в Азов, где и был убит, Москва уже превзошла своих соперников, Владимирское и Тверское княжества, припугнула и Рязань,— все более становясь новым, после Киева, центром Руси...» — так начинала Женя свое исследование о Стране князей. Далее на полутора сотнях страниц отпечатанной дедом Василием Алексеевичем книжки достаточно бойким и грамотным языком, с приличествующими историческому исследованию ссылками на печатные и архивные источники, таблицами и характерными для описываемого времени иллюстрациями, излагалась живописная быль приокского самопального дворянства без владений людских и недвижимых.

Москва оттеснила от великокняжеских устремлений Владимир, Тверь и Рязань. Относительно Новгорода и Пскова беспокоиться было еще рано: эти феодальные республики, торговые по характеру, жили обособленно, и не претендуя на главенство Новой Руси. Да и у московских князей руки не доросли до их покорения; руки эти были связаны волжскими татарами — остатками Золотой орды, тем более непрекращающимися набегами сильной и воинственной крымской конницы. За спиной крымского хана стояла могущественная Турецкая империя, а грабежи Руси, Польши (до ее договора с султаном) и всех славянских земель между Черным и Балтийским морями являлись единственным «народнохозяйственным» промыслом крымчаков.

Но не татары в долгосрочном плане озадачивали Москву. От крымской орды отгораживались по краю Дикого поля засеками и крепостями-кремлями. Волжских же татар усиленно и дипломатично переманивали под крыло Москвы, давая мелким ханам

княжеские титулы и наделяя их землей... за счет все еще подозрительного Рязанского княжества. Так и двум братьям Касиму и Кадьму целиковые уезды с городами пожаловали: это нынешние Касимов и Кадом в Рязанской области...

Нет, беспокоила в геополитическом, как сейчас говорят, плане Литва, с конца четырнадцатого века — Великое княжество Литовское, существовавшее почти два столетия до Люблинской унии и образования Речи Посполитой. Вот в эти два столетия пятнадцатого и шестнадцатого веков Литва, именовавшаяся номинально по самоназванию прибалтийского литовского племени — жмуди, включая латышей, пруссов и собственно литовцев, основной территорией имела населенные русскими, еще не разделившимися на велико-, мало- и белорусов, земли от Прибалтики до реки Оки, а по географической долготе от бассейна Немана и Западной Двины до Подолии и Киева, включая древние княжества Полоцкое, Витебское и Смоленское. Князь Гедимин именовал себя князем Литовским, Жмудским и Русским. Государственным языком и разговорным на большей части литовских земель являлся русский, письменность тоже русская по азбуке кириллицы — как и в Руси московской. Соответственно и преобладающее вероисповедание — православное, как и в Москве — до обретения своего патриарха при Иване Грозном, Константинопольского патриаршества. Даже неоднократно литовские князья предпринимали попытки устроить собственную православную литовскую митрополию, но в Константинополе не решались: султан был против. При великом князе Ольгерде русскость Великого княжества Литовского достигла апогея.

Так крепнущая Москва в лице русского же Великого княжества Литовского в период его наибольшего могущества обрела конкурента на роль будуще-

го центра собранных воедино русских земель. Попутно оба Великих княжества противостояли общим врагам: Литовское на западе сдерживало тевтонов и нейтрализовывало поляков; Москва добивала Золотую орду, а на юге оба противостояли Крымскому хану — заодно и с Польшей.

Общие враги, общая русская принадлежность, но главное — примерно одинаковая военная и экономическая мощь, препятствовали прямым захватам сопредельных земель, тем более открытому воинскому противостоянию...

«Вот в такой своеобразной ситуации выяснения лидерства в создании Второй (после Киевской) Руси,— писала далее Женья,— и появилась на оскской границе, от русского Белева до литовского Алексина выше по течению реки, такое неформальное этно-территориальное образование, в чем-то хитрованное и даже смешное, а по сути тактико-геополитическое, как *Страна князей...*» (Женья выделила жирным курсивом вновь вводимое в исследовании наименование).

...На этом месте Василий Алексеевич, читавший только что привезенную, пахнущую типографской краской книгу вслух всему собравшемуся семейству, кого удалось позвать Наталье Андреевне для такого торжественного акта, закрывал и откладывал изящно изданный томик, а последующую историю и фактологию Страны князей излагал в своей интерпретации, в смысле — совпадавшей по содержанию с дипломной работой Жени, по облеченной в неказенный русский язык, обогащенный здоровым флотским юмором. Не в смысле «дурак ты боцман и шутки твои дурацкие», но в объяснении простых причин сложных следствий. Как он сам предваряюще пояснил слушающей аудитории злободневным примером: «Не след искать многомудрых толкований хреновых последствий обычного дела. Вот, к примеру, цены, особенно на съедобное, постоянно растут. А в теле-

ящике актеры, играющие там роли «выдающихся экономистов», разъясняют: это плановая инфляция, ничего страшного, граждане россияне. Мне же смутно помнится со школы еще и училища, что при инфляции цены и зарплаты с пенсиями синхронно растут. Здесь же только цены; остальное же без изменения. Как-то встретил в булочной, куда меня Андреевна откомандировала, Геннадия Тихоновича, дружка послевоенного детства. Он с экономическим образованием, так все мне растолковал: это не инфляция, а *дефляция*; попросту говоря — безудержный рост дороговизны и обнищание народа. Причины, Алексей, и сам не хуже меня знаешь».

◆ В пересказе дедом Василием дипломного исследования внучки Жени история и бытование Страны князей живописалось сочным языком, где все просто и не замутнено всякими политкорректностями, толерантностями и прочей лабудой.

...Коль Москве с Литвой запахло был друг друга саблями полосовать и огненным боем из пушек и пищалей истреблять, то на границе, что между ними проходила от Болхова, что пониже Белева — здесь Женька промахнулась! — до Алексина, это где-то под триста километров, по Оке в среднем ее течении, странное позиционное действие образовалось и длилось под двести лет. Это примерно как в затишье между боями в Отечественную — батя мой воевал, — пехота с обеих сторон в траншеях, землянках и блиндажах, каждая в своей линии, себя в порядок приводит, махорку (немцы болгарские сигареты) покуривают, обед опять же вовремя... А как ночь опустится, так с той и другой позиций разведчики за языками выходят на задание. Кому как повезет.

Вот и на пограничной Оке тихо и спокойно, мужики по обе стороны землю пахут, на рождество и пасху, а кто и на все двенадцатые, водку пьют. Про границу вспоминают только когда наступают

самые неприятные дни взимания подушной подати: прозвища уплативших вписывают в казенные бумаги-столбцы с разными — по ту и по эту сторону Оки — гербовыми печатями. А так попы везде одинаковы, в одних бурсах обучались: крестят, венчают, отпевают по единым требникам. И не то что гостевать через неширокую здесь Оку на лодках, а кое-где и на паромах, переплывают, но в заводе и невест искать на другом берегу, а там и за чесную свадебку, мол, хорош брат, сестру свою продал; хороша и сестра — от брата на другой берег сплыла.

Но то простой народ: хлебопашцы, торговцы, мещане и ремесленники маленьких городков, что стоят на обеих сторонах реки, церковные причетники с самими попами. Те же сельские старосты, содержатели трактиров и кабатчики, даже волостные и уездные начальники и стрельцы, блюдущие порядок.*

Но время от времени на восточный, русский берег Оки наезжали казенные люди из Москвы, а на западный, литовский — таковые же из Смоленска и Полоцка. О чем-то они наедине говорили со старостами, городскими начальниками, а прибывшая с казенными их челядь, сплошь из ловких и охальных на вид и разговор людишек, пронырливо шныряла на противоположном берегу, что-то выискивая, высматривая, расспрашивая. Кто им казался нужным — заводили в питейные места, не скупилась. Разгулявшись, не то что полуштофами, но и четвертями хлебного вина щедро поили граждан «сопредельного государства». Известно, что русский человек (по обе стороны реки) казенных денег не жалеет на полезные знакомства; чуть приметил — в трактир идет, ибо всюду вхож, как медный грош.

---

* Любительски знающий историю, Василий Алексеевич, описывая состав жителей приокского края, скорее соотносил его с более поздним временем, где-то первой половины XVII в.— Прим. авт.

Пошастав, ушами пограбастав, через пару недель возвращаются челядинцы на свою сторону, доносят своему казенному начальнику из Москвы, Смоленска или Полоцка потребное тому. А дальше самое занимательное начинается.

В один погожий денек, а казенные люди всегда прибывают в летнюю распогодь (зимой жизнь замирает) обычно накануне праздника — очень уважают веселый Петров день, переезжает московский посланец с ближними своими спутниками Оку на литовский берег и сразу берет курс (все же отставной каперанг рассказывает!) на сельцо Стрекалово — потомственный удел Трифона Недоузка, полученный его дедом за усердие и полезное участие в Грюнвальдской битве: отличился простой конник в сражении с тевтонами, за что и был пожалован Стрекаловым с окрестными деревеньками. Так себе удел, за час с небольшим взрослый мужик неторопко прошагает, намылясь в соседнее село: там новый кабак открылся, потому для привлечения людишек штоф водки на грош с деньгой* дешевле отпускают. Место на Оке здесь густо сосновым лесом поросшее, потому земледельцев** в уделе у Трифона Недоузка маловато, в основном смолокурением, бортничеством да огородничеством народ пробавляется. Одна забота у Трифона: подать со своих людишек собрать и перед Смоленском вовремя и сполна расплатиться, а не то, не дай бог, и до Вильны кляузы дойдут...

Скушновато живется безтитульному Трифону Недоузку, а тут на радость гости под Петров день пожаловали с московского берега и не с пустыми

---

* То есть 3/4 копейки.— Прим. авт.

** «Вот тебе, бабушка, Юрьев день» в России наступил только в самом конце XVI века, а в Литве властям так и не удалось ввести крепостное право. То есть в рассматриваемое время на обоих берегах проживали удельные, свободные крестьяне.— Прим. авт.

руками: малый бочонок водки с собой привезли, да не простонародного зелена вина купоросной очистки (оттого и зеленоватый цвет), а анисовой, княжеской! Поди в здешних местах анисова масла укупи и на нем отстои до высшей прозрачности и вкуса хлебное вино. И закуски как для пира: окорок вяленый, кусы буженины медвежьей, копчености разные и вовсе здесь невиданное: полотки, как поленья размером, семги с архангельского Беломорья и искра осетровая, что татары-купцы в Москву поставляют с низовья Волги. И это в самые постные, безубоинные летние месяцы!

День пируют — знакомятся, другой пируют — прощупывают гонцы настроение хозяина. На Петров день истово отстояли церковные службы, а затем продолжили: бочонок прикончили, запасной в ход пошел. А московский гость — сама душа нараспашку! — все потчует, да ладно так приговаривает: пей вино, да не брагу; люби девку, а не бабу... И уже к замыслу своему ненавязчиво Трифона подводит, мол, большой в дому, что хан в Крыму. Пора тебе, Трифон Ипатьевич, самостоятельности в своем уделе прибавить, не числиться окраинным мелкопоместным, про которого если в Смоленске и Вильне помнят еще, то только по записям податным. Давай-ка к нам под десницу Великого князя московского (с Ивана III — государя московского): титул княжеский получишь, послабление по податям на многие годы твоего княжения... Много чем улещал сладкоголосый и обходительный гость, сам с титулом «из детей боярских», простоватого Трифона — и уговорил все же!

Писарь при уговорщике мигом грамотку-прошение для Трифона начертал: прошусь, мол, под державную руку Москвы. Довольный гость убыл, а через непродолжительное время уже государев подьячий из Посольского приказа привез в новый удел

Московского государства жалованную грамоту с княжеским титулом. Теперь Трифон Ипатьевич именовался князем Стрекаловским — по названию его сельца, а подати — на первых порах щадяще сниженные — сдавал сборщику от Белокаменной.

...И противоположная сторона не льком шита, тоже шлет казенных людей на московскую сторону, угощают щедро владельцев крохотных уделов, пожалованных их предкам за доблестное участие в Куликовской битве и верное служение на заставах, сдерживающих крымскую конницу на Муравском шляху. Ущадят привезенной зубровкой «с великокняжеского стола», а на закуску вяленным и копченым из зубритины и кабанятины. С рыбкой у них похуже супротив московской, но все одно с Немана, Западной Двины и Балтики есть чем угостить. Гладишь — и новый литовский князь на восточном берегу Оки объявился! Так за двести без малого лет все берега реки от Белева до Алексина чересполосицей объявились уделами московских и литовских князьев-новоделов. По каждому из них Посольский приказ и соответствующее этому рангу виленское ведомство ведут ленивую переписку («Это как у нас в шестидесятые годы в каждом сообщении утренних новостей по радио обязательно присутствовало «тысяча двести такое-то решительное и последнее китайское предупреждение» Америке за нарушение его воздушного пространства», — посмеялся рассказчик). Но на том дело и заканчивается. — До следующего нового князя.

«Вот так и образовалась уникальная Страна князей, — завершал пересказ своими словами дипломной работы внучки Василий Алексеевич, — и наш давнишний предок вроде как сподобился. Моя родительская, дедовская и так далее родная деревня — сейчас ее вовсе нет, а раньше и селом с церковью была — называлась Болховское. Не путайте с ор-

ловским городком Болховым или нашим поселком Болоховым, где до сих пор пекут хлеб по советскому стандарту, поэтому его у нас в городе и разбирают тотчас. Нет, наше Болховское располагалось на восточном окском берегу где-то на полпути между Беловом и Суворовом нынешними. Отцу моему его дед что-то говорил о далеком нашем княжестве — за переход в подданство Литве, а Женька в московском архиве кое-какие подтверждения тому нашла, что-де князья удельные Болховитовы, владевшие селом Болховское, литовского пожалования этим титулом».

Вовсе же закончил свое изложение дед Василий своими догадками (Женя до этого пункта так и не смогла архивно-исторически добраться) в части исчезновения Страны князей: худо-бедно сохранились лишь фамилии, но уже не княжеские, а обычные, порой даже и не дворянские вовсе.

...Посольский приказ, равно как и виленское ведомство, безудержно одаряя сельских владельцев скромных наделов за невеликие воинские дела княжескими званиями, относились к этому как к мелкой политической игре, а потому подлинные грамоты на титулы выдавали, но в росписи дворянских родов обоих Великих княжеств, тем более в Шестую книгу титулованных — это на Руси, вряд ли вносили. Где-то там, в геральдических заглавниках, списочки какие может и велись, да сгинули в веках бурных событий истории обоих государств. А подлинные грамоты у новоиспеченных князей? — За них деньги не платят, вот и хранились небрежно за божницей в почти что деревенских избах их владельцев. Какие из них за последующие столетия сгорели, либо при выезде из обветшавших домиков запомнили полуистлевшие грамотки на новое место забрать... Чей-то род вымер, обнулив новокняжеский титул. Так и ушла в небытие легендарная Страна князей.

«Так давайте же поднимем еще один тост за

прошлое наше княжество,— произнес Василий Алексеевич, делая вид, что не замечает осуждающий взгляд Натальи Андреевны (эх, разгулялся любитель истории!),— побывали, ребята, в царстве провинциальных грез — и баста!»

Лихо опрокинув стопку, добавил-таки разговорчиво: «Прошло княжество наше как сон в летнюю ночь — кто-то из знаменитых сказал. Или вот в моем любимом фильме поют: «Есть только миг между прошлым и будущим. И только он называется жизнь». Еще метко Костюха под гитару хулиганит:

*Будьте здоровы, живите богато,
Насколько позволит ваша зарплата.
Если зарплата жить не позволит,
Тогда не живите — никто не неволит.*

И еще я вам, ребята, скажу...». Но здесь уже вступила в свои права Наталья Андреевна: «Да хватит тебе, дед! Болтовство не ремесло. Если же руки к рюмке тянутся, то давайте за Женю нашу!».

Глава шестая

НЕСОСТОЯВШИЕСЯ СРЕДНЕКЛАССЦЫ

◆ Женя не присутствовала при чтении ее дипломного проекта, изданного рачением гордого за внучку деда — уехала в Москву с парой десятков книг: похвастаться на журфаке и со столичными подружками-однокашницами погулять, повспоминать совсем недавние студенческие годы. Но слова деда о царстве провинциальных грез, которые тот сплагии-тир у Кости, когда-то первым их озвучившим, настолько засели в голове, что уже через год работы в местной телерадиокомпании, замужняя и на третьем

месяце беременности грядущим сыном Ромой, сама с собой согласилась: а не прав ли был Костя, когда в ее школьном детстве предрек ей возвращаться в этом царстве? А вот сейчас, по истечении первого года третьего десятилетия нового (она ведь хотя и дошкольные шесть годков, но прожила в предыдущем?) века уже без «ли» полностью соглашалась со старшим братом.

Последние годы своей жизни — скончался в восемнадцатом году — дед Василий Алексеевич с горьким юмором повторял, что семейство их поделилось на две «социальные краюхи». В одной он с Андреевнй, внуки Костя и Егор (про первого добавлял: со своими бабами), которые не прильнули к якобы новокапиталистическому корыту, что он безусловно одобрял. А вот сына Валерку с супругой Еленой и внучку Женю относил к «несостоявшимся среднелассцам». Причем Женю именно самую, условно не учитывая ее мужа Дениса, сына мясопромышленника. Хотя бы семейство внучки и проживало в свое удовольствие в загородном особняке («импортного» слова коттедж дед не признавал) родителей Дениса Куркова. Тем самым Василий Алексеевич признавал определенную самостоятельность Жени: не бытовую, но как черту их, Болховитовых, родового характера. Сам он, — со слов сказительницы Натальи Андреевны — суть этой характерной черты полагал в том, что хоть черта взнуздай, да меня не замай; в смысле: богатому черти деньги куют.

В первые два года работы Жени на телерадио, когда дед Василий еще не покинул этот бранный мир, при каждом приходе внучки он со вниманием выслушивал ее рассказы о своей работе: это был совершенно новый, незнаемый им мир. Даже пробовал искать нечто полезное в этом деле, хотя бы Наталья Андреевна очень скоро, со своим биологическим репертуаром, определила сущность служебной

занятости Жени как нечто среднее между клаустрофобией и гемералопией*.

— Отчего же? — заинтересовался Василий Алексеевич, — термины эти, как ни странным вам (беседа шла втроем с присутствием Жени), дамы, покажется, знакомы мне по флотской службе: матросов в учебке для корабельной службы подбирают без этих славных качеств. Называют их по-русски, но мне как-то знакомый военврач за... гм-м, беседой на коротке их латинские названия сообщил. Поясни, Андреевна, раз сказала. Ведь слово не воробей, а?

— А все просто. Боязнь закрытого пространства равносильна постоянному стремлению возвращаться среди людей. Вроде это естественно для человека, но засела в голове не помню где прочитанная мысль Льва Толстого, что всегда следует обдумать в уединении услышанное в общении с людьми. Что-то в таком роде. Значит, клаустрофобия не позволяет, говоря в переносном смысле, человеку уединиться и хорошенько подумать. Значит, Женечка, твой род занятий исключает, по определению, сколь-либо серьезные размышления. Я права?

— Вне всякого сомнения, бабуся; я же служу на фабрике провинциальных грез! А гемералопия коим боком моей персоны касается при стопроцентном зрении от рассвета до заката?

— Здесь символизм еще проще: при свете юпитеров, или как там сейчас у вас по-американски именуется, все ярко высвечивается, а как погаснут они, так и при двухсотпроцентном зрении все вокруг погружается в серую муть. И это не простая, секунд на десять, инерция глаз, но неумение различать полутени, которые и дают образы мира...

— Да ты, Андреевна, на старости лет совсем

---

* Куриная слепота (медицинск.). — Прим. авт.

зафилософствовала, — восхитился Василий Алексеевич, — полутени? образы?

— Все, все, дорогие прародители, — сказала Женя, вставая, — мне пора в нелюбимые вами частнособственнические, среднеклассные пенаты; Ромка сегодня с утра капризничает, не хуже вас меня взглядом упрекает. Ничего, подрастет и тоже станет называть меня смесью гемералопии с клаустрофобией. Привет всем! — и Женя исчезла за дверь.

◆ Несостоявшиеся среднеклассцы — по приговору Василия Алексеевича — сын его Валерий с супругой Еленой, родители Кости, Егора и Жени, на свет появились с разницей в год — в пользу Елены — в самом начале золотого советского двадцатилетия; Лена же и вовсе родилась в первый день денежной реформы, хрущевской деноминации, в которой рубль обогнал доллар на целых сорок копеек. Политически народ отнесся к этому событию положительно, но с крохотным размером новых денег, от рубля и выше, в сравнении с прежними, восстановленными в сорок восьмом году Сталиным по формату царских денег, где сторублевка чуть поменьше школьной тетрадки, отнеслись различно. Мужики в целом одобряли: уже разнеслась по всей стране молва, что-де сам Никита Сергеевич дал указание рисовальщикам новых кредиток: поменьше, чтобы мужикам легче от баб заначку прятать. Женщины же, более склонные к суевериям и отсутствию логики, ворчали: больно деньги-то малы, не успеешь сосчитать, как сквозь пальцы уйдут. Но вот ребятню размеры денежных бумажек нисколько не волновали, поскольку при новых деньгах кредитки им уже не перепали от родителей, только мелочь. А она, кроме шрифтов надписей, не изменилась. Зато в восторг их привело введение полтинников и рублевиков. Малолетние скопидомы в такой «валюте» копили денежки на заветную мечту: только что появившиеся в

продаже карманные транзисторные радиоприемники, что массово освоил радиозавод имени Серго Орджоникидзе в городе Сарапуле на Каме. Старшеклассники, пригласив на вечерний сеанс одноклассницу, небрежным барским жестом выкидывали целковый на столешницу кассового окошка. Юная же мать новонародившегося сына Валеры на замечание мужа в день получения зарплаты новыми деньгами, что-де кучка-то маловата по размерам, примиряюще и весело ответила по-вологодски: «С алтыном воюют, без алтына горюют! Так что мой будущий контр... нетнет, лучше вице-адмирал, хоть рублями-рыжиками получку свою домой приноси, но чтобы она планомерно и регулярно в толщину росла».

Хотя и говорится, что чужие дети быстро растут, но вот и Валерка вырос, женился на Елене в год окончания знаменитой ленинградской, она же родом еще питерская, «техноложки». И сама она в этот же год получила диплом о финансово-экономическом образовании. Не замедлил появиться на свет и первенец Костик. До переезда большой семьей в родной город Василия Алексеевича, вышедшего в отставку (в запас — всегда педантично уточнял он) в звании капитана первого ранга, сын Валерка скоренько стал Валерием Васильевичем, начальником цехового техбюро в объединении «Светлана», членом «нашей» партии — в расчете на ускорение должностного роста. На том же предприятии, флагмане послевоенных пятилеток, трудилась и Елена Викторовна Болховитова, урожденная Евсеева... хотя отчеством ее, старшего экономиста в соответствующей службе объединения, еще редко баловали — в основном командированные на «Светлану», которым Елена подписывала отпускные на продукцию ведомости и ордера на поставленные на предприятия материалы и сырье. Ее подпись была нижней, начальной, а сверху еще пяток строк, но командированные снабженцы суть на-

род предупредительно вежливый, непременно красивую, в первой женской молодости, экономисточку по имени-отчеству назовут и ловко ввернут сувенирчик из их родных мест: непритязательный, соответствующий должности, но с тонким расчетом на малую женскую признательность — по служебным делам, разумеется.

...Само собой разумеется, молодым супругам с удачно, правда более в перспективе, начатой служебной карьерой и не думалось перебираться из столицы, хотя бы и второй по ранжиру, в провинциальный областной город, но — человек так, а бог иначе. Словом, как все разросшееся семейство Болховитовых не надеялось, что по выходу в отставку (в запас, в запас — нервничал Василий Алексеевич) каперангу его служебную квартиру переведут в разряд личного жилья, но обычный в советское время прецедент не случился. Начало «лихих девяностых», все и вся продается за наличку, даже в дисциплинированном военно-морском ведомстве...

Итак, перед молодыми Болховитовыми вопрос дальнейшей жизни стал ребром — бритвой Оккама, как невесело философствовал Василий Алексеевич после третьей стопки, — а именно: оставаться им, уже сам-трое с Костей, в очередной раз переименованном городе на Неве, мотаясь по съемным квартирам (Елена не питерская, родом из латышского Гулбене, где исстари проживали русские старообрядцы) — и это-то в совершенно безденежные начальные девяностые годы? — или вместе со старшими ехать хотя и в провинциальный, но недалекий от Москвы областной город, откуда родом Василий Алексеевич, где ему все же улыбалось военкоматовское счастье — четырехкомнатная квартира, но с неременным условием: на пятерых человек, а иначе двушка для каперанга с супругой!

Поскольку ни у старших, тем более ни у млад-

ших Болховитовых не было чем крикнуть, да денежкой брякнуть, чтобы все было по желанию каждой семейной пары... опять же Москва, накопительная воронка круговорота всех денег страны, еще не до конца разворванной, в трех часах езды на электричке? — Прощай, переименованный Ленинград, орденоносное объединение «Светлана» тож. Партбилеты оба Болховитова сохранили: Василий Алексеевич из искренней преданности своей советской родине, а сын его на случай возврата к прежнему: и дорога не всегда пряма — петляет.

◆ Близок каравай, да не укусишь, а Москва, как и Питер, стоит на болоте, ржи в ней не молотят, а лучше деревенского едят... все вологодские присказки матери, слышанные Валерием с детских лет, всплыли в его памяти, когда по переезду в Тулуповск пробовал он поначалу сунуться в ближнюю столицу. Увы, там уже все схвачено: то ли Валерий с парой годков, самых «хватательных», запоздал с въездом в новый стиль жизни, а скорее прав оказался Василий Алексеевич: «Ты, Валерка, уже стар для полного переиначивания. Опять же — сложившийся продукт советской эпохи. Наконец, гены у тебя, как мать по своей биологической училкиной профессии говорит, не из того мешка, где деньги шелестят, насыпаны. Конечно, посуетись, пока сороковник не стукнет. Лоб не разобьешь, но шишек набьешь — для пользы: остепенишься, поймешь мою правоту. А так... не ошибусь, если скажу: и лишний рубль у тебя заведется, и в семье стойкое благоустройство Елена почти по-флотски устроит. Хорошо, что вырастили мы тебя с матерью не трусом, но осторожным в делах и мыслях; значит не сопьешься во временных трудностях жизни и налево по бабскому полу (беседа шла *tête-a-tête* за бутылочкой армянского) Штирлицем будешь ходить: никакой Мюллер не подозреет...».

При всей воспитанной осторожности поведения и благоприобретенной в ленинградской, умеренно диссидентствующей среде вольных семидесятых годов изворотливости, слово отца-моряка для Валерия всегда было решающим. Поэтому, убедившись на фигуральных шишках на лбу, что нынешняя «златоглавая» не для него, решил продолжить начатое на «Светлане» и без труда устроился на Механический завод замначальником сборочного цеха. Понятно, как и все предприятия города, мехзавод с первых сталинских пятилеток являлся сугубо оборонным. И если он вмиг не развалился в начале девяностых, как большинство таких заводов в стране, то только потому некоторые цеха его уцелели, что выпускаемые «изделия» состояли на вооружении сухопутных, военно-воздушных и даже военно-морских объектов. По регламенту, которого никто не отменял, завод должен был, хотя бы и в сниженном, минимально-достаточном объеме, но поставлять эти самые «изделия» в войска: взамен утилизуемых, расходных, отслуживших свой срок. И если ухнувший в небытие Варшавский договор отсек значительную часть импорта, но оставались контракты с арабскими странами. Все это худо-бедно, где со скрипом, а чаще с матерком и уговорами, позволяло дымиться заводским трубам... правда, не всем и в одну смену вместо прежних двух, а в конце месяца и круглосуточной.

Должность же замцеха («Замцеха наш, товарищ Сатюко, намедни в клубе так скакал», — это сокращение бытовало еще до Высоцкого), причем цеха выпускающего, самого крупного, Валерий, теперь уже заслуженно Васильевич, получил сходу, едва представившись директору: «А-а, с самой ленинградской «Светланы»? С опытом цеховой работы, техбюро заведовали, а потом начальником участка (это Валерия повысили перед самым увольнением)? — Так это просто замечательно, со всех сторон произ-

водство знаете! Стой-стой... не сын ли Васьки Болховитова, что во флоте служит? А-а, уже в запасе и на родину вернулся! Надо же, мы с ним пацанили — в школе одной учились, постарше меня чуток, но дома наши бревенчатые почти по соседству на Буденной улице, что за Всехсвятским кладбищем в сторону Попова болота... Ну-ка, я уж тебя по свойству на «ты» буду теперь звать — давай-ка домашний телефон, сегодня же позвоню, встреча отлагательств не терпит. А насчет тебя, Валера... Васильевич, все на место стало: никаких испытательных и примерочных. Пойдешь в главный сборочный замчеха, но со скорой перспективой на начальника: Петрович, в смысле Виктор Петрович Косталындин, через год-полтора на отдых просится. Тебя сам бог послал: даже с руководящими кадрами дефицит образовался; все кто помоложе с последнего ума свинтились, в частнособственничество ударились, все какие-то свои свечные заводики мечтают открыть, дурачье! В сказки телевизионные поверили, дескать, предприниматель — новой России спасатель! Будут вместо наших «изделий» медные тазы и пластмассовую одноразовую посуду в сарайчиках, что в домовых задворках, штамповать. Бизнесу им захотелось — шахтерскими лопатами доллары загребать! Ох, дурачье же стоеросовое. Ну-у, год-другой на перепродаже китайской тушенки «Великая стена» или баночных сосисок в томатном соусе, списанных с европейских складов, впроголодь продержатся, а потом с понурой головой ко мне придут взад проситься... Возьму, конечно, но не выше сменных мастеров в заготовительный цех. А ты — молодец! Сам сообразил или Василий подсказал, что страну разворуют другие люди, не с заводов и полей которые?»

Через год Валерий стал начальником цеха, а ближе к смене веков и тысячелетий вошел в состав совета директоров — очередная причуда с наимено-

ваниями: из мухи в слона — занял крепкие позиции... но здесь заводские трубы вовсе перестали дымить, завод законсервировали до лучших времен. В начале двухтысячных годов предприятие все же частично оживилось, заказ для армии поступил, но Валерий Васильевич уже по иной стезе ступал уверенно. Еще раз попробовал водвориться в частное дело, уже не в столице, а в своем городе, но опять все шло ни шатко, ни валко. Задумался серьезно: трое детей — Елена оказалась истинной дочерью староверов! Из заведенных за десять с лишним годов пребывания в городе знакомцев некоторые к тому времени прочно осели по административной и партийно-депутатской части. Опять же и Елена к тому времени в областной администрации утвердилась. Удачно продав свою офисно-складскую недвижимость, по совету и даже необременительной (я тебе, ты, возможно, когда-либо мне) помощи этих приятелей Валерий подался в депутаты гордумы, выбрав, опять же по их доверительному совету, условно-оппозиционную, то есть таковую по названию, устойчивую партию. Итак, уже полтора десятка лет трудится Валерий Васильевич слугой народа. Все к нему привыкли, сам он поводов нежелательных не давал со своей воспитанной осторожностью. Шутил в домашней обстановке: «То ли я к депутатскому креслу прирос, а может и оно не хочет меня отпускать?» А Василий Алексеевич после второго срока депутатства сына припоминал читанное из старых русских романов: «Ты, Валерка, теперь вроде как в чине непрямого гласного городской думы. В царские времена такие должности давали солидным купцам первой гильдии, что не скупались жертвовать на строительство городских храмов, на содержание приютов и других богоугодных заведений. Которые же с образованием университетским — это ближе к началу двадцатого века, — так и вовсе стипендии для

обучения способных, но неимущих юношей их города, в столицах и «университетских центрах» учреждали. Гм-м, а вот сейчас времена иные: не жертвуют, не учреждают, а места занимают? Оно может и к лучшему, на отсидку не попадешь: за малое воровство — мандат депутатский неприкосновенный оберегает, а по крупному тебе и нужды нет связываться. Ведь не купец первогильдейский, что остановиться не может в наживе. Так что, Валерьян, место кормит, работа — языком чесать — не ломит, главное, как говорили в *наши прежние* советские времена: что нужно мужику, когда он из дома поутру выходит? — чтобы одеколоном «шипр» пахивал, а в кармане три рубля и чистый носовой платок. Так-то!»

◆ Если супруг унаследовал черты флотского характера, неуместно дополненного веселой расхлябанностью золотых советских лет в Северной столице, то сама Елена, по принципу противоположностям сходиться, вместо воспитанной осторожности имела врожденную безотносительность ко всему, что принято считать настораживающим. Это и посейчас свойственно потомкам староверов, столетиями привыкших справедливо полагать: особого добра от чужеверцев ждать не стоит, а хуже им уже и не может быть. Ленинградское же студенчество — совершенно иное, нежели житье в Питере на вольных хлебах.

Оба они иногда даже щеголяли интеллигентностью своего знакомства, а именно в Русском музее, хотя пришли туда с различными намерениями: Елена — коря себя, что за время учебы так и не побывала там, торопилась наверстать упущенное; но вот Валерий собственно и не входил в здание бывшего Михайловского дворца, славного творения Карла Росси, превращенного в музей вечным соперником Третьякова по собиранию полотен русских художников императором Александром Третьем. И пока Елена с восторгом неопита рассматривала «Послед-

ний день Помпеи» и «Девятый вал», с изумлением обнаружила «Заседание Государственного Совета» — в школе ни словом никто из учителей не обмолвился о такой картине Репина, — Валерий слева от входа поджидал в условленном месте своего контрагента по мелкой фарцовке, чем тогда не брезговали, в последний год жизни «дорогого Леонида Ильича», многие студенты в обеих столицах... да и в областных городах подтягивались к фарце ловкие ребята. Но — минус на минус дает плюс: Жорка с парой английских пластов* так и не объявился, Валерий огорчился, развернулся в обратную сторону и на траверсе музейного входа, вертя головой вправо-влево, а вдруг этот чертила появится? ненароком задел плечом выходящую из музея красивую девушку. Заизвинялся, она покраснелась... Но в последующих воспоминаниях о знакомстве в Русском музее — на публике и при своих детях — детали опускались, а Валерий чудесным образом переносился в зал музея с умильной картиной Федора Славянского «Семейная картина — на балконе», перед которой они и обменялись первыми в их последующей жизни словами, что-то о семейном автопортрете на этом замечательном холсте... Понятно, что все это для благозвучия, а в части детей для правильного воспитания, впоследствии сочинила Елена. А для супруга и вообще новеллу живописала, когда заключительная у них Женька на свет появилась: дескать, действительно с интересом рассматривая картину Славянского с тремя малыми детьми, чуть ли не погодками, загадала: если сегодня познакомлюсь со своим суженым-ряженым, то трех и она родит. Валерий усмехался. Он с первых месяцев знакомства отмечал за ней этакую словесную романтичность. Реко-

---

* На молодежном сленге 70—80-х гг. — грампластинка. — Прим. авт.

мендовал попробовать себя во входящих в моду женских романах.

Романы романами, но вторая противоположность ее характера супругу — воспитанная серьезность в практических жизненных делах — существенно скрепляла их семью, особенно когда у Валерия случались бизнес-провальные паузы между не очень денежными, но стабильными заводскими и депутатскими занятиями. Получив, одновременно с замужеством, экономическое образование, набравшись опыта за пять с лишком лет работы на той же ленинградской «Светлане», где и Валерий трудился, по переезду в областной город всем большим семейством она без труда нашла вакансию по своей квалификации и «столичным» требованиям к зарплате. На дворе — начальные девяностые годы, грабеж и распродажа нехилого советского наследия на самом взлете и на всех ступенях «пирамиды частнособственности» — это, конечно, слова Василия Алексеевича. Всевозможные ООО, АО, АОО и АОЗТ в каждом квартале города через два дома на третий занимают первые этажи. Словом, подставляй ту лопату-шахтерку...

Учет денег в этих шарашках заметно отличен от принятого на госпредприятиях, поэтому первые полтора года после рождения Егора, второго сына, задуманного еще в Ленинграде, в условном декретном отпуске Елена в совершенстве овладела компьютером с программами бухучета, досконально изучила налогообложение и заодно все новации в уголовном и гражданском кодексах. Основательно освоив теоретическую базу, для практики по несколько месяцев проработала обычным бухгалтером, хотя бы с приставкой «старшим» в записях в трудовой книжке, в двух компашках. Одна специализировалась на посредничестве по продаже заводами города в Европу через Прибалтику советских запасов нержавеющейки и

алюминия; другая отмывала московскую грязную на-
личку через сеть подставных мебельных магазинов —
без покупателей, но с кассовыми аппаратами, бан-
ковскими счетами и строго налаженной налоговой
отчетностью.

Пройдя «курс молодого бойца», уже удачно и
основательно устроилась главбухом в областной фи-
лиал крупной московской торговой фирмы, управ-
ляемой из Амстердама. То есть со сверхнадежной
«крышей». Где и работала до начала двухтысячных
годов. И дальше бы трудилась, но в случившейся на
столичном уровне сложной переделке собственности
Елену едва не подставили на роль стрелочника. Дав
зарок больше в частном секторе не участвовать, она,
уже обрета круг приличных знакомств, перешла на
госслужбу — в экономический департамент област-
ной администрации, где через пару лет стала заво-
тделом. Закрепилась и по сей день там находится.

◆ Василий Алексеевич, однозначно определив
сына, его жену, обоих их сыновей, то бишь внуков и
внучку же Женю в разряд несостоявшихся средне-
классцев, все же для нее ввел что-то навроде под-
разряда.

— Ты, Женька, навроде как старинная подкулач-
ница времен коллективизации — из той же «Подня-
той целины». С одной стороны, купчиха по мужу, с
другой — поденщица на своем телевидении.

— И что ж ты, grosфатер, порекомендуешь стать
полной купчихой, бросить свою работу и в Летний
сад, то есть в наш центральный парк, бывший имени
Горького, а еще ранее в честь Отто Юльевича
Шмидта, героического полярника, названный, благо
беременна, гулять ходить?

— Что в этом плохого? Не раз в неделю по вос-
кресеньям, а каждый день гулять с моим будущим
правнуком будешь ходить. (Увы, сын Ромка появился
на свет в год кончины Василия Алексеевича...).

Женя достаточно попривыкла к подобным рассуждениям деда. Чаще отмахивалась, к шуткам сводила. Она бы и сердилась, но это качество не дано было ей от рождения и воспитания. Но вот деда не стало, с разницей в два года на свет явились Ромка и Роксана, но как порой она тосковала по тем необязательным разговорам с Василием Алексеевичем! А когда, соблюдая репутацию новорусского среднего класса (понятно, язвительность у нее от деда), Денис Курков настаивал на зарубежных поездках, благо малых детей было на кого оставить, то Женя морщилась, неохотно соглашаясь. Дескать, принцип тусовки: куда Машка, туда же и Дашка. Впрочем, коль скоро бог троицу любит, то этим сакральным числом поездки и закончились. Первая, свадебное путешествие в Рим и Флоренцию, ей даже понравилась — двойная новизна: замужество и впечатления неизвестной ранее жизни. Два других выезда пришлось на «межсезонье» между рождением сына и дочери. В Шарм-эль-Шейхе Женя откровенно скучала, а Денис играл в покер и умеренно пил в компании с москвичами. Но в Испании у него вытащили бумажник, хорошо хоть никаких документов он с собой не носил, памятуя отечественный опыт.

Разозлившись, дал он Жене слово больше не настаивать на поездках за бугор, дескать, воров и в отечестве своем хватает! Но мог и не связывать себя обещанием. Сначала рождение Роксаны, а потом и вовсе пандемия отменили принцип тусовки.

Но испанский казус запомнился, вернее связался у Жени с дедовым рассказом. Обнаружив отсутствие кошелька и будучи действующим юристом, сгоряча Денис поспешил в полицию Барселоны, то есть в ближайший от гостиницы участок. Убедившись, что посетитель трезв, не разыгрывает их, полицейские стали убеждать, что воровство у них не принято едва ли не со времен изгнания арабов с Пиренейско-

го полуострова и образования собственно Испании. Поэтому кошелек у русского туриста украсть мог только мошенник из иностранцев. Порекомендовали быть бдительнее в отеле, а заявление брать отказались, мол, это у них не принято: все на доверии словам. С тем у Дениса и завершилось общение с вежливыми и улыбочатыми испанскими стражами порядка. «Ишь ты, — умеренно возмущался он в номере, адресуясь к Жене, — заявлений они не принимают! Хитромудрые, видать у них за явные висяки начальство вздрючку по полной дает!»

К вечеру отошел, обнаружив, что вчера вечером сам вынул из кошелька деньги, где-то с тысячу евро, оставив лишь мелочь, но запомнил наутро по причине хорошего подпития в компании встреченных земляков... конечно из Москвы. Скорее всего, сам и кошель потерял, или утром невезучий вор поживился всего лишь полусотней евриков... Тем не менее не понравилось Денису воровство кошельков, даже почти пустых, потому сгоряча и слово жене дал. А оно ведь не воробей³ что хорошо он знал, будучи практическим юристом.

Тогда же вспомнив дедов рассказ, Женя, в отличии от супруга, поверила в искренность удивления испанских полицейских и непоколебимости в правоте слова, ввиду чего написание каких-либо заявлений полагается бюрократически излишеством. Василий же Алексеевич по какому-то поводу, Женей запомнанному, вспомнил соседа в свою школьную бытность в его родном городе, то есть нынешнем для всего семейства Болховитовых.

...В середине пятидесятих годов, когда Васька Болховитов заканчивал школьную свою учебу, город являл собой нечто похожее на огромную деревню, был застроен сплошь деревянными домами, лишь местами прореженными кирпичными зданиями не выше четырех-пяти этажей, а именно: небольшое

кольцо таковых в центре, вокруг кремля, с пару километров вдоль главной улицы города — проспекта Ленина, а также разбросанные корпуса заводов, кучившиеся за бетонными заборами. И все это дореволюционной постройки с немногим добавлением в индустриальные тридцатые годы. Строительство после войны еще не начиналось; злую шутку здесь война сыграла: немцы как-то ленились бомбить сплошь деревянный город — не видели смысла и боеприпас расчетливо жалели. А скорее всего, исключая начальный период войны, город не попадал под основные направления ударов стратегов из обоих генштабов* вермахта. Как бы там ни было, но неразрушенный деревянный город не попал в программу послевоенного восстановительного строительства.

Итак, раскинувшись на большой площади деревянный город, сугубо рабочий, мрачноватый как видом своим пейзажным, так и исторически сложившимся характером мастеровых работяг, не всегда следовавших присказке, что пьян да умен — два угодия в нем...

И вот на фоне этакой расхлябанности, дворовой шпаны, работяг в телогрейках и баб в серо-мутных саржевых юбках выходил из дома настоящий щеголь, всем старшекласным пацанам знаемый по виду из трофейных фильмов, что крутили в городских кинотеатрах в первые послевоенные годы: высокий, стройный, возрастом всего лишь за тридцать, но почему-то с сединой. Но не той, что покрывает полулысые головы стариков, а с серебристым оттенком, густой, с мелкими кудреватými завитками. Постриженная же в парикмахерской на

---

* В Третьем рейхе высшее командование осуществляли два генеральных штаба (ОКХ и ОКВ): генштаб вооруженных сил рейха и генштаб сухопутных войск.— Прим. авт.

Майской улице, лучшей в центральной части города, причем у знаменитого Евстигнеича, мастера с дореволюционной еще практикой, голова с прической вызывала зависть у самых отчаянных модниц. В теплые дни одет он был в льняной, тщательно отглаженный, белоснежный костюм-пару, а в более прохладные — в темно-бежевый бостоновый. В межсезонье же поверх костюма моднейший плащ-реглан из тонкой кожи, незастегнутый, на шее белейший шелковый шарф, на серебряной голове стетсоновская шляпа с лихим изломом.

Звали немислимого щеголя Мигелем Олегарьевичем Армаса, но он охотно откликался на Михаила Олеговича, как его по-соседски именовали в доме и во дворе. Мишей звала его и жена Нина. Только дошкольная дочка звала папой, но с ударением на втором слогe: папá. Лишь интеллигентные старушки подчеркнуто именовали при встрече Мигелем Олегарьевичем; тож сослуживцы — трудился же сереброкудрый щеголь на главпочтамте по части инженерной службы, имел высшее техническое образование. Все в доме и во дворе знали, что Михаил-Мигель девятилетним был вывезен в числе десяти тысяч таких же (это с его слов) в конце тридцатых годов из Испании в нашу страну: после поражения республиканцев оставшиеся сиротами дети нашли приют в СССР, где их распределили по детским домам многих городов. Так они стали русскими испанцами, а дети их, в основном от смешанных браков, уже совсем себя русскими полагали, как тот же великий хоккеист Валерий Харламов.

◆ ...Через месяц после возвращения в родной город — переезд из Ленинграда всей большой семьи, Василий Алексеевич, устроившийся на работу в военную приемку «фирмы» академика Гусакова, прибыл домой запоздавши, уже затемно, весело возбужденный, заметно выпивши. И прямо с порога

флотским своим басом погасил немой вопрос супруги и всех остальных домочадцев.

— Надо же! Земля круглее не бывает, все на ней вращается; гора с горой не сходится, а порой люди как и не разлучались на многие года! Иду по проспекту, сошедши на углу Советской с трамвая, на каком от «Меткости» ехал, мимо главпочтамта прохожу и — господи! как и не было трех с половиной десятков лет: навстречу идет Михаил-Мигель, ничуть не изменился, такой же щеголь. Поздоровался, напомнил о себе... словом и он растрогался, зашли в приличную «точку», не знаю, то ли ресторанчик, либо же кафешка, посидели с пару часиков, повспоминали... Ему за вторую половину седьмого десятка, но на пенсию и не собирается, да кому она сейчас нужна-то при нынешнем бардаке! Словом, на том же главпочтамте работает начальником цеха, так вроде сказал, словом, командует телефонно-телеграфной связью области по почтовому ведомству.

— Это тот испанец из твоего школьного детства? — сообразила памятливая на прошлые разговоры Наталья Андреевна.

— Ну а кто же еще! Он самый, Мигель Олегарьевич Армаса.

— Так на родину и не ухал?. Франко-то давно там нет...

— Во-во, и я его о том же спросил. А он рукой махнул, дескать, все наши здесь остались. Кто нас там ждет с тридцатых-то годов? Главное, все мы давно русскими стали, жены русские, а дети-внуки только таращатся: какие-такие испанцы? Как-то, в советское еще время, с госвизитом приезжал нынешний король с королевой, нашим разослали приглашения на встречу с их величеством в Москве, в испанском посольстве. Я ездил. Хуан Карлос, он из династии Бурбонов, каждому руку пожал, чем-то приглянувшихся ему, меня тож, обнял, всем по памятной

медали вручил с удостоверениями... теперь у меня на парадном пиджаке три медали: испанская, За трудовое отличие, ветеранская и еще орден Знака Почета, что «веселыми ребятами» зовут. Король хорошую речь произнес, звал на родину возвращаться со многими льготами, жильем, трудоустройством и пенсиями. Для начала просил побывать в Испании; мол, вопрос с упрощенным получением виз решен на уровне министерств иностранных дел... Затем ужин с официантами, с настоящей малагой, хересом и мадерой. В первый же отпуск воспользовался королевским приглашением. Я родом с севера страны, недалеко от Леона, из городишки Ла-Робла, в ста километрах от берега Бискайского залива. До Мадрида самолетом с пересадкой во Франкфурте, потом поездом через половину Испании по линии юг-север.

— И что, нашел Мигель своих родственников? — по-женски озаботилась Наталья Андреевна.

— Кое-кого из дальних розыскал, у них и прожил две недели. Приняли хорошо, звали перебираться на родину со всем семейством. Ну-у, много чего мне дядя Миша, как мы его в детстве называли, порассказал о тамошней жизни. Заново для себя бывшую родину открывал, оттого даже конфузы случались. Когда у себя в главпочтамте объявил о поездке в Испанию, то сметливые сослуживцы, особенно ваш пол, мигом налетели — время-то советское! — с просьбами о «сувенирах»: джинсы фирменные, кроссовки настоящие, по косметической части... Главное, наивно проболтался, что поездку от короля оплачивают. Вот и насели: ты, Мигель Олегарьевич, ведь не проешь, не прогуляешь всех королевских песет, а на остаток и о нас, коллегах по коллективу коммунистического труда, вспомни. А по возвращению мы тебе рублями стоимость отдадим. Пробовал отшутиться, не люблю я с чемоданами таскаться, но на-

ших баб, извиняюсь, не перекотыришь. Как сама говоришь, что всякая всячина, и вотчина и ржавщина, а с толку бабу не собьешь. Вот и Мигелю тотчас совет подала одна из его подчиненных, что пару лет с мужем-офицером в Венгрии, в Секешфехешваре прослужила — он в танкистах, она вольнонаемной в узле связи. Мы, мол, чемоданы не таскали, а все небьющееся обычными посылками через гражданскую почту в Союз посылали. Так и ты, Мигелюшка, гуляй по Испании налегке, а нам сувенирчики по почте шли!

...Пообзык Мигель за первую неделю к тамошней жизни, попил вволю малаги и хереса с родственниками, вспомнил и о заказах. Ему и посоветовали: поезжай в Леон, это главный город провинции, на любой вкус магазины на каждом шагу! И ехать минут сорок всего на рейсовом автобусе или электричке. Рассказывает о той поездке: «Поехал на автобусе, вышел в центре Леона: действительно, магазины на каждом шагу с товаром со всего света. Чего только нет! А из нашего только спички Балабановской фабрики в коробочках из деревянной щепы, что у нас копейку стоят. У них же в сувенирных отделах. По ранее составленному списку закупил джинсов, кроссовок, косметики и парфюмерии, разной мелочи барахольной. Дошел до почты — упаковали мне все это в три посылки, я адрес, по договоренности, на имя той активистки венгерской написал, сдал почтарю, уплатил песеты за пересылку, стою, жду квитанции. А тот улыбается, может дон кабаристый еще что хочет отправить? Я же ему: а квитанции где на посылки, что отправляю? У того предельное изумление на лице, даже усы затопорщились: какие-такие квитанции? Позвал почтового начальника, тот посообразительнее, сразу понял что я под квитанцией разумею. Рассмеялся, говорит, что у них нет такого понятия. А если не дойдет, затеряет-

ся на испанской почте? Тот же посерьезнел и говорит: у нас в почтовом отделении, где мы с вами, дон-кабальеро, сейчас беседуем, основанном еще до изгнания мавров в Африку, последняя пропажа почтового отправления случилась более двух веков тому назад, а именно в тысяча семьсот пятьдесят пятом году, и то потому, что адресовалось оно в Лиссабон, который как раз в это время был разрушен землетрясением. То есть наша вина сомнительна... Как оплеванный вышел я с почты».

Женя, на сравнении почтовой историей русского испанца Мигеля Армаса в городе Леоне и трагикомедии супруга Дениса в городе Барселоне, что к востоку от Леона, по своей инициативе подготовила сценарий о добропорядочных традициях испанцев, но телевизионный начальник ее забраковал.

— Дорогая Евгения Валерьевна! Вас там на эмгэушном журфаке старина Ясен Засурский учит-то добротню, но застрял он в советских временах... честность, порядок, ответственность, хотя бы и у испанцев, но разве у нас это актуально? Тем более в провинции да в пандемийное время! Мы же не центральное телевидение, чтобы благодушествовать, рассуждать по два-три часа на экране о высоких моральных качествах. Нам бы в отведенные полчаса эфирного времени уложиться: поругать коммунальщиков, губернатора показать, рассказать о его трудах и заботах о народе. Футбол опять же — любимая игра все того же народа. А ты — ах, Испания, ах, страна порядка и честности. Так что, Женечка, не отвлекайся от провинциальных грез. Кстати, радуйся, что дело с кошельком твоего Дениса полицейские Барселоны не раскрутили, узнали, что денег там не было, клевету бы припаяли! Там баски живут, они злые на власть, им бы побунтовать.

Глава седьмая

БОЛЬШОЙ СБОР В ЗИМОВЬЕ И ГРЯДУЩИЙ «ПОЛТИННИК»

◆ За короткий путь от остановки служебного автобуса до зимовья на Павелина, даже с учетом захода в винный магазинчик за бутылкой пятизвездочного «Старого Кахети» и в уцелевший книжный магазин, где Егор приобрел «Время, занятое жизнью» Урсулы Ле Гуин, уложившийся в четверть часа, в его голове, как то иногда случалось именно в такой ходьбе в морозный вечер, калейдоскопически, в невероятном ускорении, но в образной четкости прокрутилось все связанное с его семейством и с обитателями зимовья. Даже вроде бы посторонние истории с заполярными мышами-пеструшками и русским испанцем Мигелем, требовавшим квитанции на отправленные посылки в почте города Леона, как живые вставали перед ним. А почему в морозные вечера и в один и тот же календарный день середины декабря месяца последних шести лет? Все потому, что это день рождения распрекрасной хозяйки зимовья Нины Григорьевны. Настолько прекрасной внешностью и характером, что Егор даже мысленно никогда не называл ее тещей. Чем-то от этого шипящего слова отдавало мелко-скандальным и обидным для матери его Лизы, которая и сама одобряла отсутствие в обиходе зимовья этого пшикающего именованья. Но особо довольна была Нина Григорьевна; более того, уже шесть лет как в статусе бабушки, но полагала себя просто красивой взрослой женщиной. Даже дошкольник последнего года свободы Кирюша именовал ее маминой мамой — заглаза, а в общении как-то ловко изворачивался от прямого обращения. Всех домочадцев это приводило в восторг, даже доискивались: кто научил мальчика та-

кой иезуитской хитрости? Но розыски результатов не давали... Обращались с догадками и сомнениями к самой старшей, прабабке Наталье Андреевне, но и она разгадать такой детский подхалимаж не смогла, а правнуком восхитилась по-своему, по-вологодски: «Ты, Кирюша, со временем в большие начальники выйдешь: с малолетства умеешь вертеть языком, что корова хвостом!»

День рождения хоть раз в году, но у всех бывает. Правда, Наталья Андреевна на этот счет всегда методично поправляет, что-де есть и Касьян, на что он ни взглянет, все вянет, а почему вянет — потому что именины раз в четыре года. Но по святцам давно уже не называют, так что хоть раз в году, но все отмечают день своего рождения. А вот Нина Григорьевна не отмечала, а именно праздновала. Совсем не по заносчивости и самовлюбленности, как злословили посторонние зимовью люди, особенно молодящиеся ее ровесницы, но в соответствии с выведенной ею «формулой жизни», чем она вот уж действительно гордилась, а оба юриста, приближенные к зимовью, именно бывший супруг Нины Григорьевны Вячеслав Тимофеевич и нынешний, он же первый, муж Егоровой сестры Жени Денис Курков, разновремененно и абсолютно независимо друг от друга, почти что искренне относили эту формулу, как недостающую, к основным положениям римского права. Гласила же она: «день рождения грустный праздник», если календарно, год за годом набавлять себе лета, но все меняется на противоположное, оптимистичное, если в день рождения полагать, что мне *опять на год меньше*, чем будет через двенадцать месяцев или через триста шестьдесят пять дней — триста шестьдесят шесть в високосный. По такому сложному календарю, отличному как от гражданского григорианского, так и от православного церковно-

го юлианского*, сегодня Нина Григорьевна, которой исполнилось сорок девять лет, помолодела на год по сравнению с грядущим «полтинником», праздновала свой юбилей. Потому и торжественный сбор в зимовье.

◆ Что ему Гекуба? — И что он Гекубе... Такое типичное отношение обычного зятя к классической теще не то что не приличествовало Егору, но чисто-сердечно представлялось ему непристойным. Даже к мудреному летоисчислению Нины Григорьевны и ее сегодняшнему юбилею за грядущий «полтинник» он относился с пониманием, даже отчасти восхищался великолепной логикой, вообще говоря, не свойственной женщинам. Тем более красивым. Опять же, хронологические новации маминой мамы для их с Лизой Кирюши (бабушке — один только дедушка не внук, да и тот позорно бежал из зимовья, поменяв семью на московскую карьеру...) совершенно в духе современного отношения к историческим датам. Большевики все эти событийные лета уничтожили, как будто до семнадцатого года никакой страны с историей и не было, а все праздничные даты отсчитывали от установления новой власти. И только сейчас началось активное восстановление исторической памяти.

Вот, к примеру, меньше месяца назад, во второй половине ноября отмечался День налогового. Как-то все уже попривыкли, что подобные административные даты сейчас переписывают с советских лет на времена Петра Первого, но по мере возможности и знания отечественной истории стараются памятные годовщины приписать к полутысячелетней, лучше —

---

* В настоящее время православного юлианского календаря придерживаются русская, сербская, грузинская и иерусалимская православные церкви (другие автокефалии «европеизировались»...). — Прим. авт.

тысячелетней традиции. А вот налоговикам сам бог велел отнести к девятьсот сорок пятому году, значит сейчас тысяча семидесятишестилетие со дня убийства древлянами князя Игоря, обложившего их двойным налогом. А вот слабо понимавшие суть вертикали власти, дремучие лапотные древляне и укокошили князя, выдающегося чиновного реформатора. За что и поплатились от безутешной вдовы его княгини Ольги, повелевшей сжечь дотла поселения древлян... Надо бы сестренке Жене темку эту подбросить: пусть организует на своем телевидении какое-нибудь топ... нет, вроде как ток (язык сломаешь с этими американизмами!) — шоу, посиделки по-русски, на тему древнерусских корней исторических тезоименитств. А то все чертовщину с экрана несут: в гостях у бабушки Кюаровны, сосиски «Кюарушки-баварушки»... Тьфу!

Да что там День налогового? Сейчас каждый из дней года чей-либо праздник, да еще дополняемый мощными эсмэишными кампаниями. Взять уходящий год; кажется, не было более важных дел в стране, включая эпидемию, как забота с дебатами: сделать предстоящее тридцать первое декабря выходным или оставить как было? Почти все лето и начало осени (затем все же замена дельта-вируса омикроном тему закрыла) телерадио об этой заботе с дебатами верещало. Женька же на прямой вопрос об источнике этой хренотени — прямое указание из эсмэишных верхов или просто не о чем, из числа пока дозволенного, говорить и показывать? — только плечами пожимала; мол, поветрие какое-то с этим предновогодним выходным, не хуже тех же дельты с омикроном... Оно понятно, откуда ей знать? — рядовая телевизионщица, о высоких материях ей ведать не полагается.

Все же новый выходной в гражданский оборот ввели, тем самым лишив трудовой народ самого яр-

кого предпраздничного дня в году: с укороченного трудодня мужской компашкой да прямо в доступное для зарплаты инженера-оборонщика заведение «с подачей», а к раннему вечеру в свое зимовье веселым и раскрасневшимся быть-стать, и прямо к столу уходящий год, будь он не ко сну с его вечно продолжающейся заразой помянут, провожать! Пир во время чумы... но это уже привычное дело. Человек — самое адаптивное животное, ко всему приобвыкнет, если учителя толковые по части переучки на привыкание. Словом, расчеловечивание, как любил повторять доцент Николай Андреевич, что преподавал им по ракетно-конструкторской части в университете, да еще умозамещение с цифрофренией — со слов, как сам интеллигентно замечал, его друга профессора Скородумов с медико-биологического факультета.

Немного не дожил дед Василий до отмены предновогоднего трудодня. Вот поворчал бы от души, хотя и ушел уже на заслуженный, так сказать! С каким сожалением вспоминал он о переводе субботы в выходной день где-то во второй половине шестидесятых годов? Хотя сам уже несколько лет как служил во флоте, но, будучи на берегу, с завистью наблюдал, как в субботние дни трудовой люд выходил из проходные своих заводов и фабрик с полудня половинного рабочего дня, кучковался и расходился по пивным и забегаловкам; солидные инженеры заворачивали в рестораны, трудовая молодежь — в новомодные кафе. Выходной — не выходной, но укороченная суббота и полагалась тогда самым отдохновенным днем недели, а последующее воскресенье вроде как пассивный отдых на диванчике с газеткой перед телевизором после активного субботнего... Даже песня популярная по радио часто звучала — с сожалением об отмененной полурбочей субботе, с тихой грустью вспоминал дед Василий, но слова

вспомнить у него никак не получалось, кроме зачина: «Но вот пришла суббота, закончилась работа. Суббота, суббота...» какой-то там денек.

♦ Вот уже Егор, переняв левой рукой сумку-пакет с поллитровкой пятизвездочного грузинского и новой книгой американки Урсулы Ле Гуин, правой взялся за ручку входной в зимовье двери, вернее калитки в воротах для въезда машины, сейчас стоявшей в своем стойле гаража, совмещенного с кладовой с подвалом, что по диагонали через все зимовье от ворот в левой части фасадного забора до правого его угла на заднике... взялся за поворотную ручку щеколды с английским замковым язычком, но калейдоскоп картин воспоминаний и размышлений, разогнавшись за время недолгого пути, все не хотел покидать его голову, которой вот-вот предстояло переключиться на общение с большим сбором в зимовье по поводу сложного хронологически грядущего «полтинника» уважаемой им искренне Нины Григорьевны.

Собственно английский замок запирался только на ночь, так что Егору не надо было ключ доставать из кармана, всего лишь нажать сверху на ручку, и дверца калитки мягко уйдет во внутрь двора. Но в самый момент нажатия, когда соответствующий сигнал электрохимической природы, сгенерированный в мозгу и возбудивший нужный нейрон, почти добежал до мышцы сгиба ладони правой руки, глаза входящего в зимовье непроизвольно остановились на некоем пятне правильной круглой формы и размером с юбилейный советский рублевик к столетию Ленина из любительской коллекции деда Василия, переданной им Егору по случаю рождения внука Кирюши. Даже на заново покрашенной — профилактика раз в три года — Степанычем, завхозом зимовья, прошедшим летом досчатой двери калитки круглое это пятно отмечалось зорким глазом. Было же оно круглой деревянной вставкой, подогнанной и по тугой

посадке, да еще на обмазке столярным клеем, которой Степаныч заглушил отверстие в двери на уровне лица человека среднего роста. Но зачем нужно было делать это отверстие все тому же Степанычу, сначала рассверливать по окружности, затем вырезать и круглым напильником доводить до нужного диаметра, снимать фаски по обе стороны двери?

Как и все в зимовье, это изготовление отверстия во входной двери, а затем его заглушка деревянной вставкой вошло в устную летопись поспешных решений и их исправлений. Егор заулыбался сам-один, вспомнив эту летописную историю, даже усилием воли на долю секунды притормозив сигнал от нейрона мозговой коры к исполнительной мышце на сгибе ладони правой руки.

...Когда братья-китайцы из Мастерской мира (как Британия в середине позапрошлого века), благодарные своим партнерам-толкачам за откат из всевозможных ведомств (сейчас модно именовать кешбэкистыми лоббистами), уже эшелонами погнали через реку Амур камеры видеонаблюдения с их электронными причандалами, и в течение года-полтора, как в теплый дождливый сентябрь деревья в лесу покрываются грибной плесневой наростью, а трухлявые пни к ранним октябрьским заморозкам и вовсе кучерявятся съедобными — на любителей — опятами, так и подъезды казенных учреждений и обычных жилых домов, фонарные столбы вдоль городских улиц и таковые же на междугородных дорогах обросли хищно смотрящими, настороженно поблескивающими в отсветах вечернего, низкого солнца и ночных автомобильных фар фиолетовой просветленной оптикой, трубчатými камерами видеонаблюдения. А по телерадио дикторы, особенно дикторши, радостно сообщали: все, уважаемые граждане, для вашего блага, спокойствия и безопасности!

И Егор, прогуливаясь в близком от зимовья цен-

тральном городском парке, с Лизой и только-только осваивающим искусство пешего передвижения Кирюшей, уже как изрядно поднадоевшее, ушами лишь механически воспринимаемое, слышал из парковых громкоговорителей каждые полчаса повторяемые объявления двух видов. Первое, со ссылкой на законы о вреде табачного дыма для окружающих и табакокурения собственно для любителей травки никотианы и запрете спиртных напитков в общественных местах, касалось недопустимости того и другого в парке. В завершении рекомендовалось, обнаружив нарушителей, тотчас звонить в администрацию парка. Второе объявление: «Вниманию посетителям нашего парка: в целях *вашей* безопасности в парке ведется видеонаблюдение». И действительно, там-сям в наиболее людных, асфальтированных местах парка на фонарных столбах, а кое-где и хитро упрятанные в кроне столетних деревьев, взгляд Егора отмечал подсматривающие глазки приборов безопасности. Если женщин объявления и наблюдающие камеры мало беспокоили, то запуганные мужики, все как на подбор удивительно трезвые, лихорадочно сжимающие ладонями в карманах брюк незаконные сигаретные пачки, проходя мимо недреманного ока, наклонно смотрящего на него с бетонного столба, непроизвольно принимает маршевую стойку, а ногами отбивает строевой шаг. Пожилые же, прошедшие службу в советской армии, тотчас освежают в глубинной памяти хриловатый голос сержанта-хохла из учебки: «Раз-два! Раз-два! Солдатский шаг шестьдесят сантиметров!»

...Словом, Егор даже не удивился особо, когда во всем рассудительная Нина Григорьевна, критически настроенная ко всему происходящему в последнюю четверть века, совершенно чуждая принципу тусовки (у Верки, мол, имеется, а я чем хуже?), как-то за общим в зимовье воскресным ужином за-

вела своим чуть глуховатым контральто разговор об охранной сигнализации в их хозяйстве. Дескать, не квартира ведь, а *территория* с постройками, с оградой четырехугольником... Хотя и не лихие девяностые на дворе, но уют зимовья требует осторожности и бдительности. Как-то так раз и два заговаривала хозяйка зимовья на Павелина.

И мать ее Антонина Филипповна, а также в унисон ей двоюродная сестра Надежда Тихоновна, по два-три раза в год наезжающая в зимовье, зиму же и вовсе там проводящая, с пожилой боязнью поддакивали: да-да, Нина, вы-то, молодые, весь день в отсутствии, а мы со Степанычем с осторожностью в стороны за забором посматриваем. Сергей Степанович похмыкивал, дескать, в центре города никак живем, а на случай чего пара дустволок у меня всегда в порядке содержатся, да пес наш Фомка, даром что нечистопородная лайка, зато молод, энергичен. Но и он порой задумывался, даже с некоторым сомнением посматривая на забор, особенно заднюю его сторону, граничащую с хозяйственными постройками сарайного вида — из владений какой-то службы воинской части. Даже Фомка в такие минуты присаживался у левой ноги Степаныча, а кот Ерошка, вышедший на двор по своим делам, — у правой. Завхоз же зимовья, вздохнув, резюмировал: «Нда-а, ребята, — это он Ерошке с Фомкой, — не мешало бы повыше оградку иметь!» — И, махнув рукой, уходил в дом. Кот же с псом переглядывались озадаченно: чего человек хотел?

И за неделю до двухлетия Кирюши Нина Григорьевна неожиданно-негаданно, придя вечером со своей филармонической службы, вручила Степанычу картонную коробку размером с обычную ботиночную, с встраиваемой в дверь или стену миниатюрной видеокамерой и пультом с экраном размером в ладонь. «Устанавливай, товарищ завхоз; ограничимся

контролем: кто перед воротами стоит и чего хочет. А пульт с экраном в угловой прихожей на стенке повесь. Вот только провод тебе придется поискать...» — «А зачем его искать?» — усмехнулся Степаныч женской технической неграмотности, — на то есть уже проводка в дом к звонку от кнопки на двери калитки; ее и используем в параллель со звонком». — «А разве одновременно можно?» — удивилась далекая от всяких электрических дел Нина Григорьевна, но здесь и выкрутилась, — делай, на то в доме и целых два мужика содержатся, ха-ха!» И вроде как себе в оправдание заметила: «Даром досталось. В филармонию несколько комплектов навязали для установки. Один лишний оказался, по мнению нашего зама по хозяйству, вот я и взяла под отчет».

До именин Кирюши Степаныч, в то время занятый чем-то текущим в кладовой с подвалом, что в гаражном отсеке, успел только отверстие под всевидящий глазок в двери калитки высверлить и круглым напильником отшершебил, отложив на некоторое время установку оптического зрачка. Егор же подключил пульт с экраном в угловой прихожей к звонковому проводу, сделав простенькую схемную развязку между электрическими линиями в одной паре проводов. Хотя и ракетчик по специальности, но и в электротехнике хорошо разбирался; это семейное — руки и голова на нужном месте.

На двухлетнем юбилее второго правнука (старший — тезка Васька, сын Кости и Карины, на шесть лет старше кузена) председательствовал, конечно, Василий Алексеевич, сам уверенно склоняющийся к восьмидесятилетию... увы, двух лет так и не дожил бравый каперанг.

После разгонных тостов и приторно-назойливых сюсюканий, обращенных к малолетнему юбиляру, перешли к нормальному родственному веселью за праздничным столом.

— Узнаю столярную руку Степаныча, — заметил Василий Алексеевич после очередной стопки и похвалив хозяек зимовья за закусочный салат из настоящих крабовых консервов, — ишь как аккуратно дырку высверлил на входной двери! Никак подсматривать за проходящими по улице Павелина мимо дома гражданами решили? Или Егорка с нашей «Меткости» (сам он уже уволился из военной приемки трижды орденосного флагмана военпрома) умудрился вынести неучтенный пулемет? Отстреливаться в случае чего, ха-ха-ха! Представляю свою раскрасавицу сваху Нину Григорьевну в кожанке, роскошная прическа в красном платочке, а сама, а ля Анка-пулеметчица, просунув ствол пулемета Дегтярева в отверстие двери, с азартом вслепую веером поливает улицу свинцом! А Степаныч ассистирует, вставляя заготовленные заряженные диски взамен отстреленных. Егор же в окне мансарды дома с биноклем ведет подсчет пораженных пулеметным огнем супостатов. Возможно в натовской амуничке. Лиха беда начало. Глядишь, со временем внутри участка и дома видеонаблюдение перекрестное появится: у китайцев в три смены заводы и фабрики фурычат...

— Ну ты, дед, в смысле прадед, разошелся. Романы бы тебе сочинять, модные сейчас антиутопии, — рассмеялась Наталья Андреевна, — наверное, Нина Григорьевна решила видеодомофон установить. Как в телесериалах: там в каждом особняке проходящих встречают по одежке, в смысле по лицу на экране, что у вас уже висит на стенке в прихожей.

По лицу Нины Григорьевны было видно: колеблется она, то ли за добрый юмор принять репризы старших Болховитовых или отнести на счет легкого подтрунивания над «частнособственниками». Но как женщина воспитанного ума — не в смысле бабского «себе на уме», но рассудительного, чем-то напоминающим здоровый мужской, — она решила выбор ме-

жду юмором Василия Алексеевича и подтруниванием Натальи Андреевны не делать, припомнив, но не озвучив любимую присказку последней, что-де не атаман при булаве, а булава при атамане. Ответом же на неявные вопросы старших сватов, столь блестящим и обескураживающим, что Егор в восхищении хлопнул внеурочную стопку — совершенно произвольно, Нина Григорьевна ликвидировала даже намек на возникшую неловкость.

— Да просто даром штукавина эта досталась. Не выбрасывать же?

На том бы все и завершилось, но покрасневшая от пары рюмок мадеры Лиза, а потому по женской натуре почувствовавшая тягу к разговорчивости, вспомнила прогулки по парку еще с колясочным Кирюшей и вроде как по дочерней обязанности решила поддержать мать.

— А вот в парке нашем уже который год, с утра до вечера, громкоговорители по два-три раза в час оповещают: в парке для вашей, граждане, безопасности ведется видеонаблюдение...

— Вот-вот,— меланхолически снова вступил в общую беседу Василий Алексеевич, уловивший в кратком ответе Нины Григорьевны ловкий выпад в его сторону,— я по телевизору стараюсь только старые советские фильмы смотреть, что утром и полудни для пенсионеров показывают. Позавчера по «Звезде» один такой крутили — о покушении наших разведчиков в тылу врага на гауляйтера оккупированной Украины Коха. Так там тоже из городских громкоговорителей вещали: «*Achtung! Achtung!* Всем жителям города: с завтрашнего дня в целях вашей безопасности вводится комендантский час».

Егор с восторгом посмотрел на военно-морского деда; Костя, с привилегией вольного художника интеллигентно накачавшийся, и также нетрезвый Женин супруг Денис, на правах неродного дядьки по-

четный гость на именинах Кирюши, откровенно расхохотались. Впрочем, не в адрес проигравшей словесную викторию хозяйки зимовья, но в подпитии гиперболически оценивших юмор старшего Болховитова. Валерий же Васильевич и Елена Викторовна, как «младшие» дед и бабка именинника, попавшие в ситуацию между молотом и наковальней, озадаченно переглянулись и тотчас перевели застольную беседу на менее политичную тему.

...В ближайшее за празднованием двухлетия Кирюши воскресенье, усмотрев в окно идущего из сарая с мастерской Степаныча, причем с инструментами в руках и явно в сторону калитки, Нина Григорьевна постучала и жестом руки позвала его в дом, где объяснила совершенно спокойным голосом, что в филармонию нагрянула проверка из областного хозяйственного ведомства. «Так что наш зам по тылу опомнился от своей щедрости и просит игрушку эту назад принести, а дырку в двери заделай». — «Оно и к лучшему», — согласился основательный Сергей Степанович. Случившаяся при разговоре Антонина Филипповна косвенно одобрила действия дочери, что, мол, богово дорого, бесово же дешево...

Глава восьмая

ПИР В ВАЛГАЛЛЕ: СБОР ГЕРОЕВ И ВАЛЬКИРИЙ

◆ Долю секунды смотрел Егор на заделанный след отверстия во входной двери на территорию зимовья — от несостоявшейся видеофиксации, но в эту-то долю всего в десятки миллисекунд вся история в лицах и словах всплыла из подсознания в активной его памяти. С другой стороны, любитель со школьных лет естествознательного чтения, Егор знал цену этим миллисекундам: ведь согласно единствен-

ной принятой в космологии теории Большого взрыва Георгия Гамова*, уже в первые миллисекунды образовался абрис, то есть остов нашей Вселенной... Не зря же покойный дед Василий, как много чего знающий о звездах военный моряк, часто задумчиво напевал из фильма о Штирлице: «Не думай о секундах свысока...». Как знали все домашние и даже коллеги по военной приемке, военные и вольнонаемные, при уважении к секундам быстротекущего времени Василий Алексеевич обращался в «минуты (уже не секунды!) душевной невзгоды». Проще говоря, когда хотелось выпить, о чем он, пропев мелодию о секундах, словесно пояснял: «Хочется что-то такое этакое на зуб попробовать». Если такая хандра нападала дома, то Наталья Андреевна незлобиво дополняла его словами своими, вологодскими, что, мол, попала собака блохе на зуб, после чего доставала из укромного местечка освежительную четвертинку, что незамедлительно, еще до употребления, переводила хандру отставного каперанга в превосходный штиль, что есть лучшая обстановка для корабля в море, а для моряка в душевном покое.

Как-то Костя, услышав разговор деда с брательником Егором на тему образования Вселенной за счетные миллисекунды, и будучи в своем вольном искусстве не только гитаристом, но и поэтом, вдохновился и с очередного похмелья (с опохмелением) сочинил и переложил на гитарные аккорды — под Высоцкого — космические стихи:

---

* Советский ученый-астрофизик, с 1920-х годов жил и работал в США (тогда САСШ). Кроме выдающихся научных открытий известен как практик неформального подхода в медицинской геронтологии: будучи заядлым курильщиком и любителем выпить, утверждал, что у него есть фора для продления жизни — поочередным отказом от табака и спиртного, что взбодряет организм. — Прим. авт.

*Взрыв пустоты — сверхразряженный вакуум,
Забегали спиральные миры.
Вселенная пролитым в воду лаком
Вся растеклась на зыбкие шары.*

*И поле уравнений гравитации
Переместило линии орбит.
Спокойной быть или просто ужасаться?
Планетный мир — и вдребезги разбит!*

*Шипят в безумье дьявольском кометы.
Апокалипсис. Мы давно отпеты:
Нет веры нам ни Канту, ни Христу.*

*Но гелий синтезирует Ярило
И теплым светом дарит, как дарило
Весну, и каждый май лес надевал листву.*

Деду Василию творение Кости понравилось, а Егор законно засомневался в авторстве текста гитарной песни: старшему брату даже школьная астрономия не давалась, здесь же вдобавок вполне правильно употребленные космологические и физические термины. Костя неохотно отбрыкивался, но заинтересовавшийся Егор припомнил, что от последнего праздника, в доме отмечавшегося, осталась недопитая коньячная бутылка, про которую все, кроме него, забыли, поставив за кухонный шкафчик в неприметном месте. Этой-то посудиной Егор и выпытал у гитарного исполнителя тайну космических стихов: взял тот первый попавший в руки американский фантастический роман из пары десятков таких книг, имевшихся дома от школьного чтения братьев и сестры Жени, полистал подходящее по содержанию начало главы и стихотворно зарифмовал его.

...И эти рассуждения о единицах измерения времени, связав их со способом снятия дедом Василием

душевной хандры, даже космические стишки брата Кости — все это в такие же миллисекунды образно всплыли в голове. Сам себе рассмеявшись, Егор повернул-таки ручку замка и переступил порожек единственной (а не одной из пятисот сорока как в мифологической Валгалле!) входной в зимовье двери.

◆ Полуторазэтажное, в смысле с мансардной надстройкой на фасадном передке здания, да еще держа в памяти подвал почти подо всем домом, зимовье от входа на участок смотрелось солидно. Конечно, на загородные коттеджи и виллы, даже навроде скромной у Курковых, где живет сестра Женя со своим семейством, или городские двух-трехэтажные особняки, которыми в девяностые-нулевые годы новорусские торгаши-перекупщики застроили весь квартал бывшего Танкового городка, зимовье похоже отдаленно... но солидно все-таки. Однако стоило Егору непроизвольно, захлопнув за собой входную с улицы дверь, взглянуть влево и увидеть высящуюся неподалеку башню областного пенсионного фонда («Чем выше управа, тем меньше пенсионная справа», — как-то заметил гостевавший в зимовье дед Василий, явно за долгую совместную жизнь перенявший у вологодской своей супруги афористичность народного мышления), как прямо на глазах их дом снизился в восприятии сравнения до утлой деревенской избышки.

...На тему современного небоскребостроительства Егор, как патриот *своего* зимовья и просто самодостаточно мыслящий человек, хотя бы и молодой, из «нынешних», мог рассуждать с основательностью и убедительностью. И рассуждения строил логично: по совету умного доцента-ракетчика Николая Андреевича на последнем курсе учебы в охотку проштудировал учебник логики Фрейденталя. Понятно, в переводе с английского. Если первые небоскребы появились в Америке, а именно на острове Лонг-

Айленд, после того, как он в конце девятнадцатого века вошел в городскую черту Нью-Йорка, то только по причине дороговизны земли. Практичные янки быстро сообразили: если стоимость участка под строительство десятиэтажного дома в полтора раза превышает затраты на его возведение, то выгода для опекаемых итальянской мафией строительных трестов начиналась где-то с тридцати-сорокаэтажных домов, тотчас прозванных бруклинскими газетчиками небоскребами. И очень удачно назвали: на северном атлантическом американском побережье при переходе от циклона к антициклону и обратно тучи спускаются до крыш высотных зданий.

Как только деловое Сити Нью-Йорка застроилось — соревновательно между банкирскими домами-небоскребами, в Америке сработала уже соревновательность городов. Та же взаимная между Востоком и Западом: Нью-Йорком и Лос-Анджелесом. Потом и по всему миру — то, что сейчас у нас называют принципом тусовки; от житейского, дескать, Верка со своим по два раза в год *лётает* в Турцию, а мы что — хуже? или у Петьки машина, у Васьки тоже, а я что — дурной совсем? до все тех же небоскребов.

Россия, ввиду ее вековой «отсталости» от Запада, при царях до них не дошла; максимум десятиэтажные доходные дома в Петербурге, отчасти в Москве.

Сталинские высотки никак не соотносятся с соревновательностью с Западом. Это был монументальный символ сверхдержавы СССР. И построены они были в архитектурном решении как осовремененные храмы; надо помнить о Вожде, как недоучившемся семинаристе, православном священнике.

В последующее советское время в Москве, Ленинграде и многих областных городах, что называется для пробы, сооружались четырнадцатипятиэтажные

дома-башни. Да еще Борис Николаевич построил в Свердловске «самый высокий обком в мире»...

Остальное все на наших глазах. И хотя Россия, бывшая 1/6 земной суши, сейчас где-то 1/7, всего лишь на пятом месте в мире по «эффективности территории»*, но все равно обильное появление на ее бескрайних, даже в европейской части, просторах гнездовой двадцати-сорокаэтажных башен смотрится со стороны как десна человека с подгнившими и частично выпавшими зубами. Словом, небоскребный пародонит. Так принцип тусовки все вернул на свои места: у нас высотные дома строят, экономя (в сторону дохода, конечно) на подводе коммуникаций. Только в Китае сорокаэтажное строительство, например в Шанхае, как-то оправдано обычной потребностью жилья для полутора миллиардов жителей Поднебесной.

◆ Но рассуждения о небоскребах привели Егора к неуютной мысли: он — дитя своего, то есть нынешнего времени расчеловечивания и роботизации. И причем здесь рассуждения о небоскребах, навеянные косым взглядом влево на башню областного пенсионного фонда? Просто Егор неожиданно подловил себя на мысли: а что это я сам с собой разговариваю по некоему шаблону, словно по кальке, принятой, несанкционированно конечно, в нынешнем общении? А оно уже два десятка лет навязывается прессой, телерадио, главное — егэшным средним образованием. Сущность такой шаблонной кальки, как сам у себя допытался Егор, состоит в переходе от творческого, образного мышления, воображения к суховатой передаче виденного или услышанного ог-

---

* То есть по эффективности освоения, в том числе по плотности населения, территории (см. подробно в широко известной книге Паршина «Почему Россия не Америка»).— Прим. авт.

раниченным словарным запасом. Это вроде как прочитав «Войну и мир», пересказать ее содержание тремя страницами школьного учебника истории, но используя лексикон не более двухсот слов. Другой существенный момент: рассуждать, «калькировать» на совершенно вроде бы не интересующую тебя тему. Небоскребы? Да на хрен они мне нужны! — Хороша рыба на чужом блюде, как бы сказала бабушка Наталья. Главная мерзость нынешнего компового мышления, особенно у нашего, «новороссийского» поколения, в том, что заставляет забивать голову именно этим ненужным мусором — чтобы о нужном не задумываться.

Припомнил Егор мимолетно услышанную несколько дней назад в служебном своем автобусе, возвращаясь с работы — водила вместо музыкального УКВ-канала зачем-то включил новостной, — передачу на воспитательную тему. Записной радиокomentатор уверял слушателей, что современная молодежь, как бы ее не хулили, имеет устойчивую тягу к чтению. Слабо соображая, что он говорит явно по кем-то сочиненному тексту, «болтун на радио» (от Жени знал, что так эсмэишники на телерадио свою профессию именуют, только вместо болтуна используют более ядреное словечко...) вдохновенно нес: «...Да, много читает наша молодежь. Но в отличие от своих отцов и дедов, читают они преимущественно не художественную литературу, а книги с реалистическим содержанием. Например, сынишка моих друзей, пятиклассник, сейчас с увлечением *впитывает информацию* из толстого тома, в котором описывается природа образования облаков. А до нее запоем читал книгу по истории дипломатического протокола».

Вот именно такая всеядность, восхитившая радионедоумку — опять же от Жени: на радио, где платят мало, самые дурнушки, а из мужиков тупова-

тые собираются,— и есть признак умозамещения информационным шумом, что и есть расчеловечивание с малоразумных лет.

Вот и получается, что постсоветские поколения, к которым и сам он относится, если не по воспитанию, то уж по дате рождения точно, успешно догоняют своих сверстников из европ-америк-азий (последних — восточных), уже давно умозамещенных. Действительно, если их подсознание — основное хранилище творческой памяти, по словам доцента Николая Андреевича, в свою очередь перенятых им у профессора Скородумова — к началу взросления не занято правильно поставленным образовательным или самообразовательным знанием, то и извлекать из него нечего? Хрен возьмешь с тарелки деньги у попа — это когда бабушка Наталья на флотского деда сердилась, если тот ленился что-либо по домашнему хозяйству сделать, дескать, давай на завтра перенесем, устал я сегодня что-то...

И если правильно развитый человек, то есть с содержимым подсознания, извлекает из него и переводит в активную, оперативную, как по аналогии с компьютером, работу мозга только потребные в настоящий момент времени знания, то у умозамещенного, с его пустой кладовкой черепной коробки, в активную эту работу и берется извне все что угодно, лишь бы занять оперативную память, чтобы вхолостую не простаивал: то же образование облаков для пятиклассника, опять же вычурная процедура дипломатического протокола...

Вот так же и он, Егор, полагающий себя отличным от большинства сверстников, даже гордящийся порой этим, нет, нет, да и скатится к тому же: к небоскрегам этим, черт бы их побрал, чтобы они провалились в карстовые вымоины! Из воспитанной гуманности даже мысленно Егор перед провалом небоскребов — для почину в стране желтого дьяво-

ла — все же распорядился вывести из них обитателей и их собак с кошками. При вспоминании о собаках, словно прочитав его рассуждения, из-за ближнего угла дома выскочил Фомка, отчаянно крутя своим сложнзакрученным лаечным хвостом. Подбежал, сел на задние лапы, приветственно гавкнул, наклонил влево морду, подняв вверх правое ухо, что у них означает вспомогательную к зрению координацию расстояния, с некоторым недоумением и вопросом в глазах глядя на одного из хозяев: а что это он замер в неподвижности, застыв на условном порожке, придерживая рукой полуотворенную дверь?

...В сложной иерархии хозяев для Фомки Егор занимал где-то третье-четвертое место после старшей Нины Григорьевны, ее дочери Лизы и наравне со Степанычем и котом Ерошкой. Известно, что как стайные звери, собаки и домашних котов полагают членами этой стаи. И получалось, что после Егора со Степанычем и Ерошкой оставалась Антонина Филипповна, наезжающая Надежда Тихоновна, кошка Манька и все постоянные гости зимовья. Правда, пес отметил, но объяснить не смог собачьим своим умом: в последние два пандемийных года гости заходили реже и как-то разобщенно.

Как-то Егор заспорил со Степанычем об особенностях психики Фомки. Ведь в натуральных собачьих стаях только один хозяин, вожак стаи. И обязательно кобелиного пола. У Фомки же, да еще из породы лаек, то есть недалеко отошедших от звериного естества, вот такая многоступенчатая и соподчиненная хозяйская организация. Степаныч склонялся к оразумлению пса в дружном коллективе зимовья, Егор же как-то сочинил нудноватую и запутанную теорию — своеобразный отголосок на пару лет назад прочитанную по совету бабушки Натальи (для бабушек, особенно из учительниц, все дети и внуки, независимо от возраста, остаются ученика-

ми...) книгу Конрада Лоренца* по социальной психологии. Суть же сводилась к особенностям индивидуального характера Фомки, на который наложилось уединение зимовья, многочисленность его обитателей с преобладанием женского пола в трех поколениях... Но здесь секундное размышление Егора прервал хлопок ладони в перчатке по плечу.

◆ — Здорово, брателло! Ты что застрял в воротах — или Фомка раньше всех принял на собачью грудь, окосел, перестал своих узнавать и не пускает тебя, а?

Спohватившись, Егор поздоровался со старшим братом, посторонился, впуская Костю и не сообразил что сказать.

— Я с троллейбуса, с остановки тебя заприметил, Майскую наискосок перебежал, так что шел за тобой и у входа почти догнал, а ты чего-то здесь застрял.

— А где мать с отцом, бабуся?

— Я не из дома, с халтуры частной — в клубе сомнительном. Они либо здесь уже или скоро будут.

— Не звонил им?

— Что-то, братуха, сам себя опровергаешь. Кто говорил: мобилы специально для баб сделаны, чтобы ни минуты не молчали.

— Ладно, замяли. А ты что...

Вот до чего доводит наедине с самим собой пребывание! Даже по недалней дороге от служебного автобуса до дома. Чуть себя не поставил в дурацкое положение, не спросил почему Анфису, нынешнюю подругу свою, не захватил; совсем из головы вылетело многолетнее табу зимовья, касающееся Кости и

---

* Конрад Лоренц, выдающийся австрийский ученый-биолог и эволюционист, лауреат Нобелевской премии, создатель науки этологии — о социальном поведении животных, человека в особенности. Основное свое учение создал, находясь после войны в советском плену на строительных работах.— Прим. авт.

Нины Григорьевны. Но для брата хватило и сорвавшихся вводных слов.

— Хм-м, на кофейном осадке гадают, на душевном рыдают. Сам все прекрасно знаешь и понимаешь... Агу, Фомка! Лови конфету, нашу с тобой любимую.

Костя вынул из кармана пальто конфету «Кара-Кум», развернул обертку и бросил Фомке. Тот восторженно взгавкнул, с положения сидя подпрыгнул, словил подачку и преувеличенно старательно захрустел, в собачьей же душе явно огорчаясь малому размеру презента стороннего зимовью члена стаи. Как уважающий порядок и спокойное течение жизни на охраняемой им территории, Фомка испытывал двойственное чувство при появлении в зимовье этого гостя: тот никогда не забывал припасти для него конфету в темно-коричневой обертке — это хорошо; но от него почти всегда резковато пахло тем, что двуногие пьют из стеклянной посуды — особенно когда тот уходил. К тому же гость после четвертого (Фомка чисел не знал, кроме нуля и единицы — чашка его пуста или с похлебкой — но сравнение их прекрасно понимал) приложения к стеклянной посудине брал в руки доселе висевший на стене похожий на большую дворницкую лопату Степаныча предмет с натянутыми вдоль проволоками, дергая за которые, извлекал раздражающие Фомку звуки, под которые нестройно же пел: отрывисто, нарочито грубым голосом, с притоптыванием ступней ноги. Э-эх, то ли дело Степаныч с пожилым гостем, который откликнулся на «Василиксеич», но уже несколько лет как перестал приходить, тоже после четвертой-пятой, безо всякого инструмента, если только младшая хозяйка Лиза им на огромном черном механизме не подыгрывает, заводили то протяжные, то веселые песни на два голоса. В первых часто упоминалось непонятное слово «каторга», во вторых столь же

часто просящее: «На-а-лей, налей!» Это Фомка прекрасно знал: если Василиксеич обращался к Степанычу с этим словом, то тот наливал себе и ему прозрачной воды из бутылочки, но более всего радовался, когда одна из хозяек говорила другой: «Налей-ка Фомке похлебки — уже остыла!» И песни у них приятные, а текстовка, как говорила главная хозяйка Нина Григорьевна, со словом «налей» и вовсе вызывала позыв аппетита в желудке Фомки.

Отметив, что лаечный их пес осознанно воспринимают разные слова, Егор хвалил его: «Молодец, скоро совсем очеловечишься!» Но все же порой и вроде как знаемые Фомкой названия ставили его в тупик. Вот придет в гости самая старшая из сторонних членов стаи зимовья Наталья Андреевна, откликавшаяся и на бабусю, заведет разговоры за чаем в гостиной с Антониной Филипповной и Степанычем, и Надеждой Тихоновной, если та случится на побывке в доме, а Фомка, склонив голову влево и подняв правое ухо, прислушивается, улавливает знакомые слова: налей, похлебка, конфета, пора наших зверей кормить и другие. Особенно воспринимал он слово «собака», полагая это прямым обращением к себе.

Но не тут-то было? Вот говорит доверительно старшая гостья своим собеседницам про нынешние настороженные времена, когда говорить надо оглядываясь, да вдруг ввернет свое деревенско-вологодское, что-де наболтай собаке овсянки, да лишнего не набалтывай! Обрадовался было Фомка внеурочной кормежке, уважал он овсянку с мелко порубленной в нее мясной крошкой. Тем более, что почти прямое указание почтенной гостьи: приготовить овсянку (мясо предполагается) и дать собаке, то есть Фомке — других собак в зимовье не водится, а кошачья пара из Ерошки с Манькой рылом не вышла! Но вместо допайка усиленного питания друг его двуногий Сте-

паньч замечает, обратив внимание на активные элоквиции пса: «Чтой-то Фомка наш засиделся в тепле! Чай не мелюзга квартирная, что в цирковых попонках на улицу выводят, а боевой пес. Давай-ка, друг, на двор — нагуляй аппетит к ужину!»

То, что старший брат явился на календарно-усложненный юбилей хозяйки дома с пустыми руками, не то, что не озадачило Егора, но даже песчинки внимания не вызвало. Одна из причуд Нины Григорьевны, впрочем, как и остальные «пунктики», ею же строго логически объясняемые,— это упразднение подарочного этикета: «Чего хочу, на то у вас денег лишних никогда не накопится, а на что хватит «экономией на школьных завтраках», тому место только в гаражной кладовке или в сарае Степаныча найдется». Женившись на Лизе и придя примачом в зимовье, узнав о подарочном неприятии Нины Григорьевны (Лиза упустила предупредить, а он на день рождения преподнес теще неподдельный флакончик «Фиджи» — и оконфузился), высоко оценил эту логику: «Да-а, Лизавета, мама твоя рассуждает как выпускница философского факультета, прямо «бритвой Оккама»* режет!»

◆ Поскольку Костя захлопнул за собой дверь калитки, то Фомка «на автомате» развернулся и неспешно потрусил в сторону дома, эскортируя вошедших, но, оглянувшись, озадаченно отметил: все еще стоят у ворот. Но он-то свои служебные обязанности выполнил! а поэтому, уже не поворачивая головы, побежал, огибая фасадную часть к угловому входу: летом его и палкой в дом не загонишь, но зимой и в межсезонную непогодь имел юридическое право

---

* Логико-философская формула Вильгельма Оккама (1285—1349), представителя схоластического учения номинализма: «да-нет» и без излишних слов, пояснений и пр.— Прим. авт.

выбора местопребывания. Перед угловой дверью он присел. Царапать оббитую дерматином дверь с войлочной прокладной ему строго не дозволялось. Судя по сегодняшней суете, ждать недолго придется: кто-нибудь да выйдет или Егор с Костей все же надумают идти домой.

— Жаль даже уходить с такого бодрого морозца, — заметил Егор, доставая из кармана пальто сигареты, — закурим?

Костя удивленно посмотрел на него.

— Что за новости? неужто Нина... гм-м, Григорьевна очередной кандибобер выкинула и на день рождения с куревом завязала? И ввела антеникотинный режим...

— Господь с тобой, братуха, я же сказал про морозец.

Закурили Егоровы длинные тонкие «пэлл-мэлл»; как нерегулярный курильщик и творчески раздолбаяная личность, Костя своих сигарет и спичек почти никогда не имел — только губы.

— Ишь, все шикаешь, уже под двести твои дошли! Нет бы в семью нести праведно заработанное, ха-ха-ха, а ты все стройки капитализма субсидируешь. Наши халтурщики-малевальщики давно перешли на дешевые белорусские. А братья-сябры люди экономные, да и берез у них много растет по соседству с фабриками Гомельдрева и Пинскдрева.

— Как дома дела? Давление у бабуся? Утром нормально себя чувствовала?

— Да-а, понима-а-ешь, брателло, сегодня с утра я не из дома выходил... Уже ведь говорил.

— Слава богу, помирился с Анфисой, да?

— Да нет, пусть еще пару-тройку дней для профилактики подуется. Просто вчера заказ срочного денежный шабашили допоздна, потом до двух ночи бухали под интересную тему. Там же и заночевали.

— А что, в наше суконно-цинковое административное время, еще осталось о чем поговорить?

— Отчего не осталось, особенно под интерес. Ведь и на зоне, где народ скученно годами обитает, разговоры разговаривают, не молчат. А тут еще история с Вовкой нашим случилась накануне. Он старой закалки, советской, халтурщик. Мы-то щенки по сравнению с ним в питейном деле. Но и он накануне белочку первый раз в долгой жизни поймал — ее заодно и обмыли.

— Без больнички обошелся?

— Он в медицину не верит. Вчера утром пришел встревоженный, несмотря на опохмелку — по запаху понятно — с трезвым выражением морды лица, необычно бледный. И с порога все выложил. По мере исповеди слегка отходить начал, на место бледности к щекам обычный румянец начал возвращаться. Здесь и доброхот Виталька значенную четвертинку «Старшинской» вручил страдальцу, что тот в два присоса прямо из горла ввел в организм. Под конец рассказа даже посмеиваться над своим страхом начал. Словом, вот тебе краткий пересказ.

Егор, как натура естествоиспытательская, с интересом выслушал жизненную повесть.

В среде лабухов, художников-оформителей и околоспортивного причта тренеров и организаторов обычно присутствует свой Вовка, которому близко к полтиннику, но отчество которого твердо знает только старший в трудовом коллективе, который зарплатные ведомости оформляет. Такой Вовка есть и душа, цемент компании; без него она, дружно-склочная, в один миг превратится в скучнейший «трудовой коллектив». Если Вовка, как человек трудящийся, и смотрится трезвым, то только в будние дни в первую их половину. Но домой после трудового дня уходит уверенно, хотя и заметно навеселе. Дома ужинает с водкой. Если есть заначка, либо по дороге вместо

одной чекушки парочку прихватил, то в долгий вечер перед мельтешащим телеэкраном, уходя на кухню покурить, прикладывается, не торопясь.

Но случился позавчера расчет наличкой за сверхплановую халтуру, потому Вова на радостях прибыл домой с обычной четвертинкой на ужин и целиковой поллитрой, припрятанной им от домочадцев в прихожей. После ужина на кухню перенес бутылку очень даже приличной омской «Пять озер». Как всегда не торопился, не алкаш подзаборный? Но коль вместо обычной вечерней чекушки «вороне бог послал кусочек сыра», то есть бутылку, значит по законам Архимеда и Ломоносова — Лавуазье (это не гуманитарии Вова и Костя, но технарь Егор на язык физики перевел) перекуры на кухне с приемом экономной полустопки продлились до выключения телевизора и ухода семейства в два поколения — квартира трехкомнатная, когда-то выданная советской властью деду за сносимый частный дом со множеством в нем прописных — на покой. Спустя час, допив «омскую», и Вова прилег, но сон даже намеком не подступал.

...Слушая брата, Егор вспомнил давнешнюю беседу с матерью Нины Григорьевны, врачом Антониной Филипповной, по поводу белой горячки. Что дало повод к такой специфической теме? — Егор не помнил, главное — не он повод к тому дал. Тогда Антонина Филипповна, как медик с солидным стажем, много знавшая не только по своей ухогорлоносовой специальности, развенчала устойчивое в массовой среде мнение, что «белочка» случается, если человек резко перестает пить — и где-то спустя время полного отрезвления, дня два-три. Здесь важен, говорила она, другой момент: белая горячка настаивает регулярно пьющего «в норме» — в норме для него — в тот момент, когда случается одноразовое резкое превышение нормы, после чего наступает сос-

тояние ощущения «трезвости головы в пьяном теле». А после такового состояния достаточно нескольких часов, особенно ночных, чтобы «белочка пришла». Но в таком варианте белая горячка неустойчива и может простым похмельем и последующим снижением «нормы» сняться: без пресловутой «шестнадцатой бригады» и алкогольной лечебницы. Тем более без «дурки».

Такой вот вариант милостивая судьбе и ниспослала Вове. Прележав пару часов в холодной постели (супруга взяла неделю в счет отпуска и уехала в районный город к приболевшей старшей сестре) недвижно, с расслабленным телом, но с удивительно ясной и чистой (!) головой, в какой-то момент в полнейшей до того ночной тишине спящего города и их семиэтажного дома на краю Поречья, он уловил ритмичные постукивания со стороны потолка и прямо над ним. Поначалу он не сообразил причину такой стукотни. Но вот к нему добавился такой же ритмический пружинный скрип, становящийся все более пронзительно-громким. А затем раздалась четкие, как в метре от Вовы, женские стоны: все громче, счастливее, модулируемые частым мужским хрипом. «Во дают верхние соседи!» — даже позавидовал Вовка, шапочно знавший молодую пару, живущую с родителями и чьей-то племянницей-студенткой.

Наверху же неистовство все приближалось к апогею, но разрядка шалунам все никак не давалась. Вовка, в нулевых годах потрафлявший неприхотливому вкусу новорусских владельцев свежестроенных коттеджей аляповатыми копиями (с альбомных иллюстраций) европейской классики Возрождения, мигом представил полноватую (она такой в натуре и была) молодуху, трудящегося над ней мужа ее с «игиловской» бородкой, а вокруг них суетятся лазоревые амурчики и без конца шпандыряют в увлеченно паре стрелами сладострастия, не позволяя им

восторженно финишировать. И еще Вовке представилась чуть поодаль от лежбища страсти проецируемая на всю стену комнаты телереклама потенцирующего мужскую силу средства «импаза». Страстные стоны, часто перемеживаемые призывами «еще, милый, еще, еще!» уже ревуший контрабасный мужской хрип ломили барабанные перепонки. И еще он испугался за дочь. Надо сказать, что Вовка, как типичный представитель свободной профессии, женился поздно. Поэтому и имел дочь, школьницу седьмого класса, возраста то есть волнительного и впечатлительного. Поэтому встал с постели, вышел в гостиную и приоткрыл дверь в маленькую комнатку — спальню дочурки. Она спала, но и над ней гремело сладострастием. Того и глядит проснется: хорошо если просто слегка испугается. А вдруг подростково заинтересуется?

И будоражимый отцовской заботливостью, Вовка прикрыл дверь и торопливо пошагал в прихожую: ясно сообразил, что в участке могут не поверить звонку с мобильного, надежнее городским воспользоваться. На другом конце провода ответил хмурый, полусонный голос. Вовка предельно четко обрисовал происходящее, просил прислать к любвеобильным соседям наряд с увещеваниями и административным штрафом, как он казенно сформулировал: «За нарушение тишины и развратные побуждения в отношении его несовершеннолетней дочери». Сообщил адреса своей и шалунов квартиры, номер дома, улицу, полное свое ФИО. Все по форме.

Видно это настолько развеселило дежурного в участке, что полусонная одурь с него спала. Рассмеялся, по ментовской опытности (в дежурках отделений обычно досиживают последние предпенсионные годы не вышедшие в старшие офицеры ветераны, потому отменно разбирающиеся в житейских ситуациях) сообразил с кем имеет ночной разговор, даже

с легким сочувствием посоветовал принять лекарство: «Э-э, Владимир Николаевич, переутомились чуток. Поэтому примите для спокойствия грамм сто-сто пятьдесят и постарайтесь заснуть».

Положив трубку, Вовка и сам почувствовал, что только эти граммы и смогут снять появившуюся головную боль. На его счастье голова по инерции продолжала мыслить ясно, потому вспомнил давно забытое: как-то в сильно выпившем состоянии значил — от разгневанной супруги и тещи — на две трети недопитый бутылек. Куда-то сунул, а наутро и вспомнить не мог: куда? А вот сейчас живо представился захламленный угол кладовки, где под рогожными мешками (теща с женой летом копались на дачном участке) стояли дачные же резиновые сапоги, в правом из которых — она! Метнулся туда и, выскочив с чекушкой, побежал на кухню за стаканом. Но в этот миг сверху многодецибельный, охрипший от страстных стонов, женский голос прокричал: «Подожди, Игореша, давай сейчас по-гусарски!» Вслед за чем в две пары затопали, задолбили в пол пятки ног... Вовка, чтобы не оглохнуть, заткнул уши указательными пальцами, наклонился над столом, зубами сорвал с четвертинки закрывку, тож по-гусарски губами зажал горлышко, распрямил голову и, слегка наклонив ее назад, вылил содержимое бутылочки в глотку. Лекарство, прописанное дежурным из участка, действовало как сильно успокоительный медицинский укол: в течение пары-тройки секунд, как гул пролетевшего над головой реактивного самолета, топотанье, стоны и хрипы над головой начали утишаться, превратились в мышинный шорох и вовсе исчезли. Вовка дошел до своей постели и мгновенно уснул.

Проснулся утром в терпимом состоянии: обычное похмелье, но без видений наяву.

— А если бы из ментовки наряд послали — как

бы отбаярлся? Ведь запросто могли в приемник психушки подвезти с ветерком, — спросил кто-то из слушателей восхитительно жизненной сцены.

— Так я же говорю: голова-то работала настолько ясно и сообразительно! Поэтому после звонка в деталях продумал отступное: дескать, сосед сверху, не тот, который активный трахатель, а его отец по ночам сколачивает гробы, сейчас на них спрос большой, то есть занимается индивидуальной трудодеятельностью без регистрации и уплаты налога и...

— То есть ты, Вовик, будучи в белочке, в то же время соображал, что таковая на тебя напала, да?

— Получается так. Хитрая bestия. Надо с недельку умеренно принимать, снижая норму... сегоднешний день не в счет.

Дослушав брата, Егор посмеялся. Докурили.

— Развеселил, братуха, пошли... Слушай, вроде машина к нашим воротам подъехала?

Действительно, шорох шин стих за забором, двукратно хлопнули дверцы, а по раздавшимся голосам братья опознали сестренку и уверенный, буржуйский по давнему определению деда Василия, баритон ее мужа Дениса. Стоявший ближе Костя предупредительно открыл дверь, мол, милости просим! А Егор сделал шутейный приглашающий жест рукой:

— Милости просим. Герои и валькирии в сборе!

Глава девятая

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ИСТОРИЯ ЗИМОВЬЯ

◆ И все же не сразу перейдем к описанию честного пирка в зимовье, к чему мы устремляем читателя на протяжении более полутора сотен страниц, памятуя общеизвестное правило: к застолью следует разыграть аппетит, или важно не само событие, но

пространная подготовка е нему, его распаленное ожидание, как то присутствует во всех жизненных событиях: от любовной утехи (если, конечно, это не белогорячечный бред халтурного живописца Вовки) до вожделения пьющего человека, слизывающего слюну сладострастия в ожидании обещанной супругой к ужину стопки. И ведь верно, что у такого все-то удовольствие в ожидании, а напьется и забуянит, проснется — на диванчике злой валяется, себя корит. Ну-у, это тема бесконечная, а мы к своим героям и их валькириям вернемся... в ожидании все откладываемого блудливой рукой сочинителя пира в зимовье. Почему же блудливой? А потому, что мысль изреченная, тем более записанная железисто-галлусовыми чернилами в прошлые века, а паркеровскими (ваш покорный слуга эстет в технических делах сочинительства) в нынешнее время, есть ложь — это нетленная истина. А ложь суть блудомыслие. Увы, от правды никуда не денешься.

С первых лет сознательной своей жизни Егор, тогда Егорка, Егорушка у матери и бабуси Натальи, заслушивался рассказами деда Василия о морской его жизни. Но после третьей-четвертой стопки за семейным праздничным столом тот расширял репертуар как в родовом, так и в общеисторическом планах. Обычно планы эти сливались в конкретных персонажах. Так вспоминая своего отца, то бишь прадеда Егора, Алексея Прокофьевича, дед Василий не забывал упомянуть с уважительным смешком, что родитель его вроде как даже гордился рождением в статусе подданного Российской империи... на свет он появился за три дня до отречения царя Николая от престола. И еще отметил начинающий оразумляться Егорка: дед Василий четко разделял семейную и всеобщую историю на две, далеко не равные по времени протекания эпохи: до революции и после нее. Впрочем, хмуро пояснял, что уже семь лет (а Егору

только шесть стукнуло), как великая послереволюционная страна наша закончилась. Внуку же кратко пояснял: революция — это когда буржуям и их прихвостням наkostenяли по шеям, а народ уравнили в правах и обязанностях. И отменили непонятную Егорке частную собственность.

Хотя в дальнейшем своем взрослении Егор учился в школе, где как-то путанно говорили на уроках истории и литературы о причинах и последствиях той самой революции, порой непристойно именуя ее Октябрьским переворотом, но деление прошлого на «до» и «после» накрепко засело в его недурственной по сообразительности голове.

В первом классе, в который Егор пошел в тот знаменательный год, когда наши выдающиеся экономисты умудрились в четыре раза обвалить курс рубля, ранее установленный по отношению к доллару, как и израильский шекель, шесть к одному, он оконфузился на школьном новогоднем утреннике — опять по причине все той же революции. От родителей присутствовала бабушка Наталья, которая почему-то подозревала во внуке будущего оперного, на худой конец эстрадного, певца. Гордясь грядущим Собиновым или Лемешевым, на утреннике она подначила школьную музычку Светлана Антоновну вызвать Егорку на сцену и подыграть ему на пианино какую-нибудь детскую новогоднюю песенку из детского репертуара, которую тот знает. А он действительно и в детском садике пел под елкой.

Егорку же определили в ближнюю к дому школу, которая еще с советских времен считалась престижной, располагаясь в районе выше по проспекту (он поднимался по пологой горке к южной части города) от Майской улицы, где традиционно проживала интеллигенция: вузовская, промышленная, иная. А также партийные и другие руководящие личности. В наступившие времена и новорусская знать облюбова-

ла тихий и престижный район — условный центр города, хотя и не географический. Поэтому на новогодний детский утренник директриса, в духе новых веяний, но по давнему этикету, пригласила видных персон, вроде как библейских «каждой твари по паре». Пара роновских бабенок скрашивала пестротой нарядов от рыночных челночниц версачевские костюмы темных тонов на представителях элиты: от административного чина до владельца приватизированного завода. Особняком держались милицейский полковник и один из главных городских смотрящих, бывший авторитет с погонялом Красный, ныне легализованный солидный бизнесмен Юрий Николаевич Красеньков. С легким опозданием («Извините, господа, только из Москвы приехал с переговоров деловых») прибыл банкир Полбин. Сын его учился в этой школе, а директриса мало-помалу потрошила папашу на перманентные ремонты еще довоенного здания.

Вот перед такой выставочной сторонней публикой должен был выступить с сопливо-умилительной святочной песенкой первоклассник Егор Болховитов. Так его полным титулом и объявила музычка Светлана Антоновна, выведя смущенного Егорку за руку на сцену. Бабушка Наталья заранее обговорила с учительницей пения, что Егорка исполнит традиционную «В лесу родилась елочка», умиляющую серьезных гостей утренника. И самого певца в известность поставили, и песенку эту он еще в детсаду публично исполнял: хорошо помнил слова и почти не фальшивил в мотиве. Это бабушка объяснила Светлане Антоновне, дескать, не подведет.

Надо заметить, что накануне дед Василий Алексеевич прибыл со своей работы («Со службы!» — досадливо опять поправил он) вольнонаемным военпредом в знаменитом НПО «Меткость» академика Гусакова с гостем: прибывшем в командировку на

предприятие бывшим младшим сослуживцем Василия Алексеевича, а ныне капитаном первого ранга, который шутливо представился первокласснику дядей Сережей. ...И до полуночи матерые военморы вспоминали «ходили мы походами в далекие моря». Пили коньяк и витиевато, как флотские командиры при посторонних, матерились, заменяя непристойные слова их печатными эквивалентами — в адрес нынешних порядков... в смысле беспорядков в разрушенной стране. После откупоривания второй пятизвездочной бутылки перешли, как истово русские военные моряки, на песни — революционные в пике нынешнему бардаку. Егорку давно отправили спать, но через некапитальную квартирную стену он хорошо различал слова песен и их мотивы, поскольку «дядя Сережа» действительно хорошо пел. Как он рассказал, в срочную службу его едва не зазвали в хор песни и пляски Дважды Краснознаменного Балтийского флота.

Как у мальчика задумчивого, услышанное упрямо держалось в голове день-другой, а то и третий. Особенно песенно-ритмическое, навроде песни о бароне Врангеле, исполненной в полуночный час, когда слуховое восприятие у засыпающего ребенка предельно обострено. Вышел смущающийся Егорка на сцену школьного актового зала, выпрямился по стойке «мирно», поглядел на музычку. И Светлана Антонова ободряюще взглянула на него, кивнула головой — начинаем! и взяла первые ноты «В лесу родилась елочка». Непонятно: то ли она слишком ритмично взяла эти ноты (как было принято в «лихие девяностые», перед утренником учительский школьный коллектив с видными гостями освежились шампанским с фуршетного стола, устроенного в кабинете директрисы), но скорее в голове взволнованного Егорки накрепко засели со вчерашней полуночи слова песни о Врангеле, и неожиданно для самого себя он запел: «Белая армия, черный барон снова готовят

нам царский трон, но от Москвы до британских морей Красная Армия всех сильней!» И аккомпаниаторша «автопилотом» невольно перешла на революционную песню.

Конфуз вышел невероятный. Впрочем, все бы сошло, ибо чиновные гости дипломатично помалкивали, но бывший бандит Красный развеселился и начал подтягивать доморощенному Робертино Лоретти густым басом с хрипотцой, приобретенной на «стрелках былых времен». Для Егорки никаких последствий не вышло, поскольку растроганный Красный-Красеньков расчувствовался и сделал солидный взнос на ремонт хронически протекающей со времен горбачевщины школьной крыши.

◆ Когда шесть лет назад Егор стал «загсовским» мужем Лизы и примаком обосновался в зимовье, то его, воспитанного бабушкой Натальей и дедом Василием страстным книголюбом, более всего поразила, а точнее привела в восторг домашняя библиотека. Как ему пояснили: потомственно собирающаяся. Сама Лиза как-то не удосужилась во время их жениховства сказать о книжном богатстве зимовья. Опять же их предсвадебный медовый год, включая зачатие и начальный внутриутробный период жизни Кирюши, базировался в резервной квартире на Серебрянке. То есть в зимовье он бывал, но в качестве гостя, значит дальше гостиной в доме и комнаты Лизы — но опять же гостем! — а также прихожей и остекленной веранды не обитался. Отдельная же библиотечная комнатка была не проходной, с входом со стороны малой гостиной, что перед верандой, то есть «не по пути». Что не ищется, то и не обрящется.

Поэтому когда Нина Григорьевна внешне шутиливо, но по содержанию директивно объявила дочери в присутствии Егора: «Заканчивайте болтаться, да еще со свершившимся приплодом, по серебрянским ок-

раинам и в халупе от мира запираются! Давайте честным пирком да за свадебку», — то Егор и обнаружил библиотеку. Бракосочетание с беременной невестой есть дело формальное, а честной пирок ограничился сбором роднящихся семейств в зимовье; девишник Лиза, а мальчишник Егор провели на стороне, в кафешках. С учетом неродившегося еще Кирюшки семья в зимовье получалась редкостная по нынешним временам: четырехпоколенная. Но Нина Григорьевна изменила доселе бывший уклад в доме: «Та-а-к, условно *ново-брачные*, живем мы все вместе, но ячейка общества — это как индивидуальный сот в пчельнике. То есть ваш сот — это Лизина комната, а под всякие мыслительно-умственные занятия *ново-брачному*, так сказать, домашний кабинет, соседняя библиотечная комната, хотя бы дверь в нее со стороны малой гостиной. Понятно, что эта условная гостиная и веранда за ней общие для нашего улья, но под вашим патронажем. Во всяком случае, друзей своих там можете развлекать, а Егору, когда классическая мужиковская лень нападет, пристойно будет на тамошнем диване валяться, делая вид, что книгу читает. Туда же свои компьютерные цацки оставишь, если хочешь. Впрочем тебе кабинет положен? Лизин комп там давно обитает. И правильно: в спальне спать положено и дитя народившееся нянчить. Потом подумаем где ему уголок отвести. Господи боже! Вот и дожила до бабкиного статуса... а все моложусь».

Так по указу хозяйки Егору с Лизой досталось левое крыло по фасадной стороне Г-образного здания зимовья. «Смотри, как удачно женился, — ухмыльнулся дед Василий, осмотрев владения молодой четы в сопровождении Егора, Лизы и преувеличенно-нарочито симпатизирующей каперангу Нины Григорьевны, — отец мой, что родился еще при царе, правда, за три дня до окончания его царствования,

рассказывал мне, что в их деревне молодым в избе угол за печкой полагался. А тут — ну нате! анфилада из комнат. Буржуйствоваться так буржуйствоваться. Будешь как помещик в махровом халате расхаживать по усадьбе...».

◆ Пока еще не в барском халате с позументами, а в пацанских джинсах и клетчатой фланелевой рубашке, Егор при первом появлении в своем будущем кабинете, а пока что родовой библиотеке обитателей зимовья, пришел в восторг. Оно, конечно, и в читающей квартире Болховитовых, даже в девяностые годы, по переезду из Питера, максимальной ее заселенности в три поколения, не было свободного места, которое бы Василий Алексеевич, мастер на все руки, с неохотной помощью сына Валерия, не оставил разнородными полками для книг. Основное их число заполняло грандиозный стеллаж во всю площадь широкой глухой стены прихожей: от пола до потолка. Правда на этой стене располагался электрощиток с предохранителями и счетчиком, поэтому для доступа к нему в стеллаже имелось «окно», соразмерное открывающейся дверце щитка. По всем четырем комнатам были распаханы — где небольшой книжный шкаф, а то и подвесная двух-трехрядная полка. По особому требованию блюстительности чистоты Натальи Андреевны, учительницы химии и биологии, то есть дисциплин осторожных в части пыли и книжных жучков-короедов, стеллажи в прихожей и комнатные полки были снабжены задвижными створками из оргстекла. Все редкочитаемое, уже ненужные школьные и вузовские учебники, разрозненный книжный хлам, стопки литературных журналов, что в изобилии выписывались в восьмидесятые-девяностые годы, складировалось в квартирной кладовке на широкой антресольной полке — сколоченных в ряд нескольких четырехметровых досок. На это хранилище прошедшей мудрости требование хозяйки дома не

распространялось: достаточно было регулярной пылесосной чистки.

Но то были книги обычного интеллигентского набора: несколько подписных собраний сочинений советских времен, тех же лет одно-, двух- и трехтомники. Все русская, советская и зарубежная классика. Отдельно в навесном трехполочном шкафчике пополнялась военно-морская библиотека Василия Алексеевича. И Наталья Андреевна имела старинную резную этажерку с книгами по своей учительской специальности. По Гегелеву диалектическому закону отрицания отрицания она не распространяла на себя свое же требование о предотвращении книжной пыли: этажерка-то открытая!

В двухтысячные годы домашняя библиотека в основном — и солидно! — пополнялась Егором: от юношеского увлечения фантастикой до интереса к философии и научному естествознанию. Тогда полки книжных магазинной ломились от трудов классиков этих наук, в советское время не издававшихся. Это длилось до тех пор, пока все книжные магазины, исключая тот самый, оставшийся в уменьшенном виде на Майской улице, не «перепрофилировались».

Но библиотека в зимовье имела совершенно иной вид, напоминавший Егору старые фильмы — экранизацию русской классики девятнадцатого века. В глазах рябило от не подвластного времени золотого тиснения торцов словаря Брокгауза и Ефрона: его восемьдесят шесть томов, включая дополнительные, устали четыре метровой длины полки остекленного книжного шкафа. Нетленность этого сокровища энциклопедической мысли, ни в чем не уступающего французскому «Ляруссу» и английской «Британике», как скоро сообразил Егор, просмотрев первый и последний тома, счастливо дополнялась и презренной ценностью материальной: это было полное и именно *первое* издание словаря, печатавшегося петербургским

издателем Ильей Ефроном в последнее десятилетие девятнадцатого века и первые семь годов века нового.

Но если словарь Брокгауза и Ефрона Егор видел в областной библиотеке в большом зале на первом этаже — для всевозможных людных собраний, в котором безоконная стена вплотную уставлена старинными инкрустированными, под потолок высотой книжными шкапами, за стеклами которых наряду с этой энциклопедией в несколько ярусов стояли и «Лярусс», и «Британика», и полные сочинения Вольтера, Руссо и Дидро — первая в мире энциклопедия, немецких классиков — все, шкафы и книги, из некогда реквизированных помещичьих усадеб, то девяностотомник Льва Толстого, издававшийся с конца двадцатых по начало шестидесятых годов, да еще в целехоньких светло-зеленых суперобложках, увидел новый жилец зимовья впервые в жизни. Только знал о таком и пару раз с интересом «листал» некоторые тома в интернетовской записи. Но и то не с подлинника оцифрованной, а с репринтного новейшего издания... Внутренние поморщившись — все же дитя своего паскудноватого времени! Егор помимо воли поймал мыслишку: а ведь если Ефронский словарь в первом издании имел тридцатитысячный тираж, да потом не раз допечатывался с изменениями и дополнениями, то ведь юбилейный толстовский девяностотомник издавался единожды и тиражом всего в пять тысяч! Потом, Ефрон Ефроном, даже с немцем Брокгаузом, но ведь в мире известны те же «Лярусс» и «Британика», в Европе с Америкой по-русски не говорят, тем более не читают, могут и чистосердечно удивиться — и прежде, а уж совершенно точно и сейчас, — что в русской таежной глухомани с медведями при балалайках и водочной четверти была издана некогда восьмидесятитомная энциклопедия. А здесь-то Толстой! Мировая величина и знаменитость! На Западе его читают только

профессора по своей специальности, у нас сейчас тоже не читают, в отличие от советских и царских времен. Но ведь все о нем слышали, дескать, был такой Толстой... вроде как Лев Николаевич. Честь и слава ему и — нехилая цена девяностотомнику, а?

Егор поморщился, отогнал от себя меркантильщину: «Не уподобляйся!» Уже как старых знакомых, мол, знаем вас, великие и выдающиеся, пробегал он взглядом имена на корешках. Те да не те: изданы, многие прижизненно, за семьдесят, восемьдесят, за сто и даже более лет до появления Егора на свет. Беллетристы, историки, философы, создатели ныне признанных учений — все со вкусом и знанием предмета собранное, эстетично оформленное в кожаные, шелковые, рельефно-тисненые золотом переплеты — сокровища глубинной мысли, душевных откровений, услада истинного библиофила... Невольно слюни потекут, как у истового запойного пьяницы при виде заполненной разноцветными бутылками витрины, но — за стеклом: меняй скорее хлеб на вино, жизнь веселой покажется!

◆ Когда в первой фазе знакомства и сдружения с Лизой, что именуют словесным штампом как конфетно-букетную, хотя она из сладостей уважала только ванильный шоколад, а Егор бурчал про цветы, что-де не хочет он экономику тюльпанной Голландии развивать, шутливо поведал ей о своем княжеском происхождении — от Великого княжества Литовского, то Лиза промолчала, но через полгода тоже похвасталась: и она из дворян. Правда, не столбовых, а чиновных, выслуженных где-то в середине позапрошлого века. По семейным преданиям, в начале царствования Александра — двойного* Ос-

---

* То есть освободителя русских крестьян от крепостной зависимости, а через пятнадцать лет — балканских славян от турок.— Прим. авт.

вободителя давний их родоначальный предок, родом из купеческого сословия, впрочем, малогильдейского, сумел окончить Московский университет кандидатом по юридическому факультету, поступил на службу в родном городе по судейской части. Двигаясь по ступеням табели о рангах, последовательно получал личное, а затем и вовсе потомственное дворянство. Обзаведясь семьей с детишками, в чине коллежского асессора съехал из ранее полученной казенной квартиры, что около Всехсвятского собора, в свежестроенный (особо взятками не баловался, но ведь от судейского, как и попа, сдачи не дождешься...) на месте прежней развалюхи, купленной ради участка на Нижней дворянской улице, поместительный дом с кирпичным хозяйственным полуподвальным основанием и рубленым жилым этажом. В отставку Никифор Авдеевич вышел в полковничьем чине* и ушел в мир иной в царствование Александра Третьего — Миротворца. Он же, как человек с университетским образованием, положил основание родовой библиотеки. Именно от его попечительского рачения и обнаруженные Егором прижизненные издания Достоевского, Тургенева, Лескова, Писемского, «Обломова» и «Фрегата “Паллада”» Гончарова. И поэзию читал статский советник — опять же прижизненные Фет, Тютчев, Майков... Журналы выписывал Никифор Авдеевич: иначе откуда солидно переплетенные разрозненные номера «Вестника Европы», свидетельствующие о здоровом консерватизме судейского чиновника, и два полных годовых комплекта Некрасовских «Отечественных записок», из которых «вышла» вся русская классика второй половины девятнадцатого века. Также однотипно переплетенные, полукожаные, с золотым тиснением на торцах.

---

* Это по воинскому соответствию; значит в чине статского советника, что есть IV класс табели о рангах.— Прим. авт.

А вот несколько томов уложений законов Российской империи — это уже по профилю владельца. Вообще чувствовалось по некоторой разрозненности книжных и журнальных изданий, что начальная библиотека основателя дома, затем дважды или трижды перестраиваемого и достраиваемого в различные исторические эпохи, основательно потрусилась. К месту Егор вспомнил где-то слышанное, что именно интеллигенция наиболее чувствительна ко всяким социальным катаклизмам, в особенности «великим переломам». Ибо главная ценность для них — собранные за жизнь книги, а они-то и гибнут при пожарах, перестройках домов, срочных переездах... да и потому часто избавляются от излишней, на их взгляд, пыльной бумажной мудрости.

Но в Никифоре Авдеевиче, интеллигенте в первом поколении, уже и истинный библиофил просыпался. Иначе откуда в задрожавших от волнения руках Егора оказались немислимые раритеты, изданные во времена, когда будущий универсальнт и статский советник еще мальчишкой бегал по небогатому купеческому дому, где из книг имелись только дешевые выпуски «Житий святых», гадательный «Полусонник», а на лабазном столе купца второй гильдии Авдея Силыча, по родословной из городских мещан, всегда лежала раскрытая на нужной странице главная книга этого дома — конторкорректная тетрадь с записями текущих торговых операций: «Отпущено крупчатки 4 $\frac{1}{4}$ пуда заимобразно трактирщику Илье Переслегину за поставку ведра и двух четвертей казенного вина торговому мещанину Тимофею Ковырзенкову в оплату доставленной мне мороженой рыбы в генваре сего года». ...Словом, столь хорошо и нам теперь знакомый бартер. А Никифор Авдеевич, судя по этим книгам, явно приобретенным в книжных лавках с развалами старых изданий, и в университетские годы, а потом в наез-

дах в ближнюю столицу по чиновным своим делам, находил время, желание и какие-никакие деньги порыться в этих развалах.

А сейчас Егор, сглотив слюну волнительного восторга, бережно перелистывал эти музейные книги. Первое издание, прижизненное конечно, «Мертвых душ», исторические романы Лажечникова и Загоскина, ныне никому не известный роман «Леон, или Идеализм» Никитенко. И вкусом природа и университетское образование не обидели Никифора Авдеевича: драгоценные «Северные цветы на 1832 год» — альманах, составленный и изданный Пушкиным в память Дельвига, а главное — два томика, из четырех, что успел издать гений русской поэзии, журнала «Современник». И два отдельных издания его стихов. А также книги Карамзина, Жуковского, Вяземского, князя Одоевского. Среди них — несколько неожиданно «Пространная русская грамматика» Николая Греча 1830-го года издания (это о котором и дружке его Фаддее Булгарине Крылов сочинил «Кукушку и Петуха») с великолепным посвящением императору во всю страницу: *«Его императорскому величеству государю императору Николаю Павловичу самодержцу всероссийскому съ благоговѣніемъ посвящаетъ вѣрноподанный Николай Гречъ»*. Поскольку эти волнительные слова были напечатаны заглавными буквами, то Егор не понял: какие слова в обычном тексте начинаются со строчной, а какие с заглавной букв? Зато все, что касается императора, набрано крупно и жирно, а что относится к самому Гречу — мелкой нонпарелью.

Судя по остальному содержанию шкафа с самыми старыми книгами, Никифор Авдеевич, как истовый русак, русскую словесность явно предпочитал иностранной, тем более не читал на иных языках, хотя бы университетское образование предполагает их знание. Во всяком случае, сохранившиеся в биб-

лиотеке книги иностранных авторов, явно приобретенные статским советником, были только русского издания: несколько томов Поль де Кока, мадам де Сталь. Кое-что из французских философов Просвещения. Вальтер Скотт и Диккенс присутствовали.

◆ Последующие поколения продолжили пополнение начатой статским советником Никифором Авдеевичем родовой домашней библиотеки, благо все жильцы дома на Нижней дворянской последующие годы царской и советской жизни, а также начавшейся новодемократической, относились к интеллигентскому сословию: учитель второй мужской гимназии и городского реального училища, священник прихода недалеко от дома церкви Флора и Лавра, начальник — в чине майора от артиллерии — инструментальной мастерской на казенном императорском заводе. И супруги их образованием не обижены были: кто женскую гимназию окончил, попадая — епархиальное училище; курсистки в молодом поколении были — Москва-то рядом. В поместительном особняке порой две родственные семьи проживали. Девуцы подрастали, на выданье к мужьям отправлялись. Кого-то столичная жизнь поманила после университетов и технических институтов, что во множестве в империи на рубеже веков открывались. Людно, пристойно шумно и дружелюбно в доме на Нижней дворянской было. А рассредоточение его «выпускников» по городу и столицам, иным весям и вовсе создавало широкую родственность.

Вот от того многолюдства и смены образованных поколений след в нынешней библиотеке: многотомный Брокгауз и Ефрон, опять же прижизненные издания Куприна и Чехова, стремительно вошедших в литературный обиход Горького и Леонида Андреева, первое собрание сочинений Толстого, а какое разноцветье томов и книжек модных — сейчас выдающихся — поэтов начала двадцатого века! Библиофил

золотых советских семидесятых годов за малую их часть трижды бы заложил свою бессмертную душу дьяволу...

И в послереволюционное время дальние потомки Никифора Авдеевича трудились на ниве образования, но не только: инженеры, партийные и советские работники, кадровые военные. Много кого вышло из дома на трижды переименованной улице, разлетелось по стране. Но родовой костяк берег традиции и приумножал библиотеку, о чем особенно свидетельствовал девяностотомник Толстого, издание которого растянулось, прерываемое войной, на три с лишним десятка лет. Без устоявшейся традиции осилить его собрание было бы невозможным.

Уже обжившись в зимовье, «набело» ознакомившись с книжным родовым богатством, Егор добрался и до комодных тумб-оснований старинных резных шкафов, не стеклом, но глухими дубовыми дверцами запертыми, скрывающими от случайного, незаинтересованного взгляда с виду вроде как разнородный книжный хлам, красное место которому на чердаке, но для понимающего человека хранящий истинные жемчужины исторических страстей и борений. И открывающие давнюю жизнь зимовья с новой стороны.

Открыв дверцу одной из тумб, поддавшуюся с трудом, поскольку от многих десятилетий полного к ней невнимания сочетанием пыли и сырости, идущих от близкого досчатого пола (здесь даже медицинская чистота в доме ничего не может поделать!), приросла торцами к обрамлению, Егор поначалу скептически осмотрел стопки разноформатных брошюр и неряшливых книг в изрядно потрепанных переплетах. Даже мыслишка мелькнула, что надо бы к Степанычу в его мастерской сарай снести. Конечно, дипломатично объяснив Нине Григорьевне, что-де не место в столь основательной, даже роскошной библиотеке занимать полезный объем старинных резных шкафов гм-м...

неактуальными разносортными изданиями (вывернулся Егор мысленно!), явно не обладающими ценностной честью пребывания здесь. И лукавую мысль при этом в голове держал: освободить под удобным предлогом место для своих *личных* книг, что собирался перенести — куда хозяин, туда и цапки его — в зимовье из родительской квартиры.

Но все эти благие, несколько корыстные намерения тотчас испарились, как только Егор вынул и перенес на стол стопки этих неряшливых брошюр и книг. Самой растрепанной оказалась скандально известная книга Лаврентия Павловича Берии «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье» тридцать восьмого года издания. От бывшего великолепия ее парадного издания осталась только скрепленная с блоком размахренными нитками очень плотная обложка с объемно тисненным барельефом: группа кавказских рабочих, а знамя вроде как Сталин держит, выставив вперед. Десятью годами ранее изданные очерки Шульгина «1920 год», в мягкой обложке, и вовсе просились к переплетчику... Как и некоторые другие книги двадцатых, вольных годов издания.

Ладно, все они, исключая Лаврентия Павловича, в девяностые-нулевые годы были переизданы. Некоторые, приобретенные в эти годы дедом Василием Алексеевичем, имелись в родительском доме, прочитанные с любопытством Егором.

А вот стопка из почти тридцати брошюр — формата *а-пять*, как с инженерной дотошностью про себя отметил Егор, привела его в восторг одними названиями: «Демонстрация на Казанской площади», «Процесс 50-ти и 193-х», «Кружок Ишутина.— Каракозовцы», «Процесс 20-ти и 17-ти», «Земля и Воля», «Долгушинцы — Чайковский — Чайковцы», «Народная Воля — Дагаевщина — Процесс 14-ти» и тому подобные. Революционно-биографические

очерки о князе Кропоткине, Степняке-Кравчинском, Чернышевском и Герцене, Бакунине и Рогачеве. Все издания типографии С. М. Проппера 1905—1907-го годов под серийным названием «Библиотека освободительного движения» и пометкой на обороте титульного листа: «Настоящая брошюра цензуре не подвергалась»... А сами брошюры значились как бесплатное приложение для подписчиков «Биржевых ведомостей» — самой читаемой в России газеты!

Да-а, усмехнулся Егор, действительно, «царь испугался, издал манифест». Вот она, завоеванная на баррикадах девятисот пятого года первая и, пожалуй, последняя в тысячелетней русской истории реальная гласность! Более того, в брошюре этого самого года издания с программами партий эсеров, РСДРП, кадетов и партии правового порядка — партии октябристов, как он сообразил, приводились полные списки имен членов центральных комитетов этих партий, а в программе октябристов и вовсе указывались имена и адреса проживания членов учредительных комитетов (!?).

В составе цэка кадетской партии, наряду с известными политическими фигурами: князь Долгоруков, Львов, Милюков, Муромцев, Набоков, то есть отец автора «Лолиты» Владимира Набокова, — Егор увидел имя Владимира Ивановича Вернадского*, будущего советского академика, геохимика мирового уровня, создателя эпохального учения о переходе биосферы Земли в ноосферу. О Вернадском и его теории Егор много слышал во время учебы в университете от доцента Николая Андреяновича. По его словам, на современном уровне знания концепцию

---

* Достоверно известно обращение нашего выдающегося ученого к Николаю Второму с обоснованным проектом создания ядерного оружия (во время Первой мировой войны) — на четверть века опередивший американский «Манхэттинский проект». — Прим. авт.

знаменитого академика развивает его друг, профессор биофака их университета Игорь Васильевич Скородумов. Поскольку профессор свои результаты публикует в серии издаваемых им книг, число которых скоро достигнет двух десятков, и одновременно размещает их на наиболее известных российских научных сайтах, то по совету опекавшего его во время студенчества Николая Андреяновича Егор регулярно просматривает вновь выходящие тома в интернете. А пару «живых», то есть изданных бумажных книг, он получил в презент от доцента-ракетчика со словами: «Я Игорю Васильевичу о тебе часто говорю, о твоём интересе к его исследованиям. Профессор наш расстрогался, дескать, не ожидал я, Андреяныч, что молодые нынешние поколения интересуют что-либо кроме долларов, интернетовского ютюба с его идиотизмом и тоскливой мечты жизни: украсть «лимон зеленых» и смотаться «из этой рашки» куда глаза глядят — лучше в Штаты. На-ка, передай твоему подопечному пару новых книжек моих по ноосфере. Что с удовольствием и исполняю. Книги с автографами. Читай, только не на ночь — сны случатся беспокойные. На себе проверено!»

За разбором и перелистыванием бесцензурных революционных брошюр его и застала вошедшая в библиотечную комнату старшая хозяйка зимовья Антонина Филипповна, в сопровождении своей любимицы кошки Маньки, даже близко не страдавшая возрастной забывчивостью, ещё работала тогда на полставки отолорингологом в районной поликлинике, но имела две пары очков. Вроде одни для чтения, другие для телевизора. Как сама объясняла: «Когда одни очки были — хлопот не ведала. А при двух какой-то психологический поморок нападает: где одни положишь, там другие сами под руку попадают. Вот и сюда зашла. Тебе на полках мои книжные не попадались ненароком?»

Егор огорчил уважаемую старшую тещу, как та сама с юмором определила свое родственное отношение к мужу внучки: не попадались.

◆ Манька грациозно вспрыгнула на стол и неодобрительно понюхала разложенные там ветхие книжки: их запах для нее казался новым, ни на какой иной в доме и во дворе не похожий. Оно и понятно, усмехнулся Егор, сто с лишним лет назад бумага и типографская краска по своей химии в корне отличались от нынешних: бумаги из Коми-республики и краски из Китая. Кошка — естественный биологический анализатор. У собаки нюх на порядок-два выше, но он не на сравнительный анализ дан ей, а на избирательный... Здесь отвлеченную мысль Егора перебила Антонина Филипповна: «Революционным прошлым нашего дома интересуешься?» И на немой вопрос Егора поведала знакомое ей по рассказам своей бабушки, урожденной в начале царствования Николая Второго, самой внучки статского советника Никифора Авдеевича. Для обстоятельности повествования уселась она в «вольтеровское», как его называли в зимовье, кресло. Манька тотчас спрыгнула, чихнув на книжный хлам, со стола и уместилась на коленях своей хозяйки (ее суверен кот Ерошка таковой полагал Лизу, а пес Фомка — Степаныча, но в целях продовольственного подхалимажа, как почти мыслящий высший млекопитающий, иногда склонялся к многополярности хозяйского мира).

Егор тоже присел на старинный стул с высокой резной спинкой, как и сиденье проложенной черной кожей с войлочной, судя по ощутимой жесткости, подкладкой. Знать в нескольких поколениях библиотечная комната выдерживалась в стиле делового ампира.

Из слов Антонины Филипповны, нашедшей благодарного слушателя, молодого, но так по умным глазам и воспитанной манере общения со старшими

напоминавшем ей своих сверстников в нынешнем возрасте новоиспеченного мужа внучки! — Егор и узнал о причастности зимовья к революционным событиям.

Собственно не лежавшие на столе брошюры были предметом ее рассказа: кто из интеллигенции, столичной и провинциальной, не читал их после событий девятисот пятого года? Тем более, что казенный почтальон с бляхой на своем мундире регулярно приносил их в каждый дом, где выписывали «Биржевые ведомости» и некоторые другие, самые солидные московские и петербургские газеты. А уж старшие гимназисты, студенты, приезжавшие из Белокаменной домой на каникулы подхарчиться и за девицами поволочиться, молодые чиновники, учителя и медики, земские деятели — и мало ли кто еще? — все полагали себя революционно настроенными. В зимовье же тогдашнем наблюдалось родственное многолюдство как раз таких. Но либеральные настроения, навеянные царским манифестом о свободах и почти конституционном представительстве в Государственной думе, к окончанию первого десятилетия нового века улетучились. Затем война и вовсе вытеснила из обихода вольнолюбивые игры в словесных революционеров. Вели свою полуподпольную агитацию эсеры и эсдеки, но в их доме явных горячих голов не имелось. И вообще в исторически мастеровом городе с казенными заводами к агитаторам относились настороженно: себе на уме народ здешний; хоть мужик наш божится, но кисель-то в приданое не годится!

Впрочем, как вспоминала Антонина Филипповна со слов своей бабки, в гостеприимный их дом с восторженной учащейся молодежью и взрослым народом с традиционной либеральной воспитательностью заходили и те, имена которых сейчас на мраморных табличках, установленных на стенах домов в

советское время. Ставший всероссийски известным писатель, почти сосед по Нижней дворянской, бывавший в их доме, пару раз приходил со своей дальней родственницей, видной социал-демократкой Смилович. Вроде как и главный в городе эсдек, посланный сюда центральным комитетом, Дмитрий Ильич Ульянов, брат Ленина, посетил их дом. И кто-то из эсеров с революционными «именами» бывал. Но им советская власть таблички не вешала на стенах, а Антонина Филипповна их фамилии не запомнила. Или бабушка ее забыла? У женщин память образная: зовут человека Щукиным, а лицо его на подборке узковато — на всю жизнь такая фамилия запомнится; а если некто Фортунатов — мимо ушей так и просвистит.

...Самое же ценное в рассказанном Антониной Филипповной относилось ко временам основания самого дома, а именно к семидесятым годам, народо-вольческим. Здесь уже ее бабушка со слов своих старших родственников была передавала. Понятно, что статский советник Никифор Авдеевич, да еще в судейской должности, даже в потаенных мыслях не задавался вопросами об изменении строя Российской империи. Но дети его, получив гимназическое, а двое и московское университетское образование, начитавшись тургеневских романов, Чернышевского и запрещенного Писарева, из Москвы привезенных брошюр Герцена и Огарева «Голоса из России» и зачитанных экземпляров «Колокола», даже при отце запросто заводили нигилистические и народо-вольческие разговоры. Никифор Авдеевич, сам в юности переболевший либеральным недугом, усмехался: молодой умишко, что недельная бражка — побродит и успокоится! И даже своею чиновною властью замял небольшую неприятность со средним сыном приключившуюся: все с тем же номером «Колокола», по невольному доносу гимназического приятеля едва не

утвердившегося своей фамилией в известных списках губернской жандармерии.

Этот самый средний сын Евстафий Никифорович, прямым потомком которого являлась Антонина Филипповна, не внял уроку с «Колоколом» в гимназические годы. Отличился и в Москве, учась в университете. Здесь уже Никифор Авдеевич особо помочь сыну не смог. В итоге Евстафий курса не закончил, но и в кутузку не угодил, вернувшись домой, даже без высылки из Белокаменной — но с исключением из университета.

То ли отцову всегдашнюю осторожность Евстафий унаследовал, а может везунчиком был? Но по рассказанным Антониной Филипповной туманным семейным преданиям, вернувшись в родной город и устроившись по протекции всепрощающего, чадолюбивого отца статистиком в земскую управу, Евстафий участвовал в деятельности городского провинциального кружка, наиболее активного ближе к середине семидесятых годов и показавшего себя во всероссийском внимании с обеих сторон: общественности и жандармского управления. Вершиной деятельности городского кружка стала забастовка рабочих казенного завода. В это же время гражданской женой Евстафия стала некая Ольга, видная деятельница революционных кружков в нашем городе, а ранее в Киеве и Москве. Потому-то в их доме и собирались «ниспровергатели» — очень хорошая маскировка: жилище крупного судейского чиновника, статского советника! Разумеется, Никифора Авдеевича держали в нетях, выдавая сходки за обычные сборы молодежи: вина попить, повеселиться, о новинках литературных поговорить...

Уже несколькими месяцами спустя после той беседы со старшей хозяйкой дома, Егор, загрипповав, неделю провел в стенах зимовья. Здесь уж никуда не денешься, грипп такая хворь, что проходит через

семь дней, если лечишься, либо через неделю, когда не лечишься. Днем обитатели дома, которые работающие, отсутствовали; со Степаньчем, предохраняя того от инфекции, Егор старался особенно-то не общаться. Чем заняться, не тупо же по инту шарить? Да он и осторожно к нему относился, как человек правильного, в основном деда Василия, воспитания. Телеящик же Егор и вовсе рвотно не переносил: одни эти макаронки с пюрешками, сосиски «баварушки» со сливушками и пельмешками вызывали спазмы отвращения. А искажения русских слов, навроде акцентированных «пелимени» и «пироженное»? — как говорил дед Василий в таких случаях: правая рука инстинктивно тянется в кортику, что по левому борту висит. Правда, Женья, в журналистском образовании которой явно имелся какой-то дисциплинарный курс по осторожности и политкорректности, в таких случаях давала дельный совет Василию Алексеевичу: «Дедусь! ты только этот свой афоризм при посторонних не скандируй, особенно из числа грамотных доносчиков. Скажут и не только про себя: ага, старый коммуняка намекает на известное высказывание идеолога нацизма Розенберга, что у того рука тянется к парабеллуму при слове «культура».

Словом, посмотрев на усатую морду заглянувшей в раскрытую дверь кошки Маньки, Егор по сложной цепи подсознательных ассоциаций вспомнил о старинных революционных брошюрах и даже обрадовался: есть чем полезным заняться! На второй день чтения очередь дошла до выпуска пропперовского издания, посвященного провинциальным революционным кружкам середины семидесятых годов. В самом конце его речь шла об организации их города. Автор весьма неодобрительно писал о ней: «...Ведут себя преступно. Огромное у них знакомство среди рабочих и еще ни одной революционной книги не читали им; «по осторожности», мол. Хороша осто-

рожность! Почва очень хорошая, сделать возможно весьма многое, только нужно послать туда кого-либо более энергичного, чем эти разнообразные деятели, осторожные пропагандисты».

Егор скептически ухмыльнулся: вот почему реальный предок милейшей Антонины Филипповны, земский статистик Евстафий Никифорович и не попал в жандармские проскрипционные списки: очень уж осторожно в нашем городе революционировали!

А вот и имя Ольги в брошюре всплыло — революционерки с киевским и московским опытом пропагандистской работы, которую и послали в наш город для активизации местной ячейки. По всей видимости, забастовка рабочих казенного завода и была следствием этой активизации. И мало сомнения, что эта энергичная Ольга, став подружкой осторожного Евстафия, сделала из жилища верноподданного статского советника явку тайных сходов. Кто же на видного судейского чиновника подумает?!

В окончании брошюры рассказывалось и о кончине городской организации «осторожных» революционеров: в сентябре 1875-го года к городскому полицеймейстеру явился с доносом рабочий Василий Ковалев и выдал всех: Ольгу Спиридоновну Любатович, мелкого чиновника по военному ведомству Григория Петровича Сидорского, рабочих казенного завода Фетисова, Куракова, отца и сына Едуковых. Опять Евстафия с арестом обошли. Знать Ольга действительно настоящей революционеркой была, не выдала своего любезного друга. А ведь в жандармском управлении с ними не чай с кофеями распивали. Припомнил Егор из читанной русской литературы конца девятнадцатого — начала двадцатого века реплики в адрес жандармов нашего города, что-де свирепее и беспощаднее их во всей России не сыщется.

Так богатое своей историей зимовье внесло и мощный вклад в революционное дело.

Глава десятая

ПИР В ВАЛГАЛЛЕ: СПОР О ДРЕВНИХ И НОВЫХ

◆ В дом вошли нарочитой толпой; Егор с Костей шутиливо пошатываясь и подталкивая друг друга, Женья игривой барышней, а за арьергардным наследным буржуем Денисом Курковым ловко проскользнул в затворяемую дверь нечистопородный лаечный Фомка. Впрочем, по зимнему регламенту его и так бы впустили: ночевал он в своей будке, что на углу сарая с мастерской, в сухую демисезонную и летнюю погоду. «Испортили девки собаку, — ворчал порой Степаныч, — не болонка ведь комнатная, мелкая квартирная сволочь, не эта... как ее, что по-матерному дважды зовется? а ведь природный охотничий пес, хотя бы и с примесью; ему даже в тридцатиградусный мороз в самое личное удовольствие на дворе прохлаждаться: для аппетита и нелиняющей шерсти. А в домашнем тепле того и гляди запаршивеет!»

«Девки», то есть обе хозяйки, старшая и именинница, Надежда Тихоновна в своем зимнем пребывании в зимовье, Лиза и получасом ранее пришедшие родители Болховитовы и бабушка Наталья Андреевна, перемеживаемые тремя приглашенными Ниной Григорьевной, но хорошо известными здесь гостями, в этот предваряющий час рассредоточились по дому. Встретивший молодежь в прихожей Степаныч, поздоровавшись, привычно не задавая вопросов, кивнул Денису — мол, пойду поставлю кобылу в стойло, — накинул овчинный тулупчик, нахлобучил ушанку еще советского фасона и отправился загонять машину Курковых на участок зимовья и далее в гараж, рассчитанный на два авто: хозяйский и, как сейчас, гостевой. С празднеств в зимовье родственникам полагалось некомильфо уходить ранее сле-

дующего утра. Но на возможный случай и гостей было где разместить для ободряющего сна. Однако действовало для таковых табу: не оставлялись на ночь несемейные молодые и более старшие, но постельно-активные пары. Как еще в начале супружеской жизни Лиза поведала Егору — из-за конфуза, случившегося несколько лет тому назад. Оставленная до утра такая пара — филармонический коллега Нины Григорьевны, впрочем, разведенный сорокапятилетний солист-баритон со званием заслуженного артиста, со своей молодой пассией, актрисой на третьих ролях из драмтеатра, под утро устроили громкий скандал. Из отведенной им комнаты на мансарде в тихий ночной час, идеальный для акустической всепроницаемости, во все двери и окна, полуоткрытые по причине уже месяц стоявшей летней жары, влетали гневным баритоном заслуженного артиста и визгливым сопрано актрисы различные подробности их интимной жизни. Получалось, что она ожидала, так сказать, большей мужественности от своего партнера, а заслуженного баритона, напротив, как патриархального патриота, смущала активность партнерши с французским прононсом, приведшая к осязаемому членовредительству в пылу посталкогольной страсти... Как принято в вольнолюбивой актерской среде, взаимные обиды они изливали друг другу отборным народным языком, которым именовали действия и его предметы без околочностей и пресловутой политкорректности.

...Разбуженный любовной сварой Степаньч, имевший резиденцию все на той же мансарде, еле утихомирив буянов, нарушителей домашнего покоя, то есть увел баритона вниз на кухню, где и распил с ним бутылочку успокаивающего. После чего друзьями, обнявшись, вышли на двор. И на смену грязной ругани не по своей воле проснувшиеся обитатели зимовья с удовольствием слушали отдаленное, из Степа-

нычева сарая с мастерской доносившееся, пение солиста областной филармонии, в унисон подтягиваемое завхозом усадьбы, кстати, обладавшего недурственным музыкальным слухом. Правда, от чувственности и опохмеления голос его срывался на сильный фальцет на повышенных нотах.

С рассветом и началом движения городского транспорта баритон взобрался на мансарду, разбудил свою партнершу, кстати, напрочь забывшую о ночной ссоре и пожелавшую продолжить утеху... но здесь в дверь постучал Вячеслав Тимофеевич, уже в разводе с Ниной Григорьевной далеко не первый год, но наезжавший из Москвы проведать Лизу и бывшую супругу, с которой сохранил дружеские и отчасти деловые — по обустройству зимовья — отношения. Вышедшему же филармоническому певцу передал короткий приказ хозяйки: убраться вон со своей шалавой и более здесь не появляться; по крайней мере пока не позовут, и, понятное дело, без бабы!

◆ Разумеется, баритон Сергей Станиславович Казвинский, потомок тех давних поляков, которыми цари за их постоянные бунты весь девятнадцатый век заселяли, наряду с русскими и кавказскими каторжниками, Сибирь, как человек дружелюбный и приятный во всех отношениях, был сразу же прощен его филармонической сослуживицей Ниной Григорьевной. А кто еще петть будет под ее или Лизин аккомпанемент на пирушках в зимовье? И Егор, поселившись в доме, свел с уже «заполтинным», но внешне и в душе ловко косившим под вечного студента, Сергеем Станиславовичем. Оказалось, природная музыкальность сочеталась в нем с солидной начитанностью, причем с уклоном в философствование о смысле человеческого бытия.

Обнаружил же Егор столь приятную для него увлеченность вдвое старшего его нового знакомого случайно. Доселе гостевавший в зимовье Сергей

Станиславович не успевал доходить до философских реприз, поскольку имел обыкновение скоро в малотрезвое состояние приходить, дескать, готовлюсь к солированию, а от не совсем умеренной дозы коньячку-с «баритон мой этакую серебристую густоту приобретает». А затем до окончания застолья в охотку пел, прерываясь на антракты для поправки густоты...

Случайность же произошла в один из праздничных дней, когда женская часть зимовья сервировала большой овальный (как у мистера президента в Овальном зале, едко шутовал Денис Курков) стол в гостиной, а все остальные, свои и гости, болтались в предвкушении и без дела по дому, Егор, вспомнив, что сегодня по «мылу» должно прийти письмо-ответ на его запрос в ближнюю к дому автошколу: когда, сколько и почему? (Лиза с матерью настояли-таки обзавестись правами), отправился в библиотечную комнату, его условный «кабинет» — все равно только минут через пятнадцать-двадцать будет большой сбор. Еще входя из прихожей в малую гостиную, увидел боковым зрением влево, у полукрытой двери в библиотечную, сидящих в проеме Ерошку с Манькой. Хвостатые-усатые с интересом заглядывали в комнату, но почему-то не решались в нее войти.

И Егор, войдя в библиотеку, с интересом посмотрел на Сергея Станиславовича, вольно расположившегося на правах своего человека в доме на «читальном» диванчике, понятно, тоже из начала прошлого века, но дважды, как минимум, перетянутого. Скучая, ибо в зимовье обычай: до начала ужина «не подавать», заслуженный баритон перелистывал книжку в темно-красном переплете. По тиснению на обложке Егор определил: из серии книг по истории эстетики в литературных памятниках, печатавшихся в семидесятых-восьмидесятых годах издательством

«Искусство». Несколько таких томов Егор тройку лет назад приобрел в булгазине по смешной, «списочной» цене.

Они уже здоровались, поэтому Сергей Станиславович без предисловий зачитал вошедшему тяжело-ватую строфу:

*Красивые слова, но лишь слова. Поньне
Им отвечающих творений нет в помине.
И те, кто к древним взор не хочет вознести,
Ища других путей, сбивается с пути.*

— Хорошо, брат Егорий, на мертвецки трезвую голову читается. И сказано, хотя и четыреста лет назад, как о нынешних временах: без знания истории, в самом широком ее понимании, куда ни ткнишь — всегда собьешься с пути истинного и верного. Как наши очень энергичные, но маломудрые и слабограмотные выдающиеся экономисты к примеру.

— Как понял, Сергей Станиславович, «Спор о древних и новых» почитываете, так сказать, в ожидании...

— Точнее будет: в предвкушении. Смотри-ка, что за страсти кипели во времена Людовика с номером четырнадцатого во Французской академии! Вот прочитал: почти четверть века спорили о древних и новых учителях жизни — и какие умы: Расин и Лафонтен, Буало и Шарль Перро! Лабрюйер и Фенелон тоже не лыком шиты. И это в Париже тех времен, описанных великим фантазером Дюма-пэром, когда вино ручьем текло... в глотки красавцев-мушкетеров. Опять же игривые белошвейки юбками крутят. Э-э-х! Древние и новые — вечная антитеза жизни. Ладно, пошли к столу; там и поспорим о древних и новых. Правда, как-то у меня не выходит вставить заводное словечко-другое: не успеешь размяться, как тащит твоя тещинька к инструменту.

Она за клавиши, а я столбом весь вечер стою и глосеем голошу. Пошли, брат.

◆ И на юбилее Сергей Станиславович был дежурным званым гостем. Опять же Егор, разоблачившись от зимней одежды, прифрантившись ради праздника в спальне и зайдя в библиотечную комнату уже на правах хозяина своего «кабинета», словно вернулся на пять с лишним лет назад: все на том же «читальном» диванчике вольно расположившийся баритон Сергей (они давно перешли на амикошонство), изумительно трезвый, что сразу напомнило Егору любимый анекдот деда Василия про отличие царского офицера — до синевы выбрит и слегка пьян — от советского: слегка побрит и до синевы пьян, перелистывал книжку — все тот же «Спор о древних и новых».

— А-а, брат Егор! Прибыл из своего оазиса милитаризации посреди духовной пустыни частнособственничества облобызывать любимую тещиньку на ее чудаческом юбилее? Благое дело, благое — добже кобета пани Нина Григорьевна, как бы сказали мои давние предки из политических ссыльных.

— Неужели, пан Сергей, родовой дух посетил и повелел польскую мову по складам научиться говорить?

— Ха-ха, насмешил... так феня это, а не мова. Ты по возрасту своему не застал советское телевидение, так там такой «кабачок стольких-то стульев», очень популярная в народе смехопередача, несколько лет постоянно шла. Очень живописно Спартак Мишулин с другими тогдашними знаменитостями под поляков косили с этой самой феней: пан Спортсмен, пани Моника, добже да вшистка... Оттуда и запомнилось. Узнаешь книжку?

— Да-да, про древних и новых. Мы с тобой о ней уже говорили тысячу лет тому назад.

— Это ты, брат Егор, в точку попал: для чело-

века возраст от двадцати до тридцати лет идет медленно; если в войну год за три засчитывается во всяких финансовых grossбухах, то от зрелой юности до завершения первой молодости время и вовсе неизмеримо растягивается. А потом... потом суп с котом; как перевалит за полтинник, что на себе и чувствую: вроде день долго тащится, а года галопом скачут. Ладно, не будем о грустном — понятно, для меня грустно. Потому и спорят о древних и новых, противопоставляя таковых друг дружке. И спорят, заметь дружнице, не со времен авторов этой занимательной книжки, то есть эпохи Людовика Великолепного, но еще с намного более древних — фараоновых и платоновых. Пифагоровых тоже. А в чем сущность таких вековечных споров? В том, что если бы юность умела, а старость могла? Нет, это мелко-вато как-то. Тем более, старость и древность разные понятия; как и юность не всегда с качеством нового. Древность — это овеществленное до нас знание, мораль, вера в добро, отвратность ото зла. Новые же в каждом проходящем поколении относятся к этому знанию, морали и вере как к нечто извечно существующему и противопоставляют им свои якобы более верные понятия в этой части... пока сами не окажутся позади уже более новых поколений.

Егор с возрастающим недоумением, постепенно переходящим в изумление, слушал философские рассуждения старшего друга, но затем решил загадку, хлопнул себя ладонью по лбу, рассмеялся:

— Ну-у, даешь, Станиславович! Как же ты нарушил табу этого славного дома?

— Ничего и не нарушил: ведь без бабенки какой пришел.

— Я о другом запрете: не принимать до табльдота.

— Ха! Вино что долг картежный, как от него не отрекайся — не отцепится. А в нарушении этой вто-

второй заповеди — первая про баб, как только что любезно напомнил — ты сам, Егорий, и виноват, голубчик мой!

— Это как?

— А так. У меня, как специалиста по этому богоугодному делу, уже давно инстинкт выработался: на автомате организм прямо-таки устремлено тянется в сторону, где *таковая* угнездилась — хотя бы и в бронированном швейцарском сейфе, что у нас в филармонической бухгалтерии стоит. Легенда такая: в сорок пятом победном тогдашний главбух приволок его на дрогах с городского склада, где сгрузили несколько товарных вагонов с германскими ремонтными трофеями. Впрочем — к делу. Вхожу я с четверть часа назад в эту келью мудрости, думаю тебя застать и поздороваться, а здесь пустота. И повлекла неведомая сила мой органон вон к тому шкафу, заставила нагнуться и отворить дверцу комодной подставки. А там...

— Все понял, Станиславович. Початая на треть бутылка кубинского рома «Гавана клуб» там тебя дожидалась. Как умеренно дорогостоящий братский привет с Острова свободы?

— Хвалю! Как ротный старшина в мою срочную службу одобрял нас, солдатушек. Интеллигент ты и эстет, Егорушка: не просто бутылек оставил на потом, но и пару рюмок «под хрусталь». Дважды хвалю, а то лучший в Карибском море ром из горла тянуть есть совершенное бесстыдство. Кстати, опять же древние и новые. Именно древние в это неудобство конфузное попадают в новые для них времена. Как моя матушка, дай ей бог здоровья! в позапрошлом году стала во дворе нашем свидетельницей какой-то склоки двух автовладельцев: стукнулись своими хламидами, не поделив место для парковки. Вторым же свидетелем стуколки с последующим легким мордобитием стал негр-студент, что в доме

напротив квартирует. Знать из богатеньких, общагой университетской брезгует. Ментов полицейских вызвали, те и допрашивают мою матушку и негра: что видели, что изустно слышали? Матушка же, по женской логике своей, издалика начала, обстоятельно: «Вот вышла я из подъезда, а тут еще из соседнего дома парень вот, негр, идет...». Ее мент неполиткорректностью упрекнул: «Не негр, бабушка, а... афроамериканец». Студент же белозубо ухмыльнулся, польщен: он всего лишь из Габона, а русский полисмен его в америкосы произвел! Матушка же извинилась за незнание нынешнего языка, поправилась: «Так вышла я из подъезда, и парень этот, негр афроамериканский, по тротуару идет...».

Здесь, прервав разохотившегося от лучшего на Карибах рома (а худший, как где-то слышал Егор, — ямайский), заглянувшая в дверь Лиза нарушила идиллию:

— Вот вы где? Велено звать к столу.

◆ Лиза тотчас исчезла, Сергей Станиславович встал с диванчика, полуобнял Егора за плечо:

— Пошли, мой юный друг, на торжество. Как наши филармонические лабухи шуткуют: «Если чаще чем два раза встает за ночь — на хрен афалаза?» Ха-ха-ха! Один юмор в нашей серой жизни остался — туповатая телереклама. А сатира и вовсе вслед за Мишей Задорновым — когда-то давно нас с ним судьба раз свела за столом... отменно сервированным — покинула этот рогожно-суконный мир. Двинули на раз-два! А гаванский ромулেক хор-рош!

Сергей Станиславович, явно приведший в концертную норму свой заслуженный баритон парой стопок хозяйского рома, заспешил вперед Егора, замурлыкав памятное по славным девяностым годам, когда подрабатывал по вечерам в самом братковском кабаке города «Папа Бендер»; за хороший парнас исполнял по вкусам завсегдатаев:

*По тундре,
По железной дороге,
Где мчит курьерский
«Воркута — Ленинград»...*

За короткий, но извилистый путь из библиотечной комнаты через малую гостиную с разворотом в ней на сто восемьдесят градусов, далее наискосок через прихожую с углового, главного входа в дом и уж потом в празднично растворенную двустворчатую дверь в гостиную с роскошно сервированным овальным столом, уже обсаженным народом, Егор, ухмыльнувшись по адресу шедшего впереди пана Казвиньского, вспомнил еще одно его прегрешение.

Когда-то, еще при бытии в зимовье Вячеслава Тимофеевича законным хозяином дома и мужем Нины Григорьевны, тот, следуя тогдашнему всеобщему устремлению «из грязи в князи», завел старосветский манер ставить в праздничные дни обок парадного овального стола, в красном углу гостиной закусокный столик, где гостям и хозяевам мужского пола полагалось, перед пиршественной рассадкой, остограмиться водочкой, коньячком или новомодным вискарем и закусить семужкой, балычком и еще чем бог послал. Столик этот великосветский и Егор застал. Сам пару лет с него выпивал и закусывал. Но случился конфуз. Нина Григорьевна, одно время увлекавшаяся религией, впрочем формальной ее, церковной стороной, решила торжественно отпраздновать пасху: как положено, в ближнюю церковь, то есть кафедральный собор Всех святых, под полночь, в компании своей матери Антонины Филипповны, накануне приехавшей из своего райцентра Надежды Тихоновны, Степаньча и моложавой своей подруги из филармонических сходила. Егора с Лизой оставили — к их облегчению — дома докончить сервировку праздничного разговенья. Званный же к пасхаль-

ной ночи баритон Сергей Станиславович — для мужского паритета и церковного пения, он в девятых и в храме подрабатывал,— пришел компатриотом с гастролировавшим в городе польским джазовым певцом. Впрочем, губернского-воеводского ранга.

Получилось, что Сергей Станиславович с паном Марекком хотя и явились в ранее указанное хозяйкой за полночное время, но все одно минут за двадцать до возвращения причастившихся Св. тайн из церкви... А потому явившимся с благостными лицами и просветленными душами обитателям зимовья предстала трогательная картина: у закуского столика, нарочито поощряемые Егором, а тому проказливо подмигивала Лиза, оба пана потчевали друг друга белорусской зубровкой (для ура-патриота во хмелю Сергея Станиславовича таковая всегда в зимовье в запасе держалась) и уже не совсем трезвыми головами — баритоном и джазовым полубаском — пели: каждый на своем языке, но получалось вполне пристойно.

Облобызав в щечку хозяйку, пан Казвиньский, а за ним и пан Марек, с польским щегольством, резко склоняя головы и прищелкивая каблучками ботинок (увы, без шпор), принялись чмокать дамские ручки. После чего пришедшие отправились принаряжаться к празднеству, а паны вернулись к заветному угловому столику, на который совсем развеселившийся Егор поставил вторую бутылку зубровки взамен опустевшей.

...Не успели благостные причастившиеся привести себя в праздничный вид, как по всему дому из гостиной донесся громкий гневный крик пана Марекка, а в пику ему совсем не пасхальные слова Сергея Станиславовича. Хозяйка поспешила усмирять и мирить поссорившихся гостей. Как уже за овальным, после разговения, столом выяснилось, случился дипломатический скандал. Баритон вспомнил, как в

начале двухтысячных за умеренную плату был приглашен петь революционные песни к местному авторитету, что праздновал в загородном коттедже девяностолетие своего заслуженного деда, члена ВКП(б) с восемнадцатилетнего возраста, участника всех войн и конфликтов тридцатых-сороковых годов, полковника погранвойск в отставке. Орденоносный дед дважды заказывал певцу любимую песню и сам подпевал: «...Помнят польские паны, помнят псы-атаманы конармейские наши клинки!»

Вспомнил — и исполнил для сдружившегося с ним пана Марека. Но тот, хорошо понимая по-русски (ровесник Сергея Станиславовича, застал в школьные годы обязательное изучение языка Старшего Брата), вдруг впал в польский гонор и возмутился. Впрочем, под пасхальное утро суть ссоры на чисто забыл и лобызался с «паном Серджиком», который, в свою очередь, поднимал тосты «за историческую польскую гордость и шляхетскую самостийность». А тут и Лиза, чувствуя себя с Егором виноватыми по части зубровки, подседа к инструменту и исполнила полонез Огинского. Оба пана скупно, по-мужски пустили слезы, причем друг с другом перепутались: Марек утверждал, что он русский поляк, а Сергей Станиславович, антитезно — польский русак...

К вечеру первого дня пасхи Нина Григорьевна попросила Степаныча вынести угольный стол из гостиной и вообще из дома: «Поставь у себя в мастерской — пригодится». Степаныч донельзя обрадовался: конечно, в хозяйстве все пригодится!

♦ Егор с баритоном Казвиньским вошли в гостиную в самый джентльменский момент: под стукотню подвигаемых венских стульев присутствующие большого сбора рассаживались по овалу стола, которым тамада сегодняшнего праздника Денис Курков жестом руки и головы указал места. Кроме Сергея

Станиславовича, из званых еще двое присутствовали, впрочем, все давно и хорошо знаемые. Егор поклоном головы поздоровался с сидевшим напротив, чуток наискосок, Михаилом Семеновичем Пружанцевым, завлитом областного драмтеатра, давним знакомым и приятелем Нины Григорьевны, на год-другой моложе ее. В наш город, как тот сам охотно пояснял, попал случайно, по близости от столицы, где закончил редакторский факультет Полиграфического института в начале девяностых годов. Поступил же в него сразу после школы в родном белорусском городке Пружаны, что чуть севернее Бреста, где родился и вырос в еврейской учительской семье. От Лизы Егор знал, что почему-то ее мать и Михаил Семенович, и сейчас куда как виден собой в поддерживаемом им нарочито амплуа «солидного шалуна», тщательно скрывает секрет полишинеля: их недолгую связь несколько лет тому назад.

Третьей же из привычно званых была внучатая племянница Василия Алексеевича Кристина, по своей второй молодости — где-то чуть за середину четвертого десятка — охотно отзывавшаяся на обращение по имени. В педуниверситете же, где она трудилась доцентом на кафедре, как это понимал Егор, отвечавшей за социологическое и политологическое воспитание педагогического юношества, ее звали Кристиной Николаевной Кружилиной. С мужем ей не повезло: когда их дочь пошла в школу, супруг подался на заработки, будучи программистом, в Испанию, да как-то там и застрял: ни да, ни нет, словом, соломенная вдова. По этой причине, вовсе далеко не дурнушка от рождения, постоянно держит себя в боевой форме: от макияжа и эффектного, хотя и не навязчивого декольте, до недорогого фитнеса и тщательно подобранного фасона одежды. По переезду Болховитовых из Ленинграда, уже переименованного, в родной город, тогдашняя младшая школьница

Кристина, наряду с Егором, Костей и крохой Женей, стала «своей малышкой» в их квартире. А с женитьбой Егора — и в зимовье.

Словом, Нина Григорьевна, при всей своей смешливо-нарочитой приверженности фемино-суфражизму — по ее язвительным словам, чисто по-женски даже досрочный условный юбилей решила провести в узком родственном кругу, лишь для приличия расширив его обычно зваными друзьями, из которых, в сущности, таковым являлся лишь Сергей Станиславович. Кристина — та и вовсе шла в разряде свойственников по линии зятя, а театральный завлит... но здесь она и сама умолкала в рассуждениях, опять же в душе улыбнувшись давнему и былому, вспомнив вещице строки Бунина: «Но для женщины прошлого нет. Разлюбила — и стал ей чужой». Не чужой ей, конечно, нестареющий и волнокудрый Михаил Семенович: добрый друг в таких же воспоминаниях. Иван Алексеевич — великий поэт для русского человека, но и он в жертву рифме мог принести семантическую неточность...

Наступила та рубежная минута, отделяющая внешнюю официозность от застойной расслабленности, когда собравшиеся нарочито откашливаются, принимающая сторона вроде как озабоченно скользит глазами по сервировке... Словом, все в нетерпении ждут заглавного тоста тамады. И в эту минуту уже возбужденный Егоровым кубинским ромом Сергей Станиславович не преминул подкузьмить полушепотком сидевшей ошуею от него Жене:

— Вот так-то, любезнейшая Евгения Валерьевна, представительница наша славная в мире ревнителей и направителей, так сказать, культуры для народа с экранов телеящиков корейской фабрикации...

— Язвите короче, дорогой Сергей Станиславович, народ уже наливает!

— Вот-вот, именно наливает. И есть из чего.

Не как в *ваших* тэвэшных нудносериалах, извиняюсь, но первую букву правильнее будет заметить на иную; когда сидят эти куклы инкубаторские и их, опять же пардон, трахатели с заросшими жеребьячьими кадыками, за столом, а на нем из закусона только хреновинки с японским названием, а из питьевого, вместо водки и вина, графины с какой-то безалкогольной мутью мерзейшего зелено-желтого химического цвета. И воо...

— Господа-товарищи! — Денис, вступивший в свои права тамады, постучал серебряной сервизной вилочкой по хрустальному фужеру, все из истории зимовья, — прошу вашего дражайшего внимания. Сергей Станиславович, — Денис сбавил голос и чуть перегнулся через голову супруги вправо, — после расскажете, что потом делают персонажи тэвэ-сериалов, от пуза нахлебавшись этой жидкости! — и, снова выпрямившись, произнес изящный, выверенный литературно-юридический тост в честь виновницы дня.

Как люди воспитанные, присутствующие первые полчаса не расслаблялись заметно, держали условную дистанцию в безотносительных репликах и обрывистых разговорах — по соседству и через стол. Только принявший ромовый допинг филармонический баритон пытался раньше времени растормошить собравшихся. То к чему-то обращался к «загадке века»: как в советской стране на рубеже двадцатых-тридцатых годов появились в большом числе белые пробковые шлемы для милиционеров? — затем, выслушав невнимательно возражение Михаила Семеновича, что-де судит коллега по кадрам кинохроники, а шлемы возможно и полотняными были, переходил, явно целясь в соседку Женю, к полной и бесповоротной американизации на телевидении:

— ...Даже, черти длинноязыкие и слабоголовые, до географии добрались! Вдруг в одночасье оказа-

лось, что бывшая *наша* Средняя Азия — даже в музыке, вспомните сюиту Бородина «В Средней Азии»? — уже вовсе и не Средняя, а Центральная! Даже ловкие на подхвате телекомментаторы извинительно оговариваются, дескать, то-то происходит в Центральной Азии — Средней, как когда-то мы ее называли... А все потому, что эта часть Азии для нашей страны именно топографически средняя, а для сторонних Азии америкосов — она в центре материка находится, потому и Центральная. Не знаю как сейчас в школьных учебниках по географии, но вот в девяностых годах мой племяш учился по соросовскому, где значились пять океанов вместо привычных нам четырех, ибо у них есть еще и Южный океан, что округ Антарктиды. Я уже молчу, когда наиболее либеральные из телевизионщиков стараются Отечественную войну назвать Второй мировой. Впрочем, сейчас, тонко учуяв смену курса на патриотическую ноту, упор на американизацию языка несколько прибавили, а то...

— Напрасно стараетесь, дорогой Сергей Станиславович, меня не проймешь,— рассмеялась Женя,— это не по нашему адресу. Сейчас все приведено в строгую административную вертикаль. Что дозволено Юпитеру, то не приличествует быку... или наоборот? Но смысл одинаков. Если, как вы говорите, либерализм в словах дозволяется на центральном тэвэ, обычно на негосударственных каналах, то на местах, в провинции, где все телевидение государственное, нам разрешено только о местных делах вещать. Без намеков на политику и все такое прочее. Словом, не по адресу. А не хотите ли рому особенного продегустировать?

При слове «ром» Сергей Станиславович выразительно посмотрел на соседку: она-то откуда знает? И у Егора не было времени сообщить — сидит с Лизой на другом конце стола.

— Ну-у,— неопределенно протянул он, так и не решив арифметическую задачу «кто донес»? — а где этот ром-то?

— Денис! Ты чего ром зажал, на стол не выставил? Вроде как из дома захватывал?

— Сейчас принесу,— тамада скоренько обернулся и поставил на стол перед баритоном довольно скромно изукрашенную на наклейках пузатенькую бутылку.

Пока озадаченный и срезанный ловким язычком Жени Сергей Станиславович недоверчиво изучал надписи и открывал посудину, она объясняла историю появления ее:

— Как знаете, прошедшим летом мы, нарушив обет за границу не мотаться, в Тунисе были; там разрешили с нашей непризнанной вакциной пребывать. А при отлете в дуги-фри Денис узрел этот ром с крепостью восемьдесят градусов! Он еще засомневался: а вдруг на посадке отберут, мол, по разряду легковоспламеняющихся боеприпасов проходит. Придется либо отдавать задаром, либо на месте из горла выпить. А примет ли организм ноль-семь литров такой горючки? Но все же купили, и на контроле пропустили. И сюда принести для экзотики. Слабо, Сергей Станиславович?

◆ Снисходительно усмехнувшись женской непонятливости, Сергей Станиславович в наступившей заинтересованной тишине наполнил стограммовую стопку под края, «с мениском», по-командирски, подняв руку с локтем вровень с губами, сдунул черта, как известно сидящего поверх винной посуды, и лихо опрокинул в рот содержимое стопки. Квалифицированно задержав на пару-тройку секунд дыхание, затем восхищенно помотал головой, произнес генетически всплывшее «добже!» и с молниеносно взорвавшимся аппетитом закусил домашней — от поварского искусства Антонины Филипповны с ис-

полнителем Степанычем — бужениной, пронзив вилокó сразу два ломтя. Пока заслуженный баритон прожевывал жадно захваченный закусон, Денис и Егор, подмигнув друг другу и Жене с Лизой, тоже разлили ром по стопкам, но без мениска, по этикету на две трети. Степаныч с сомнением покачал головой и не принял протянутой было к нему через стол бутылки. Почему-то, явно с затаенным умыслом, отрицательно помахал рукой и Костя.

Пока продегустировавшие заморский напиток Денис и Егор обменивались впечатлениями, закончивший с бужениной Сергей Станиславович уверенно наполнил стопку — но уже не ромом, а тем самым, принесенным Егором «Старым Кахети», поднялся со стула и вне расписания произнес горячительный тост, явно навеянный все той же книгой о давнем споре во Французской академии о древних и новых.

— Уважаемая условная юбилярша! Мои добрые друзья! В продолжение нашего пиршества имею сказать, что именинница находится на очередном этапе непрекращающейся женской молодости (Нина Григорьевна прощающе — нахрюкался же мужик! кивком головы замяла неpolitкорректность тостующего, мол, свой со своим считайся, а чужой не вступайся...) и является, так сказать, водоразделом двух групп присутствующих за этим гостеприимным столом. Я и сам с пяток лет назад перешел этот водораздел, потому явственно чувствую разделение на условно молодых и, тем более, условно ну-у... не молодых. Или как некогда французские философы схватились в споре новых и древних — не возрастом, конечно, но по нынешней и предыдущим эпохам разнесенным. Так и наш местечковый, так сказать (Михаил Семенович произвольно поморщился), водораздел проходит, плюс-минус, конечно, между прежними, то есть, по крайней мере, вступившими в сознательную жизнь в стране советов, и нынешни-

ми — детьми новой эпохи. Это и те, кто до наступления девяностых годов не успел от пионерского галстука перейти к комсомольскому значку на лацкане пиджака. Мне могут возразить, например, глава клана Болховитовых, уважаемая Наталья Андреевна, или ее внучка Евгения Валерьевна, как имеющие учительское и журналистское образования, соответственно, что все уже Тургеневым в его знаменитом романе сказано и на века припечатано: дети всегда отличны от отцов своих. И в каждом новом поколении все заново, даже скучновато повторяется. Так да вовсе и не так!

...Здесь действие выпитого огнедышащего рома, как то и бывает при приеме спиртовой крепости хмельного, быстро перешло из стадии лихорадочного возбуждения в расслабляющую мягкотелость организма. Охота к философствованию сникла, Сергей Станиславович быстро, скороговоркой смял развитие и концовку пространно задуманного спича.

Нине Григорьевне жалко стало давнего и испытанного приятеля. Хотя ей, как имениннице, полагался по этикету только завершающий, благодарный тост, но для сглаживания конфуза с заслуженным баритоном она взяла слово, впрочем, оставаясь сидящей на стуле.

— Наш дорогой Сергей Станиславович поднял животрепещущую для всех нынешних поколений, новых и, как он образно определил, предшествующих, тему: как случился почти мгновенный разрыв ранее непрерывной цепи жизни? Имеется в виду жизнь разумная, жизнь в мышлении и всевозможных чувствованиях. У Тургенева же такого разрыва цепи поколений и помыслить нельзя. Все укладывается в архипонятное про восторг юности и скепсис старости — что-то так. Я хоть ром этот многоградусный не пила, но и от любимой массандровской мадеры аутентичность цитирований страдает.

— Во! Сразу видно выпускницу столичного института культуры, — ободрился защитой баритон... — молчу, молчу, дорогая Нина Григорьевна; мы вас с предельным вниманием слушаем.

— Так я продолжу? Немного истории позволю себе... Впрочем, сделаем антракт в наших умствованиях. Сейчас — время запеченного гуся, за которым Надежда Тихоновна с ассистентом Степанычем уже отправились. Не подумайте, особенно которые когда-то предками имели католиков, — она дружелюбно уколола Сергея Станиславовича, — что этим гусем намекаем на близкое по времени *ихнее* рождество, жирно им будет! Просто сестрам нашим Филипповне и Тихоновне гусь — здоровяк этакий на рынке приглянулся. Ан-тракт!

Глава одиннадцатая

МНЕНИЯ НОВЫХ И ДРЕВНИХ О ЖИЗНИ В ЦИФРОВОМ ГЕТТО: ПОКА РАЗМИНКА — ВОКРУГ ДА ОКОЛО

◆ — Нет, друзья мои давние, не зря, не только для красного словца наши одесские классики ввели в роман поляка — извиняюсь опять же, Сергей Станиславович, Паниковского с его страстью к гусятине, что мы...

— Не только Паниковский к гусям слабость имел у Ильфа — Петрова, — почему-то воспылал забытой шляхетской гонористостью заслуженный баритон, — там еще и инженер Брунс (теперь уже он метнул короткий взгляд в сторону завлита Пружанцева) приятнью к представителю этого орнитологического вида пылал, помните: «Мусик! где гусик?» Извините, Ниночка.

— Извиняю. Так вот, порадовали мы желудки

отменно приготовленным нашим женским коллективом гусем, а я все же доскажу свое примитивное бабское мнение о прежних и новых. Впрочем, даже не доскажу, а резюмирую: были прежде старые и новые, которые в каждом поколении менялись местами, а вот с нынешних рубежных «полтинничных», к коим сама отношусь условно с сегодняшнего дня, цепь эта порвалась: был один вид человеческий — стал совершенно иной. Аминь.

— Да-а, Нина Григорьевна, что-то грустинкой повеяло,— подала голос Кристина,— дайте-ка рассмешу вас. Моя коллега по кафедре и почти что подруга Тамара, доцент как и я, с крестьянской закваской — в первом поколении горожанка. Вместо дачи у нее в недалекой отсюда деревне дом с родителями. Она уже сейчас, в декабре, готовится к весенней посевной, семенами запасается. На днях всю кафедру до коллик в животе насмешила. Словом, услышала по телевизору в какой-то передаче для сельхозпенсионеров, теоретиков абстрактной дачной жизни, что появился новый сорт мясистых помидоров со странным брендистым названием «Ручей голубой собаки». Тотчас пощелкала-поводила пальчиком по смартфону, выяснила: в нашем городе этот сорт семян только в один сельхозмагазин завезли, что черт-те где находится, на северном выезде. Но обрадовалась: муж ее, небольшой строительный подрядчик, как раз в тех местах трудится — городят очередной жилкомплекс. И поручение ему с утра: сегодня же после работы в такой-то магазин зайди и купи три пакета семян помидоров. А не рассчитывая на бытовую его память, на бумажке название сорта записала. Но именно в тот день муж-подрядчик водил по сдаваемому жилому дому пожарную инспекцию. Удачно водил, а потому, проводив огнепоклонных чиновников в погонах, с удовольствием принял предложение подчиненных отметить это событие. Поэто-

му, будучи в домашних делах подкаблучником, все же не забыл поручение, но бумажку с точным названием сорта закусовых помидор затерял. Пришлось по памяти приблизительно восстанавливать. Второпях дошагав до магазина, вошел в него и сходу ошарашил продавщицу: «Есть у вас голубой ручей из собаки помидор?» Та сначала, услышав несуразицу от слегка нетрезвого мужчины, собиралась было покрутить пальцем у виска, но затем решила, что видный собой мужик второй молодости так оригинально заигрывает с ней... На этом Тамара как-то ловко скомкала рассказ. Что ж мужики наивные? Не могут всего-то с пары рюмок остановиться — добро бы в деле, а то с женой беседея...

— Ха-ха-ха! — рассмеялся завлит Михаил Семенович, — это я не столько по поводу помидора голубой собаки, а восхитился вашей, чисто женской меткости: добро бы в деле, а то с женой беседея. Шалунья вы, Кристина Николаевна. Очень сейчас в условно называемых новых редкое качество: ненавязчивое остроумие. Живем-то мы с вами, увы, в цифровом гетто, а если не по-местечковому, то правильнее: в глобальном электронном концлагере с цифровыми кандалами. Это определение не я придумал — ума мало, а из «ящика» слышал. Удивительно, что вам, Женечка, еще позволяют такие неполиткорректные вольности...

— Да не нам, — возразила Женья, — уже говорила: нам, периферийным, только о розах-морозах и трудовых подвигах высших областных чинов разрешено вкаты!

— Извиняюсь, наша очаровательная теледива, видно был занят распробыванием закусок — глаза при таком столе разбегаются! — вот и пропустил. А как срединный между прежними и новыми, близкий тому славному полтиннику (трусовато кинул взгляд на именинницу: не брякнул ли чего лишнего?), одно

могу сказать про нынешнее наше глобальное жите-
бытье, опять не своими словами, а из достопамятной
данелиевской «Кин-дза-дзы!», про общество, не
имеющее цветовой дифференциации штанов, а пото-
му лишенное цели своего развития. Что-то навроде
этого. Но при всех перипетиях к жизни следует от-
носиться без озлобления. Как мой знаменитый зем-
ляк, хасид Мордехай Бубер, сто лет тому назад го-
ворил, что надо стремиться быть скорее благочести-
вым, нежели мудрым, но более, чем благочестивым и
мудрым вкупе — быть добрым.

— Да-да, помню из своего филологического обу-
чения в педуниверситете про Мартина Бубера: под-
ружка моя тогдашняя курсовую о нем писала... вер-
нее, распечатывала с инта. Как мы говорили: кому
какая тема достанется, тот и ищет нужный сайт.

— Зам-мечательно, Женечка, сейчас учатся на
«вышке» с философским подходом: вздор на вздор
наложь, чепухой подложь — и получишь пару стоп-
таннных галош. Это уже нас так натаскивали в Поли-
графе. Но я все же продолжу, раз разохотился.
Мнения прежних и новых о нашей нынешней, с ци-
фирью вовне и пустотою в голове, жизни — их лич-
ное дело, но ведь погонялка не возилка, гласит на-
родная мудрость, потому как в мыслях не сопротив-
ляется цифровому рабству, так все одно загоняет той
же телевизионной (пардон, Женечка, все помню!)
погонялкой. Другое дело, никто тебя насильно не
повезет на дармовых перекладных в светлый цифро-
вой рай! Гибридный подход глобализации: силой не
тащим за собой, а о хлебе насущном сам позаботься.
Редко, но встречаются среди прежних принципиаль-
ные отвергатели всего нынешнего. Их еще принято
по разделу клинической шизофрении относить. Сей-
час освежусь — расскажу.

◆ Поскольку тостование завершилось и каждый
перешел на самообслуживание, то рассказчик с нас-

лаждением выпил, явно компатриотски с Ниной Григорьевной, рюмку массандровской мадеры, с нарочитым артистизмом закусил и продолжил рассказ.

— Я, друзья мои, с детства-отрочества стишки пописываю, впрочем, как всякий воспитанный в учительской семье. И прозу начал пробовать, после чего, не поступив в Литинститут, пошел в полиграфический на редакторский факультет. В классики не вышел, но сейчас печатаюсь в некоторых литературных журналах, раз в два-три года издаю книжку стихов или рассказов. На свой кошт, как сейчас принято. Впрочем, преамбула эта вам известна. Напомнил же только по той причине, чтобы подвести к сути дела. А суть в том, что состою в местном отделении писательского союза. Для реноме, так сказать. Тем более, что сейчас вступить в такой союз, что ту же рюмку мадерцы хлопнуть: всех берут, кто грамоте школьной обучен! Это вам не советский Союз писателей; тогда бытовало, и не без оснований, расхожее мнение: вступить в Союз посложнее, чем защитить докторскую диссертацию по филологии. А сейчас,— Михаил Семенович усмехнулся и обреченно взмахнул рукой,— как в наших лет дворовой пацанской припевке: гуляй, Ваня, ешь опилки, пока есть на лесопилке...

Игра, конечно, нынешние писательские союзы — их сейчас несколько,— но форму игры соблюдают по традиции от советских времен: общие собрания, выбор председателя, членов правления и разных советов и комиссий. Очень следят за своевременной уплатой членских взносов. А когда главному правлению Союза в Москве срочно требуется на оргдела сотня-другая тысяч рублей, то организуют обновление-замену членских билетов или самые дешевые членские значки штампуют: с каждого члена Союза по стране тыщонка — вот и набирается на благое дело. Ну, это к слову. Меня пару лет назад избра-

ли-записали в члены творческого совета, поэтому, когда наш председатель поэт Николаев — человек на своем месте, из депутатов, организатор замечательной — в нынешние пандемические года задумал проводить пожилых наших литераторов, то меня и других «избранных» поочередно стал с собой для компании прихватывать. Так я попал к очень почтенной возрастом, разменявшей девятый десяток писательнице Варвариной. Зинаида Прокофьевна старого закала, в советское время получила членский писательский билет — и не зря: серьезная поэтесса. Она на собрания не ходит, поэтому заодно и познакомился с ней. Думал, по возрасту не ходит, но оказалась достаточно подвижной и бодрой для своих лет, с ясной головой, но... странности начали проявляться с порога квартиры-хрущевки. Живет давно одна, все родственники — а детей не было — в городе перемерли или разъехались. Обычно у таких женщин жилье бедновато, но в порядке содержится, словом, благопристойная нищета. Но здесь?! — представьте, что вошли в деревенский сарай с обычной для него разбросанной хлабудой, который три десятка лет стоял взаперти. Звонок не работает, на наш стук дверь из фанерной плиты, что ставили в новопостроенных хрущевках полвека с лишним назад, с облезлой, коробящейся краской, открыла сухонькая, слегка согбенная старушка в полинялой, но чистой домашней одежде. Николаев уже бывал здесь, поздоровался с хозяйкой, меня представил. Та молча, жестом руки пригласила войти в свою однушку, щелкнув выключателем в крохотной прихожей-коридорчике. Такого запустения я даже и представить себе не мог, хотя был предупрежден Алексеем Геннадьевичем об «особенности образа жизни старейшей нашей поэтессы». Слабосильная маловаттная лампочка без какого-либо плафона в старинном фарфоровом патроне свисала с затянутого вековой пау-

тиной потолка прихожей на почти метровом перевитом шнуре и освещала совершенно голые стены. Когда-то покрашенные синей краской, теперь они коробились, пятнами открывая первоначальную окраску, в остатках которой с трудом узнавался светло-зеленый цвет. Пол, включая дерюжку перед дверью, не то что многие года не подметался и не мылся, но когда-то настеленный на доски линолеум не просматривался своим цветом и рисунком из-под слежалой пыли. Угадывалась протоптанная в этой пыли узкая тропинка от входной двери в проход со снятой внутренней дверью — в комнату.

— Ужас какой, — всплеснула руками медичка Антонина Филипповна, — как же человек такого возраста, явно не выходящий из квартиры, может жить в такой обстановке? Ведь узенький коридорчик прихожей можно и убирать по мере сил...

— Почему коридорчик? — продолжил Михаил Семенович, — мы, конечно, за те полчаса, что были у нее, не решились войти на кухню или в совмещенку, но в комнате-то и того почище... в смысле наоборот. Такая же лампочка на шнуре свисает с потолка, такие же стены с отваливающимися, так сказать самоубирающимися обоями, настолько закопченными многодесятилетней пылью и паутиной по углам и на потолке, что даже и пытаться не стоит фактуру и рисунок их определить. Про убогую от неухода и починки мебель, если ее можно так назвать, давно погасший телевизор марки «Старт-3», какой был в моем детстве в Пружанах, слежалый полувековой диванчик — единственное спальное место в квартире, мутные окна, их два — квартира угловая, даже в разгар солнечного дня — дело было прошедшим летом — смотрелись зимним вечером... — и говорить не хочется. И словно на показном киношном, как у Эмира Кустурицы, контрасте — рабочий стол в углу у кухонной стены. Разу-

меется, столу тоже за полсотни лет, обычный в советское время, в шестидесятих годах письменный стол, что родители покупали для своего школьного дитяти: слева выдвижной ящик, под ним пустое место — куда ноги в коленях поставить, справа тумбы с дверцей, за которой четыре ящика, тоже выдвижные, но поуже. Столешница из древесной плиты, некогда лакированной. Почему так подробно описываю? Во-первых, у самого в школьные годы точно такой же был, во-вторых же и в основных, это я про контраст: старенький столик этот совершенно чист, ухожен, даже пятнышки давно слезшего лака отблескивают на слабом свете из мутного окна. На левом углу, как положено у много пишущих людей, настольная лампа, советского времени производства, но по виду в хорошем состоянии, а на правом аккуратная стопка книг. По темно-синим обложкам и двум видам форматов сразу определил: из большой и малой серий «Библиотеки поэта». По центру же стола раскрытая, тоже давней фабрикации, общая тетрадь в клеточку, на правой странице разворота стихотворные строчки, до конца листа еще не дописанные. А на странице этой наспех — наш приход прервал работу — положенная старая авторучка...

— Бывает же со старыми людьми, — вступил в случившуюся паузу Костя, какой-то молчаливый сегодня, — отгородят себе участок дома, в порядке поддерживают, а на остальное вокруг ноль внимания. Впрочем, у художников то же самое. Даже наоборот: у молодых, а с возрастом аккуратность появляется.

— Дело, Константин сын Валерьевич, здесь сложнее оказалось. И не возраст с аккуратностью у нашей поэтессы соперничают, а совсем иное. Вовсе не пробуйте гадать — не догадаетесь, даже будучи семи пядей во лбу.

— Ну-у, Семеныч, не томи, — вслед за сыном

подал голос Валерий Васильевич, — давай разгадку. Заинтриговал, а тут водка с коньячком стыннут!

— Сама хозяйка объяснила, когда немного разговаривалась, усадив нас у письменного стола на табуретки, с которых гостеприимно стерла тряпкой пыль. Даже отлучилась на кухню и принесла пару стаканов чая. Правда, стаканы в железнодорожных подстаканниках чистые, а чай вполне питьевой заварки. Объяснила просто, без затей: тридцать лет назад добровольно ушла в условное монашество. Не сугубо религиозное, хотя верующая невоцерковленно, то есть верит в Христову мораль, но особого значения обрядам не придает, и именно в монашеское затворничество ушла, не приняв нового образа общественной жизни. И пояснила, что это никакой не диссидентский протест с политуклоном, но «застряла в советском времени», по ее словам, не желая, даже внешне приспособившись, менять свои христианские, они же советские, моральные убеждения на иные с торжеством частнособственничества. А как символ для самой себя, раз и навсегда решила ни к чему в квартире не прикасаться, не нарушать то статус кво, какое у нее было на день расстрела здания на Краснопресненской. Под переименованным девизом: отечества и пыль нам сладка и приятна... Только, по необходимости, на кухне столик и газовую плиту от пыли протирает. Второе исключение — вот этот рабочий стол, за которым она тетрадку за тетрадкой, сделав их запас в начале девяностых годов, исписывает стихами. Завершит одну — в ящик стола убирает, в прямом смысле «пишет в ящик». Начинает новую. Чернилами синими для авторучки тоже в те времена запаслась, еще советскими. Раз в неделю за едой в ближайший магазин выходит и в положенное число месяца на почту за пенсией. Да на кухне у нее репродуктор с прежних времен остался, но включает его только вечером на музыкальные передачи с Вик-

тором Татарским. Вот и все ее общение с нынешним миром. И все же именно этот контраст рабочего стола с мрачной запущенностью остального поразил нас более всего. Что-то во мне тоскливое спазмами от живота до горла прокатилось, а Геннадьевич и вовсе пару раз, отвернувшись, выступившие слезы смахнул. Да-а, с его-то закаленным характером, депутатским, бойцовским, а до этого воспитателем в колонии для малолетних служил — любого человека проймет! Такие вот «прежние» с их толстовским протестом «начни с себя» против нынешнего цифрового расчеловечивания встречаются. А вы, мол, спор прежних и новых? — не спорит Зинаида Прокофьевна ни с кем, доброту в себе несет грузом неизменяемым и памятную верность Христовой морали, возрожденной в советское время. Главное — овещенственной! Не знаю как вы, дорогие застольщики, а я отдельно рюмочку за советскую монашку подниму.

◆ — Бегство по-толстовски — это только для единиц, которым в жизни уже нечего терять, — по-депутатски наставительно сказал Валерий Васильевич после случившейся паузы, последовавшей за грустным повествованием театрального завлита, — тем более, что от цифраизации в современном мире никуда не денешься... тем более, не спрячешься. Да и народ уже всю по привычке к удобствам всевозможных цифровых сервисов. Разве я не прав, Михаил Семенович?

Вопрошаемый, не ставший закусывать выпитую печальную рюмку, прозрачными глазами внимательно посмотрел на депутата гордумы, вроде как огорченно качнул головой и произнес безотносительно:

— Если бедняк ест цыпленка, то один из них болен. Так-то, господа-товарищи.

— Это вы снова Бубера цитируете?

— Почти, Женечка, из тех же мест и примерно лет: Шолома Алейхема, в миру Рабиновича.

— А как понимать, так сказать, в традьюксёне на понятный всем язык? Поясните, пожалуйста, Михаил Семенович.

Но погрустневший после своего рассказа о застрявшей в советском бытии поэтессе Варвариной Пружанцев как-то необходимо для вопрошающей Жени перевел разговор на незначительное: как в девяностых годах у московского своего приятеля, однокашника по Полиграфу, довелось попробовать заваленный, вроде как самый элитный сорт виски *Балантайн*:

— ...Самогон-самогонищем, доложу вам. Да еще с какими-то, явно химическими, добавками. А дружок мой еще поясняет, что-де у нас вкус застарелый в веках, а Америка с европейским Западом на качественно другие ощущения перешли...

— Получается как бы наоборот присказка, что русскому в удовольствие, то немцу смерть, прочитайте? — рассмеялся Егор, — а насчет виски недавно нас на работе до колик в животе рассмешил Петька Калганов, моего возраста инженер из нашего отдела. У него полностью чувство юмора отсутствует, а от этого многое произносимое им как раз и воспринимается юмором.

— Как у профессионалов эстрады, — пояснила улыбающаяся его теща, — это высший полет у юмористов: шутковать с полностью серьезными лицами и голосом.

— Вот-вот, уважаемая Нина Григорьевна, но у них от долгой тренировки, а Петьке она и не нужна. Так вот, продолжу о вискаре. Живет в однокомнатной хрущевке, не хуже чем ваша поэтесса, Михаил Семенович, только с женой и сынишкой; хорошо хоть не съемной, родителями с обеих сторон вскладчину купленная. Поэтому поневоле вечерами телевизор приходится если не смотреть, то слушать: на кухне трезвому и без компании долго не отсидишься.

Супруга же уважает мелодрамы на женском канале, где инкубаторские девки постоянно в кругу подружек пьют вино, а ихние... гм-м, словом, которые с бородками на кадыках и счетами в лондонских и швейцарских банках, на мальчишниках в кабаках «с нумерами» беспрерывно вискарь трескают. Вот и задурил наш Петро: хочу попробовать этой самой виски и все тут! В день зарплаты зашел в Красное & Белое своего квартала, долго изучал разноцветные бутылки с англосаксонским пойлом, наконец, выбрал пузатую, в ноль-семь литра, всю в золоченых этикетках, языком Шекспира и Байрона исписанных, бутылку шотландского виски с указанными пониже названия (Петька в школе учил, а в универе забывал английский), что семь лет выдержки, марочное, отборное и так далее. И цена порадовала: немногим дороже бутылка приличной водки. Пришел домой довольный и даже вдвойне: днем супруга звонила, поскучай вечеров без нас, мы сегодня с Савушкой навестим мамулю... Расположился на кухоньке хрущевской, закуску из холодильника, рыбку и другое, по двум тарелочкам со вкусом разложил, сидит и в предвкушении раззолоченной пузатой бутылкой любитесь. Наконец, взял ее в руки — откупорить, но остановил взгляд на простенькой этикеточке с мелкой надписью, что на противоположной заглавной стороне. Любознательности ради приблизил к глаза... и читает: «Изготовлено и бутилировано в ООО «Фермерский дар», деревня Завалишино, Воловинский район...» — и читает далее ошарашенный Петр название нашей области.

— И как ему деревенский вискарь пришелся? — расхохотался Костя, постепенно отрешающийся от задумчивости.

— А знаете, говорит, хороший самогон, очищенный, а под красную-то рыбку из холодильника после второй стопки и вовсе теплом по организму пошел.

Наверное, не хуже вашего балантайна, Михаил Семенович, а?

◆ — Может быть, может быть, — усмехнулся завлит, — чудны дела твои господни: самогоном вискарным все винные лавки завалены, полки от пола до потолка радуют глаза разнообразием форм бутылок из той же деревни Завалишино... и особенно из подмосковных сел и пажитей. Только вот с рыбкой под нее, родимую, хреновато — извиняюсь перед дамами, хотя бы хрен есть овощ. Кстати по поводу овоща. И здесь в духе политкорректного времени. У нас в театральной среде, как и у вас, Нина Григорьевна, в филармонической тусовке, матерный язык — внутрислужебный, так сказать, профессиональный. Как у тех же строителей и моряков торгового флота. Так в последние годы начали опасливо друг на друга поглядывать: доносов что ли опасаются в свете новейших постановлений о борьбе с нецензурщиной? Впрочем, народ находчив, научился обходить букву закона, то есть заменяют знаковые у нас слова американизмами — то есть заодно еще и патриотический плевок в сторону дяди Сэма. Я уже и коллекционировать такие изыски начал. К примеру: полаялись, что есть обычная картина, два основных зама — главрежа и директора, что-то не поделили. И слышат они друг от друга: «Кешбэком мать твою онлайн!» — и в ответ: «А с твоим флешмобом только...» — впрочем, здесь по старинке малоцензурно. Но — это к слову. О рыбе же — замечательные у вас, дорогие хозяйки, селедочки и другие водоплавающие закусочки. Честно признаюсь, давно рыбу не ел: как-то в одночасье, но уже за десять лет исчезла она из обычного рациона нашего. И представляете — как-то ее отсутствие организм отмечает и втихую протестует! Вот вы, Наталья Андреевна, биологию преподавали. Антонина же Филипповна и вовсе врач. Может поясните?

— А здесь и пояснять особо нечего, — на правах своего образования и старшей хозяйки в доме отозвалась последняя, — как у нас в мединституте учили: рыба есть основной, пожалуй и единственный, источник усваиваемого организмом фосфора. Фосфор же — энергетическая и генетическая база: мозг, физиологическая основа мышления, эту энергию из фосфорных биохимических реакций черпает, а дээнка, что наследственность сохраняет, на фосфорных цепях построена. Так что, как говорил нам профессор Виленкин, что сам лекции Павлова слушал в свою учебу, вынь да положь, но восемь кило рыбки, в любом ее приготовлении, хоть зараз, если пузо позволяет, либо по кусочку в двадцать грамм каждый день, лучше всего в обед под водочку, в год человек должен употребить! Иначе организм пошаливать начнет: с одной стороны, голова сбой начнет давать, с другой, такой недоедающий рыбы, с точки зрения наследственности, оказывается вредоносителем для своих потомков. Хорошо лекции старой закладки профессор читал: в голову запало и сейчас, спустя полвека, как отпечатанное!

— Вот оно что? — совсем разговорился в пропорции к числу выпитых рюмок Костя, — нечто подобное слышал когда в Мухинке учился. Как-то с ребятами с легкого пьяну попали, что называется из буфета в зал, на студенческую сходку в актовом зале Горного института, впрочем, уже университета, что на Ваське — коммунисты или кто там организовали. Тоже профессор, не хуже вашего доисторического Виленкина, но помоложе лет на полста, очень толково про деятельность Тайного мирового правительства в части глобализации рассказывал. Кстати, все что говорил, сейчас, двадцать лет спустя в точности во всеми мире сбывается! Умный, знать, профессор! А в качестве примера как раз про изъятие рыбы из нашего, в России, рациона рассказал. Поясняя, что в

планах глобализаторов страна наша никоим боком не подпадает под золотой миллиард, Европу с Америкой и по мелочи англоязычных стран, возможно и Японию, а потому не только политически и экономически приговорена к ничтожеству, но и народ наш морально и умственно до уровня питекантропов должен быть сведен. Исчезновение рыбы в нашем закусо́не — прямо по вашему, Антонина Филипповна, профессору Виленкину: отупление мозгов без притока фосфора и дурная наследственность. Словом, мечта Маргоши Тэтчер свести русский народ к паретройке десятков миллионов: обслуживать нефтегазопромислы и вредные химические и металлургические производства. И весь процесс обезрыбления России расписал. Вот, говорит, на тысячу километров от нас к северу Мурманск. Да некоторые из вас оттуда приехали в Питер учиться. Некогда столица Заполярья, сейчас зримо умирающий город с нарастающим потоком уезжающих из него. А все почему? — раньше бо́льшая часть трудовой активности города вокруг ловли и обработки рыбы вертелась. Целых два рыболовных флота, Траловый и Сельдяной, сотни эсэртэ — средних рыбаковецких и непрерывно строящиеся по нашему заказу в Гданьске, Финляндии и Дании больших морозильных траулеров — огромные плавучие фабрики, — вот они вкупе с береговыми рыбокомбинатами все трехсотмиллионную страну с избытком обеспечивали треской, селедкой, морским окунем и так далее до палтуса, зубатки и атлантического тунца. Доводилось в советские годы в Мурманске бывать, по шефству читал лекции в тамошнем пединстиуте. Так в тихую теплую погоду в любой точке города стоит сногшибательный запах — все с тех же рыбокомбинатов, что полукольцом примыкали к причалам порта.

Здесь Костя прервался, хлопнул стопарик, закурил, продолжил.

— Напомнил профессор о хорошо известном нами по отроческо-юношеским годам: об обязательном рыбном дне в столовых предприятий и организаций, как тогда шутовали: среда — партийный день, а четверг — рыбный. Изобилие рыбных консервов, пирамидами заставлявших все полки гастрономов. И это была вовсе не пресловутая компенсация дешевой рыбой якобы дефицитного мяса, как верещали по западным «голосам» перебравшиеся за бугор — через пребывание в Каценке — диссиденты, но именно целенаправленное «фосфатирование» советского населения, чтобы народ становился умнее, а наследственность здоровее. Кстати, рыба, особенно хороших сортов, не такой уж дешевый продукт! Поэтому в Советском Союзе низкая цена поддерживалась за счет государственных субсидий; то есть порядка сорока процентов реальной стоимости компенсировалась...

— Так ведь обязательное введение в рацион рыбы — это вековая традиция во всем мире, по крайней мере в европейском, — вставила слово Женя, — еще в Средние века на балтийском берегу, в германских княжествах, в ганзейских городах специальное сословие купцов и промышленников заготавливали рыбу, вылавливая ее в северных морях, преимущественно треску и сельдь, превращали ее в ворвань, то есть завяливали и солили для длительного хранения, а затем снабжали ею всю срединную Европу.

— Чего ж в Европу-то ходить, — как истинный потомок старообрядцев обиделась за своих ее мать Елена Викторовна, — я в школьные годы в нашем латышском Гулбене перечитала всю приличную отцовскую библиотеку, в основном русской классики. Так обычный эпизод в романах — зимой солдаты обозами едут за рыбой.

— Все верно, маман, — продолжил разговарившийся Костя, — еще со времен стрелецкого войска

рыбу для армии из Архангельска возили, а Потемкин и Суворов приказами ввели ее в солдатский паек. Это тоже профессор-коммунист отметил. Да еще с присказкой, дескать, по-суворовски не только пуля дура, а штык молодец, но только умная голова знает как орудовать этим штыком. Что-то вроде этого сказал и разъяснил как по складам. Поскольку при любом политическом и экономическом строе Россия есть бельмо на глазу Запада, то и приговорен ее народ глобалистами к сведению до уровня питекантропов. В том числе массовым оглушением и порчей генной его системы мышления отсутствием рыбного фосфора. В стратегии, тактике и оперативном мастерстве движения глобализма все изумительно точно просчитано, выведено и подстроено под якобы естественное развитие событий мировой истории. Так и с рыбой в нашем злосчастном отечестве. Мол, сами виноваты: послушались нас, американцев в первую очередь, с нашей шпионско-пропагандистской помощью и руками своей воровской сволочи, они же наши агенты влияния, по-стахановски скоренько свергли свою родную, рыбокормящую советскую власть, узаконили и освятили частную собственность торгово-спекулятивную — и получили о чем мечтали, слушая «Голос Америки» с «*Deutsche Welle*». В том числе и отсутствие фосфора для организмов в виде рыбы. В Мурманске, Архангельске, Калининграде и Владивостоке в единый миг разрушена система вылова и переработки рыбы. Все траулеры приватизированы, стали частными владениями, ловят рыбу и по выгодным ценам продают ее, даже для приличия не заходя в бывшие родные порты, иностранцам. Те же суда прежних мурманских Тралового и Сельдяного флотов ловят треску, зубатку, палтус и селедку, затем держат курс на норвежские фиорды, разгружаются от улова, снова уходят в море-океан. Итого, как говорят бухгалтеры, подводя итоги, сальдо-

брутто-бульдо таково: империалистические западники и дальневосточные азиаты обедаются бывшей нашей рыбкой, а у нас в магазинчиках с таинственной вывеской «Авторская рыба», что целыми днями пустуют без посетителей, в холодильных витринах какая-то высохшая, мумифицированная мутота лежнем лежит под лицемерным ценником: трехзначная цифра с мелкой подписью: «За 100 граммов». Давайте, в тризну по бывшей нашей рыбе и мы примем по сто грамм!

◆ Нина Григорьевна, слушая рассказ Кости о рыбной идеологии глобализма, что-то задумалась, внимательно, каким-то специальным взглядом немигаючи глядя на свойственника. Заметив такое внимание именинницы к старшему брату ее зятя, Антонина Филипповна переглянулась со своей кузиной Надеждой Тихоновной, но тут обе и потупились. И Лиза мимолетно взглянула на мать. Егор, с интересом слушавший брата, этих переглядываний не заметил. По-своему понял рассуждения Кости о нынешнем дефиците рыбы Степаныч.

— Видать, оголодал парень в родительском-то доме, а на работе одни собутыльники — знаем мы этих художников малярных! — проворчал он не для слушателей и наискосок, через стол, переставил большую плоскую тарелку с закуской горбушей и белорыбицей под правую руку Кости, только что завершившего тризну по обитателям вод лихим стограммульчиком армянского. Дружный смех разрядки от невеселой темы сопровождал жест Степаныча. Тот даже искренне огорчился:

— Чего смеетесь?! Ну пододвинул рыбу. И что такого? У нищих, как говорится, слуг нет, лакей за спиной не стоит. Отвыкли мы за советское время от прислуги — все на самообслуживании.

— Не скажи, дорогой мой тезка, — повернулся лицом к Степанычу Сергей Станиславович, — это

сейчас прислуга только у олигархеров, их прислужников и крупных взяточников по чиновной масти... да еще у кого-то из владельцев заводов-пароходов (при этих словах баритон произвольно скосил взгляд в сторону Дениса Куркова, но тот весело-поощряюще мотнул головой, мол, давай, правдолюбец, режь правду-матку...). А вот в самые что ни на есть советские пятидесятые годы домашняя наемная прислуга не редкостью была. Как это ни покажется странным. Есть у меня приятель, в пятиэтажке хрущевской живет, но до оперения своего с родителями в доме начала прошлого века постройки квартировал. Да вы знаете его — на углу проспекта и улицы Гоголя, где в шестидесятых-восьмидесятых годах кооперативный продуктовый магазин размещался, а до войны и вовсе *торгсин* городской, где граждане за золотые цапки и червонцы царские хавку повкуснее покупали. Это я к тому в недалекую историю залез, что в доме этом примечательном много всякой образовательной, технической и прочей потомственной интеллигенции обитало поколенно, еще от первых жильцов в мундирах табели о рангах Российской империи. Папаша приятеля водил дружбу с соседом — из таких потомственных доцентов. Как-то друзья эти разминались на кухне по поводу воскресного дня, а дружок мой, тогда школьных лет, вертась около них, подслушал жалобу доцента: «...Я вот, Евгений, доцента получил еще в начале пятидесятых. Как раз батя усасть сразу в три раза нам, остепененным, зарплату накинул. Весело жизнь пошла! Помню, как-то раз сижу в кабинете завкафедрой, беседуем по делам нашим насущным. А он вдруг пристально посмотрел на меня и говорит, что де вчера проходил мимо гастронома на Майской, а там окна большие, витринные и чисто помытые, и видел твою жену в очереди стоящей. Тебе денег что ли жалко домработницу приходящую нанять? Чего

супружницу молодую и красивую по магазинам гоняешь?» Вот так-то, друзья мои, — усмехнулся заслуженный баритон, — как потопаешь, так и полопаешь, то есть девиз социализма: от каждого по способностям, каждому по труду. А труд тех же доцентов, не говоря уже о профессорах и академиках, по сталинскому рачению оплачивался столь щедро, что и трудялись они на совесть, готовя кадры мирового уровня.

— И вот итог: очутились в цифровом гетто, — сокрушенно сказала несколько захмелевшая Кристина.

— Неправильно ты, многоученая родственница, хотя бы и дальняя, но оттого не менее нами любимая, причинно-следственные связи ставишь, — засмеялась Женя, — а еще социолог-политолог!

— Согласна, Женечка, согласна. Это я в хмельную грусть впала. Вот сейчас отлакирую и исправлюсь. Плясать буду. А так конечно: метили в ворону, попали в корову. Против твоего, Егорушка, тайного мирового правительства не устоишь. Правда, братик мой многоюродный?

— Кристина! Не задирай ребят, — одернула ее по праву наиболее близкого родства Наталья Андреевна, — про ворону и корову хорошо сказала. У нас в деревне вологодской так говорили.

— От вас же, Наталья Андреевна, и слышала наверно.

— Друзья! — постучал вилкой по фужеру с минералкой Денис на правах тамады стола, — не будем о грустном. Предлагаю оптимистичный тост: на время выбросим из голов, особенно очаровательных женских, все эти происки глобалистов-империалистов, как их называет Егор; на то мы порой с радостью уединяемся от вселенской цифрофрениии, чтобы в зимовье хоть на время вернуть себе человеческий первородный облик. У каждого свое зимовье, а оно — островок обитания нерасчеловеченных — опять же по твоей, Егор, терминологии. За наше зимовье!

Глава двенадцатая

ЗИМОВЬЕ КАК ОСТРОВ ОБИТАНИЯ НЕРАСЧЕЛОВЕЧЕННЫХ

◆ — За наше зимовье! — Денис, пританцовывая, заложив, как кавалер в кадрили, левую руку за борт пиджака, а в правой высоко подняв хрустальную рюмку, шутейски раскланялся поочередно со всеми сидящими за овальным столом. отдельно со Степанычем, выходявшим на минутку в прихожую узнать: чего это взгавкнул его подопечный Фомка. Как выяснилось, нечистопородному охраннику домовладения, вздремнувшему в духмяном тепле, приснилось что ли? что кот Ерощка и кошка Манька неправильно себя ведут, вроде как трогают лапками его лаечный хвост.

Именно поэтому Степаныч не смог сообразить: что это тамада кланяется ему, входящего в гостиную после разборки с домашним зверьем. «Издевается что ли, мясопромышленник наследный», — подумал он, но на всякий случай ответил наклоном головы, чем вызвал легкий смешок. Окончательно сбитый с толку, завхоз зимовья махнул рукой и прошел к своему стулу. Денис же продолжил тостовать:

— И еще раз за наше гостеприимное и спасительное от температурных и всяких социальных морозов зимовье! Социальный, социум... напридумывают же казенных штампов эти радиотелевизиончики — Женечка, дражайшая моя супруга, это не про тебя, конечно. Даже присказки на манер якобы фольклорных появились навроде: в добром социуме и злой человек агрессию сдерживает, а в злом социуме и добряк стервенеет. Что-то навроде этого слышал.

— Ты же телевизор не смотришь — где ж ум-разума такого набираешься?

— Я, Женек, ум-разум самодостаточный имею,

а слышал в нашем с тобой доме: бабушка наша с Роксаной тетешкалась, а меня Ромка привлек к своим докукам, что-то у него в пульте управления машинкой расконтачилось. А в комнате телевизор на канале «Культура» что-то умное про Альбрехта Дюрера поучительно талдычит, мол, его самая знаменитая и загадочная многовидовая картина «Меланхолия» является художественным воплощением учения Агриппы... Вот здесь пижонистый искусствовед с игиловской, как Костя их называет, бородкой и ввернул, явно от себя, про добрый и злой социум. Все же тост мой затянулся, руки *нóлитые* рюмки и фужеры устали держать — рука бойца держать устала! — давайте выпьем за наше зимовье, а я уже сядя доскажу. Прозит! — говоря по-импортному.

После того, как заметно стихло позвякивание вилок и ножей, Денис, поощряемый взглядами Жени, тещи и именинницы — в его голосе, когда умеренно выпьет, появлялась так нравящаяся женщинам всех возрастов тонировка, — продолжил развивать тему, заданную тостом.

— Итак, друзья мои старшие и сверстные, извинаясь за некоторую юридическую — профессия, никауда от нее не денешься! — монотонность, зимовье, обобщенно понимаемое как спасательный круг от нынешней всемирной эпидемии и неустроенности, у каждого свое. Так сказать, духовное и физическое, точнее физиологическое. И совершенно замечательно, когда в благоразумном их сочетании. Повторюсь: у каждого свое зимовье; по талантам или бесталанности да воздастся им! Хорошо, если литературный дар какой-никакой дан: пишет себе по вечерам или ночам толстые романы или стихи километровыми столбиками. И особо не волнует его, что никто их не прочитает. Художественная самодеятельность есть более компанейское и веселое удаление от паскудной действительности. Играй себе на баяне, гитаре, ман-

долине. Девушки все более пляшут, а женщины в возрасте поют хором. И себе приятно, и слушатели-зрители почти всегда имеются, а это уже удовольствие в квадрате. Которые почуднее и с врожденной — от дальних предков — воинской жилкой, но в регулярной армии не имеющие желания состоять — из-за дисциплинарной скуки, — те в новейшие времена в казаки асфальтовые подаются. И у нас, в чисто среднерусском глубинном городе, такие присутствуют. Приписывают себя к Всевеликому Войску Донскому на том основании, что река эта славная начинается ручейком на юге нашей области. Видели, небось, в погожие весенне-летние дни прогуливаются сам-двое, сам-трое по улицам или по парку в синих мундирах — штаны с лампасами, фуражки с красными околышками, а на кителях в несколько рядов свои специальные казачьи награды. И погоны, конечно, золотые со звездами — от подхорунжего до есаула и выше, если диплом о высшем образовании имеется. Это у них так по уставу положено. Нет «вышки» — далее подьесаула, то есть капитана, не продвинешься. Мундиры же им строят в сохранившемся еще с советских времен портняжном ателье, что на Поповом болоте, рядом с недавно открытыми семинарией и кадетским училищем. У ателье договор с городским казачьим начальством, так и живут: казакам и другим обмундированным шьют...

— Ты-то откуда такие подробности знаешь? — прервал Костя, — или сейчас такая мода пошла: всю мелкую буржуазию в мундиры одеть, и сам в казаки городские решил податься?

— Не дерзи, Костик, ты же человек свободной профессии, почти творческой. Тебе ирония не к лицу, а вот благодушие — самое то! Знаю же потому, что на отцовом, заметьте — не моем, отцовском! мясокомбинате бригадиром трудится мой бывший одноклассник. А его дядька, ранний пенсионер по

милицейской части, подрабатывает чем-то навроде экспедитора в том ателье. По этой цепочке и знаю все казачьи дела. Кстати, мундиры они справляют из личного кошта.

Здесь Надежда Тихоновна с ассистенткой Еленой Викторовной, тещей Дениса, внесли вторую перемену горячего — котлеты по-киевски с картошкой фри и отдельно расставили по длине стола тройки маленьких горшочков с соусом ткемали. Понятно, также домашнего приготовления. «Из покупнова к столу токмо водку с коньяком и колбасное всякое подаем», — обычно пояснял Степаныч редкому новому гостю на наивный вопрос: а не рассыльный ли, как сейчас заведено, из ресторации такую вкусную вещь доставил? — забывая добавить, что и «колбасное», включая всякие копчености, время от времени им по родственной себестоимости привозят с мясокомбината от буржуёв Курковых...

♦ И хотя Киев уже почти десять лет полагается городом недружественным, но котлеты его имени были восхитительны: с хрустящей корочкой и слюноотделительным содержанием. Все столовальники ими и занялись. Стихийный патриот Степаныч и обладатель несколько капризно-избирательного желудка завлит Михаил Семенович соусу ткемали предпочли горчицу «Сарептская», что по традициям бывших немцев Поволжья делают в Саратовской области. Здесь Сергей Станиславович, внезапно отстранился от тарелки и, замерев как кошка Манька (кот Ерошка мышами брезговал), завидев на участке зимовья такую, уперся глазами в дальний от него край стола, а именно в высокую тонкую бутылку, что сиротливо, непчатая стояла между не пьющими, только пригубляющими легкое винцо, Натальей Андреевной и Антониной Филипповной.

— А-а, будь добр, Егорушка, дотяни-ка руку вон до того бутылка — да-да, того самого. Мать чест-

ная! — а как здесь «Древняя Хива», самый марочный узбекский коньячок, очутилась? Где такой раритет взяли?

— Где-где, в Бухаре, — сострил Валерий Васильевич, — да уже с месяц как в сети «Красных-энд-белых» на полках стоят, пылятся. Народ недоверчиво смотрит, брать остерегается.

И тут же с депутатской осторожностью поправился:

— Нет, сам я в таких местах крайне редко бываю, то есть бутылок таких чудных не видел, но народ наш в гордуме, в свободное от работы время, конечно, как-то говорил на эту тему. Я мимо проходил, особого внимания и не обратил. А что, разве узбеки коньяк начали делать? Вроде как мусульманская страна.

— Бесконечно далеки вы, депутатские, от народа, как примерно на такую же тему основоположник советского нашего государства говорил, — сыронизировал заслуженный баритон, ловко снимая пластиковую крышку с пробки, — Иосиф Виссарионович, переняв бразды правления от Ильича, как рачительный хозяин страны, да еще в империалистическом окружении — это как и мы сейчас, повел политику самообеспечения. Отсюда и разведение риса на Кубани и австралийских эвкалиптов в Мингрелии — для осушения болот и аптечных лекарств, культивирование индийского чая в Грузии и цейлонского в Краснодарском крае. Даже бамбука для лыжных палок в Абхазии и корейского фиолетового лука тоже на Кубани. Это вам не Никитин кукурузный психоз! А по виноградарству Советский Союз обогнал все «винные страны». Соответственно, на полках магазинов не только классика — грузинский и армянский, но и молдавский, азербайджанский, среднеазиатские коньяки теснились. И болгарская «Плиска» радовала народ. У меня вкусовая память —

похвалюсь — отменная, потому и считаю, что лучшим коньяком был азербайджанский «Бакы». Так и винтрест Узбекистон-виноси поставлял на всесоюзный рынок не только замечательные мускатные вина навроде «Алеатико», но и изумительно душистый коньяк. Конечно, — Сергей Станиславович для пробы налил на треть в бокастую рюмку узбекского, поболтал ее, понюхал, отпил, поводит гурмански языком по небу, — этот новодел не прежний... далеко не прежний, но душу радует! Р-рекомендую продегустировать. Да-а, опять же о сталинском самообеспечении — от риса с чаем до бамбуковых палок. Так и просится на язык: страна наша времен Вождя чем-то напоминала огромное по размерам зимовье — с его радостями и, конечно, бедами. Все как и бывает в реальной жизни. Ну что — налили и выпили новоузбекского?

Стихийный патриот Степаныч выпил стопку водки, а на последовавший прямой вопрос совершенно развеселившегося Кости, что он думает о философском предназначении зимовья, ответил с толком и расстановкой: не от напряжения мысли и выискивания логики, но, как и всякий слегка заикавшийся в детстве, на всю последующую жизнь сохранил осторожность в речи. То есть не торопился в словах, что на новых в доме людей и вообще в его, Степаныча, общении производило обманчивое мнение о его себе-на-уме подозрительности и мнительности. Опять же такое поверхностное мнение дополнялось особенностью его организма: он не пьянел от выпитого. Что опять же свойственно инвалидам детства, как объясняла посвященным врачиха Антонина Филипповна: «У них, бедолаг, по роду психосоматических причин так называемый ложный медиатор эйфории не разблокируется при употреблении спиртного, поэтому они совершенно равнодушны к нему. Даже если выпьют много — это ни к какому алкоголизму отно-

шения не имеет». И на провоцирующий вопрос Кости Степаныч ответил все также рассудительно, адресуясь вроде как к нему, не повышая сверх обычного, разговорного, голоса.

— Ты, Константин сын Валерьевич, при родителях-то не задирай человека на тридцать с лишком лет старше тебя.

— Да что вы, дорогой наш Сергей Степанович, я просто вашим мнением поинтересовался. Именно как человека рассудительного, многое в жизни повидавшего в ее истинной натуре, не от телеящика, чем сейчас народ потчуют, в той же советской истории путая от безграмотности — опять же, сестрица, не в твой огород камушек — Косыгина с Молотовым!

— Я, Костя, не обижаюсь. На обиженных воду возят: раньше в бочках, сейчас же в пятилитровых пластмассовых кухтылях... планету этой пластмассой загрязняя. А по части зимовья, то без всяких философичностей скажу, что мое мнение, говоря вашим казенным языком, не является объективным...

— То есть субъективное?

— Не перебивай старших, раз меня таким назвал. Хотя... у старика борода-то в честь, а усы и у нашей кошки Маньки есть, а у Ерошки и вовсе буденновские. Я, паря, по причине своего недуга с детства в уединении живу. С людьми, конечно, но не на широком миру. Так что для меня оно не то в привычку, а просто другого не знаю. Хотя... чего это я себя так уж выставляю? Ведь многие, почти что и все так живут — безо всяких недугов: пенсионеры, работяги «завод-дом-четвертинка»... да что там численник перелистывать: все сейчас стараются кутиться в своих закутах, где потеплее вроде как. Может так кажется, а скорее всего только там и можно уединиться от тупой нынешней жизни с ее наблюдательными камерами на каждом фонарном столбу, а то и на дереве — в парке. А по радио и

телевизору все призывают доносить на тех, кто шаг вправо — шаг влево от установленного сделает. По улице идешь, так непривычному человеку впору подумать: одни дурдомовские город заполонили; все, особенно школьники и молодняк, идут и в полный голос вроде как сами с собой разговаривают, то есть по телефонам этим смартфоновским. Кто же не разговаривает, тот пальчиком указательным по этой штуковине быстро-быстро водит. Тьфу! Как это ты, Егор, говоришь? — расчехвостились что ли?

— Расчеловечились, Степаныч.

— Во-во, похоже на то. Морды у всех хмурые, глаза воровато бегают, когда на секунду-другую от железок этих оторвутся. Какого же нормального человека домой не потянет, ускоривши шаг. Где и матерком можно запустить, с устатку жизни чекушку опорожнить, с домашними нормальными словами перекинуться, не американскими этими, что словно выплевывают сквозь зубы. Какая-то феня воровская, хренштегом ее через плечо! Нет, ребята, я даже доволен, что уже второй год заканчивается с вирусом этим кавидным, из-за которого народ если и выходит из дома в магазин, на работу или учебу, то перебежками больше продвигается, в масках, которые сознательные или боязливые, от встречных-поперечных без обиды отворачиваются. Всяк спасается в своем закутке.

◆ — А ты, Степаныч, прямо-таки на руку глобалистам играешь.

— С что это ты, Егор, взял? — опешил завхоз зимовья.

— С того, что их, глобалистов-империалистов, заветная мечта все и вся разобщить, разогнать по норам кротовым и берлогам медвежьим, то есть по халупам для масс и загородным коттеджам для буржуев навроде Дениса с примкнувшей к нему Женькой. Разобщить, чтобы они ощутили себя винтиками

без исторической памяти, без семейной — Иванами родства не помнящими. А что с ними, винтиками, делают? — то им не дано знать...

— Попридержи коней, Егорка, не гони на меня напраслину. Сам же ратуешь за зимовье: дескать, спасение в нем от холода неуютного дуреющего мира извне!

— Говорил и говорю, Степаныч, но не смешивай различные понятия: зимовье и отъединение от людей. Ведь обобщенно понимаемое зимовье, даже если члены его, как вот сегодня здесь собравшиеся, живут в разных частях города, а Денис с Женей за городом, а вот дорогая наша Надежда Тихоновна и во все большую часть года в своем райцентровском жилище проводит, — есть именно и прежде всего духовное единение в семье, в традициях семьи. Ведь до нынешних паскудных лихолетных времен едва ли ни одни русские семейные узы сохраняли и поддерживали. Здесь сразу два филолога по образованию, Лиза и Женя, потому не дадут соврать: само слово *уза* есть смола пчелиная, то есть прополис, которым обитатели улья, а в дикости — дупла, скрепляют свои сложные сотовые конструкции. Какое меткое определение дали наши далекие предки: семейные узы!

— От узы один шаг до узды, — перефразировал Наполеона театральным завлит, впрочем, в четверть голоса, но как раз сделавший паузу Егор его и услышал.

— Осмелюсь возразить, уважаемый Михаил Семенович, но не в смысле отрицания этого единственного шага; он действительно очень короток. В понимании том позвольте возразить, что «отечества дым нам сладок и приятен», то есть в душевных узах и узды не помеха. Даже наоборот, узды чаще укрепляет семейные узы, нежели вредит их сущности и прочности...

Но и без того словоохотливый, а сейчас и разгоряченный выпитым, Михаил Семенович вновь встрял:

— Это все так, Егор Валерьевич, но ведь народная мудрость в другом сохранность семьи видит, ха-ха: ходок налево — залог крепости семьи! — И непроизвольно бросил трусоватый взгляд в сторону именинницы.

Здесь его услышала Нина Григорьевна, хотя бы ведшая междусобойную беседу с Еленой Викторовной и Натальей Андреевной, как почетными гостями-свойственниками. Она постучала десертной ложечкой по хрустальной вазе с принесенными в поздравление цветами:

— Михаил Семе-е-нович! Время анекдотов еще не пришло. Не мешайте моему зятю о добром и вечном высказаться.

— Виноват-с, голубушка, все, умолкаю. Извиняюсь, Егор, со вниманием слушаем тебя.

— Да-а, собственно говоря, я уже тезисно, как говорят, все и сказал. Добавляю только, что сущность, извиняюсь за повтор этого слова, зимовья и семьи одна и та же. Взаимосвязаны два эти понятия, хотя бы и толкуются порой различно. Но не будем придирааться к словам, хотя бы они и не воробьи. На том и будем стоять... что-то меня не в ту сторону понесло. И не диковинный ром, что крепче стандарта пищевого спирта*, тому причиной, а неисчерпаемость темы. Как в математике: от минус бесконечности до плюс бесконечности.

— Однако, дорогая именинница, пришло время для вашего генерального ответного тоста, — вернулся к своим обязанностям тамады Денис Курков, — коль скоро ваш ученый зять затронул тему уз и узды се-

---

* Не знаю, как в «забугорных» нормативах, но советский стандарт пищевого спирта, автоматически перешедший в нынешний, обозначает его в семьдесят два градуса. — Прим. авт.

мы, то надеемся на ваше женское, а потому и самое квалифицированное, развитие такого животрепещущего вопроса бытия. Что непосредственно касается всякого смертного, воспетого всеми бессмертными — извините за каламбур невольный — служителями муз. Просим, Нина Григорьевна!

◆ — Друзья мои! Позвольте сидя, по-свойски. Я уже благодарила вас за то, что, несмотря на мои простительные женские чудачества, вы собрались здесь сегодня и сердечно, искренне поздравили с досрочным юбилеем. Фи! Как же не идет нашей сестре это официальное, для женщины почти трагичное, слово юбилей? Это только мужики свои годовщины, как ордена и медали, нанизывают рядами на лацканы парадных пиджаков и сюртуков. Так и видится, вспоминается из своего школьного, пионерского еще, детства: торжественная линейка в актовом зале, пионерская дружина школы чего-то официально отмечает. На сцене плотник, с утра еще трезвый, навешивает, взобравшись по стремянке, свежий портрет Леонида Ильича, что из роно рассылают по школам. А на том портрете Ильич Второй уже с пятой по счету геройской звездой. В один ряд уже не умещаются, так три сверху, а две пониже. Так в память эти звезды в два ряда врезались, что закрою глаза — как живой дорогой наш Леонид Ильич! Жаль, этой же осенью почил с миром. Хотя девчонкой была, а уже понимала: других таких времен не будет! Говорят, в детстве все лучше: деревья выше, вода мокрее, а сахар слаще. Однако же все сбылось! Деревья сейчас чахнут от кислотных дождей и сплошного асфальтирования, воду в магазинах покупаем безвкусную, а сахар... какой-то химический привкус имеет. Что это я в воспоминания ударились? Вот каким боком юбилей нам, женщинам, выходит...

Нина Григорьевна притворно замахала руками.

— Давайте-ка выпьем, друзья, за меня. А я

может чего умного скажу. Любое зимовье, со стенами ли, в душевном единении или еще в каком образе представления — прежде всего отдых от сует жизни. С элементами необходимой защиты от ее агрессивных уродств. Вот только что добрым словом помянула Леонида Ильича, а сейчас к месту вспомню Никиту Сергеевича. И именно в той связи, что он на той знаменитой выставке в Манеже назвал художников-абстракционистов пидорасами. Сейчас вся Европа опидорасилась, извиняюсь за повторение этого паскудненького словца, опять же западники падки на обаяние зла. Вот тебе их хваленая двухтысячелетняя культура от Парфенона! Егор регулярно в домашнем кругу политинформации по стратегии и тактике глобализма проводит. Обычно за ужином, чтобы не огорчать на весь день. Вечером же восприятие расслаблено. Выходит, что *это* самое паскудство в передовом отряде марширует. Так в этих европах нынешних зимовий уже не осталось. Только жилища кубатурные, а вместо души и тела — погань и извращенная физиология. Вот матушка моя Антонина Филипповна как-то обмолвилась, что лет под сорок назад в официальном воевском, то есть Всемирной организации здравоохранения, справочнике болезней гомосексуализм числился как разновидность шизофрении. Затем это толерантно из перечня недугов убрали. Лобби у них сверхмощное во всех структурах и инстанциях. Все же сказанное к тому, что зимовье — спаситель от любой нравственной заразы. Не может паршивая овца в здоровой отаре находиться!

— Дражайшая наша! — невежливо вступил Михаил Семенович, — что это вы все благолепие беседы о достоинствах зимовья бытия на столь щекотливую тему перевели?

— Да филармонию свою вспомнила, будь не к ночи она помянута. Как во всякой лицедейской сре-

де, добра этого и у нас, даром что провинция, хватает. Как будто в твоём театре на сцену привлекаются одни выпускницы института благородных девиц, а им в комплектацию благороднейшие из идадьго, рыцарей печального образа? Или князь Мышкин из Достоевского...

— Вполне возможно — ведь театральная среда! Но я ведь не актер и не режиссер, практически с ними не общаюсь. Что такое театральный завлит? А это человек в крохотной своей комнатке, пышно именуемой кабинетом. И в комнате той сидит завлит и задумчиво что-то пишет, вернее, в духе оцифрованного времени, тюкает пальцами по клавиатуре. Ибо моя основная работа — сочинять отказные рецензии-отзывы на пьесы, что наивные авторы полагают возможными для постановки на сцене нашего театра. Конечно, политкорректно не объясняю им, что репертуарный план, тем более по современной драматургии, составляется в определенных инстанциях, генеральная линия которых пролегает мимо и вдалеке от этих наивных сочинителей драм и комедий. Водевилей и исторических пьес тож. Меня потому и держат несменяемо на месте завлита, что выработал у себя способность такие вежливые отлупы писать, что волки живы и овцы целы. То есть начальству хлопот не доставляю, а авторов так захваливаю, с использованием самой высокой литературоведческой терминологии, что они, бедолаги, не то что не обижаются на меня, а искренне благодарят: мол, уважаемый Михаил Семенович, спасибо за высокую оценку моей драмы на молодежную тему «К любому движу я готова», или исторической пьесы-хроники «Пушкин на Черной речке», и дружеский совет: для нашего периферийного театра это слишком хорошо, завистников сразу приобретете, а переключитесь на столичную сцену; вот подкоплю денежек и двину туда...

— Весело живете, Михаил Семенович! Со вкусом...

— Эх, дорогой Сергей Станиславович, на хлеб-то со сливочным маслом из трансгенных жиров вроде как хватает. А со вкусом жили театральные литераторы только в советское время. Я-то их, разумеется, не застал, но старшие коллеги, вспоминая свою театральную молодость, когда случай подвернется на халяву коньячком побаловаться, прямо-таки слюну пускают. Вот мой завлитовской предшественник рассказывал. Последние десять лет советской власти по всей стране, по ее театрам, весь современный репертуар Константинов и Рацер заграбастали: ловкие ребята, все у них схвачено. И далеко не без талантов они были, причем в равной степени сочинительских и деловых. Последних даже поболее. Прямо как Ильф и Петров шутоквали: как пишем? А как братья Гонкуры — Жюль по редакциям издательств бегают, а Эдмон сидит дома и рукописи стережет, чтобы конкуренты не украли. Наступает, рассказывает предшественник, лето — время составления репертуара на следующий сезон, подходят к нему сладкой парочкой главреж и директор. Ты, друг литературный, не подведи наш славный коллектив: на следующей неделе Константинов и Рацер с новой пьесой завернут к нам по пути из Воронежа в Калугу, так что заранее, без спешки пиши похвальную рецензию. На вот тебе тезисы; они заранее по почте прислали. Вот приезжают и они; с помржем, нашим главным общественником по оргделам, пошептались, вручили конверт, а к вечеру банкет в буфетном зале для всего коллектива по высшему разряду: что выпивка, что закуска класса экстра! Э-э-х, были же времена. А ты, Станиславович, говоришь...

— Да-а, у нас в филармонии поскромнее, но и я сам застал те времена. Кстати, раз именинница наша столь щекотливую тему затронула. Раньше-то гоми-

ки и педики эти столь тщательно шифровались, не выходя из своего круга, что народ наш благостный в массе своей и не подозревал о их существовании. А потом буквально в один день повывезали на свет божий. Как сейчас помню этот день. Я тогда бороду отрастил — в концертах классики оперные арии пел, выглядел с ней в свои молодежные годы таким мужественным молодцом, что кровь с коньяком именуется. С утра краем уха услышал по радио, что очередные свободы нам даруются, вот и закон о преследовании за гомосексуальность приостановлен. Ухмыльнулся и пошел по делам, а путь кратчайший через парк. Только вошел в него, а навстречу парнища крупный, пухловатый, а волосы на башке в три цвета свежестрижены. И несколько с похмелья. Увидел меня, курс на пересечение взял и сходу: «Пошли со мной, мужчина, недорого возьму». Тут только до меня дошло. Сплюнул, выматерился и брезгливо по радиусу обошел пидора.

— Да ну вас! — вмешалась Нина Григорьевна, — только тему дай, а вы уже до пакостной клубнички готовы договориться. Заканчивайте эти воспоминания. А я завершу: нынешняя потеря чувства дома и его уюта — это, как у американцев, постоянные переезды, смена квартир, городов... и стран, конечно. Вся жизнь в бессмысленных разъездах. Кристина, скажи свое веское слово, а то все молчишь и молчишь.

◆ — А я девушка в расцвете второй молодости и несколько пьяная, потому только о любви могу говорить. Любовь, любовь — вот мой символ зимы для души и тела. Права я, Костик, братик мой многожурный?

— Это ты, сестренка, все тоскуешь по своему бывшему благоверному?

— Что ты! Я не замороженных скандинавских кровей, как Сольвейг из ибсено-григовского «Пер

Гюнта», чтобы всю оставшуюся жизнь тосковать и считать прошедшие времена года. Мне ближе другое, тютчевское, вроде как в этом доме и слышанное: «где-то там, над ней, ясный день блестит и незримый хор о любви гремит...». Рифмы не перевернула, да? Истинная, не романтизированная до абсурда, женщина всегда готова к новой любви, если прежняя оборвалась. И в этом я вижу самый активный протест против того самого расчеловечивания, о котором все Егорка толкует.

— Я не толкую, толкует пономарь и одетый «ведущим политологом» актер на телевидении.

— Ну-у, тож многоюродный братишка, это я к слову. Хотя бы за нас, человек, сейчас крепко тот же телеящик — хоть ты, Женечка, меня не упрекай! — взялся: все уродов на экран тащут; скоро, значит, и вы такими же станете. Вот на днях после трудодня в педде нашем зашла к подруге своей факультетской, домой поздно вато вернулась. Катюша моя уже третий сон смотрит, а маман, тоже явно в полусне, перед телевизором мается — меня ждет, явно перепутав мой возраст, отняв от него четверть века. И я, чтобы согреться после морозной улицы, сбоку ее в креслице разместила. А на экране бесконечный сериал на том канале, что специализируется на бандитско-милицейской, сейчас полицейской, тематике. В фокусе — отдел сыска службы, где, как сейчас в фильмах принято, мужики и женский пол поровну. Вроде по-американски, где белые и негры в такой же пропорции толерантствуют и политкорректничают. В центре же комнаты информационно-розыскной мозг этой службы — девушка едва зашкольного возраста, инвалидка-колясочница. Полный рабочий день она прикована к этой коляске, а спереди к ней же привинчен монитор компьютера, в экран которого несчастная смотрит и по клавиатуре пальчиками безостановочно постукивает. Вся и ра-

дось у этой «головой профессора Доуэля», что тыльная сторона монитора залеплена рисунками цветиков-семицветиков. Ужас и бесстыдство такое сотворять и на всю страну показывать! Нет, только зимовье в окружающей его стены духовной пустыне и душевном морозе! — зимовье и вечная любовь. Вот мой девиз и солнца! — перевираю Маяковского.

— Метко и кратко сказала, племяшка, хотя бы даже и внучатая, — похвалила Наталья Андреевна, — любовь-то к любви клеится, а ты молодая — сам бог велел от женского естества далеко и надолго не отходить. Оно и опыт семейной жизни всегда в зачет идет. Так что, Кристиночка, приискивай надежного *сопутника* по жизни, да за прииском-то не загуляйся! Но и загодя избранника не запугивай, дескать, не видел молодец беды, коль не сватал молодой вдовы — как по-вологодски говорят.

— Как всегда права ты, бабуля, на сто процентов, — как-то задумчиво сказал Костя, — любовь как естественный протест расчеловечиванию. За любовь!

Глава тринадцатая

ЛЮБОВНЫЕ ПРОТЕСТЫ ОБИТАТЕЛЕЙ ЗИМОВЬЯ

◆ — Любовь как естественный протест расчеловечиванию. За любовь!

Но Степаныч нарушил святое правило не прерывать тостов и вставил вслед за Костей неуместное:

— И за завершение этой... как ее? Пандемии, оббить ее жечь.

— Степаныч! Ты прямо как поручик Ржевский, — рассмеялся Сергей Станиславович.

— Поручиков мы не знаем, прапорщиков только раньше на улице встречал, да и те пропали после расформирования нашего артучилища. А пандемии эти,

которые американцы на весь свет напускают, надоели, всех по углам разогнали. И сегодня-то едва не в первый раз со дня ее начала по-человечески собрались.

— Минуточку, гости дорогие, — перекрыла поднявшийся легкий шум своим глуховатым контральто Нина Григорьевна, — наш коллектив свой, бдительность держим по уговору; свой, так сказать, местный иммунитет выработан. Да и эпидемия, судя по всему, к окончанию подошла, как Егор с научных позиций объяснил нам. Может повторишь вкратце? Или не к столу будь сказано?

— Отчего же. Все кто компьютером на работе пользуется — Денис, Женья, родители наши дорогие, Костя колеры и прочую графику на халтуре подбирает, Кристина, наверняка и Михаил Семенович и я, аз грешный, — прекрасно знаем, что информационные, то есть компьютерные вирусы создаются по определенной аналогии с биологическими. Но как-то не задумываются: почему, раз попав в сеть, они не функционируют там постоянно, а через какое-то время исчезают, уступая «место под солнцем» другим. Понятно, что антивирусные программы, той же лаборатории Касперского, хорошо с вирусами справляются, но все же это не объясняет конечность цикла их жизни в глобальных телекоммуникационных сетях. Подаю ключ к разгадке: мало уже кто сомневается, что разработка все новых компьютерных вирусов и ответное создание противовирусных программ есть этакое содсоревнование в сетях: я вам вирус, вы мне антивирус, что породило целую индустрию. Конспирологически можно рассуждать, что то и другое делают одни и те же трудовые коллективы. Как у О'Генри в «Огнях большого города» есть замечательный рассказ, когда по улице Нью-Йорка бежит нанятый мальчишка и пуляет камнями в окна, а за ним идет стекольщик: «Кому окна починить, стекла вставить?» И это не бессмыслица — я про

компьютерные вирусы говорю. Да, конечно, хорошо поставленная коммерция, но таковая непременно должна опираться, так сказать, на прогресс. А прогресс здесь — посредством вирусной тренировки непрерывно усложнять и совершенствовать эти самые глобальные сети. И вот наводящий вопрос: почему в этом прогрессе и коммерции, конечно, не могут существовать вечно живущие вирусы? Денис, ты, как приближенный к капитализму человек, что можешь сказать?

— И говорить особо не надо: чем больше новых вирусов и разумно короче их жизнь, тем радостнее бизнес у их создателей и уничтожителей. Особенно в одном, как ты, Егор, сказал, трудовом коллективе.

— В точку попал. Быть тебе в списке лауреатов «Форбса»! — если конкуренты не разорят или пролетарии всех стран не соединятся... на что в эпоху глобализма исчезающе мало надежд. Именно поэтому в разрабатываемые вирусные программы закидывается команда *Останов*, своего рода таймер песочных часов: вытек песок из верхней колбы — и все, процесс завершился.

— Так ты сторонник теории заговора и искусственных живых вирусов?

— Нет, Кристина, не люблю я в позиции сторонников чего-либо находиться. Не так воспитан, опять же стараюсь мыслить самодостаточно. Вообще говоря, совершенно все равно: человеком или природой тот же ковидный вирус сотворен. Кстати, как убедительно доказывает в своей новой книге известный профессор Скородумов из нашего университета, ее мне презентовал наш общий знакомый, мой бывший преподаватель Николай Андреевич, человеку эволюцией не даны возможности создать даже простейший, навряд ли того же вируса, принципиально новый живой организм. Даже если этот злосчастный ковиноид и создан в американских военных лабора-

ториях, то это всего лишь комбинация генов естественных, природных вирусов. Поэтому-то ковид и вызывает симптомы приобретенного иммунодефицита, атипичной пневмонии — помните эпидемию двухтысячных годов² — и вроде как тоже известного птичьего гриппа в их сочетании. Профессор Скородумов здесь ссылается на авторитетные мнения клинических вирусологов. Опять же это все вторично. Неважно, кто конструктор: природа или человек, — тот и другой обязательно закладывают в эту конструкцию команду останова.

— С компьютерщиками-то все понятно: поставил в программе команду останова по прошествии такого-то времени — и все: выключилась, разактивировалась программа. Все довольны — вредоносный программист новый вирус сочиняет, антивирусники с нетерпением этого нового ждут. А на счетах тех и других приятное пополнение в долларах или евро; насчет других валют политкорректно высказываться воздержусь. Но вот природные, биологические вирусы...

— Здесь, Денис, другой механизм, саморегулирующийся. Это как в хорошо известном тебе предпринимательстве. Если компьютерный вирус полагать определенной аналогией плановой экономики, то для биологического более подходит система рыночная. Что мы и наблюдаем уже два года пандемии: вирус этот непрерывно мутирует, постепенно ослабляясь. Сейчас вот дошли до омикронного штамма, на стадии которого уже исчерпал свою потенцию вредоносности, а раз так, то среда мутаций для него исчерпана. И все — время вышло. И Скородумов говорит, что через несколько месяцев, в первом квартале вот-вот свершившегося года все и завершится. Да мы и по себе это чувствуем. Вот и сегодня без особой опаски собрались впервые за два года. Итак, вирус как та змея на масонском символе, что сама себя жалит в хвост.

— Да ну вас,— притворно возмутилась Кристина,— что-то не в ту степь вас потянуло: гомосеки, вирусы... Один Костя, видно что творческая личность, правильную линию выдерживает: за любовь! За любовный протест расчеловечиванию и скудоумству нынешней эпохи!

◆ Хотя двухлетняя эпидемия, что чувствовалась даже по ослаблению запугивания с телеэкранов и настойчивой пропаганды вакцинации, явно сама себя в хвост жалила, но Нина Григорьевна послушалась свой матери, осторожной как все медички прежнего закала, и настояла еще в начале этого дня отвезти внука Кирюшу за город к Курковым. Благо ему гораздо веселее будет провести пару дней с Ромкой и Роксаной, своими двоюродными братиком и сестричкой. Тем более, что присутствие шестилетнего ребенка как-то не вписывалось во взрослое юбилейное торжество. Особенно после двухлетней отвычки от больших праздников в зимовье. Поэтому Лиза чувствовала себя необычайно свободной от обычной материнской опеки предшкольного сына. Но и ввиду редкости такого состояния ощущала она некоторую пустоту, потому отстраненно восприняла девиз Кристины, даже поняв его по-своему, что, впрочем, в словесной форме даже сама себе не могла связно объяснить. И средний хмель, что позволила в отсутствии сына, также отклонял размышление от магистрального пути. Слегка поморщилась, как филологичка, от мысленно использованного казенного словечка «магистрального», когда сама себе объясняла действие выпитого, но почему-то обиделась, что в их сегодняшней троице молодых девиц, самой, Жени и чуть старшей Кристины, все они, понятно дело не сговариваясь, оказались в вечерних нарядах с достаточно откровенными декольте. Более того, все тот же «антимагистральный» хмель, руководимый несколько раз провозглашенным за столом девизом «за

любовь!» направил Лизину мысль от декольтированных нарядов к предметам таковых. Конечно, пульсировала эта мысль вокруг до около, ее второй размер с небольшим, имеющий вполне оправданную перспективу до третьего дойти, есть золотая норма для ее средне-высокого женского роста. Поэтому по такому параметру не было у нее соревновательной ревности ни к Жене с двумя с половиной по ее условному многодетству, ни к Кристине, близкой к третьему, кормившей свою Катюку грудью положенное на то время, а также старше ее на семь лет. Но вот другие характеристики, у всех трех различающиеся, заставляли ее задуматься. Конечно, классический «аэродром» у Жени восхитителен для любого мужского глаза. Что называется скульптурная, литая форма у Кристины из тех, от вида которой у серьезных мужиков нос сизым становится — явно от внезапного отлива крови, устремляющейся в область таза в причинное мужское достоинство. А вот у нее самой, хотя и рожающей, каким-то физиологическим чудом еще уверенно держится девичья округлая упругость. Вот захмелевшие мысли Лизы и начали задикуленную переоценку ценностей: вот если бы ей все три выдающихся признака *любвитворчества* в себе совместить? И тут же рассмеялась, вспомнив некогда рассказанный Костей анекдот на схожую тему.

...На станции вошли в вагон три молодые женщины, которых проводник разместил в почти свободном купе: только один мужчина спал на верхней полке, завернувшись в одеяло и лицом к стенке. Женщины, доселе не знакомые, тотчас подружились на время совместного пути, выпили десертного винца, разговорились, а в разговорах этих подошли к извечной женской теме: как правильно выбрать хорошего мужика. С легкого хмеля вовсе забыли о пассажире на верхней полке. Сначала мнения у них сошлись, что наиболее надежен военный: основателен

по жизни, звезды на погонах в положенный срок растут в числе и размере, зарплата недурная, мужественность всегда при нем. Но затем разномнения наметились, когда к национальной принадлежности перешли. Одна ратует за русского, выделяя природную доброту и нежадность. Другой еврей больше по нраву: всегда при деньгах, семьянин хороший, тещу как свою маму почитает. А третья, мечтательница и фантазерка, возьми да и ляпни: «Мне бы индейца! Знающие люди говорят, что в постели восхитителен». Рассмеялись они, ан тут с верхней полки лихой вольтижировкой сигает проснувшийся пассажир, становится по стойке смирно и рекомендуется: «Разрешите представиться, очаровательные попутчицы: майор танковых войск Иван Абрамович Чингачгук!»

На почему-то рассмеявшуюся без видимой причины Лизу, да еще под тост за любовь и любовный протест расчеловечиванию, наиболее внимательно и со смыслом посмотрели... Женя и Кристина. «Вот после этого и не верь в телепатию. Особенно женскую,— подумала Лиза, а про себя повторила трижды,— за любовь! за любовь! за любовь!»

◆ А меж тем девиз Кости за любовный протест расчеловечиванию подхватили мужчины. Если у женской молодой половины собравшихся всякое упоминание о волнующем чувствовании акцентировалось на себе любимой и, так сказать, физиологических аксессуарах материализации этого чувствования — так извинительно за женщин витиевато начал Михаил Семенович,— то у сильного поля иной подход...

— А подход этот, извините за казенно-пройдохливое словцо, состоит, ха-ха-ха, в полнейшем отсутствии в нашей мужской голове каких-либо соображений на сей счет!

— Вы, уважаемый служитель околотитературных муз,— съязвила Кристина,— сторонник того распостраненного мнения, что мужчина есть баран,

которого ловкая на пастушеские забавы молодка в возрасте от старшеклассницы и до которого Венера позволяет отбивать от стада, например в пивной толкающегося, и заводить в ворота своего обитания. Я правильно вас поняла?

— Кристиночка, целую ваши ручки, как бы наш пан Сергей Станиславович сказал, но не настолько я стар и немощен, чтобы молодые женщины меня на «вы» именовали. А по сути подковырки скажу следующее. Мужчина не баран, хотя бы именно его и выбирают — не наоборот. Но он всецело, природой своей доверяет избравшей его, неважно, для курортного романа или для долгой счастливой жизни. Что же касается любовного протеста нынешнему расчеловечиванию, то чего здесь вокруг да около хвостиками мыслей вертеть и упражняться в изяществе словесной риторики! — оба хороши, у обоих в стужу одно желание: согреться. Пардон, это я иносказательно. Другое дело, каждая женщина по-своему обставляет это стремление согреться. Как в литературной классике: где Наташа Ростова, а где Элен Безухова? И что там делают князь Андрей Болконский и Толик Курагин? ...Что-то я заболтался. Освежиться следует стопкой огорчительной.

— Охальник ты, Мишаня, как все вертящиеся в театральной тусовке, — строго пресекла запутавшегося в категориях высоких чувств завлита Нина Григорьевна, — действительно, хлопни рюмаху, охолопись!

— Слушаюсь, моя повелительница, и повинуюсь. Налей, налей бокалы полней, кто врет, что мы, брат, пьяны — бездельник, кто с нами не пьет!

— Вот-вот, слова перевираешь, — смягчилась именинница: пей и попей, как умеешь, а святого в душах не касайся, если это без надобности. Лиза, Женя, Кристина? — что это вы молча обмениваетесь каким-то сравнивающими взглядами? Мне-то ваши

женские уловки понятны, но мужчины могут озадачиться. И без того многое в нынешнем укладе жизни может заставить задуматься.

— В точку, сватья, попала,— вступила в разговор доселе если не молчавшая, но скупая на слова Елена Викторовна,— позавчера рано с утра в окно взглянула, смотрю, наш дворник, узбек Рахим Худойбердыев отставил лопату, постелил на нарочито расчищенной от свежего снега квадрат палисадника что-то вроде подстилки, сел на колени и молится. А я вспомнила, что мусульмане на восток кланяются, а Рахимка-то на юг? — Наш дом по линии север-юг строго поставлен, еще свекор Василий Алексеевич своим флотским компасом выверял. И чего это он порядок нарушает? Вечером же после работы зашла в нашего квартала «Спар» — я там всегда фарш котлетный покупаю — и у мясника Саида, что в том отделе, спросила насчет нашего узбека, что на юг намаз творит. А Саид растолковал: ваш Худойбердыев скорее всего не узбек, как он сам, а киргиз — значит, молится на Китай. Вот вам и задачи решение. А может Саид пошутил надо мной?

На Елену Викторовну посмотрели несколько озадаченно: при чем здесь неправильно молящийся в сторону Китая гастарбайтерский дворник Худойбердыев — ведь вроде о другом шел разговор? Но Сергей Станиславович, как ему показалось, связь нашел.

— И совершенно верно, Елена Викторовна, раз разговор о любовном протесте пошел. Ведь до половины десятка миллионов этих арбайтеров почти весь год вдали от семей, что в ихних кишлаках, или как там у них, проживают. Съездят летом на побывку — и в обрат. Поскольку мусульмане, то в загулы не пускаются, каждый трудовой рубль в семью привозят. Семейственность, то есть любовь в самом человеческом ее понимании, движет ими. И это своеобраз-

ный протест против расчеловечения. Разве не так, уважаемая?

◆ Скачкообразная суматошность затеянного обсуждения как-то отключила Лизу от общего разговора, но здесь антракт в торжестве наступил: как во время светского бала, столь зримо представляемого ею по классике литературы, иллюстрируемый столь точными советскими фильмами, что по госканалам утром показывают, когда господа удаляются в хозяйский кабинет курить, а дамы в умолкнувшем зале кучкуются по возрасту и дамским интересам. И здесь то же самое «в инженерном масштабе». Тем более, что на третье и главное горячее блюдо назначался настоящий шашлык, то есть из баранины. Опять же дар мясопромышленников Курковых.

Совсем ненавязчиво выходил из гостиной и вновь появлялся Степаныч: как шеф шашлыка, он заботился о растопке мангала, установленного в шлакоблочном сарае с мастерской — его же владении. Так и антракт начался с очередного появления Степаныча. Он даже не вошел в гостиную, остановился в кухонном проходе со стороны задней входной в дом двери, не снимая накинутого ватника, и жестом позвал ранее оговоренных ассистентов Егора и Дениса. Забрав на кухне тазик с замаринованным мясом, миски с помидорами и загодя почищенным луком и бутылку ноль-восемь с сухим грузинским «Саперави», ответственная тройца удалилась. «Священнодействуйте!» — благословила их в спину Нина Григорьевна.

Совсем по-великосветски Сергей Станиславович с Михаилом Семеновичем и примкнувшей к ним Кристиной удалились курить в малую гостиную с растворенными дверями в библиотечную комнату и — визави остекленную веранду. Проходя мимо края стола, баритон ловким движением фокусника незаметно для остающихся прихватил бутылку армянского.

Нина Григорьевна на правах и обязанностях хозяйки возглавила кружок со старшими Болховитовыми. Антонина Филипповна с Надеждой Тихоновной курсировали между кухней и столом в гостиной: освещали сервировку. Почему-то не ушедший с курящей компанией Костя рассеянно слушал, как расшавшиеся Женя с Лизой легонько задираются, интересуясь самочувствием *его* Анфисы, дескать, давно ты свою раскрасавицу молодую нам не демонстрировал, может ей, почти юной девушке, скучно с нами, старухами?

— Все верно говорите, — лениво отозвался Костя, налив полстопки и медленно, со вкусом выпив, — а то насмотрится на вас с устремлениями в многодетность, и мне сюрприз преподнесет. Тоже потенциально многодетным стану. А ведь все правильно получается: именно в любви, даже в сугубо плотской, физиологической, не говоря уже о высоких устремлениях душевных, вечное спасение человека от мерзопакостей жизни. Именно — протест в любви! И это всегда так было. Так что не надо особо выделять нынешнюю глобопедерастию, извиняюсь за конкретность. Вот вспомнил к случаю рассказ нашего Данилыча, уже запенсионного халтурщика от станковой живописи, как сам себя именует.

— Под конец трудодня, под очищенную — вашего круга общения термин, — уточнила Женя.

— Конечно под конец, под вечер. Днем мы трудимся, изводим продукцию лакокрасочных фабрик. Так вот, к сути ностальгических воспоминаний Данилыча. Родом он из самой глубинки, из Южноуральска, вроде как Челябинской области. Закончил в Свердловске художественное училище. В армии отслужил и снова в свой городок вернулся. Как и положено в тех местах — от Волги до Урала и вниз по карте до Алтая — каждый такой городок весь трудится на своем огромном заводе, военном разуме-

ется. Вот и он после армии и с каким-никаким, но художническим дипломом пошел на *свой* завод по оформительской части: от лозунгов и плакатов парткома до чего-то дизайнерского: в красках представлять изделия завода на министерских смотринах. И совсем пригорюнился в воспоминаниях Данилыч, правда, уже после двух бутылок на троих, рассказывая о молодой своей жизни в родном городке. Климат тех мест зимой и в межсезонье людей не балует. Все время какая-то стылость ощущается, небо в скучных серых облаках неподвижных: ни холодно, ни жарко, но неизменно тяготно. Остепененные по жизни и старики уже давно свыклись: первые днем на работе куют военную мощь страны, а вторые в телевизор смотрят. Вечером — чекушка, ужин, ленивые разговоры с семейственными, вроде как душа отдыхает. Вот и для них семья, как овеществление спокойной приязни, пришедшей на смену молодой страстности, есть уютный протест против обыденности дневной, заводской.

— Эким ты, братец, высоким штилем озарился.

— Штиль не штиль, Женька, но атмосферу эту Данилыч почти со слезой скупой воссоздал. А какое во молодежи? В жилах кровь бурлит застоявшаяся, любовных страстей и утех требует. Но где и как распаление это снять? — в квартирах семьи в два-три поколения. Вот потому и женятся рано, не догумлявши с обеих сторон. Сразу детьми обзаводятся, а там глядишь — считанные года прошли, а уже и недавние бывшие молодые в семейном скромном уюту ищут спокойствия души и защиты от серой дневной жизни, холодной слякоти и грязного зимнего неба, скучных порядков стандартных пятиэтажек и дымящихся заводских труб. Вот и Данилыч по второму году послеармейскому стал мужем, а вскорости и отцом. Но ведь натура-то творческая, порывистая, не так-то легко ее в рамки домашнего благоустрой-

ства ввести. Отсюда и левачество, все как продолжение протеста в отношении унылости заводского городка и неласкового южно-уральского климата. Одно удовольствие, пока не стар телом, а душа отдушины, извиняюсь за тавтологию, требует...

— Поэт, чистый поэт в прозе!

— Спасибо, сестренка, но — продолжу откровения Данилыча. И эта отдушина — редкое свидание с невзыскательной подружкой, молоденькой лаборанткой, или наоборот, уже матронистой медсестрой, тоже решившей развеяться от устоявшейся супружеской жизни, еще чаще — слегка затянувшийся романчик от случайного, почти что трамвайного, знакомства с незамужней или молодой разведенкой. А сама обстановка такого свидания, хотя и невзыскательная, но и необыденна: обычно у нее, снимающей комнату у одинокой троюродной тетки, в деревянном домике полудеревенской окраины, из которой и пошел заводской городок. Главное, почти полное уединение в тепле жарко натопленного дома. Реже на квартире приятеля-холостяка или разведенного; тот днем на работе, а парочка отгул берет... А уж если суточный постой с ночевкой благодарная судьба подкинет, так и вовсе замечательно, если решена основная хлопота: легализовать ночное отсутствие у домашних. Хорошо, как у Данилыча, жена не из заводских, учительница. Можно всякого напести: завтра в Москву, в министерство главный инженер с отчетом уезжает, надо срочно, кровь из носа, «с нашими ребятами» пяток демонстрационных плакатов в цвете разрисовать. Или попутка, заводская машина, идет завтра — в обрат послезавтра — в соседний Троицк, где надо на торговой базе комплекты художественных красок отобрать; здесь специалист нужен, не водиле же уазика или едущему на троицкий завод снабженцу такое тонкое дело поручать? А там честным пирком да за тайную явочную свадьбу. Никто другой на том

пиру не был, поэтому ни по усам не текло, ни в рот не попало, как бы наша бабуся сказала.

— Да нет, Костик,— рассмеялась Женя,— она бы поязвительнее, учитывая блуд твоего Данилыча, сказала, например, не то смешно — жена мужа бьет, а то смешно — муж украдкой утирается...

— Не врубился. Но — доскажу, как у Данилыча раз лебединая песня сорвалась. Приехала в отдел, где он трудился, в командировку молодая, очень даже упакованная в себе и в прикиде, инженерша — что-то маловажное по технической части согласовать, словом, послали кого нечем занять. Хотя и с подмосковного исследовательского конструкторского бюро, но явно под столичную косит. И пошалить от скуки заштатного завода и городка решила. Приглянулся ей тогда молодцеватый Данилыч, тары-бары, завлекательные гримаски и ужимки, а на второй день приглашение «скоротать вечерок с возможным продолжением» в ее скромном номере заводской — других в городе нет — гостиницы. Словом, опять супружнице насчет срочных плакатов для министерства с «кровью из носа» к вечеру звонит с завода, а та огорошила: бросай свои чертовы плакаты, у Сонечки температура под сорок, давай скорее домой, рецепты возьмишь и в аптеку, а затем до утра будем по очереди у постельки заболевшей серьезно — врач уже был, велел ночью кризиса простудного ждать — дежурить. Как быть? — полумосквичка уже ушла, так смеясь сказала: «готовить будуар к приему» — как предупредить? телефона в номерах простенькой гостиницы не полагается, а позвонить дежурной администраторше, что сейчас в сериалах по-американски обезьяннически именуют рецепшенами — как-то в провинциальной простоте не додумался. Или вечное опасение отчасти, что в голове каждого левака надо всем остальным преобладает? Пришлось дружка своего, тоже заводского малевалу, слезно — бу-

тылек поставлю! — упробить зйти в гостиницу и обьяснить шалунье ситуацию с извинениями. Наутро, после бессонной ночи — слава богу, у дочки кризис миновал, кашки с аппетитом поела — пришел на работу, а вскоре и дружок-порученец подскочил. И даже с нескрываеомой завистью и одновременно с сочувствием обрисовал картину, что застал в номере молодой инженерши; мол, столик на середину номера выдвинут, скатертью застелен, а на нем уже откупоренные — зорок глаз художника! — бутылки с коньяком «Плиска» и десертной болгарской же «Тамианкой», закусочка подстать: шпроты, баночные кальмары, явно московские «полтавская» колбаска и сыр порезаны и эффектно по тарелочкам разложены. В комнате весь свет включен: потолочный плафон и бра на стене, а окно наглухо завешено поверх занавесок одеялом — значит, чтобы всю ночь при полном свете «переводим мы любовь с итальянского». ...К полудню сама Сольвейг — недождавшаяся припожаловала: у нее последний день — подписать командировочное удостоверение. Мимо Данилыча прошла без каких-либо эмоций, ни здравствуй, ни прощай.

— Обидели девушку, — компатриотски посочувствовала Лиза, — однако где же шашлыки, где Степаныч с суверенами нашими?

◆ А в законных владениях Степаныча, в шлакоблочном сарае с мастерской, ароматная спираль, как припомнил Егор из знаменитой «Левши» Лескова, шашлычного запаха заставляла примкнувшего к поварам Фомку сладко морщиться, щуриться и мотать головой как после купания. Шашлык, нанизанный на шампуры по всем правилам «карского рецепта», как назвал его знаток мясного дела буржуй Денис, уже доходил до готовности. Степаныч, приученный жизнью к неторопливой методичности, проворачивал обеими руками шампуры. Егор ассистировал, поливал шкворчащее мясо из бутылки с «саперави». Де-

нис в юридически выверенных словосочетаниях руководил процессом. Фомка, выбрав момент, сумел ухватить оставшийся неиспользованным полоток баранины граммов на триста, выскочив в дверь, пролез в свою будку, пристроенную к краю сарая справа от входа, и зарыл добычу в слежалое сено — впрок. Общеизвестно, шашлык дело серьезное и женского присутствия не терпит, как в военном флоте на боевых кораблях. Поэтому и в разговорах троицы, тем более Фомки, никаких даже намеков на любовные темы. Только отрывистые команды: «На-ка полотенце, помахай, стуги жар!» — «Да не на огонь, на мясо аккуратно сухач лей по длине шампура!» — «Степаныч, чуть поживее крути: сейчас самый жар пошел, подгорит!» И все в таком кулинарном роде.

Зато в библиотечной комнате, она же кабинет Егора, куда удалились баритон Казвиньский и заплит Михаил Семенович с примкнувшей к ним Кристиной, разговор под прихваченную со стола гостинной бутылочку армянского и жестом фокусника извлеченные Сергеем Станиславовичем остатки кубинского рома сразу пошел на восторженных тембре и нотах, с раскатистым смехом, с еврейскими анекдотами Михаила Семеновича и задирками мужчин расшалившейся Кристиной. Как давних знакомых.

— А что, Кристиночка, ты во втором приступе молодости оглушительно красива. Представляю же тебя в первом: сколько мужских голов тогда закрутила и, фигурально выражаясь, напрочь открутила, а? Ведь, увы, в те времена мы разные тропинки по жизни топтали.

— Все комплиментами сыпете, пан Казвиньский? Все мы, в смысле обоего пола, примерно одинаково эти самые приступы проходим... или преодолеваем — кому как удобнее периоды жизни именовать. Конечно, студенческие годы у всех в любовном ветродуе пролетают. Тем более мои пришились на на-

чальные после миллениума... сами все прекрасно помните: бесшабашность девяностых еще не улеглась, а привкус последующей суконно-цинковой, как говорит Егорка, жизни только самые востро ухо держащие прониры кончиком языка ощущали — в трезвом виде, конечно, когда вкусовые рецепторы водярой не обожжены.

— Эх фигурно красавица наша в подпитии выражается!

— Мерси, Михаил Семенович. На то и доцентша по кафедре болтологии, в смысле социологии и политологии. Так вот, переходная эта, увы, оказавшаяся короткой, эпоха и была пиром в преддверии чумы. Опять же Егоровыми словами: цифрофрени, умозамещения и расчеловечивания. Кстати, последний этот термин с недавних времен уже с самых высоких трибун стали произносить. Вот в этот самый период очень удачно вписалось мое студенчество. Гаудеамус игитур, словом.

— Может поведаешь нам, слюнявым стариканам, для оживления кровотока что-нибудь пикантное, с намеком на клубничку, из этого самого гаудеамус игитур?

— Кого на сладенькое тянет, Сергей Станиславович, а молодых девушек неосторожных порой и на соленькое, ха-ха-ха! Во — стукнуло! Ключевые слова с наших застольных разговоров: Мурманск с рыбой, любовь как протест против холода жизни — и только что помянутые студенческие мои года. Вот и послушайте историйку, со мной тогда же приключившуюся. Дело было на золотом третьем курсе. На зимние каникулы поехала в Питер, где раньше не приходилось бывать. Остановилась по рекомендации старших Болховитовых у их давних знакомцев. Костя тогда там же в Мухинке учился, но мы с ним не пересеклись: он со своими однокашниками-собутыльниками на халтуру вроде как в Псков смотался. По-

этому с городом, особенно с развеселой студенческой ночной жизнью, благо в это время от дня считанные часы остаются, меня знакомила Наташка, почти моя ровесница, дочь приютивших меня, в герценовском педу учившаяся, то есть тезка по образованию. А на третий день ей позвонили двоюродные родственники из Мурманска с приглашением «на уху». Она обговорила и меня — мигом мы с ней на первый же поезд и вот в столице Заполярья с его уже полной полярной ночью. Для бешеной собаки сто верст не крюк, а для почти еще юных девиц тысяча километров с курсом на Северный полюс не расстояние... Мороз вполсилы против питерского, но промозглость от Кольского залива и штормового ветра с Баренцева моря его трехкратно в восприятии усиливают.

— Да ты, дражайшая наша, о погодах-то особо не распинаясь, — нетерпеливо остановил ее Михаил Семенович, — бывали мы в тех краях с театром на гастролях, правда, летом, но пейзаж и в это время не умиротворяющий. Ты к существу ближе, к конкретике.

— И так близко. Ходить в полярной ночи круглосуточной в сплошном тумане — этакой холодом пронизывающей мгле — и смотреть-то нечего! дело скучное. На второй условный день, ближе к еще более виртуальному вечеру, закончили мы с Наташкой и ее двоюродным братцем экскурсии и зашли по наводке кузена в самый шикарный ресторан «Арктика», благо я тогда девушка денежная была: папашина фирмочка еще не лопнула. И зря туда зашли. Как раз нашествие гражданских морячков из числа капитанов рыболовных сейнеров, их старпомов, штурманов и еще кого-то. У рыбаков заполярных тоже межсезонье бывает, как приставший ко мне штурманок объяснил: то ли треска с мелких глубин у острова Ньюфаундленд куда-то уходит, или стаи селедок не в ту сторону направляются? — не помню в точности. Они

тогда только в Норвегию пойманные уловы и продавали, а в межсезонье на плановые ремонты в Мурманске собирались. Командные же составы пьянствовали в «Арктике» по-купечески, со стаями проституток, с поддельными французским шампанским и коньяком. А вокруг них халдеи и всякая полтинничная шелупонь вертится. Мы-то с Наташкой поначалу веселились, глядя на этих купчиков, с усмешкой отбиваясь от навязывавшихся молодых старпомов и других в гражданских погончиках, но затем не до веселья стало: пожилой метрдотель, жалеючи нас с Наташкой, шепнул ее брательнику двоюродному, чтобы сматывались. Оказывается, по местным нравам поднагрузившиеся матерые капитаны положили на меня и Наташку глаз и уже бросают кости — кому кто достанется. Дело же простое, года почти лихие девяностые: у выхода под локотки, в машину и в ближнюю Росту, где их сейнеры пришвартованы — в «номера», в смысле в капитанские каюты. Все схвачено: менты, разные шестерки, девицы выпившие... От такой перспективы пуки в ноги, расплатились, пошли бегом, а там уже шестерки нанятые слоняются, менты отвернувшись в предбаннике столбами стоят. И Наташкиного брата начинают оттеснять. Ужас настоящий! Но бог милостив, и у нас спаситель нашелся: плечистый парень лет двадцати пяти, тоже в форме — в шинели был, на самом выходе из кабака — гражданского моряка. Без лишних разговоров растолкал шестерящих, паре из них по головам настучал, да и Наташкин родственник тоже не из ботаников — в подмогу ему. Словом, вышли на улицу, сели в подвернувшееся такси. По дороге и прощаясь со спасителем у подъезда дома Наташкиных родственников, познакомились: парень учится на последнем курсе мурманской гражданской мореходки. В торгфлот после окончания собирается, семейная традиция сложилась: дядька и старший брат в море трудятся. Алаверды за спасение договорились

назавтра встретиться в более спокойном заведении. Встретились. Словно магнитом к нему потянуло, а Андрей только на меня, минуя надувшуюся Натаху, и смотрит. Словом, вечером вдвоем остались у него дома, в смысле на квартире брата: тот в море, жена его с дочерью на неделю уехали в Мончегорск погостить у родителей. Сам Андрей тоже оттуда, живет в общежитии мореходки, а сейчас эту неделю барствует в свободной квартире.

— Закрутилось, завертелось?

— Совершенно так, Сергей Станиславович. С Наташкой, разговаривающей со мной через губу, увиделась только в день отъезда, когда зашла за ней и своими вещичками. Те же трое суток, что провела с Андреем безвыходно, остались в памяти по сей день как ощущение высшей формы уюта, счастья и полной защищенности от пронизывающего холода и ненастья полярной ночи за заиндеветыми стеклами окон. Это и есть любовный протест обыденности; все построено на контрасте: согревающая душу и тело любовь в ее овеществлении распаленной страсти недавно начавшейся близости и контра ей — чужой город, пронизанный стылým, неподвижным туманом за окнами. А если поднимешь взор чуть повыше, то увидишь злое-черную полосу воды Кольского залива. На том и аминь!

— Однако, явно в унисон трогательным воспоминаниям нашей очаровательной Кристиночки, мой слегка крупноватый нос, намекающий на ветхозаветных предков, ощущает шашлычный аромат. Неужели вносят?

Только Михаил Семенович договорил, как в дверь библиотечной комнаты стукотно вошла, остановившись на пороге, Лиза, посланная на правах и обязанностях младшей хозяйки.

— Товарищи читатели! Забирайте недочитанный том армянской прозы и — к шашлыкам!

Глава четырнадцатая
**ДРУГИЕ ВИДЫ ЛЮБОВНОГО
ПРОТЕСТА: РАСТЯНУТЫЙ
ТРЕУГОЛЬНИК**

◆ — К шашлыкам! К шашлыкам! — нарочито восторженно, на мотив арии Мефистофеля пропел Сергей Станиславович, входя во главе «читателей». Ополовиненную бутылку армянского он благоразумно оставил, припрятав ее все с тем же недопитым кубинским ромом в комодном ящичке книжного шкафа. «Береженого бог бережет, а опытный артиллерист последний снаряд всегда заначит», — пробормотал он, закрывая полированную дверцу.

— И откуда только на Руси, бывшей святой, эта мода на горелое мясо взялась, — не менее нарочито сокрушенно качал головой Михаил Семенович, зорко выбрав глазами и взяв руками шампур с самыми сочными кусками баранины. Аппетитно причмокивая полноватыми губами, завлит аккуратно, со знанием дела орудуя ножом, стаскивал мясо с шампура на тарелку, — Сталин что ли директивно распорядился?

— Не тревожил бы, любезнейший, память Вождя, — чуть поморщился Сергей Станиславович, — вот, понимаешь, уже тридцать лет все на генералиссимуса привыкли сваливать. Как в анекдоте: кто убил из засады Лермонтова? — конечно Сталин! Нет, уважаемые, мне мой отец рассказывал со слов деда, что в начале прошлого века ходил в присяжных поверенных, это как Владимир Ильич после Казанского университета, правда, очень недолго, практиковал... и не очень успешно. Доходы не ахти какие, но на летние поездки в Крым доставало. Население там тогда татарское было, еще не пришло время Иосифу Виссарионовичу их выселить, а полуостров заселить колхозниками из разоренных войной

Курской и Белгородской областей. То есть курортно-ресторанное хозяйство для «всей России», съезжавшейся летом в Крым — даже царь в Ливадию — держали в своих ловких и умелых руках веселые и улыбающиеся татары, давно отвыкшие воевать с русскими. Вот они для открытых ресторанных веранд и пикников «на природе» и ввели в обиход шашлыки. Рецепты же кавказской кухни переняли у армян, переселившихся в Крым. Они и сейчас там скученно живут на севере, около Сиваша — город Армянск и его окрестности. Конечно, не сам Сталин, отрекшийся от угодничества своих соплеменников, но грузины, считавшие себя первой нацией в стране, много поспособствовали «ошашлычиванию» одной шестой части мировой суши. Впрочем, хорошо сготовленный шашлык, вот как этот Степаныч с Денисом и Егором сгоношили, даст фору французскому антрекоту с лангетом, английскому бифштексу, вроде как немецкому эскалопу, не говоря уже о нынешнем американизированном «стейке», то есть куске в переводе. Ладно, хватит экскурсий в гастрономическую историю. Шашлык уважает, когда его с пылу с жару употребляют. Егор! Семеныч! — только водочку, только ее родимую под него. Это уже чисто русская вариация, замена кахетинского. Тем более «старка» не откупорена до сих пор, а еще лучше вон той прозраченькой со слезой, что через серебряный фильтр пропущена. Костя, ты что-то отлыниваешь сегодня. Давай отработывай — тостуй, раз начал первым про любовь, как спасение от всякой стужи, так и заверши!

◆ На призыв разошедшегося баритона почему-то вздрогнула тоже на секунду задумавшаяся Нина Григорьевна и внимательно посмотрела сначала на умолкшего Сергея Станиславовича, а потом на Костю, быстро вскинувшего подбородок. Что-то им показалось: порознь, но явно по схожему поводу, про-

ассоциированному с последними словами филармонического солиста. Каким-то внутренним чутьем, родственным током, этот взгляд матери на Костю перехватила Лиза. И Егор по движению ее глаз приметил. И все они вроде как задумались: а почему Костя *отлынивает?*

— Давай, Константин Валерьевич, тостуй же, — все торопил Сергей Станиславович, — великий грех приниматься за шашлык без спича. Само собой и без водки. Товарищ Сталин бы не простил.

— А Лаврентий Павлович тем более, — подел-дыкнул завлит.

Костя еще раз вздернул подбородком, потерял свою художественную бородку, встал, поднял на уровень локтя рюмку, пару секунд сосредоточенно помолчал, неуверенно начал говорить.

— То ли я не в форме сегодня... каким-то околдованным себя чувствую. Даже водка не берет основательно, а коньяк кровь не разгоняет. Ладно, пропустим. Вот и девиз о спасительности и протестности любви как-то сам в голове образовался и слетел с языка. Но слово не воробей, раз произнес, так сам и выкручивайся, что дорогой Сергей Станиславович напрямик и сказал. Любовный протест мужчина и женщина совершенно различно выражают. Даже физиологически — ради бога, не подумайте, что я о святых и грешных постельных делах буду вам пояснять. Нет, я о поведенческой, так сказать, разнице говорю. Здесь даже по статическим позам видно, например, кто как сидит на стуле. Наш брат удивительно однообразен здесь: либо мешком плюхнувшись и отвалившись на спинку обмякнет и сопит. Дескать, я-то всегда за протест, тем более в любовном антураже, но ты, дорогая, сама все как-нибудь сорганизуй, да не забудь мне рюмочку-другую для живости и храбрости накапать. А если мужик костляв, отчего кажется высокого роста, и характером несколько

нервичен, то сидит на краешке, подобрившись и руки по швам. Словом, ждет решение своей судьбы. Опять же пусть *она* все сама устроит и решит. И так, оба типажа суть бараны на заклание. Но вот у женщины поза сидения на стуле в масштабе один к одному, как инженеры навроде Егора говорят, выдает ее характер и мотивацию протеста. Три стандартных позиции: нога за ногу и откинувшись на спинку стула; другая — ноги, особенно если ладные и длинные, сдвинуты от коленок до пяток и в тех же коленках под заметным углом градусов в двадцать отведены вправо; наконец: тоже сдвинуты в коленках, но голень правой ноги выдвинута вперед, а левой — заведена под стул. Других поз нет, потому что по стойке «сидя смирно» женщин можно видеть только на официальных приемах или в зале суда.

— Во дает художник! — восхитился Денис, — как все точно схвачено! и главное верно... а к чему это ты про ноги-то?

— А к тому, дорогой свойственник, что нога за ногу, кстати всегда правую на левую, даже у природных левшей, есть поза женщины ищущей этого самого протеста. Не в смысле, что прелести демонстрирует олуху непонимающему, а просто эта поза стимулирует ее неторопливое рассуждение: мол, как выбрать одного из двух предстоящих? — один молод и волнующе жеребоват, а другой с залысиной, но взойдет вполне на подарки с брюликами. Обычно к такой позе идет приложенный к уголку рта указательный палец правой руки.

— Эк ты, мазила, все примитивизируешь, фи!

— Это я, сестренка, для краткости и доходчивости все упрощаю, хотя... по сути-то ведь верно? Особенно для нынешних поколений. Ладно, учту насчет политкорректности. Ноги в коленках под углом вправо — это верный признак уже сделанного выбора, то есть обдумывание тактики и оперативных

действий. Руки при этом вроде как безвольно опущены долу. А вот третья поза свидетельствует о наступательности: вроде как стремительный бег сидя. Как, Женька, в ваших паскудных телерекламах: все дела сделала по интернету, не выходя из квартиры, не вставая со стула или на чем ей удобнее сидеть...

— Не хаами, парниша! И реклама не моя, а тех, кто ее заказывает, а халтурщики, твои родные души, сценки эти компилируют по американским образцам.

— Это я так, к слову, тебя в виду собственно и не имею.

— Слюшая, даарагой,— вскричал Сергей Станиславович,— тебя тост под шашлык просили, а ты бог знает в какую сторону завернул? Неужели так крепко в память врезались ножки натурщиц из твоей Мухинки?

— Есть малость. И личный опыт какой-никакой. А тост... вот вам и тост, не растекаясь мыслью по древу. Любовь — теплица души. В ней она расслабляется, убегая от холода вечного человеческого непонимания простой вроде бы истины: ничто не вечно под луной, тем более такой хрупкий тростник как человек, даже если он и тростник мыслящий... вроде бы Паскаль так изрек — помнится из лекций по искусству Возрождения. И эта невечность скрашивается только продолжением рода, которое одновременно есть следствие любви и уединения от мира в семейном... ну-у, для начала просто любовном кругу. А всякое уединение и есть протест против уродства жизни. За него! За любовный протест!

— Во дает! Ловко вывернулся,— восхитился завит, нанизав после стопки водки на вилку кусок шашлыка,— начал вроде как от «Божественной комедии», это где дорога в ад вымощена благими намерениями, а завершил комедией человеческой — прямо по Бальзаку: в мире, где все горбатые, стройность смотрится уродством...

— Не мудрствуй лукаво, Михаил Семенович,— рассмеялась Кристина,— человек есть отображение бога, то есть высшего закона мироздания. Этот закон комедиантства не терпит, не предусматривает. А вот человек, если в комедию начинает играть, отходит от своего подобия богу. Любовь же дело божественное, значит даже протестуя в любви, человек не отходит от своего подобия богу. Вывод: любовь и комедия несовместимы... что-то я, доцентшишка пьяненькая, запуталась. Тост одобряем, а сейчас от духовного к телесному, то есть к захваленному загодя шашлыку.

◆ Переглядывания, возникшие после слов Сергея Станиславовича относительно Кости, который *отлынивает*, сразу навели Егора на давние воспоминания. Тем более, что застольщики, занявшись шашлыком, который не терпит пустопорожней болтовни, примолкли, не отвлекали его от ворошения в памяти. Почему-то и Анфису вспомнил, которую Костя никогда в зимовье не приводил.

Когда он стал вхож в зимовье на Павелина, а дело шло к свадьбе, Лиза, побывав и у него дома, познакомившись с обширным семейством Болховитовых: к случаю были званы проживавшие отдельно Костя, только что собиравшийся разводиться со своей Кариной, Женя на первом году замужества за Денисом Курковым,— намекнула, что пора и обратные визиты вежливости начинать делать, хотя бы поодиночке, парой, что снимает напряженность некой официозности. Одним из первых в зимовье пришел Костя, причем, что в его характере устоялось, это вышло случайно. Егор с Лизой шли по проспекту — он уже и не помнил: куда и зачем они шли гуляючи? — когда на углу Майской улицы их окликнули по именам: «Егор! Лиза!» (Костя с ней уже был шапочно знаком).— А сам он только что вышел из довольно престижного, на небольшое число довери-

тельных клиентов рассчитанного, кафе «Оливье». Даже Егор удивился:

— Брательник! Никак на аукционе Кристи продали твою картину «Паноптикум выдающихся экономистов» — под Глазунова?

— Твоими бы устами да мед пить. Увы, зашел со скромных халтурных опресноков пару рюмок коньяка в приличном месте выкупать, помечтать о нашем малосветлом будущем. Здравствуй, Лизочка, здравствуй, дорогая, — Костя картинно приложился к ее ручке, — а вы куда это дефилируете по проспекту Ильича, почему-то не переименованному на всякий случай? И не пора ли вам честным пирком да за свадебку? — шафером братику своему с превеликим удовольствием выступлю, даже трезвым сподоблюсь быть-стать.

Слово за слово, но как-то не сговариваясь, уже втроем свернули на Майскую, дошли до поворота на Павелина и зазвали Костю, впрочем и не пытавшегося отговориться, в зимовье... По летнему времени Надежда Тихоновна пребывала в своем райцентре, а Антонине Филипповне купили путевку в местный, областной санаторий на Оке, известный своей минеральной водой по всей Центральной России, всегда на треть — на половину заполненный москвичами. В доме пришедших встретил Степаныч, но через четверть часа пришла и Нина Григорьевна — день был воскресный.

Она застала дом безлюдным: куда-то Степаныч подался, который вовсе не собирался выходить за ворота — так он сообщил ей пару часов назад, когда Нина Григорьевна уходила по мелким делам. Даже почти годовалые котята Ерошка и Манька (пес Фомка в доме еще не появился) сгнули. Недоумевая, она прошла через гостиную на кухню с сумкой купленного и только здесь через растворенную заднюю дверь, завешанную по-деревенски колыхае-

мой легким ветерком тюлевой занавеской, услышала негромкие голоса. Выглянула и узрела в летней беседке, что между внутренним торцом дома и гаражом, по бокам которой подрастали еще двухметровые елки, сидящих за столом в тени навеса Степаныча, Лизу с женихом Егором и статного молодца в художественной бородке, с усами, с откинутыми каштановыми, слегка вьющимися волосами. Дочь держала на коленях котят, приучая их чинно держать передние лапки на крае стола. Как первоклассников на первом в их жизни уроке; все-таки педагог по образованию — непроизвольно отметила озадаченная Нина Григорьевна. Мужская же тройца знакомялась, в смысле знакомили Степаныча с Костей, за початой бутылкой мадеры, выданной им Лизой на правах хозяйки. На тарелке закуска-скороспелка: порезанный дырчатый маасдам, а в фарфоровой плоске горка маслин.

— Однако живописно смотрите, молодые люди и патриарх Степаныч,— весело приветствовала их Нина Григорьевна, отпуская за собой дверную занавеску,— что-то вы напомнили мне одну картину из Русского музея — вроде как автопортрет художника со своей семьей...

— Вы, наверное, уважаемая Нина Григорьевна, имеете в виду «Семейную картину», другое название «На балконе», Федора Славянского? Да-да, композиция схожа, хотя там женщины в большинстве, а вместо двух котят — трое детей самого игривого возраста. И в этом их мотивированное сходство — детей с котятками.— Костя встал, взмахнув каштановыми кудрями, по-гусарски стремительно склонился головой,— позвольте представиться: Константин, старший брат этого, как полагаю, вашего грядущего зятя. Вас мне уже заочно отрекомендовали. Рад познакомиться лично! А у картины этой наши родители познакомились.

— Наслышана о ва... впрочем, раз родниться-кумиться с вашим семейством будем, то давай сразу на ты. Вроде и я не совсем еще старуха,— нарочито кокетливо ответила хозяйка дома.

Костя загодя был предупрежден Лизой, что мать ее, как «застрявшая» в роскошной второй молодости, комплиментов не любит, «совершенно справедливо полагая,— смеясь объясняла Лиза Косте на самом подходе к зимовье,— что все эти мужские словесные любезности в адрес противоположного пола есть фальшь, которая нравится молоденьким простушкам и почтенным матронам. При виде же красивой женщины, что «эскизит страсть в корректном кавалере», говоря стихами Северянина, мужчина должен не штампованные комплименты мычать, а столбенеть, бледнеть и делать всякие благоглупости». Поэтому он и не поддался на кокетство:

— Польщен. Извиняюсь, что нарушил заповедь гостя, пришел с пустыми руками. Но меня ведь и прихватили по дороге?

Нина Григорьевна в полном восхищении сделала брови домиком: гость не только обошелся без казенных любезностей, но и элегантно намекнул: она не только роскошная женщина, но и хозяйка дома. Спohватившись, извинилась и, поманив за собой дочь, направилась обратно в дом, с полуоборота порекомендовав остающимся в беседке поскучать за мадерой не более пятнадцати-двадцати минут.

— Будем обедать здесь по летней погоде. Мы с Лизой скоро обернемся. А Степаныча попрошу зелени с грядок собрать и нам на кухню доставить.

И уже входя в дом, отводя рукой тюлевую занавеску, почти что произвольно, коротко, в четверть поворота головы, кинула острый, заинтересованный взгляд на нового в зимовье человека. Шедшая позади ее Лиза, по-женски наблюдательно перехватив этот короткий взгляд, также произвольно, не-

сколько ревниво подумала, что не одна она в доме может вызывать в молодых мужчинах совершенно откровенный интерес...

◆ «Ну-у, маман, ты и даешь! — уже смешливо подумала она, отогнав глупую ревность,— значит отставку своему театральному завлиту дала, если на молодых и кудрявых так пронзительно посматривать начала... Впрочем, есть такой возрастной диапазон, в который оба пола вписываются, когда мужчине и женщине в голову особо не приходит годами считаться: тому и другой в обе стороны. Да-а, мамуля моя... конечно, никакое это не кровосмешительство, но связь из тех, что не афишируют. Да что я раскудахталась: ишь расфантазировалась! — без меня меня женили».

— Лиза, ты что это размечталась? А впрочем знаю о чем. Оставь при себе, а лучше забудь. Есть вещи, которых лучше не касаться. Давай скорым обедом займемся. Работа руками все лишнее из головы выгонит.

Оставшись вдвоем после ухода Степаныча на грядки огорода в левой стороне участка, братья с минуту помолчали.

— Егор! Будь ты постарше, например с мое, я бы порекомендовал жениться на твоей будущей теще.

— Это в тебе мадера так на коньяк наложилась. И плюс к тому воздержание в предразводном состоянии; так понимаю, что де-факто всякие отношения с Кариной сведены к нулю? Математическому, так сказать, и физическому...

— Физиологическому будет правильнее. Да нет, я выпивши в обычной норме. В смысле, когда не сплю — это для меня и есть норма. Нарушается только за гостевым или праздничным столом, вот как нам сейчас зададут. Тогда могу из нормы в пьяную сущность перейти. А воздержание? — это либо юношеское состояние, когда «женилка не доросла до

дела», или у моряков в дальнем плавании, у военных в походе, сидельцев в зоне, словивших по неразборчивости на кавэжэде-лечении. Не буду перечислять. Вот когда тебе стукнет тридцатник, как мне только что, станешь по этой приятной части гурманом, количество с качеством разумно совмещать. Как с киркой, если не спиваться: не просто хмелеть, но качество дегустатора приобретать. В такой аналогии Нина Григорьевна есть эквивалент настоящему выдержанного коньяку, французскому шарантонскому, что я один раз в жизни пробовал в Питере, попав к записаренному малевателю на презентацию персональной выставки — вернисаже для рекламы. Можно, не будь в обиду продукту Шаранты сказать, и с грузинским «Греми» десятилетней выдержки сравнить, но только из подвалов советской еще закваски.

— О-о! да ты, брателло, действительно, не только со смешания коньяка с мадерой в конкретную лирику впал. Поздравляю. Как наша бабуся говорит на этот счет по-вологодски: холостой брюзжит — женится, женатый брюзжит — кается. Как в плохом сериала давай хэппи-энд соорудим: две свадьбы в одну, по-родственному: экономия семейная и зрительницы слезы радости утирают, а? Да и она похоже на тебя глаз спервоначалу положила, даже уходя оборачивалась. По-женски, осторожно, но ведь оборачивалась?

— Не опошляй. Если что в душу и сердце западает, то только именно так: с первого взгляда... как это не расхоже звучит.

— Я тебя понял. Сам вот с такого первого запал на ее подобие, моложе по годам, но по всему женскому антуражу абсолютно схожее. Ладно, благословляю вас, дети мои возрастные. Ну, Нина Григорьевна, ну, теща моя богоданная! Может просто на контрасте с Лизой молодость вспомнила, поиграться в гляделки решила?

— Как знать, Егорка, как и кому знать. Но не в ее манере и характере такой примитив: с первой минуты это понятно. И возрастная разница для ее и моих лет относительна. А вот вижу, что сакраментальный вопрос у тебя на кончике языка вертится, готовясь слететь: а ей-то это зачем при полнейшем благоустройстве жизни? Тем более в специфической артистической среде, в которой, родственной нашей художественно-малевальной, всегда найти отдушину, что стакан чего надо выпить...

— У революционерки Коллонтай это стакан воды был.

— Водой лекарства запивают, а в радости души несколько покрепче и повкуснее требуется. Полагаю, при всем моем мыслительном скудоумии, что таким роскошным и вечно молодым, что называется, львицам определенная встряска, чувственное и душевное обновление всегда потребны. А таковое легкой, ни к чему не обязывающей интрижкой, тем более в артистической простоте, не достигается. Требуется нечто более серьезное. Не обязательно всепоглощающая любовь, но и не скоро проходящее увлечение. Это не для второй молодости с ее благоприобретенным опытом. А опыт здесь прежде всего двойная осторожность: и своей душе не навредить, и избранника не огорчить, не поманить напрасной надеждой. Как-то вот так примерно. Молодая женщина, тем более девица, при всех проявлениях страсти, крайне бесчувственна. Увы, это тривиально, так природа распорядилась. Это и в физиологии отражено. Только к тридцати годам чувственность охватывает ее, а вторая молодость, особенно при полном сохранении всей женской обаятельности и красоты, есть расцвет чувственности души, ума, сердца.

В это время к столу подошел с пакетом и подсел Степаньч, собравший с грядок зелень и отнесший ее на кухню.

— Разговоры, ребята, разговариваете? Сейчас девки сготовят свои скороспелки, просили обождать еще с десятков минут. А я вот и запивку принес, сама Нинка распорядилась,— и Степаныч вынул из полиэтиленового пакета и поставил на стол две бутылки: коньячную и с красным крымским вином,— ишь, манерничает при госте: говорит, в пакете неси, а не в руках, как мужики из магазина до ближайшего задворка. Хм-мм, едрить ее занозу!

◆ — А вы пошто замолкли, о бабах что ли судачили? Так и говорите что хотите. У меня здесь все на виду, тем более Нинка, племянка моя, а Лиза получается внучатая племянница, а я ей двоюродный дед. Егор почитай со дня на день тоже со мной в родстве окажется, то еть и Константин десятой водой на киселе. Значит никаких тайностей промежду нами и быть не должно. Давайте-ка мадерцы еще опрокинем, а уж новые бутылки при полном сборе отчиним. Уважаю мадеру, хотя и не особенный я пивец. Так, для компанейского веселья, но не более. Опять же должность моя в доме быть ответственным за все, чего другие не углядят, не позволяет до положения риз употреблять. Разливай, Константин, ловко это у тебя выходит. Опять же видать птицу по полету: художники, как и все Нинкины музыкантные и Мишки Семеновича, когда в компании раньше приходили, театральные, большие любители этого дела. Хотя больше для куражу. Видать, потребно это вам по профессии: снимать время от времени, даже если время это от утра до вечера, доуку трудовую. Напрягаетесь ведь? — ты вот рисуешь, не отрываясь; филармонические поют и на инструментах наяривают — неважно, есть настроение или отсутствует; театральные и вовсе ряженые по два-три часа для публики ваньку валяют. Как тут не возмечтать хлопнуть одну, другую... и третью обижать нельзя, вымыв руки, красками испачканные,

отпев-отыграв положенное, сняв театральный маскарад. А Нинка баба основательная, — произвольно повел он глазами на Костю, — добрая и себе на уме, не в смысле пакостности, в ней этого отродясь не замечалось, а себе цену знает. Вот намени отставку Мишке Семеновичу, из театральных, дала. Смех да грех! Здесь, в доме, ничего ни от кого не утаишь, а поставила дело так, что вроде никто ни о чем не догадывается. И Мишку в такой игре заставляла представляться.

— И почему в отставку отправила? — скрывая за небрежностью тона внезапно появившийся интерес, спросил Костя.

— Не в коня корм, да не пара он ей. Опять же Нинка женщина свободная, сукин сын Славка поменял на московскую карьеру, и Мишка женат. А это унижительно и для обычной простушки; здесь женщина высший сорт! Даже если ей вовсе не замужество требуется, а просто мужика при себе держать.

Егор со все возрастающим интересом испытывающее смотрел на брата; потенциально родственные откровения подвыпившего Степаныча его не занимали: Лиза сочла полезным посвятить его в тайны мадридского двора, тем более с характером полишинеля. Но вот интерес Кости? Тот же продолжил диалог со Стеанычем.

— Да-да, даже для относительно молодой, в смысле моложавой и красивой, женщины в таком положении ситуация понятная. Это что-то навреде... как поточнее сказать? — иммунитет против безостановочно надвигающихся годов. Еще далеко до возраста, когда эти самые года сиротят женщину, причем намного поболее, чем мужчину, но ведь она-то всегда живет будущим. Это прошлого для нее нет, как замечательно сказал Бунин — не устаю повторять при случае, — но будущее есть... и неустанно набегающие года? Вот чтобы не заикливаться в та-

кой неувязке, ей и требуется постоянное, обновленное мужское внимание. А уж привязывать это внимание вместе с ее носителем к себе, выбирать состояние, на котором его держать: на свободном поводке, на коротком или вовсе на кандалном парфорсе,— это женщина выбирает по обстоятельствам. Но всегда верно выбирает! Ошибки здесь исключены, если только не посетит ее редкий недуг безответной любви. Опять же...

Здесь, отведя деревенскую занавеску, в дверь выглянула Лиза:

— Егор! Рабсила твоя в помощь требуется на роль «кушать подано».

Тот оставил беседку и ушел в дом, а Степаныч для порядка проворчал, что-де помогать кому делать нечего, сами бы управились, им бы смолоду все командовать.

◆ Разливая на правах гостеприимной хозяйки по тарелкам крошку из мейсенского фарфора бокастой супницы, про появление которой в зимовье Егор уже знал: дед Нины Григорьевны, из офицеров Великой Отечественной, несколько ящиков трофеев из Германии вывез,— она с обескураживающей, но хорошо обдуманной простотой безличностно поинтересовалась:

— Обо мне говорили? И как я нашему гостю прилась, почти что скорому родственнику?

— Свойственнику, мама, что-то вроде свата. Не смущай человека с налету!

— Полагаю, что представителя свободной профессии смутить трудно. По своему служебному кругу наблюдательно сужу. Ведь я права, Костя?

— На сто процентов, Нина Григорьевна, вы... ты права.

— Вот и молодец. А почему с отчеством величаешь? Со смыслом или с умыслом? Впрочем, можно и с ним. Говорят, что мне так больше идет — вроде

как подчеркивает рост немного выше среднего, ха-ха-ха! Не обращай внимания на легкие мои дурачества, тем более мы родственные — не свойственные, Лиза, не перебивай, я о другом — души по роду занятий и сопутствующей им легкой безалаберности. Ладно, попикировались для разминки и — за окрошку! А разливай пусть Степаныч — негласно беседка эта под его опекой. Лизе вина, мужчинам и мне коньячку. Вроде как настоящий «Давид Иверийский», семилетний. Не из магазина, презентованный от гастрологов-грузин, прописанных в московской филармонии.

— Да, Нина, напасть с этим коньяком, очень уж любят его баловать, — заметил Степаныч, поддевая ножом фольговую крышечку пробки, — в девяностые-то годы и вовсе бодяжили в подмосковных деревнях бывшие колхозники какую-то ебурльгу свекольную, да французские клейма им давали. Смех да и только.

А Егор не утерпел похвалиться, что уже начал осваивать сокровища библиотеки зимовья:

— Это во все времена было: в той или иной степени коньяки поддельвать. Вот и в словаре Брокгауза и Ефрона в статье «Коньяк» написано, что в торговле напиток этот, то есть виноградарную водку, очень часто фальсифицируют. Так что традиция есть понятие двусмысленное.

Нина Григорьевна поощрительно окинула взглядом условного пока зятя, мол, будет кому книжное хозяйство дома в порядке и рачительстве содержать. И подняла рюмку:

— Давайте за наше общее благополучие и благоразумие выпьем. А от себя скажу, что расширяя, как сегодня, круг знакомства и общения со славным семейством Болховитовых, радуюсь выбору своей дочери. Что-то в этом наследственное, чисто русское: молодые люди выбирают не только друг друга, но в

определенном смысле круг родственников — опять же друг друга. Как это ни странно звучит, но знакомство с вашим семейным кругом я начала еще задолго до того, как от Лизы узнала о Егоре. Припоминаю Наталью Андреевну, нынешнюю старшую Болховитову, когда на родительские собрания в Лизину школу ходила, где она уже в запенсионном возрасте химию, кажется, преподавала. Не в Лизинном классе, но директриса нам ее представляла и очень хвалила. И родителей ваших по случаям разным знаю: Валерий Васильевич, как депутат городской думы, уже к нашему директору приходил: что-то о юбилейном концерте. Я была позвана для консультации. Опять же с Еленой Викторовной судьба свела в областной администрации; когда в ее отдел попала с затребованным от филармонии отчетом... навряд ли обычного «копейка рубль бережет, а казенные деньги давать, что волка накормить». И параллельные знакомства в счет: с Женей вашей Лиза увиделась совсем недавно в своем Доме пионеров, или как он там сейчас многословно называется; сестрица ваша свою практику журфаковскую в родном городе проводила, туда и заглянула. Наконец, матушка моя Антонина Филипповна, когда лор-врачом в поликлинике трудилась послепенсионно — вот только сейчас я вспомнила! — как-то рассказывала, что на прием к ней приходил чем-то запомнившийся ей бравый, хотя в возрасте, отставной моряк, чуть ли не адмирал, жаловался, что ухо ему надуло на полигонных испытаниях чего-то. Отит она ему лечила. Вот и думаю уже по рассказу Егора: не дед ли это ваш, Василий Алексеевич, был? Что поделаешь, город наш маленький, вернее, большая деревня, все в центре проживающие так или иначе по жизни хотя и случайно, но сталкиваются. Ладно, это все к слову, разболталась, окрошка греется. За нас! — подчеркнула интонацией последние слова.

...Спустя пару месяцев, Лиза начальным ночным часом, когда сон пропал во взаимных объятиях, ни с того, ни с сего тихо рассмеялась и шепнула Егору на ухо:

— Мать часто использует слово «параллельно» и похоже дела свои с ним соотносит.

— Это, дорогая, к чему в столь поздний час?

— А к тому, что маман внезапно озаботилась бывшим нашим гнездышком на Серебрянке. Как ни воскресенье, а иногда и в день будний, вспоминает о резервной квартире и, стараясь не глядеть в мою сторону, бабусе или Степанычу бросает «съезжу на Серебрянку, посмотрю как там, а то все пылью зарастет!». Возвращается, как сам, наверное, заметил, под вечер, дескать, заодно к Кларе — это подруга ее и сослуживица — зашла, заболтались на вольном выпасе, вне казенных стен. Костя что — развелся наконец-то?

— Не завидуй чужому счастью, свое береги.

— Ха-ха-ха! Ну, маман, ну ловец жемчуга! Все смешалось в зимовье на Павелина... Теща и невестка в одном флаконе. Эдакий растянутый треугольник!

Глава пятнадцатая

НА СЛУЖБУ НЕ НАБИВАЙСЯ, ОТ СЛУЖБЫ НЕ ОТБИВАЙСЯ

◆ — Эдакий растянутый треугольник, — прожевав сочный кусок баранины, нарушил навеянное сосредоточенной едой молчание старший Болховитов, — вот сущность шашлычного ритуала: мясо, вино и традиция.

— Как-то не уловил вашу геометрическую иллюстрацию, уважаемый Валерий Васильевич, — заинтересовался Денис, — позвольте сосрить по-родственному: вы мне тесть, но истина дороже. Ладно, про

мясо, вино и традицию более или менее понятно, но почему растянутый?

— А что-то в голову пришло. Впрочем, действительно, во времени появления растянуто: сначала наш далекий предок, что без галстука и шляпы, сырую мамонтьятину на вкус попробовал, затем средиземноморские древние народы научились вино варганить, а про совсем недавнюю традицию здесь уже говорилось. Впрочем, образ растянутого треугольника как перед глазами стоит — из моей инженерной поры, когда мы с Еленой Викторовной на ленинградской «Светлане» трудились. Помнится, кооперировались мы с ЛОМО* по одной темке... долго и вовсе излишне здесь объяснять. Словом, потребовалось мне смотаться в командировку в подмосковный городок — станцию Силикатную, на тамошний головной в стране завод огнеупорного кирпича. Понятно дело, не за кирпичами послали, а изучить на месте работу индикатора критических температур. Представьте, в лаборатории заводской опытные кирпичи на поду раскаленной печи нагревались, а на пару-тройку из партии ставят треугольные пирамидка из специального стекла — предмет моего служебного интереса. Как только кирпичики разогреются до критической для них температуры, так пирамидки эти начинают размягчаться, на глазах треугольные их грани «плывут»: стороны их, то есть ребра пирамидок, изгибаются вовнутрь, создавая оптический эффект взаимного удаления, то есть растягивание треугольников. Такой вот образ, причем, достаточно далекий от шашлыков, если не считать пышущего от печи жара — как от мангала.

— И образ хорош, и образно, почти что литературно, даром вы уже который срок неперменным

---

* Ленинградское оптико-механическое объединение.— Прим. авт.

гласным городской думы заседаете,— съязвил добродушно Михаил Семенович.

— Во-во,— вовсе не обратил внимания на подковырку Валерий Васильевич,— это хорошо вы про думу вспомнили. Отсюда и третья ассоциация, так сказать социальная. (При этих словах оба сына и дочь переглянулись. К ним присоединилась и заулыбавшаяся мать, вот мол отец разболтался, скоро и петъ начнет заученные от деда Василия морские песни...). Так вот, господа-товарищи, в думе нашей думают три категории депутатов, остроумно нареченные нашим театральным деятелем непременно гласными: предпенсионные отдыхающие, как там, Женька, у поэта? «поря на пенсию, в Сенат», это навряд меня; другие — комсомольцы, среднего возраста, целеустремленно карьеру делают; поскольку болтать только могут, то в других сферах им ничего не светит; наконец, в ошутимом меньшинстве, хотя и разновозрастные, но чудачки собрались: опоздавшие по времени, все пытаются пользу принести — если избрали, доверие оказали, так наш долг... и так далее. И откуда в наше, так сказать динамичное и целеустремленное, время такие архивные пришли, тем более относительно молодые? Впрочем, повторюсь, таких всего несколько и дольше одного срока не задерживаются.

— Это все понятно,— поторопил завлит,— социальный депутатский треугольник. Но он-то как и куда растягивается? С кирпичами хорошо было сказано. С шашлыками, которыми мы сейчас закусываем, тоже все ясно. А депутатов хоть тяни, хоть верти веретеном, все одно толку не будет, отболтаются и только.

— Нет, дорогой Михаил Семенович, здесь ассоциация другого характера. Надеюсь, не надо объяснять, что гордуме нашей полагается одобрять или не одобрять решения городской же администрации в

рамках ее, администрации, компетентности. То есть дела хозяйственные, культурно-образовательные и кое-что по обиходной мелочи — все в пределах городского бюджета. Инициативы и политуклоны уже полтора десятка лет не приветствуются. Словом, текучка у них и у нас. Казалось бы, чего мудрствовать лукаво: полезное «одобрямс», а все остальное, особенно что за пределами бюджета и благоволения административной вертикали власти, заговаривать, желательнее не доводя до голосования. Все наши нардепы правила игры знают... даже опоздавшие во времени чудаки и чудики. Но всякая игра должна исполняться по правилам: композиция, сюжет, завязка, развязка — как нас в школе на уроках литературы учили. Вот здесь-то и образуется социальный растянутый треугольник с геометрическим характером выраженной кривобокости. Геометрия здесь, как мне пояснил Егор, когда я ему как-то излагал то же самое, — риманова криволинейная, а именно, наш угол, то есть категория предпенсионно отдыхающих, вроде как крупным гвоздем-соткой намертво прибит к доскам арены действия: шаг влево, шаг вправо ни-ни, а то на следующий срок и не надейся! Вторая же категория целеустремленных комсомолов все горючит словесным поносом и свой угол этой пустоportunей энергией растягивают до предела, как резинку, вот-вот готовую лопнуть, оборваться. Третий же угол чудаковатых немного оттянулся; немного, потому что их, чудиков, численно мало, а их идейно-гуманитарные порыва если и допускаются, то только в близком приближении. То есть угол оттянулся и как бы повис в воздухе. Представляете? Что-то схожее с паутиной, натянутой трудолюбивым пауком где-то в застрехе сарая в неправильном треугольнике покосившейся крыши, причем эта паутина не плоская, но трехмерно и криволинейно изогнута в пространстве. Вот такая социальная геометрия. Правда,

свое назначение дума наша оправдывает. Я не из компатриотства говорю, но — оправдывает. Опять-таки в рамках своих полномочий. Звонюк бубен, да страшен игумен, как ты, мама, говоришь.

— И это хорошо сказано про социальный растянутый треугольник, — одобрил Михаил Семенович, — но все же в голове остается образ стеклянной пирамидки на огнеупорном кирпиче. На то техника и создается человеком, чтобы наглядно, так сказать, материализовать его мысленные конструкции. Подтверди, Егор, как инженер по образованию и с каким-никаким, но уже опытом конструкторской работы, а?

◆ Егор рассеянно, ибо он пропустил мимо ушей рассуждения отца, не раз им слышанные, когда тот подоплет на домашних посиделках, правда, в два последние пандемийные года приутихших, кивнул головой на слова театрального завлита. Он давно привык, что когда разговоры в зимовье каким-то боком касались техники, неважно, бытовой или космической, то непременно обращались к нему. «Свой инженер в доме имеется», — говорила Антонина Филипповна по схожему поводу. Когда же иной гость со стороны, обычно из вузовских, понятно дело в добром подпитии, заводил с Егором нудноватый разговор о защитах, степенях и прочей внешней стороне инженерной и научной жизни, то он, кратко ответив — всему свое время, переводил беседу на были-анекдоты, издавна ходившие в инженерной среде городских военных заводов. Самой оригинальной здесь полагалась действительная история из жизни известного оружейного Кулебякина, что где-то в пятидесятых-шестидесятых годах, уже будучи Героем социалистического труда, стал заместителем начальника старейшего в городе и стране трижды орденосного Конструкторского бюро, специализировавшегося еще с царских времен на разработке стрелкового оружия. Ну-у, стал так стал, по труду и

честь. Но соль-то легенды в том, что Федор Порфирьич имел лишь среднее образование, да и его завершил в вечерней школе. Начав трудиться после семилетки в оборонке в середине тридцатых годов, как истинный самородок и умелец, полагал баловством тратить время на учебу. В войну, когда все военные заводы и КБ города эвакуировали на восток, между Волгой и Уралом (горами, не рекой), вопросов таких и вовсе не могло возникнуть.

После возвращения эвакуированных коллективов в родной город, Федор Порфирьич, уже заявивший о себе конструктор и должностью не обиженный, скрепя душой и зубами, по прямому приказу начальника КБ получил-таки аттестат о школьном образовании, впрочем настолько редко радуя учителей вечерней школы своим появлением, что они часто переспрашивали его фамилию. Но от вечернего, даже заочного посещения местного политеха он категорически отказался: «Свое дело туго знаю, хочешь — проэкзаменуй! — отвечал на уговоры начальника предприятия, с которым в детстве, по-соседски, воровали яблоки из чужих садов, а затем сидели за одной школьной партой,— опять же, Варфоломеич, возраст у нас с тобой не бегунковый... за девками и по институтам. С тебя же план спрашивают, а не мои документы образовательные? А план тебе наполовину мое отделение дает, согласен? Ха-ха-ха, стемнело уже, пора по домам, а нам с тобой хорошо бы по пути еще зайти в «Ромашку» по паре стопок принять, а?»

Вот Кулебякин уже заместитель начальника, второе лицо, а в качестве главного конструктора и вовсе первое в Конструкторском бюро, герой труда, орденосец, лауреат высших премий. Никому в голову не приходит поинтересоваться его образованием: понятно дело, институтское, и чего это он входящую в моду на оборонных предприятиях ученую степень

себе не оформит? А на каждую очередную награду, переоформление раз в пять лет формы допуска к секретным и совсекретным материалам и документам, получение разрешения на выезд в командировку в Болгарию, Ливию, Китай, где Советский Союз строит заводы стрелкового вооружения — всюду следует «от руки» заполнить лист — в разворот, на четырех форматных страницах — по учету кадров с маленькой фотографией в правом верхнем углу на первой странице. Ворча насчет бумажной бюрократии, Федор Порфирьевич привычно, не задумываясь, заполняет многие графы листа учета. В пункте «Знание иностранных языков» до двадцатого съезда партии писал принятое тогда: «Не знаю и знать не желаю». После же оболгания Никитой Вождя перешел на либеральное: «Немецкий, читаю и перевожу со словарем», что было святой неправдой. Дойдя же до графы образования, с полной серьезностью лица и черноземной находчивостью ставил: «Лауреат Ленинской премии». Что являлось истинной правдой.

Понятно дело, никто эти «листки» на четырех страницах, исключая «органы», что продлевают форму допуска, не читает. Но даже от скуки или любопытства пробежав глазами, никакому кадровику не придет в голову усомниться в образовании знаменитого оружейника. Добро только усмехнется, мол, занятый человек, все о работе своей изобретательской думает, вот и поставил ошибкой в одну графу содержание другой...

Гость из вузовских доцентов, выслушав эту занимательную легенду, вернее быль, чутко, как все препода, ухо остро держащие, намек понимал и более со степенями и званиями к молодому инженеру-ракетчику не приставал. Егор же в таких случаях вспоминал напутственные слова доцента Николая Андреяновича: «Трудись, мой юный друг, со смыслом и хотением. Труд тогда в радость, когда отвле-

кает от скукороженности жизненной неустроенности. А если она устроена, то и двойная радость; как говорили у нас в советское время, причем безо всякого словесного подвоха: утром на работу с удовольствием, а вечером домой — с радостью! И потом у тебя область интереса появится — своей конек. И не рвись первые лет пять-семь в «остепененные», помни: степень для человека, а не он для степени». Слова эти Егор хорошо запомнил.

◆ Еще на преддипломной практике в «Меткости», то есть уже «прописавшись» в многожды орденоносном предприятии для последующей после окончания университета работы, Егор выделил в «своем» отделе старейшего его работника, разменявшего восьмой десяток Ивана Николаевича Гражданникова, совсем недавно оставившего по возрасту должность начальника сектора; ему, как сам объяснял, хватает зарплаты и статуса конструктора высшей квалификации. Из рожденных в годы Великой Отечественной, воспитанник детдома в маленьком городке Пено близ озера Селигер Калининской области, Иван Николаевич немало чего повидал в многотрудной и разнообразной своей жизни, пока сорок лет тому назад не осел в нашем городе. С тех пор и трудится в «Меткости». Как старожил, был ходячей энциклопедией событий, обычаев и традиций «лесного предприятия».

И хотя имя матерого инженера, как конструктора «с изюминкой», давно и прочно вошло в анналы истории «Меткости», объединив в своем ассоциированном единстве сразу три эпохи: советскую, переходную «катастрофку» и новейшие, хотя уже и четвертьвековые, времена, — но именно с конца восьмидесятых, когда началась директивная компьютеризация, Иван Николаевич стал притчей во языцех из-за его... логарифмической линейки. Вот и Егор в первый же день появления в отделе увидел сидящего

за своим столом худощавого, выше среднего возраста пожилого человека в пиджачной паре с галстуком, сосредоточенно двигавшего визиром логарифмической линейки. В отличие от девяносто девяти процентов своих сверстников, возможно даже с прибавлением девяти десятых — это как золото «три девятки» в пробе госхрановских слитков, Егора не изумил сам вид доисторического счетного прибора. Все-таки его отец был инженером советской формации и сохранил — «детям и внукам буду показывать!» — этот механизм, что наряду с арифмометром «Железный Феликс» большую часть двадцатого века, до появления серийных ЭВМ, двигали в расчетах инженерную и научную мысль всего цивилизованного человечества.

...Не только сохранил, но Валерий Васильевич и научил всех своих детей, включая девушку Женю, в школьном возрасте обращаться с ручным счетным прибором. Как инженеру, отцовская логарифмическая линейка и перешла к Егору на хранение.

Но сейчас, на шестнадцатом году нового века и тысячелетия, в эпоху победившей на всех фронтах компьютеризации этакий архаизм? — Конструктор сидит за рабочим столом и вместо рисования «мышкой» и клавиатурой по графической автокадровой программе на экране компа хвостовика противотанковой ракеты, а затем на том же компьютере в *MatCad'e* — хотя и старинная программка, но надежная! — рассчитать все характерные размеры деталей и прочностные параметры конструкции в сборе, Иван Николаевич, словно из другой, почти забытой эпохи, ограничивается чертежным карандашом, простенькой шариковой ручкой и обессмертившей в «Меткости» его имя логарифмической линейкой производства ленинградской фабрики наглядных учебных пособий имени Володарского. У Егоровой же семейной реликвии изготовителем значилась сходная по названию калужская фабрика.

...Шесть лет тому назад беспощадная антитабачная кампания, сравнимая разве что только с горбачевской «антиалкогольной», еще не расвирипела, поэтому курилки в корпусах «Меткости» сохранялись. Здесь-то Егор и познакомился с ортодоксальным инженером-конструктором. Тот курил, по его словам, с детдомовского восьмилетнего возраста — и исключительно «Приму». Сожалел, что вот-вот в стране запретят изготовление сигарет без фильтра: «Что делать? Ума не приложу, Егор». На естественный вопрос младшего коллеги о привязанности к рисованию чертежей карандашом и вычислениям на логарифмической линейке, Иван Николаевич пространно пояснил точь-в-точь синхронно и контекстно рассуждениям доцента Николая Андреяновича: «Понимаешь, Егор, юноша страстный и в науках усердный, это вовсе не стариковская придурь. Тем более не оригинальничанье, оно мне, опять же по возрасту, не полагается. Тем более по характеру и детдомовскому воспитанию: там за всякий выпендрож по шеям мигом схлопочешь. Нет, просто когда, еще до компьютеров этих, появились электронные ручные калькуляторы, мысль мне в голову как-то пришла: разумеется, на шутовине этой делить-умножать проще и быстрее, чем на линейке. Но, если здраво рассудить, то за простоту и быстроту эту расплачиваешься *потерей ощущения* значения цифр, а ведь каждая из них в расчетах инженерных имеет свой образ в моей голове! Становишься автоматом каким-то: вроде бы соображаешь, а кажется, что ты сам по себе, а соображение твое отдельно рядом витает. Я уже не говорю о всеобщей компьютеризации...».

Егор, еще весь во власти студенческой маловоспитанной прямолинейности, невежливо вставил слово: «А как в наше время без компьютеров, без интернета и всего связанного с ними обойтись?» — «Без *компьютера*, как еще недавно, до отхода от дел, го-

ворил наш академик Гусаков, сейчас, да и вообще после появления такой вычислительной техники, сложно обходиться специалистам по многосложным проектным расчетам, но все остальное есть баловство, информационный шум и полное облванивание человека. В принципе, и мне, как другим конструкторам, можно было бы чертить и делать несложные расчеты на компьютере — как мои коллеги по отделу из молодых и среднестарших делают; сам видишь каждый день. Даже может и удобнее. То есть и в нашей конструкторской докуке от него польза. Но я карандашом и логарифмической линейкой обхожусь опять же не столько по старорежимности своей, но от опасения все той же потери ощущения образа, образности плодов рук и головы своей. Как бы это высокопарно не звучало. Вот ты, Егор, вступаешь в инженерную жизнь, как бы раньше парторг на собрании сказал, в четвертой пятилетке двадцать первого века. Все вокруг оцифровано, автоматизировано, люди как механизмы по загодя составленным программам живут... как в нехорошем сне пребывают. Привозят тебя служебным автобусом в наше «лесное» Конструкторское бюро. И прямо с проходных становишься придатком какой-то огромной машины, где ты, с одной стороны, вроде бы и индивидуальный, самостоятельный человек, а с другой — хоть и мыслящий, но винтик этой машины. Вошел в проходную, встал в очередь к своей кабине, подошел к датчику, приложил пальцы, распознаватель дактилоскопии сработал, турникет пропустил на территорию орденоносного предприятия, уже под сотню лет кующего для обороны страны, раньше советской социалистической, теперь думско-депутатской капиталистической — если это, конечно, можно капитализмом именовать, разящий меч: летающий и из стволов стреляющий со скоростью шесть тысяч снарядов малого калибра в минуту. Но с проходных ты уже живая деталь ма-

шины. И в отделе нашем, где один я с карандашом, листом ватмана и линейкой логарифмической, усядешься перед монитором компьютера, который и сама малая деталь электронной сети, и восемь часов, с перерывом на обед, будешь рисовать на экране и рассчитывать по готовой программе какой-нибудь ракетный причандал. Большинство воспринимает такое устройство дел как поденщину. Интеллектуальную вроде бы, но — поденщину, способ зарабатывания не таких уж и больших денег. Поэтому, друг мой юный и истины жаждущий, постарайся избежать такой поденной участи. Совет мой ненавязчивый, но опытом не такой уж короткой жизни выверенный: годик-другой входи в курс дела, лепи на экране деталюшки всякие, то есть проходи курс молодого инженера. Но затем отойди от поденщины и детализировки. Извернись, найди солидных рекомендателей, того же Николая Андреевича — мы же друзьями были, не раз, не два, даже не десять, но поболее, приехав после работы на нашем служебном в центр, мы оба там проживаем, на часок заходили в парковую распивочную «Сосенку» по душам поговорить! — словом, постарайся, наизнанку вывернись, но найди маневр перейти, уже с конструкторским опытом, в опекающий нас расчетно-проектный отдел на начальную должность инженера-тематика. Хотя там тоже компьютеры и готовые программы, но не они тебя винтиком будут эксплуатировать, а ты с образностью мысли станешь использовать их... как те же таблицы Брадиса с многовековой историей, то есть не вычислять нужный логарифм вручную, что сейчас и забыли как это делать, но понадобилось — раскрыл на нужной странице и нашел требуемое. И не слушай сказки про телевизионный «искусственный интеллект». Это все машинерия, а интеллект был и есть только человеческий. Тем самым спасешь свое разумное существо. Интерес к инженерному

труду питается образностью его, а образность есть родная сестра научного устремления. Дерзай!»

В другой раз, все в той же курилке, Иван Николаевич — а Егор только зашел в нее — что-то веселое рассказывал скучковавшимся около него молодыми инженерами и студентами-практикантами. Усевшись на свободном краю скамейки длиной во всю свободную от кабинок и писсуаров стену, Егор, не заставший начала «часа воспоминаний», уже через пару минут вникнул в суть рассказываемого старейшиной их отдела.

— ...Философский вопрос, Вадик, кого труднее обмануть? — начальника или компьютер, комп по-вашему американизированному. Пусть его философы и решают. А вот как обмануть начальника с помощью компьютера, так это все из истории нашего славного предприятия. В середине восьмидесятых годов две напасти случились. Первая, всесоюзного масштаба, когда Меченый, вступив на кремлевский престол, что на Старой площади, ввел сухой закон с талонной водкой. Вторая уже наша местная. То ли сам академик Гусаков наслушался в министерстве разных баек о необходимости компьютеризации оборонной промышленности... нет, не в его характере кого-то слушать и под козырек брать; потому и множество врагов и недоброжелателей имел из министерских, обкомовских и прочих инстанций. Вернее будет ходивший у нас анекдот, что-де Гусаков, по случаю награждения орденами группы конструкторов и руководящих работников нашего пятого главка — а награждение состоялось в Миноборонпроме — отмечал это событие с другими ошарашенными в ресторане «Пекин», что стоит впритык к министерству. Как положено, крепко выпили-закусили, посмеялись над повальной компьютеризацией. И вроде сам по себе спор между Гусаковым и другим генеральным конструктором, тоже академиком, вроде из

Коломны, случился: а кто скорее переведет у себя все конструкторские чертежные работы на компьютерные программы? Ударили по рукам на бутылку коньяка, спорщиков авторитетно разбил сам начальник главка — заместитель министра товарища Зверева. Словом, благослови, да головы не сломи. Давши слово, держись, хотя бы академик и один из всего четырнадцати генеральных конструкторов в стране. Делать нечего, через неделю всех наших начальников от секторов до отделов и отделений с приказом под расписку ознакомили: по мере поступления в подразделения персональных ЭВМ — так тогда по-русски нынешние компьютеры называли — в трехмесячный срок всем конструкторам оставить дедовские кульманы и перейти на рисование чертежей только с использованием означенных машин...

— А разве в то время компьютеры уже входили в массовый обиход? Судя по численности работающих здесь, счет ведь на сотню-другую шел?

— Да ведь не каждому же на стол возьми да поставь! Так... по одному, по паре на сектор, значит, на отдел четыре-пять. Сейчас удивляются, но свои уже серийно клепали. Да америкосовских несколько десятков приобрели. Тогда ведь действовал запрет на продажу в СССР новой техники; вроде как запретом какого-то Вейника или Веника, именовался. Так академик наш такую схему придумал: компьютеры эти айбиэмовские через Финляндию покупает бартером за быков-производителей известный тогда в нашей области племенной колхоз, а уж он, получив комиссию, маржу по-нынешнему, перепродает в фирму Гусакова. Словом, с компьютерами в общем-то решилось, голь на выдумки хитра. Кстати, председателя того колхоза даже ваше поколение должно помнить: Герой соцтруда, член ГКЧП, а потом два срока нашим губернатором был. И отменным, заметь! Конструкторам же было велено изучать чер-

тежную программу «Автокад», консультируясь в учебном центре, что у нас и посейчас имеется. Но охотников мало нашлось: надбавки за это не положено, главное надежда, что может и пронесет, держись за авось, пока не сорвалось! Только малость народ поуспокоился, прошла, мол, очередная кампания, как под Новый год Гусаков — так же твердо, как все делал, решил бутылку коньяка поиметь (ведь сухой закон Меченого на дворе!) — огорошил всех новым приказом: отныне будет ставить свою утверждающую подпись только на чертежах машинного производства, распечатанных на принтерах — их тоже через Финляндию закупили. ...Какие-нибудь дисциплинированные до тупости немцы, повздыхав, сели бы за компьютеры и через месяц-другой научились на нем чертежи чертить. Но то немцы и прочие всякие шведы — по Маяковскому. У нас же все скоренько по-русски, дескать, получи, фашист, гранату, распишись за пулемет, к обоюдному удовольствию решилось. И академик Гусаков спор выиграл, с чувством удовлетворения подмахивая чертежи, и конструкторы наши, что с еще большим чувством продолжили чертить карандашом на ватманских листах, пришипленных канцелярскими кнопками к доскам кульманов.

— Как так, Иван Николаевич?

— А так Егор, люди-то здесь мозговитые насчет преодоления начальнических чудачеств. Просто в каждом нашем отделе, с разбивкой по секторам, отыскивали головастого парня, что легко освоил компьютерную машинерию, поставили ему на стол советский или выменянный на быка-производителя американский компьютер (у советских монитор черно-белый, завод во Львове никак не мог освоить цветные), а ответственность работы компенсировали надбавкой к окладу и стабильной повышенной квартальной премией. Дело поставили на поток: конст-

руктор, нарисовав карандашом чертеж, передавал его труженику компьютера. Тот перечерчивал его на экране монитора и, распечатав его на принтере (тоже за быка-производителя), передавал непосредственному начальнику. Тот собирал нужные подписи на угольном штампе чертежа и передавал по инстанции. В завершении производственной цепочки начальник отдела или отделения нес кипу наработанных за квартал машинизированных чертежей на утверждающую подпись Гусакову. Сам академик по отделам и отделениям не имел привычки прогуливаться. Доносить ему? — самим доносчикам дорожке обойдется. Да и Гусаков, выиграв спор, не имел желания вникать в технику дела. Без того забот хватает: вот-вот на выходе зенитный ракетно-пушечный комплекс, что, ребята, ты каждое Девятое мая видите по телевизору в трансляции с парада на Красной площади. И в наших цехах видите, кто имеет туда допуск.

◆ «Растет благосостояние трудящихся,— иронизировал Иван Николаевич, неторопливо смоля свою «приму»,— если в позднесоветские годы мечтой каждого косолученского и пореченского парня, догуливающего последний год перед повесткой в военкомат, были *куртец, маг и кроссы*, то сейчас в виртуальной нашей сериальной жизни этакий парнище, еще не поступив платно — за папашины кровные — в универ, уже роман будущей своей жизни расписывает: иметь так много денег, что считать не пересчитать, пентхаус в центре, загородную виллу, сногшибательный мерс, много путешествовать и каждый день жрать лобстеров. Так понимаю, что лобстер — это американское название краба, да?»

Лобстеров Егору есть не приходилось, но он особо не огорчался, помня слова морского деда Василия, что-де все эти омары и прочие крабы, конечно, на закуску идут, но в сравнении с нашими сред-

нерусскими раками он и все одно, что чеховский плотник супротив столяра. А про старинных косолученских и пореченских парней, ныне седобородых дедов, Иван Николаевич разъяснил: маг — это кассетный магнитофон весом в треть пуда, что ребята, включив на полную мощу, хвалясь носили на плечах; кроссы, понятно дело, и сейчас кроссы-кроссовки, а куртец — входившие во второй половине шестидесятых годов в молодежный и среднестарший обиход куртки с подкладкой — взамен прежних демисезонных драповых пальто и зимних «гроб с каракулем».

Незамысловатый куртец, стопроцентно пластиковый с поролоновой же утепляющей подкладкой, и американизированный лобстер-омар-краб — как они разнятся во времени и мечтаниях юных потребителей? — размышлял Егор, докуривая после ухода из курилки старожила этих мест Гражданникова. Вот Иван Николаевич тот мостик, что соединил эти эпохи. Теперь его, студента-практиканта Егора Болховитова, приучает к традициям и текущей реальности орденоносного предприятия, детища сталинских пятилеток и до окончания прежней страны флагмана оборонпрома. И посеючас три поколения инженеров дорабатывают, «облизывают», как они же говорят, лебединую песню славного в делах, но крайне ядовитого в жизни академика Гусакова — зенитный ракетно-пушечный комплекс с названием предмета рыцарской амуниции.

С оптимизмом вступает Егор в новую для него жизнь инженера-конструктора. Как и те его однокашники, что на захотели идти в торговлишку, в офисные *манagers*, во всевозможные «айтишные» конторы, в мелкие чиновники-шестерки. Да и времена заметно поменялись. Дед Василий так их определил: «Первые два десятка лет новой власти прошли. Торгово-спекулянтский слой, именуемый средним классом, составлявший базис поддержки власти, уже

отыграл свою роль, потому расточительная поддержка его купи-продай стала накладной. С другой стороны, прошла и восторженность якобы единения с кичливым Западом; оглянулись и ахнули: в военной части с голым задом, из так называемой реальной экономики только нефте-газовая игла, добыча ископаемых и их первичная, грязная переработка, химические вредные производства для того же Запада, еще Арманом Хаммером навязанные Ленину... Но тогда деваться было некуда.

Мало-помалу нужда заставила пошевелиться, хотя бы без стратегического планирования, с неуклюжим, с сорокаведерную бочку раздутым администрированием. Но — сдвинулось дело. И главный признак: зарплата, или как сейчас принято ее доходом именовать, на сохранившихся серьезных заводах и исследовательских организациях, оборонных в первую очередь, впервые начала превышать оклады всяких там офисников».

Понятно, что не «превышенная» зарплата и верность «генеральной линии», даже не семейная преемственность от отца с матерью, начинавших трудовой путь на знаменитой ленинградской «Светлане», но скорее собственный, еще ранний юношеский разум, направляемый ненавязчивыми наставлениями деда Василя, привели Егора к правильному решению: сначала поступлению на военно-технический факультет университета, а затем к выбору места инженерной работы — трижды орденосное НПО «Меткость» академика Гусакова, почти что живой легенды оборонпрома.

...Как шутливо заметил Иван Николаевич, поздравляя его, получившего диплом, с первым рабочим днем: «Вольному, Егор, воля, а спасенному рай. Оно и у нас всеобщее лицемерие свой след наложило, но — в меру: дань моде с ее политкорректностями, толерантностями всякими. А оружие как де-

лалось из металла, особенно наше ракетно-пушечное, так и сейчас точется-штампуется. Это я к тому, что к делу серьезному и основательному ты теперь приставлен. На том и аминь!».

Глава шестнадцатая

НА СЛУЖБУ С ПОНИМАНИЕМ, ДОМОЙ С РАДОСТЬЮ

◆ «На том и аминь!» — это краткое, каноническое завершение инаугурации Егора в инженеры, принадлежащее Ивану Николаевичу Гражданникову, патриарху «Меткости», он непроизвольно вспоминал всякий раз в отбойный прошедшему трудовую час. Пора, мой друг, пора! Накидывай на плечи верхнюю одежку, в которой по сезону прибыл утром, и ать-два, чтобы не опоздать на служебный автобус своего маршрута из числа их десятка, уставивших просторную площадку перед проходными. А на другой ее стороне — конечная остановка трамвая. Линию специально дотянули на полтора километра от прежнего «кольца» у проходных завода сельхозмашин еще в конце прошлого века. Трамваем пользовались труженики «Меткости», проживавшие в большом Заводском районе города, занимавшем почти половину его территории. «Меткость» же, раскошелившись от заказов арабских стран, приобрела, правда подержанные, европейские автобусы туристического класса в «полтора этажа». Они легко узнавались на городских улицах. Завидев их, знающий народ ухмылялся, мол, народ из «леса» по домам развозят. Издавна, еще со времен инженерной молодости Ивана Николаевича, время смен для инженерного состава и рабочих цехов опытного производства — по числу примерно одинаковых — было установлено с расчетом, чтобы автобусы спозаранку сначала доставляли

«в лес» работаю, а вторым рейсом — инженеров. Вечером в той же последовательности и развозили. Может именно из-за такой дисциплинарной градации и появились взаимные «классовые», впрочем воспринимаемые без каких-либо обид, прозвища: *гегемоны* и *умные*. Обычные реплики в разговорах: «Сегодня, Нинок, мне на часок пораньше домой надо, поеду с гегемонами»; или: «Петро! Чего застрял, на автобус опоздаешь». — «Да, Федосеич, бугор горбатый велел тяжу* завальцевать — завтра эту хреновину в тир с утра отволокут. Успею, так с умными поеду, а то и на дежурном придется, оббить его медь, добираться. А сверхурочные — шиш тебе!».

Выйдя из проходных и уже не думая (не первый же год работает «в лесу»), на автопилоте взяв направление на автобус своего маршрута, Егор все также заученно — день ото дня повторяемое и мысли отчасти заикливает — вспомнил присказку своего отца, бывшего инженера с ленинградской «Светланы», что на работу следует идти с удовольствием, а домой возвращаться с радостью. И тут же поправил себя с выверенной инженерной обстоятельностью: про удовольствие — это, конечно, из советского времени. Сейчас же время иное, понятие удовольствия от работы, службы из лексикона деда Василия, недавно покинувшего скорбный этот мир, пусть земля будет ему пухом! сомнительно. Хотя и на государство в «Меткости» трудятся, но все же в полном названии предприятия вкралось упоминание про некое «акционерное»? Значит намек на частное-собственность... А удовольствия от работы на это самое «собственность» мало. Так что «служба с пониманием» — вот верное определение нынешнего

---

* Тяжа (профессион.) — деталь, осевая тяга для передачи движения между двумя подвижными узлами; по форме напоминает вязальную спицу — Прим. авт.

status quo, даже если само содержание работы вполне по душе, уму, и устремлениям.

С такими привычными, как молитва в положенный час, «дежурными» размышлениями Егор, поднявшись в следовании резкой очереди по ступенькам внутренней лестницы на верхний «этаж» туристического автобуса, и направился в сторону своего дома, *своего зимовья* — даже в тридцатиградусную июльскую жару. А Иван Николаевич, поддавшись на уговоры домашних, вышел-таки на пенсию, в смысле уволился и стал довольствоваться одной пенсией, получением которой уже за полтора десятка лет «огорчал», усмехался он, Пенсионный фонд. Жалко; третий ведь наставник его, Егора, на жизненном пути после флотского деда Василия и университетского доцента Николая Андреевича...

В разморяющем тепле туристического автобуса, в покойном кресле с высокой мягкой спинкой, коль скоро вспомнил о Гражданникове, потянуло на воспоминания об эпизодах ненавязчивого попечительства над ним Ивана Николаевича, учившего тонкостям инженерного мышления. Сегодня вот довелось ему в цехе оказаться с чертежами по рабочей текучке в самом окончании смены «гегемонов» и услышать от рабочего жалобу приятелю, что бригадир Федосеич задержал его, велел тяжу срочно завальцевать. А тут эпизод с этой самой тяжей от Ивана Николаевича.

— ...Главное, Егор, в инженерном нашем деле ничему не удивляться, а как можно чаще соображаловку включать, пользу извлекать для дела. Вот с этим-то сейчас туго во всех профессиях. Всюду тупиковое обезличивание, механизация и оцифровывание. Иногда смотрю по телевизору, по радио утром на кухне слушаю, как восхваляют всяких там программистов, что по-американски айтишниками зовут. А ведь программирование самое тупое занятие! Именно поэтому Запад на сладкие коврижки пере-

манивает их. Свои брезгают. Даже врачи стали придатками американских, европейских и японских — своих не делаем — диагностических аппаратов: что эта машина выдает, то врач и запишет, затем посмотрит на компьютере нужное руководство, распечатает программу лечения и прописывает нужные снадобья, а медсестре велено уколы делать. И так во всем и у всех. Отрадно, что в нашем инженерном деле, особенно военном, все же остались элементы творчества. Вот за это и держись.

Воодушевленный своими словами — вишь, Егор, словно старинный парторг научился к старости гладко говорить! — Иван Николаевич вдругорядь закурил новую «приму», продолжил.

— Пару месяцев назад привезли нам новую американскую противотанковую ракету из числа тех трофеев, что где-то на Ближнем Востоке вроде как палестинцы заначили. При ней сопроводилка из Москвы: разобраться, сравнить с нашим «изделием» и по инстанции отчет представить. И меня в разбиратели-сравнители привлекли, вспомнили о Гражданникове. Но самого же и на смех поначалу подняли: вишь какой второй Левша нашелся, земляка своего решил переплюнуть: тот, умирая, все просил государю и министру Клейнмихелю передать, чтобы наши солдатушки браво ребятушки дула ружей толченым кирпичом не чистили, а ты, Николаич, примотался к тяжам. Еще бы винтам и гайкам критики подпустил! Мол, у нас резьба метрическая, а у америкосов дюймовая. Я сплюнул, промолчал и в сторону отошел.

— А что в тяжах-то этих существенного?

— Ты сам припомни как в нашей ракете тяжи изготовлены? Правильно, в несколько сантиметров длиной выточен на токарном станке, да еще с никому здесь не нужными допусками, чуть поболее швейной «цыганской» иглы диаметром, а на концевике этого прутика по резьбе насажены захваты

крепежные... словом, тот же Левша позавидовал тонкости и мелкости токарных и фрезерных работ. А в руки возьмешь — залюбуешься: произведение технического искусства! Из нержавеющей стали и фосфористой бронзы высшего сорта, да еще с хромированием. Но и стоимость приличная получается, сроки изготовления всех деталей тяжа если кого и радуют, то работяг-сдельщиков.

— Американский-то чем отличается?

— Всем. Там тяж — кусок проволоки, даже не из нержавейки, дешевой стали что-то навроде нашей «десять ка-пэ», а концы продеты в отверстия сочленяемых узлов и просто плоскогубцами заверчены. Стоимость вместе с зарплатой американского работяги — десять центов.

— Как же ихние ОТК* и военная приемка пропускают?

— Так и пропускают. У них в исторической памяти: цент доллар бережет. Значит, хорошо все соображают, что ракета эта противотанковая штуковина крупносерийного, почти что массового производства, опять же одноразового использования. Взял кусок бросовой проволоки, завертел плоскогубцами концевики и — в бой против всего неугодного Юнайтед Стейтсу мира! Против нас тоже, пока через шестерок-посредников. А здесь традиция: даже для одноразового применения делать с военной приемкой и иерархией заводских ОТК так, как будто сто лет этот злосчастный тяж будет без перерыва в работе на пределе. Ладно в военном деле, здесь слишком серьезная ответственность, лучше порой перебдеть. Но ведь в советское время и к ширпотребу — сейчас его у нас не делают, потому и вопросов не возникает — такие же преувеличенные требова-

---

* Отдел технического контроля — обязательная заводская цеховая служба.— Прим. авт.

ния были. Кстати, во вред развитию собственно ширпотребовскому производству. Когда прежний наш телевизор *Старт* и холодильник *ЗИЛ* по пятьдесят лет работали и намерений останавливаться на этом не изъявляли — это какво? Это и значило: замереть во времени. Даже понимающие люди в Госплане пробовали неординарные для страны меры принимать. Может слышал от родителей и дедов с бабками, что где-то в семидесятые годы при покупке нового телевизора вычитали из стоимости полусотенку за сдаваемый старой марки? Резюме же, Егор, из сказанного о ракетных тяжах прямое отношение к поддержанию в осознанной инженерной работе творческого начала: семь раз отмерь, один раз отрежь. То есть сочетай разумное с полезным. Опять же в нашем малопривычном и еще менее понятном с трезвой головы мире инженерная работа, если она близка к творчеству, есть то страусово крыло, под которым порой так хочется уютиаться!

◆ — Ты что, Егор, замечтался, — он вернулся из воспоминаний от обращенному к нему вопросу Сергея Станиславовича, — а то уже второй тост под шашлык созрел.

Егор неопределенно согласно кивнул головой, не вникая, поддержал тост Кристины за уют дома, собравшего всех их вместе в этот морозный декабрьский вечер, выпил полрюмки коньяка, хотя заслуженный баритон, фигурально спевшись с театральным завлитом, уже обосновали категорическое: под шашлык только она родимая — водка! Скорее всего попал он в то промежуточное состояние, которое склонный к народному философствованию Степаныч определял как «между третьей и пятой, четвертая не в зачет», когда организм пьющего от случая к случаю человека сначала от принятого несколько опешил и впал в рассудительную задумчивость. Задумчивость же, особенно «среди шумного бала» (это уже

не Степаньча, но самого Егора рассуждения), как следствие резкого расширения сосудов головного мозга — особенно от неподдельного коньяка навроде грузинского «Сараджишвили» пятилетней выдержки — и резкого оттого «выброса» содержимого подсознания в активную память, есть некоторое заикливание прошлого на нынешнее и обратно.

Поскольку вопрос к нему Сергея Станиславовича отвлек Егора от момента возвращения на служебном автобусе «из леса» и предвкушаемого удовольствия возвращения в зимовье, а тост Кристины закрепил акцент на словах «уют дома», то он тотчас и возвратился в воспоминаниях в зимовье на Павелина — безотносительно к сегодняшнему празднованию чудакватого квазиюбилея Нины Григорьевны, которую Егор даже в мыслях избегал называть унылым словом «теща».

Поначалу, с времени обживания зимовья и начала работы в «Меткости», Егор с инженерной суховатостью объяснял самому себя, что невольная радость вечернего возвращения домой есть обычное удовольствие человека, меняющего, хотя бы регулярно, род занятий. Как, например, регулярно пьющий после рабочего дня заходит в пивную, а если при деньгах, то в заведение более высокого разряда. Или труженик скучной и монотонной сидячей работы вечером играет в бильярд, а если еще относительно молод и крепок, то в пинг-понг или лаут-теннис. И наоборот, когда служебная, торговая, иная деятельность сопряжена с постоянными хлопотами, беготней по делу и без дела, надоедливому общению с малоприятными людьми, то по вечерам такового тянет к тихим занятиям навроде просмотра кляссеров с коллекционными почтовыми марками, мысленному пересчету трудовых и иных накоплений в дензнаках, наконец, полусонному сидению, лучше лежанию на диване перед включенным на малую громкость телевизором.

Но весьма скоро он разочаровался в своем категорическом мнении. Случилось это в его первый трудовой отпуск. Надо заметить, что Нина Григорьевна от щедрот своих отправила дочь с зятем в свадебное путешествие в Шарм-эль-Шейх, хотя Егору претила жара, что он объяснял наследственностью от вологодской бабушки Натальи и питерским житьем ее же, деда Василия и своих родителей, а Лиза не то что боялась, но некомфортно чувствовала себя в самолете, что есть верный признак самостоятельности характера. В первый же отпуск, слава богу, вопрос о каких-либо перелетах не стоял. Во-первых и в основном, Лиза находилась на солидном сроке беременности; во-вторых, загранпаспорт Егора, по правилам режимных предприятий, хранился в первом отделе «Меткости» — и получить его он не мог, поскольку, не зная еще тамошних порядков, за истекший год многократно брал в спецбиблиотеке издания и документы с грифом «Совершенно секретно»... более догадливые старались этого не делать. Иван Николаевич не предупредил подопечного, поскольку все эти лёты-полёты были для него сугубой абстракцией.

Словом, пару недель провели они в приличном местном санатории-курорте на Оке; с удовольствием провели, а оставшуюся половину отпуска Егора — дома. И вот тогда, не разделяя день на рабочее и домашнее присутствие, он сообразил: дело вовсе не в периодической смене обстановки и рода занятий. А в чем? — просто ему нравится домашняя обстановка! — вот исчерпывающий ответ. Как подрастающим котяткам Ерошке и Маньке и только что взятом в дом щенке Фомке — от нечистопородной деревенской лайки. «Дети должны воспитываться с равновеликими по возрасту домашними животными», — вердикт Нины Григорьевны по поводу появления в доме котят и щенка.

◆ Поскольку Егор обосновался в зимовье «плюс-минус» почти в одно время с кошками и собакой, то в словах Нины Григорьевны о воспитании с равновеликими ему почудился некий каверзный намек. «Вот оно! проявляется-таки «тещинизм» даже в столь воспитанной и неординарной, гм-м, красивой и стройной, как и ее дочь, женщине. Даже Лизе пожаловался, тоже прозрачно намекнув насчет брательника своего, но та только рассмеялась: «Не делай, милый, себе чести сверх положенной меры! Разве можно для женщины равнять зятя с внуком, хотя бы и скоро-будущим? Что же касается Кости... давай не будем держать это в голове. Договорились?»

Егор кивнул соглашаючись и дал себе зарок не наводить тень на плетень, воспринимать слова новых для себя домашних в самом что ни на есть прямом смысле, без околичностей и угадывания якобы подспудного смысла. Как дед Василий воспитывал своих внуков: «Живите по-флотски: хочешь рубать — на камбуз поспешай, а не хочешь — марш к корабельному лекарю. Он тебе слабительного на всякий случай даст. Это к тому, что мысли и дела должны строго на параллельных галсах идти, а не уваливать друг от дружки. Особенно ты, Женька, это запомни: вырастешь, бабо... женщиной станешь, а у этого пола прямо-таки пристрастие мысли излагать, петляя в словах как лисица, что сама себя запутать может, если ей что почудится».

Иногда Егор даже в восторг приходил: насколько тонко, продуманно, выверенно почище инженерного расчета бытование обитателей зимовья. Включая выросших собаку и кошачью пару, стройно вписанных в эту систему, сочетающую общее и личное. Даже неофициальные хозяева у каждого свои. Фомка таким полагает Степаныча, кот Ерошка Лизу, а кошка Манька Антонину Филипповну. Это личное, а общее, то есть служебно-общественное, по их естест-

венной природе. Фомка при Степаныче на хозяйстве: территория зимовья, дом и другие постройки, собственная будка впритык к стене сарая с мастерской. Умеренный лай, скорее для порядка и небольшой корысти: обитатели дома услышат и отметят непроизвольно служебное рвение. Кормежка калорийная, не сухомятка, но собачьи глаза и пасть всегда рады лишнему, желательно усиленному. Лучше куска настоящей краковской колбасы, что Антонина Филипповна или Надежда Тихоновна покупают в фирменной мясной лавке на углу проспекта и Майской улицы, по мнению Фомки, человеческая мысль, хотя бы в основном пакостливая, не придумала. Хозяин же добродушно посмеивается неполиткорректно над подчиненным по хозяйству, мол, волчья да собачья пасть, как и поповские глаза, ненасытны. Фомка согласно помахивал своим скрученным полулаечным хвостом. Кто такой поп — он хорошо знал: несколько раз Сергей Станиславович приходил в гости с крупным бородатым мужиком — один раз тот оделся в длинный, до пят, лоснящийся черный халат, а на шею повесил на цепи большую блестящую штукковину из пересекающихся золотых плашек. В тот приход, а было это весной, все говорили про пасху, друг Сергея Станиславовича чем-то густо надымил в доме: пахло приятно, как от Нины Григорьевны и Лизы, когда они по утрам сдобривают свои волосы из стеклянной пшикалки, но Фомка расчихался, за что и был выпровожен на улицу.

В другой приход друзья со Степанычем распили в летней беседке бутылку коньяка, а потом подобравший хозяин объяснял Фомке, что бородатый — это священник, то есть поп, а Сергей Станиславович когда-то пел у него в церкви в хоре. Фомка семантику человеческой речи не понимал, но слово «поп» запомнил и отметил его в своей собачьей памяти.

Ерошка с Манькой днем валялись на различной

домашней мебели, перемеживая неглубокий сон с физкультурными потягиваниями, ленивым брожением по комнатам, оживляясь в часы кормежки на кухне — из своих личных плошек. Летом бродили и по двору, грелись на солнце, забравшись на крышу беседки, на ночь спускались по внутренней лестнице в полуподвальный этаж, чуть поменьше жилого, где радением Вячеслава Тимофеевича, экс-супруга Нины Григорьевны, были установлены в новорусском стиле бильярдный и теннисный столы. Различные кладовки и прочие хозяйственные предметы соорудил уже Степаныч. Здесь Ерошка с Манькой выполняли свои служебные обязанности: личным присутствием отпугивать появление мышей: полевков со двора и «жилых», что из соседних домов. Впрочем, эти обязанности они дифференцировали. Если появлялась мышка, то Манька ее ловила, а Ерошка, полулежа на бильярдном столе, с интересом наблюдал. Сам он брезговал прикасаться к грызунам.

...Примерно также был устроен и быт двуногих — Степаныч иногда с тростью, подаренной ему на день рождения Денисом Курковым, ходил, но скорее для форсу — обитателей зимовья. Словом, римейк с помещичьей усадьбы чуть ниже средней руки. Но дед Василий, главный авторитет для Егора, одобрял: особого частнособственничества не наблюдается, со Степанычем всегда выпить можно в охотку, тем более тот никогда не пьянеет, только добреет лицом и душой, и вообще порядок почти флотский, а само зимовье в своем отъединении от запакостившего мира чем-то схоже с небольшим кораблем, по тоннажу, численности экипажа, главное отсутствию палубных и иных вооружений (в хозяйстве Степаныча имелась ижевская двустволка) навроде рейдового каботажного катера марки РК — номер такой-то, по матросскому прозвищу *аркашка*.

◆ «Кто умеет, тот делает; кто не умеет делать,

тот учит как делать; кто не умеет ни того, ни другого, тот учит учить как делать, — часто повторял слова неведомого ему классика мысли дед Василий, когда внуки его в порядке возрастной иерархии, Костя, Егор и последыш Женья, завершали школьное образование и задумывались о выборе жизненного пути, — так и ты, вступая, казенными словами говоря, во взрослую жизнь, трезво, благо пить тебе еще рано, сам рассуди, что тебе по душе ближе и по содержанию головы сподручнее. Если склад характера практический, то учись сам делать, то есть становись военным, врачом, инженером, школьным учителем, рабочим, тружеником всяких искусств и их ремесел, даже попом. Воры, бандиты, спекулянты, взяточники и прочие тоже сами работают, но польза обществу и государству от них сомнительная. Главное, чтобы постоянно в тебе жило устремление к совершенству в делах рук и головы своей. Полезны, если вдуматься, две остальные градации — вне всякого сомнения: ведь кто-то должен учить как делать? Разве станешь настоящим специалистом, мастером своего дела без наставников, преподавателей? Я школьных учителей отношу к первому ранжиру, ибо они не просто учат, но воспитывают в учении. Даже учитель труда, который предмет почему-то, явно американцам обезьянничая, сейчас «уроками технологии» нарекли. А ведь достаточно сложно учить будущих учителей. Разве *наша* Кристина дура или бездельница, хотя она в своем педуниверситете именно учит учить. Нет, моя внучатая племянница нашего, Болховитовского корня и к переливанию из пустого в порожнее не способна. Вот сейчас сделаю перерывчик и продолжу».

Поскольку по традиционной флотской привычке дед Василий вел воспитательные беседы с внуками исключительно за домашним «по случаю» столом, то перерывчик понятно почему случался...

Благословляя среднего внука к инженерной профессии, дед Василий особо отмечал, что у Егора с ранних детских лет проявилась склонность к ручдельным занятиям, причем не бессмысленным перебирательством предметов, их нагромождению друг на друга, что обычно приводит к их порче, но устремлением к изменению их формы и выделке в новом качестве и назначении — по детскому, понятно делу, разумению в пользу таких изменений. Когда третьеклассник Егор к дню рождения старшего главы семейства выстругал из дерева кораблик, очень похожий, по словам деда Василия, на торпедный катер, с прибитой тонким кровельным гвоздем боевой рубкой и двумя торпедами по бокам ее (торпеды из карандашей), то Василий Алексеевич предрек Егорке сначала карьеру флотского офицера, продолжателя его династии, затем, подумав, опять же «ея и монаси вкушают», засклонялся в сторону инженерных занятий, желательно по кораблестроительному направлению.

Последующие отроческие годы увлечения внука фотографией и рисованием, причем совершенно самостоятельно, без наставничества, несколько озадачили деда: осторожно поощрял, но воспитательных оргвыводов не высказывал. Определенно одобрял он пристрастие Егора к чтению, изначально воспитанного в нем бабушкой Натальей — учительницей. И даже с некоторой подозрительностью порой посматривал на «средненького», когда тот в старших классах, в самый разгар компьютерной мании, как он называл ее, том за томом перечитывает собрания сочинений русской и зарубежной классики — из тех самых «подписок», что с упоением тех славных советских лет собирала бабушка Наталья, порой даже используя свой «педагогический ресурс»: разные родители у детей бывают, в том числе и в книготорговой сети работающие... Ведь для советского человека, сверх-

щепетильного во всем, что касается нетрудового, неэтичного, аморального и прочего негативного, только в отношении книг это табу не соблюдалось и даже в массе своей народом, особенно из среды интеллигенции, молчаливо поощрялось. В том числе и небольшие кражи раритетов из библиотек общественных и личных. Любовь к чтению! Как в части святого блуда тогда говорили: война и колхоз все спишут...

Но подозрительность деда Василия рассеяла бабушка Наталья, как учительница солидного ленинградского педобразования знавшая специальные термины, разъяснив флотскому своему мужу, что это проявление скорее всего наследственного, которое передается через поколение (при этом она со значением посмотрела на деда Василия), *нонконформизма*, то есть здорового в основе своей сопротивления любому стадному инстинкту, в данном случае массовому самооглуплению и дебилизации через интернет.

...Но когда Егор, не рассылая, подобно многим однокашникам, свои *ЕГЭ*-справки в десятки вузов, целенаправленно подал заявление на специальность ракетостроения, дед Василий даже сам себя похвалил, что именно он еще в мальчонке Егорке узрел будущего инженера-оборонщика.

◆ Конечно, против лома нет приема. Раз ныне человек, особенно в активную, еще молодую пору своей жизни, поставлен в ситуацию компьютерно-интернетовского оцифровывания — цифрофрениии, как со слов друга своего профессора Скородумова называл это действие доцент Николай Андреевич, то и Егор пользовался «дарами цифроизации» американской разработки и китайского производства: от мобильного до интернета, в основном на работе — по делам. Дома только почтой-«мылом», раз все его друзья и знакомые на нее перешли и иногда, укоряя себя за лень порыться в энциклопедиях — от тех же достославных Брокгауза и Ефрона до десятитомной

Малой советской, а также различных словарей русского языка, что чинно стояли в шкафах библиотечной комнаты,— находил по поисковику нужное. Впрочем, особо интернетовским сведениям не доверяя. С опаской читал ту же Википедию.

Конечно, объяснял он сестре, ее мужу Денису, даже Лизе иногда, порой неназойливо упрекавших Егора в «отставании от прогресса жизни», лучше всего ближе чем на полтора метра не подходить к компу, как то делали Николай Андреевич и профессор Скородумов, а компьютер и его сети использовать только и исключительно на рабочем месте. И такой человек при этом ничего не теряет, наоборот, оберегает свою жизнь, ибо интернет в социальном его пользовании — мощнейшее оружие расчеловечивания и дебилизации в руках, мозгах и инструкциях невидимых слуг дьявола глобализации.

— Но сколько времени выигрываешь, пользуясь услугами соцсетей и всевозможных приложений? — возражала Женья.

— А для чего тебе это самое время, что сэкономишь такими услугами? Молчишь, с мыслями, сестрица, собираешься? И почему собираешься? Да потому, что интернет отучает быстро соображать... и вообще мыслить за пределами вбиваемых в голову этим самым интом инструкций. Получается, Женечка, что твои братцы, а Костя даже по работе с компами не сталкивается, из породы счастливых людей! Никаких тебе соцсетей, бессмысленных просмотров чего тебе никогда не понадобится и вообще: сохраненное умение здраво мыслить.

Если при разговорах присутствовал Костя, как всегда «слегка в норме», то лениво поддерживал младшего брата:

— Интернет есть зараза человечества: вроде сплошное удобство, а на деле манная каша, что жуешь, жуешь, а ни вкуса и ни удовольствия.

— Жениться тебе, братишка, повторно надо. Чем тебе Анфиса не пара: молодая, красотка, в тебя влюблена,— перевела беседу в обычное женское русло Женя,— опять же стандарт у нее высокий, ноги длинные...

— Вот именно. Как по модной сейчас присказке: женятся на длинных ногах, а потом остаток жизни думают как самому сделать ноги. Нет, Женька, наше дело, как ребята-халтурщики говорят, не рожать — что надо сделал и бежать!

— Грубиян, все хорохоришься. Увидишь, округтит-таки тебя Анфиса. Я уже ей советы шепчу. Нравится мне она.

— Раз нравится, так и оформляй с ней приемное сестринство... а я еще погуляю: мне Каринка в бытность супружницей не один годовой отпуск задолжала! Гуляй, Костя, ешь опилки, пока есть на лесопилке. В смысле пока папа с мамой, иногда Анфиса, кормят обедами, а на коньячишко халтурой малевальной можно заработать.

В последние два года, когда изобретенная империалистами пандемия разогнала людей по домашним гнездам, Егор в выходные дни и в долгие летние вечера приновился со Степаньчем ремонтировать и подновлять мебель зимовья. Вдвоем даже вполне приличный книжный шкаф — для пополнения — смастерили. Нина Григорьевна, случайно зайдя в сарай с мастерской и увидев зятя, покрывающего лаком новодел почти по образцу старинных в библиотечной комнате, даже залюбовалась: не столько шкафом, но усердно трудящимся Егором, накинувшим затерханный синий халат Степаньча.

— Да-а, класс! Шедеврально, как бы сказал мой бывший хахаль Миша Пружанцев, известный тебе.

— Знаю, как же. Про хахаля, извиняюсь, только от вас сейчас услышал — и забуду, если надо. А вот как он лет двадцать тому назад на историческую

родину собирался, да так и не собрался — помню его красочный рассказ.

— Мд-да, собирался. У нас в МГИК'е, в бытность моей учебы, песенку Галича на посиделках пели: «Не поедут к ним певцы и танцоры, не поедут и еврей-шахтеры». Дальше неприлично. Вот и завлиты не поехали — не требуются они там. Про хахалю же — это у нас секрет полишинеля. Неужто Лизка не насплетничала? Что ж, правильную дочь вырастила. Но все это к слову, светский рефрен. Ты особенно мебелированием не увлекайся. Тебе для престижа, трудовой карьеры и морального удовлетворения надо всякие диссертации защищать. Знаю, вечерами в библиотечном уголке делом занимаешься, даже как-то Лизка жаловалась...

— На что? — испугался явному навету жены и чрезмерной откровенности Нины Григорьевны Егор.

Она же от души рассмеялась:

— Мы, филармонические бабы, на язык паскудные, не хуже мужиков, но я не о том, что ты подумал. Жаловалась, не в смысле плакалась в жилетку, но скорее озаботилась: не переумничает ли суженый-ряженый, а то раз ночью проснулась, а он во сне все фамилию Ферма повторяет. И вспомнила, что как-то Кристина ей университетскую присказку поведала: если кто начинает теорему Ферма пробовать доказать, то и до спецлечения недалеко.

— Позволю вас успокоить, Нина Григорьевна, и Лизу разочаровать. Помню я этот случай. Во-первых, я в тот момент не спал, а проснулся посреди ночи, как со всеми часто бывает в жаркую июльскую погоду; ведь и она проснулась? Во-вторых же, здесь у нее, как та же Кристина со знанием психологии говорит, случился сдвиг мотива на цель. Вот запомнила она Кристинин анекдот про теорему Ферма, кстати, уже давненько доказанную, а я, проснувшись, думал про Ферми: приснилось за минуту до

этого, что нашел решение одной его задачи, а Ферми — корифей в термодинамике. Вот, проснувшись и произнес произвольно его славное имя.

— Ловко ты вывернулся! — Нина Григорьевна даже прищелкнула пальцами обеих рук и одобрительно рассмеялась.

Глава семнадцатая

ЖЕНСКИЙ МИР ОКРЕСТ И ИЗНУТРИ ЗИМОВЬЯ

◆ Нина Григорьевна даже прищелкнула пальцами обеих рук и одобрительно рассмеялась:

— Степаныч! Ты где добыл противогаз и куда в нем собрался? Вроде как мирное время на дворе. Опять же сегодня с утра трезвым выглядел, а?

— У меня, Нинка, гвозди одни сотки остались, а мне мелкие понадобились — Филипповна пристала: полочки для цветов горшочных у нее в комнате перевесить, мол, после полудня в тени от оконного света оказываются. Хватился — ан только сотки и сапожные. И как не углядел? Схожу в хозмаг на углу Майской и Гризодубовой — недалече.

— Насчет гвоздей сочувствую, но зачем противогаз надел?

— Так опять сегодня в утренних новостях местных по кухонному репродуктору объявили: снова самоизоляция для пенсионеров, третий раз в этом году! Едрить вирус этот разэтакий! Или как Егор по-американски ругается про кешбэк твою онлайн. Штрафом за нарушение все грозят.

— Значит надень обычную маску и иди по Майской стороной парка вдоль ограды. Там в будние дни ни души не встретишь. А если и попадешься на наряд — у нас по исторической традиции только в первый-второй дни шестерят, — то говори: в аптеку

идешь. Им же только галочки поставить: спросили — ответили, уважение к пожилым проявили.

— В том и дело, что с маской возраст распознают, а в противогазе нут-ка! Я вот и амуничку, рубаху и штаны камуфляжные, надел. Менты встретятся, так решат, что учения у военных проводятся.

— Вот именно, решат: мужик прихрамывающий и в возрасте так на учения торопится, что загодя противогаз натянул. С ментами шутки плохи. В таком обмундировании не то что задержат и оштрафуют, а вдобавок статью о дискредитации власти припишут: издевательство и насмешка над мерами «партии и правительства» в борьбе с пандемией! Хватит придуряться, Степаныч, переоденься в гражданское, надень маску и иди себе спокойно... да, раз так опасешься насчет патрулей, так попроси маму липовый рецепт выписать. У нее бланки и личная печать врачебная сохранились, вот она себе и Тихоновне, когда требуется, рецепты и стряпает. Рецепт показал — и топай дальше за гвоздями. Так не ответил: откуда противогаз? Да и камуфляж, хотя его я раньше на тебе видела, когда грядки копаешь.

— А это еще с девяностых годов. На центральном рынке прапорщик с двумя бойцами, подогнав грузовик, комплекты продавали: камуфляжная пара, тельняшка десантная и сапоги-кирзачи. Цена смешная. Все покупали и я мимо не прошел. Вспомнил, что по радио и телеку много про торфяные пожары в Подмоскovie, по соседству, говорят, спросил прапора насчет противогаза. Тот, рожа красная, засмеялся: вооружаешься, мил человек? Извиняй, калашей и лимонки не припасли, а противогазов парочку случайно захватили. Вот я эту пару и купил. На всякий случай. За порог дому ступишь и не сразу сообразишь что к чему на свете творится...

◆ Усмехаясь чудачествам своего дядьки по отцу, Нина Григорьевна еще некоторое время постояла

около летней беседки: начало сентября теплое, безветренное и в контраст ласковой погоде уже начинающая тоскливо утомлять эпидемия; не за горами и годовщина уханьской заразы. Или, как Егор со слов своих авторитетов доцента Николая Андреяновича и профессора Скородумова говорит, выведенной в английской или американской лаборатории. Словом, пробное бактериологическое оружие по сокращению численности мирового населения. Мужики, мужики... чего только за рюмкой с умным видом и уверенным голосом не скажут! Нам бы, женщинам, их заботы. И главная из них — не чувствовать себя одиночкой, этакой царицей бала без поклонников. В роду ее молодость и моложавость долго держатся, но — еще пара лет минует и сакральный «полтинник». Никуда от него не денешься. Все при тебе, моя красавица, но уже и бабушка ведь? А изменяется ли с сакральным возрастом чувственность? Нет, нет, именно общая, душевная чувственность. Вчера от скуки пандемийных серых дней, когда вся филармоническая жизнь засохла на корню, на службу можно и вовсе по желанию ходить, решила пощелкать пультом перед телевизором в малой гостиной, чтобы не отвлекать мать от сериала в большой, и как раз на начало старинного французского шедевра «Мужчина и женщина» попала. Весь фильм просмотрела, только на пару минут отвлеклась (канал без рекламы оказался), сходила на кухню и налила себе фужер масандровской мадеры. С ней вприхлебку и досматривала. Отметила: такая же слезинка выкатилась, как и несколько десятилетий назад при первом, в юности, просмотре. Тоже из правого — точно помнила. И почему из правого? Ведь почти полный фужер забористой «крымки» подействовал даже на закаленный филармонический организм... и красивый — кокетливо добавила. Иначе почему зациклилась на правом свое глазе (и красиво подведенном даже для

домашнего обихода — снова добавила)? Напрягла память: а ведь фильм смотрела в кинотеатре, сидела на левом краю близкого к экрану ряда, вот и напряглась, косилась вправо. Оттого и слезинка из него выкатилась на трагическом финале. А сейчас она сидела за столиком с фужером мадеры и разломленной плиткой горького шоколада «Вернисаж» фабрики Крупской — на обертке лейб-гвардии полковник Давыдов лихо смотрел с репродукции картины кисти Ореста Кипренского. Шоколадку презентовал финансовый замдиректора, недавно побывавший в Питере: родственников проводывал под видом командировки — не побоялся ведь ехать в поезде в самый пандемийный накал!

...Значит, сидела за столиком и опять косила глазами вправо на телеэкран. И слезинка справа выкатилась. Но шоколадка, визитка Русского Музея, перебила портретом лихого полковника сложный анализ слезотечения воспоминанием еще о более далеких временах: школьная еще поездка в тогдашний Ленинград с обязательным посещением этого музея и, конечно, Эрмитажа. А от той поездки скок-перескок к первой, десятиклассной любви. По тогдашним нравам не дошедшей до спалки, хотя половина ее одноклассниц уже попробовали запретного плода... Но за месяц до выпускного догнала их.

Постояла, постояла около летней беседки, снова усмехнулась чудачествам своего дядьки, ушла в дом через заднюю, кухонную дверь

Тихое начало теплого сентября; эпидемия разогнала, рассеяла людей от скученности — нет худа без добра, — вернула на время к привычке самостоятельно думать, вспоминать о прошедшем, трезво (даже спяну!) оценивать настоящее. А это редкость на фоне обычной филармонической суеты, интриг и нагловатой нахрапистости. Вот и пользуйся моментом, дорогая и всеми любимая Ниночка! Можешь

снова, как вчера, мадерцы пригубить, а хочешь — томик любимой поэтессы возьми, очень ладное по полиграфии питерское издание которой недавно вежливо-подхалимски преподнес Егор: умен зятек, хорошо встроился в систему зимовья. Можешь на угловом диванчике в гостиной, артистично полулежа, почитать любимые стихи. Расслабляющий теплый сентябрь.

◆ *То пятое время года,
Только его славословь.
Дыши последней свободой.
Оттого что это — любовь.
Высоко небо взлетело,
Легки очертанья вещей,
И уже не празднует тело
Годовщину грусти своей.**

Но нет, черт возьми! Нина Григорьевна захлопнула изящный, почти невесомый томик, поуютнее устроилась на изгибе углового дивана. Еще полетному раскрытая задняя входная дверь впускала в дом теплый ветерок, что протекал через коридор между кухней и припасной кладовой и легонько колебал полупрозрачную портьеру в гостиную, а до кожи лица ее дотрагивался нежнейшим пухом. Ощутимое дыханье того пятого времени года. Такое ласковое начало сентября сродни очередному, бесконечному дуновению неиссякаемого женского желания любви, вернее ее начала: самого волнующего, возвращающего в юные чувствования, светлые грезы о еще небылом, но таком трепетно ожидаемом.

Женский мир одновременно внешне прост, но немислимо сложен, непостижим в своей сути. Окрест и изнутри — так она несколько казенно опре-

---

* Анна Ахматова. Из книги «Белая стая». — Прим. авт.

делила это различие внешнего и в себе-самой-содержимого. И еще третий мир у нее — изнутри зимовья, в котором снимаются защитные доспехи для внешнего, но вовсе необязательно обнажать... как бы это сказать? — опять стереотип в голове: обнажать струны души.

Господи! Как же сложно в своем женском естестве разбирать все по нотам? До-ре-ми... Не зря же и величайшие провидцы души человеческой Шекспир и Достоевский явно опасались в женское существо вникать. С мужиками ох как проще! Конечно, есть еще земляк наш Лев Толстой с архигениальной «Анной Карениной», но... не зря же литературный мгиковский доцент Лютецкий только со второго захода зачет поставил за ее откровенное мнение о степени полноты раскрытия автором характера своей героини. Так и сказала вроде как заигрывающему с юной красавицей Альберту Михайловичу: «Анну поставили между жеребцом и живым несгораемым сейфом — чисто литературный прием. Отсюда и вся запрограммированность сюжета, ибо в таком сопоставлении характер женский обречен в своем раскрытии на асимметрию...». И тут же с ужасом подумала: что она мелет? Ведь жеребцом заглаза весь институт называет брутального доцента! Лютецкий окаменел породистым лицом потомственного вузовского преподавателя: «Умны вы не по годам, уважаемая. Придете на перезачет», — и несколько брезгливо, чуть ли не локтем отодвинул от себя ее зачетку.

Нина Григорьевна в голос расхохоталась, вспомнив это окаменевшее лицо, озадачив только что неслышно вошедшую в гостиную со стороны угловой прихожей кошку Маньку. Она подхватила животину и посадила на диван рядом с собой. Та верноподданнически свернулась в нарочитый клубок, выставив мордочку вверх, и замурыкала на своих горловых струнах: до-ре-ми...

С этим же эпизодом связано и ее понимание того, что у молодой женщины подружек быть не может по естеству их характеров. Набивавшаяся ей в таковые Ленка Семенихина мигом отскочила, оскорбившись за Лютецкого, к которому была трусливо равнодушна. Своего она через год добилась, но brutальный Альберт Михайлович, немного наигравшись провинциалкой с Предуралья, холодно дал ей отставку. Ленка вновь потянулась к Нине (тогда еще далеко не Григорьевне...), которая сделала вид, что ничего и не было; подруга так и будь ею. Подруга что подушка: вроде и удобно с ней, но в нужном месте и в нужное время.

◆ Тишина в доме, а она одна сейчас в нем, не считая четвероногих: Манька рядышком, Ерошка тоже где-то рядом спит по расслабляющей погоде, а Фомку она давеча заметила — наискосок от летней беседки — около его будки дремлющим, положив морду на вытянутые вперед лапы. Степаныч, явно сожалея, что не покрасовался на улице в противогазе, ушел за гвоздями. Мать прогуливается в близком центральном парке, а двоюродная тетка Надежда Тихоновна, как обычно, на все ленто и начало осени уехала в свой райцентр. У Егора рабочий день в своей загородной «Меткости», а Лиза с Кирюшей, благо (без блага!) ее центр детского творчества на уже привычном эпидемкарantine, на неделю убыли в загородный дом Курковых: там от заразы подальше, опять же их сын Ромка почти ровесник Кирюше, а Женья с полуторагодовой Роксаной и при детях, и компания Лизе. Морское поветрие в этот день и обитателей зимовья на Павелина рассеяло. Хотя бы даже и безотносительно к заразе. Но опять-таки напоминание о ней и здесь присутствует: и Степаныч с противогазной затеей, и уехавшая за город дочь с внуком. Как не крутись, но мысль об уханьско-американском вирусе никого не

оставляет. И сколько же это все продлится? — Егор, самый умный в доме, говорит о двух-трех годах, на которые этот искусственный вирус запрограммирован его создателями; далее, надолго напугав человечество, он также запрограммировано самоликвидируется... до новой, уже очередной напасти. Хорошо зятю с его убежденностью в искусственном происхождении ковидного истребителя населения Земли — особо задумываться не надо, кроме как о своей и домашних безопасности.

Как редко случается ей вот так в одиночестве оставаться? — Хотя бы на час-другой. Филармоническая толкучка бестолковая, а дом обитателями не обижен. Даже по улице идешь — в центре города все скученно — лица знакомые: с кем сухим «здрасьте» ограничишься, а с иными неприлично хотя бы без пятиминутной беседы обойтись. Вроде как с одним лицом и выражением на нем дома и вне его находишься, а все же оно и иное здесь и там. И масками не назовешь — все естественное, «из кожи и рожи», как мама сказала бы, узнав мои рассуждения. Ближе подойдет определение мимикрии, хотя звучит по-медицински, сразу обонятельная память запах йода и карболки восстанавливает, да так убедительно, что в горле першит и нос закладывает. И попутно вспоминается — от ключевого слова «медицина» — как мать последние два школьных года то мытьем, то катаньем все пробовала на путь семейной традиции наставить, отправить в ближнюю столицу на врача учиться. И как она отбивалась — и отбивалась-таки ведь! Значит, самостоятельность у нее врожденная, в корню, исправлению не подлежит и баста.

А раз принялась себя по косточкам разбирать, классифицировать от а до я, то как же забыть самое природное естество: триединость я-женщины еще второй молодости (себе польстила с числительным),

матери замужней дочери и — увы, но и радость! — бабушки Кирюши? И здесь уже центр сместился от нее к дочери с мужем. А пара получилась многообещающей: вишь как скоро Кирюшу на свет и радость всему зимовью произвели! — Дурью не маялись: для себя пожить, а там...

*У меня хороший повод —
Петь частушки и плясать.
Поздравляю тебя, теща,
У тебя хороший зять!*

— тотчас вспомнилась ей частушка*: пару лет назад гастролировала по области группка типа «сборная солянка» из Костромы. Как положено, на благословение филармонии разъезжать по районным центрам дали костромичи легкий банкет, на котором ихний частушечник хорошо повеселил народ.

Но у нее-то как раз возраст, еще не позволяющий поставить этот смещенный центр во главу угла! Отсюда и определенное раздвоение между я-сама и я с продолжением рода. И понимала Нина Григорьевна: чем дольше продлится это раздвоение, тем лучше будет всем, как это ни парадоксально звучит. Но звучит — это слова, а мысль изреченная есть ложь, как древняя мудрость гласит. Вот ее давняя подруга и коллега по филармонии, несколько постарше ее, также давно разведенная. Все хорохорилась: а у меня, Нинок, новый любовник на десять лет моложе! Вот что значит выглядеть не по паспортным годам, а как сама себя подаешь! А за беседой вдвоем, за бутылочкой ликера, что в образованном народе бабоукладчиком зовут, или уважаемой обеими мадеры, раскрасневшись и разохотившись на изливания души, доверительно сообщала: «Я вот,

---

* Автор Сергей Новиков (Кострома).— Прим. авт.

Нинуля, себе планку поставила: до шестидесяти лет трахаться буду! И никакой климакс здесь не остановит: на сколько лет себя чувствуешь, на столько и в мужиках потребность не иссякнет».

Но вот стукнуло доверительной подруге всего лишь пятьдесят, сын женился, внучка появилась и... запела она иную песню, что-де бабушкой стала, надо в жизни своей перестраиваться, мужики на второй план отошли, да и уже не особо тянет на это самое. Опять же возраст к возрасту, а у них, козлов, чтоб на десять лет моложе партнерша была... Подкатится иной: давай вместе годы коротать. От тебя порядок в доме, а у меня — пенсия есть с приработком и машинка работает. Грубо и откровенно.

Баритон Казвиньский, узрев падение интереса к мужикам у подружки ее Стеллы, как-то сам повел, сожалеючи, речь у ней — на «малом приеме» в зимовье, пропев там из своего репертуара искаженную теноровую партию: «Либи́до здесь, либи́до там...». И рассказал оптимистическую байку о Черчилле, который до девяноста лет «попивал себе вечерами грузинский коньяк, что ему еще по сталинскому распоряжению из Тбилиси доставляли, курил кубинские сигары «Большая корона», а ночью не оставлял без внимания свою супругу».

◆ Мне бы заботы мистера Черчилля, курящего «Большую корону»! Я вот «пэлл-мэлл» тонкие курю, цена их стахановскими темпами растет, словно за счет курильщиков пытаются весь бюджет страны покрыть. Уже за сто семьдесят за пачку перевалила. Все, даю сама себе слово — с подачи Стеллы: как только за две сотни перевалит, так перехожу на белорусскую «Queen», что в полулегальном магазинчике в дальнем конце Майской торгуют; такие же по форме, набиты тоже сомнительным табаком без никотина, но стоят в два раза дешевле. «В мор намрутся, в войну налгутся», — как по схожим поводам

старшая сватья Наталья Андреевна, сказительница наша вологодская, говорит не в бровь, а в глаз! Мор скоро год как по планете шествует... да и к войне дело движется? Уже который год как идешь по улице, а особенно в парке, так каждая вторая молодая мамаша с двойней. И вообще по ее наблюдениям: парней больше чем девок рождается. И то и другое по народной примете к войне. Егор, правда, изобилие двойней объясняет воздействием излучения сотовой связи. Убедительно объясняет, мудро, с цифрами и специальными техническими и биологическими терминами. Главное она уловила: агенты тайного мирового правительства специально выбрали частоту мобильной связи — Егор даже называет ее «лэмбовской», — излучение которой изменяет все биохимические процессы в организме человека, даже в тонком механизме оплодотворения яйцеклетки. И не только человека: насекомые от домашних клопов и тараканов до вольных ос и пчел — все массово покинули города и бегут-летят куда подальше, где нет поблизости зловещих вышек сотовой связи.

Про близняшек-двойняшек она с некоторым сомнением отнеслась к наставлениям зятя, зато исчезновение всех насекомых — от мух до бабочек (слава богу, в зимовье тараканов и клопов отродясь не было, насчет этого здесь строгость наследственная) — давно сама отметила. Неужели и с двойнями Егор прав? Но вся чудовищность этого поветрия на двойняшек, о чем мужикам и в голову не приходит, в том, что ведь и аборт, число которых не собирается уменьшаться даже при изобилии всякой противозачатки таблеточной, в той же возрастающей пропорции становятся «двойниковыми». О, ужас! Сейчас по телевизору любимое занятие — полоскать грязное белье киноактеров. Не обошли вниманием и знаменитую актрису, что сделала такой двойниковый аборт и чуть с ума не сошла. Но все одно плохо

жизнь закончила. Другое дело, что тогда до свершившихся моментов родов или аборт^{ов} ни пол, ни число младенцев в утробе не определялось. Но сейчас-то, когда ультразвуковая диагностика все расскажет и на экране монитора покажет с первых недель беременности, как же решаются на двойниковый аборт?

...Ее господь миловал даже от обычного. Даже не столько всемилостивейший опекал, сколько мать-врач, без обиняков и лицемерной стыдливости все по пунктам, словно в медицинской инструкции, разъяснившая дочери в возрасте отроческо-юношеского созревания. Включив в эту инструкцию принципиальную разницу между понятиями увлечения, любви и простого женского желания близости. Общение со студенческой средой полубогемного московского вуза довершило ее образование, в основном по части сочетания удовольствия, безопасности по залету и выдерживания какой-никакой этической основы в «этих» отношениях. В генеалогической последовательности весь багаж интимных знаний, закрепленных нехилым личным опытом, она в положенное время передала дочери.

«Заняться любовью», «завести ребенка», суходрочильное, как юношеский онанизм, словечко «секс»... уши отказываются слышать все это, хочется прилюдно филармоническим трехэтажным матом покрыть все это паскудство изрекаемое. На худой конец политкорректным Егоровым «кешбэк вашу онлайн!» Что это меня понесло на морализаторство? Хотя это и чисто по-бабски все на всех перекладывать, но вспомнила Стеллу — и одни неприятности в голове ожили: от безбожной цены на сигареты до... понятно до чего, до главного женского. Дай-ка мадерцы для бодрости хлопну рюмаху!

◆ Мадера рассеяла Стеллины наваждения, навьи чары — вспомнила название романа Федора Соло-

губа, впрочем, самим же переименованным в «Творимую легенду», — того, что достался ей в качестве темы реферата по дисциплине достопамятного брутального жеребца Альберта Михайловича. Поскольку мысли в голове стали легкими и шаловливыми, то к месту, то есть к доценту Лютецкому, вернее к Семенихиной, попавшей в постель женолюбивого педагога от литературы, перенеслись. Ходила гордая, но, получив вскоре от ворот поворот и вернувшись в дежурные подружки к ней, с наивностью провинциалки жаловалась на прелюбодея: что-то пресыщенный женским вниманием и свободными столичными нравами все хотел от Ленки, чего она в толк взять не могла, недогадливая. Потому вскоре и охладел. Нина, посмеявшись, все ей разъяснила. «Да что ты! Разве так можно!» — потерянно повозмущалась Ленка. Отмахнулась от нее: дура она и есть дура, на поумнение надежд мало, но все же, закрывая щекотливую тему беседы, назидательно пояснила, что когда по-настоящему влюбишься, то есть между холодом и жаром в голове, безысходной тоской и щепоточным восторгом в душе станешь то летать птичкой, по ползать перешибленной лягушкой, тогда и вопросов не возникнет: а можно ли? Тогда, Ленка, под сознанием своим поймешь, что в постели между страстно любящими друг друга мужчиной и женщиной невозможны какие-либо табу, исключая явный садо-мазохизм и вред здоровью. А сколько продлится эта страсть? — Здесь никакой врач-сексолог тебе рецепта с двумя печатями не выпишет. Главное, как сама себя поставишь, захочешь — или сможешь? — можно и на всю физиологически активную жизнь продлить (тот же Черчилль на воспоминания молодости наложил — мадера ведь!). И дважды главное — здесь все только от женщины зависит: не ленись, не упрощайся, не заражайся лицемерием ложного стыда. И — снова в бой, дорогая Лена, попле-

вывая на доцентов и внимательно, но с завлекательным полуприщуром подведенных глаз, погладывая на одногодок!

...Не из прочитанных романов поучала она тогда неловкую еще в любовных делах Ленку Семенихину, но уже по личному опыту: юная замужняя женщина, в девятнадцать лет мать Лизы, а с Ленкой и брутальным литдоцентом виделась, приезжая пару раз в год заочницей на сессию...

Все у них со Славой хорошо началось и продолжалось десять лет. Посмеивались оба, наблюдая веселые и неосознаваемо страшные «лихие девяностые». Но не все зависит от женщины, это она погорячилась, наставляя Ленку, увы; вот и Слава, научившись надувать щеки на публике и откликаться только на Вячеслава Тимофеевича, исчез из ее жизни. Именно исчез *для нее*, хотя и посейчас с завидной, но не частой регулярностью появляется в зимовье: дочь, а теперь и внук. Что-то часто она слышать стала бунинские строки об отсутствии для женщины прошлого: «...разлюбила и стал ей чужой». И это в нынешнее-то время, когда вместо Бунина читают... нет, вовсе ничего не читают, а тупо смотрят на экран смартфонистой хреновины, как это Степаныч называет, быстро-быстро теребя его пальчиком, все что-то нетерпеливо выискивают — явно не классиков русской поэзии. Грубиян в подпитии баритон Казвиньский уверен, что это электронная разновидность онанизма. Ловкий же на язык завлит Миша Пружанцев с воспитанным местечковым юмором именвал пальцевоодителей смартфонистыми парнишами.

Эх, Миша ты Миша! Вот с кем развеяла она разом по волнам памяти душевный надрыв после расставания с Вячеславом — уже не Славой, но отчества язык не выговаривал, сопротивлялся. В самом любвеобильном возрасте красивой молодой женщины — в чем ином могла она этот надрыв сгладить?

Да и чисто «техническими», для здоровья, как щечечут в сериалах инкубаторские куклы, эти отношения не назовешь. Что-то среднее между давним приятельством и увлечением-отвлечением. Трудно подобрать точное определение. Да и зачем оно? — Дело прошлое, расстались легко, вернулись к прежнему приятельству. Как будто ничего и не было. Словно судьба решила провести ее по всем ипостасям отношений между женщиной и мужчиной — все проверить на себе, все испытать и оценить... для будущей жизни, в которой снова будут страсти проходящие и преходящие: вечное обновление, вечный позыв — на свой век, об окончании которого еще не пришло время задумываться.

...Конечно, и мимолетные отношения были, куда без них в запыленной филармонической среде, да будучи свободной женщиной, что называется (конечно со слов Сергея Станиславовича) вольного выпаса? Но вот появился Костя, все смешалось в понятиях: возрастная разница, впрочем, в соотношении их лет вовсе не запретительная, а главное — щекотливая ситуация: старший брат зятя. Каково? — на тот же дебильный сериал или женский детектив смахивает. Сама со стороны на подобные ситуации похотывала, полагая дешевой театральщиной, выдумкой на потеху... но вот как сама в эту роль вошла, так похотывать-то перестала. Пусти бабу в рай, так она и корову прихватит — что-то навроде этого тетка Надежда Тихоновна говорит, когда гости зимовья пристают к ней: отчего это она к сыну Василию в Германию на вольные хлеба не перебирается? Да еще доцентша Кристина, едва они познакомились, пару лет глаз не казала в зимовье. Как оказалось, присматривалась к разведенному Косте: одногодки, да и родственники-то подалее десятой воды на киселе. Сколько сложностей повлекли за собой их отношения с Костей?

Зато того стоило. Даже понимание дочери, улыбающейся, глядя на нарочито серьезную мать, берущую с гвоздика в угловой прихожей ключи от квартиры в Серебрянке: пойду, мол, смету пыль безлюдья. И стараюсь не глядеть в сторону готовой прыснуть Лизы: «Потом к Стелле зайду, что-то у ней мелочное стряслось». А в смеющихся, но таких доброжелательных глазах дочери читалось: а у тебя-то, мамочка, вовсе не мелочное стряслось, да? Как всякая молодка сочетает в себе ритмику и тональность, так и чувственность женщины во временном ее течении от неясных мечтаний начала юности до, увы, последних всплесков, подчиняется такому сочетанию. Звукоряд, контрапункт... и ведь любовная сторона женской жизни есть достаточно сложное по композиции музыкальное произведение: ритмы — это всплески, а тональность есть последующее выравнивание их — течение чувства? — казенно звучит, но по сути верно, раз решила «алгеброй гармонию поверить». Как та же мадера. Хотя и брюзжит баритон Казвиньский с подголоском завлитом Михаилом Семеновичем, что в наши времена Массандра за время хохлацкого подданства уронила свою марку, градус крепленой мадеры снизила с двадцати четырех до семнадцати, но и «ослабленная» хорошо по ногам бьет и голову мечтательностью заволакивает. Вот и она любовную свою жизнь на музыкальную композицию перекладывает после первой рюмки, тем более коньячной, очень удобной для неспешного питья.

А их роман с Костей — господи, какое затасканное словечко! — весь протекал под явно звучащий в голове, минуя уши, первый концерт Чайковского: музыкальный апофеоз любовной страсти. Эх, не успела-таки дойти до второй рюмки мадеры и еще повздыхать о былом-личном и сладостном. Вон уже Степаныч с купленными гвоздями и без проти-

вогаза топчется на крыльце, попутно воспитывая своего подопечного Фомку. Музыка, музыка — самое выраженное искусство любви!

Глава восемнадцатая

ПОРосЕНОК ТОЛЬКО НА БЛЮДЕ НЕ ХРЮКАЕТ

◆ — Музыка — самое выраженное искусство любви! — в полном восторге вскричал Михаил Семенович, хлопнув рюмку «старки» и закусив с опустевшей тарелки последним куском шашлыка.

— Но вы же поэт, дорогой наш завлит, — возразила Кристина, уже некоторое время опробовавшая на нем свои слегка запяневшие глаза, — зачем же хвалить чужую для вас музу в ущерб своей?

— Кристиночка очаровательная, что это за «вы»? Не в первый раз ведь встречаемся за этим гостеприимным достарханом?

— Это я так, Михаил Семенович, для кокетства. Засиделась в девицах разведенных, вот и хулиганю. У ва... у тебя же учусь. Как это изволила ваша честь на свадьбе Егора с Лизой русского отплясывать и частушки похабные петь:

*Демократку полюбил,
В бизнес-клуб ее водил.
После долго вспоминал —
Вендиспансер посещал.*

— Ха-ха-ха! Кристиночка, дорогая, хорошая у тебя память, не девичья, а самая настоящая женская, то есть пакостливая! Я про высокие искусства, про музыку начал, а ты на мои неловкие частушки-прибамбушки сходу свела. Это как бы мы смотрели телепередачу советских времен и вдруг экран задро-

жал, зарябил, а потом на него выскочили косматые черт и ведьмы в разнузданном плясе, словом, развлекаловка начала двухтысячных годов... впрочем, в чем-то и посейчас сохранившаяся, лишь самую малость подправленная нынешним суконно-цинковым административным устрожением. Верно я говорю, Женечка? Ведь ты в нашем застолье телевидение, великий суррогат всех искусств, представляешь.

— Верно, верно, Михаил Семенович. Забыли только про лицемерие добавить.

— Это как понимать?

— А прямо: как сказано, так и понимается. За этим столом достаточное число причастных к искусству в той или иной степени и сферы. Поэтому такую фигуру, как бессменный руководитель Гостелерадио, то есть телерадиоминистр в брежневскую эпоху, Лапин, следует вспомнить. Я на журфаке, как понимаете, училась почти что в нынешние, отчасти переходные времена. Поэтому о Лапине как-то раздвоено, шизофренически значит, говорили. С одной стороны — душитель какой-то там свободы, закрыл псевдопольский «Кабачок» и кавеэн с диссидентским налетом; с другой же, с удовольствием цитировали конгениальную фразу Лапина, что Гостелерадио не фабрика «Красный пролетарий» и трудовые династии нам не нужны...

— Ха-ха! — засмеялся Михаил Семенович, — а когда я имел удовольствие в своем Полиграф-Полиграфыче учиться, за этот афоризм любому, кто вступится за Лапина, могли сгоряча и фотографию подпортить. Особенно в компании моих, так сказать, условных соотечественников. Ибо за блестящим этим высказыванием всю эту околкиношную, телевизионную, эстрадную и театральную шоблу — детишек, внуков и племянников известных тружеников искусства, пристроенных в столице наивными и посоветски доброжелательными знаменитостями, в счи-

таннные месяцы разослали, как тунеядцев за сто первый километр, по провинциальным филармониям: от Калининграда до Владика. Поэтому злоба на Лапина стала генетически наследственной. Между нами, мальчиками и девочками, говоря, пара и моих дальних родственников, перебравшихся в свое время по музыкально-театральной части из наших Пружан в Москву, подпала под рескрипт Лапина: пришлось вернуться почти в родные места, в Минский областной драмтеатр, что почему-то базируется в Молодечно.

— Были же люди в наше время! В смысле в мою молодость, — заметно охмелевший Сергей Станиславович перехватил разговор, — а по части искусства, скорее пародии на него, в лихие девяностые довелось и мне принять участие в одной постановке. Давайте, друзья, махнем по единой за упокой того барашка, из которого был сооружен только что съеденный шашлык, прочистим уши снижением сорокаградусной артериального давления, а мне — для чистоты голоса, и я расскажу эту занимательную историю. Так сказать, искусство в массы и на потребность власти жаждущих.

◆ — Говорится, поросенок только на блюде не хрюкает, — замысловато начал заслуженный баритон, — так и наш брат певческий за любую халтуру готов взяться. В этом, Костя, мы от вас, рисовальщиков, как пехота от танков, не отстаем. Кто из сидящих за этим столом постарше, тот помнит эти великолепные по размаху, бесстыдству и прочим профессиональным качествам избирательные кампании девяностых, отчасти и начала двухтысячных годов. Я имею в виду выборы местного пошиба — от губернских и ниже по иерархии вплоть до сельсоветовских... или как там они называются? Конечно, центральные выборы тогда тоже пестроцветием отличались, но то дело другое, политичное и тонкое, не

нашего ума дело, хотя и там халтура недурственная подвергивалась, но наиболее живописные сценарии и действия все же на провинциальном уровне разворачивались. Главная кампания, конечно, выборы губернатора. Наш город и область, как опять же старшие поколения помнят, в девяностые годы в красный пояс входили: коммунисты и сторонники новой власти, условно именуемые демократами — как только что Кристина напомнила частушкой насчет посетителей вендиспансера, кавэждэ по-народному, крепко сцеплялись именно на губернаторских выборах. Это не директивная формальность была, а настоящая, во многом честная по результатам борьба. Халтурщикам же воля вольная! — только успевай заказы исполнять и трудовые тугрики по карманам рассовывать. Говорят, летний день год крестьянина кормит; у нас же аппетит поневоле побольше, ведь выборы губернского воеводы раз в четыре года случаются. А где маржа густо прет, там по законам частнособственнического, у нас тем более дикого, рынка возникает беспощадная конкуренция...

— Да вы, Сергей Станиславович, чувствуете, отличником по предмету политэкономии в годы советской учебы были? Эх лихо раскладывается все по полочкам!

— Спасибо, Денис. Тем более лестно такую оценку получить от начинающей акулы капитализма. Но продолжу ностальгические воспоминания. Ты, Денис, не морщись — я по-дружески в своем кругу.

— Да хватит извиняться. Привык уже мальчиком для дружеского битья быть. Морщусь же по другой причине: бдительность потерял и не из той бутылки себе нолил.

— И замечательно. Главное, пивком благородные напитки не бождать. Продолжу. Поскольку мы со столицей соседи, то и конкуренты по халтуре серьезные, хваткие, имена ихние у провинциального

пила на слуху. Да еще если такие монстры придут, что за пару месяцев до того с концертами к нам навывались, стадионы собирали с выручкой в дипломат зелени. Трудно с такими состязаться. Приходится самые доходные места им уступать, самим по райцентрам мотаться. Но они, алчные пасти, при необходимости и районными домами бывшей культуры не брезгают. Как в ту кампанию, к которой вас подвожу.

— Это вы, Сергей Станиславович,— не утерпела старшая хозяйка зимовья,— когда на перевыборах нашего губернатора-коммуниста за его конкурента аж сама примадонна выплясывала со знаменитым кинодеятелем на сцене клуба Ильичевского района, откуда этот конкурент родом? По областному телеканалу прямую трансляцию закупили.

— Так точно, Антонина Филиповна. И правильно, что даже в почти что семейном кругу косвенно их именуєте. Тогда народ хохотал и злорадствовал, а сейчас времена опасливые. День ото дня все меняется, не уследишь: сегодня такой-то патриот яростный, а завтра на историческую родину укатит «из этой тоталитарной рашки». А другой из либералов с торговым уклоном наоборот восплает отчаянной любовью к щедро кормящему его отечеству. Все верно, живем как на вулкане — из дилогии наших одесских классиков. Так вот, наш-то коммунист вдругорядь победил. Народ тогда не совсем микишкой был, чтобы не видеть на ком шишка. И хотя конкурентом назначили совсем темную лошадку, мало кому известного мужичка из подгороднего райцентра, наполовину цыганами издавна населенного, да и сам он на ромалу внешне смахивал, но деньжищ на него уйму поставили. Видать, дело политичное — не в смысле высшей власти потребное, но какой-то мощной мафии область наша понадобилась, тем более город промышленный. Ведь девяностые на дворе

стояли, да и война чеченская одна другую сменила. Разруха полная, все, кому не лень с дивана подняться, родиной оптом и в розницу торговали. Ну, дело прошлое, а я о своем, девичьем, то есть о халтуре. Раз денег было отпущено кем надо немеренно, настолько много, что даже набежавшие московские знаменитости все сожрать не осилили, то и мы, местные, сумели в те скандальные выборы отхватить себе на хлеб с маслом, иные и с икрой, да на водчонку не самопальную. Дозвольте рюмочку пропустить. И подойду, наконец, к живописанию в стиле хапай, пицц, на дармовщину!

◆ К полуночи в главном братковском кабаке «Папа Бендер», что на углу Советской и Красногвардейской улицы в чудно построенном девятиэтажном доме, плавно перегнутом на обе стыкующиеся улицы, веселье подходило к апогею. В малом зале для банкетов сегодня праздновали день рождения авторитета Крыльшкина — отсюда и погоняло Крылек. Не последний человек в городе. В основном же публика разношерстная собралась: от рядовых стрелочников-бойцов и проституток до бригадиров основных группировок. Штатская публика опасалась ближе к вечеру сюда заходить. Опять же при такой гульбе платить по меню полагалось презренным жлобством; особым шиком считалось выгрести мозолистой бандитской пятерней из кармана комок смятых купюр и, не считая их, швырнуть на стол в сторону халдея. В большом зале с колоннами особой шумливостью выделялись две компании за сдвинутыми попарно столами: явно гуляла братва, отмечая завершение удачной *темы*.

Оркестр, в восторге от сыпавшегося в буквальном смысле денежного парнаса, даже без пятиминутных перерывов — хлопнуть стопку и перекурить — по второму-третьему кругу сыпал обычный блатной репертуар. Сергей Казвиньский, месяц назад отметив-

ший свое тридцатилетие, числившийся за облфилармонией обладатель недурственного баритона, в кабаке занимался подработкой: два вечера в неделю, плюс по договоренности обслуживание больших торжеств, когда снимался «под спецобслуживание» весь ресторан: круглые даты главных авторитетов и смотрящих, выход от хозяина по УДО «за примерное поведение» на вольную волю столь же уважаемых персон, расширенные деловые совещания-планерки на следующий трудовой год, встречи коллективов с приехавшими из Москвы опекунами и работодателями... повод всегда найдется, а «Папа Бендер» гостеприимен, под солидной крышей стоит — настолько серьезной, что ментовские даже в мыслях не держат хоть чем-то нарушить отдых трудящихся... самого в стране занятого класса, не считая миллиардеров-олигархов и министров-капиталистов, которых тогдашний президент раз в неделю по понедельникам менял и тасовал.

К двум часам пополудни фаза лихорадочного веселья сменилась расслаблением усталости. Братки разбирали проституток, удалялись в номера для отдыха — в снимаемых рестораном квартирах на втором этаже плавно изогнутого дома. Более солидные гости заведения уезжали в джипах с личными водителями; кто куда по интересам: к своим содержанкам, в свои же загородные коттеджи к молодым женам, заменившим прискучивших «старух».

Уловив этот фазовый переход в настроениях, когда оставшаяся за столиками рядовая братва сама перешла к пению в унисон старинных каторжных песен и блатняка из Миши Круга, оркестранты пошабшили и разошлись. Баритон Казвинский проживал неподалеку, потому, с удовольствием вдыхая свежий ночной воздух с убитой в асфальт дневной пылью и автомобильной загазованностью — это после насквозь прокуренного ресторанный зала, где вместо обычной метеорологической влажности в про-

центах такую правильнее было бы измерять в спиртовых % об.— неторопливо пошагал по изгибающейся, не хуже здания с рестораном, Советской улице в сторону недалекого своего дома.

...Еще менее десятка лет назад ныне обычную летнюю ночную жизнь провинциального города его жители могли бы видеть только в зарубежных фильмах и в разделах кинохроники «Их нравы». Добро ухмыляясь — и нехилая пачечка парнасских кредиток приятно грела бедро левой ноги на уровне брючного кармана,— Сергей шагал по ярко освещенной уличными фонарями и сплошными неоновыми рекламами фасадов домов улице, уверенно огибая гомонящие группки молодежи и брезентовые пивные палатки-навесы, что установлены на тросиках-растяжках, принайтованных к вбитым в асфальт крюкам, в шахматном порядке на широком тротуаре центральной городской улицы. Повсюду музыка, смех, крики, девичьи визги, а по проезжей части снуют иномарки, плотно входящие в обиход приличных людей с деньгами. «Если не Нью-Йорк, то уж точно окружной городок в восточном штате»,— подумалось ему. Однако ожившая в их старинном мастеровом городе доселе забугорная экзотика отходила на задний план по мере приближения к своему дому: устал за последние дни — от филармонии сборные концерты каждый день, а сегодня и «Папа Бендер»... И тихая радость: целых три свободных дня впереди, так счастливо звезды сошлись. Ух и отоспится же он! Опять же, как с далекого детства приученный строгими родителями к регулярному чтению, пара недавно купленных книг ранее недоступного русского эмигрантского зарубежья тоскуют по читательским рукам и глазам. Но при любом раскладе сейчас придет, рухнет в постель и — хоть луна другой стороной к Земле оборотись — завтра раньше двух-трех часов пополуночи не проснется.

◆ Все бы он знал, да не все предвидел, тем более в суматошные для халтурщиков всех мастей — от певцов и танцоров до политических шестерок — горячие предвыборные дни. Как бы баритон Казвиньский во сне не отмахивался от настойчиво повторяющихся раннеутренних звонков домашнего телефона, но техника победила. Спросонья матерясь, с непроморгавшимися глазами добрал до прихожей (жена с сыном на пару-тройку дней уехали к ее родителям на дачу), взял трубку.

— Серега! Дрыхнешь? — услышал он радостно взбудораженный голос Гришки Ниппельмана, своего филармонического коллеги и дружка, руководителя вокально-инструментального ансамбля, группы, как Гришка именовал по-западному, с названием еще из недавнего советского прошлого: *МИР*, то есть мелодии и ритмы. Сергей с началом девяностых годов полуофициально солировал в хлипковатом ансамбле, когда у деловых людей вошло в моду обставлять свои торжества музыкантами и певцами от филармонии. В штате же не состоял, не вынося гастрольных разъездов. Для этого случая в коллективе Гришки имелся постоянный солист, который уступал Сергею в голосе, а в родном городе обычно запивал. Звали Казвиньского.

— До твоего звонка без задних ног. Чего спозаранку разбудил?

— Давай одевайся и мчись на базу. Рафик* уже на дворе стоит. Филармония халтуру денежную у выборщиков отхватила. Едем в райцентр, двумя днями обернемся.

— Стой-стой, охолопись, — уже окончательно отошел ото сна, — какие выборщики?

— Некогда объяснять, я и сам еще не в курсе.

---

* РАФ — микроавтобус навроде нынешних автолайнов. Производился в Риге; отсюда и название: *Rigas autos fabrik*. — Прим. авт.

Да какая тебе и мне разница-то? Главное, бабки приличные ждут по самому кайфовому раскладу: налом нам отдадут. И мы ими же поделимся по приходному ордеру с родной бухгалтерией. Словом, через полчаса максимум будь-стань в наших пенатах. А мне еще своих ребят вызванивать. Адью!

...Уже через час с небольшим рафик выехал из филармонического двора, свернул на проспект в южном его направлении. К опохмелявшимся молдавским портвешком лабухам-«мирнякам» примкнули две молодые певички и конферансье Никола Пасецкий. Дождавшись пока подопечные придут в норму сообразительности, а певички Нина и Лола прозеваются, отогнав прерванный сон — всех Ниппельман с постелей поднял, Гришка дал краткую вводную:

— Будем давать агитку за ильичевского конкурента *нашему* губернатору. Почему за него? — Потому что на него деньги немереные поставлены. Может, товарищи, вы все в одночасье в новую компартию вступили? То-то, с каких это пор честные лабухи купюры по запаху стали различать. А почему на дальнюю периферию области мчимся? Как мне самому только что объяснили, наш губернатор, даром что коммунист с геройской трудовой звездой на лацкане пиджака, в отличие от вороватого предшественника, что уже который год как под следствием, развернул по области капитальные ремонты коммунальных сетей. Но область наша в красном поясе, от центра поэтому ноль рублей ноль копеек, дескать, пусть ваш герой соцтруда сам выкручивается. Вот и пришлось ему очередность ремонтов по области установить. Наш же городок аж в конце списка этого попал. Вот почему пройдошливые столичные кукловоды и обратили на него внимание: народ огорчен, значит надо праведное недовольство и направить против героя соцтруда и всячески восхвалять того мужичка из Ильичевска.

— Так там и голосов-то кот наплакал,— прокашлявшись после последнего глотка портвешка, засомневался саксофонист Влад Тихомиров.

— Объясняю для особо понятливых: много чего на карту поставлено. Кем надо велено: кровь из носу, но сражаться до последнего голоса. Да, еще существенный момент: выступать будем в паре с цыганами. Кандидат ильичевский, где цыганская главная в области ставка. И сам вроде как с примесью вольнолюбивой крови. А тамошний их барон держит в Подмосковье на оброке песенно-плясовой ансамбль своих подданных. Вот и их командировали. Познакомимся на месте по их и нашему приезду. Все, дальше некогда и незачем объяснять. Что знал, то и сказал. Теперь дрыхните, больше не пейте, лучше подремите с опохмелки. А мы с Николой и Серегой будем прикидывать с репертуаром, учитывая, что противник на выборах отчаянный коммунист, а наш подопечный всего лишь районный депутат. Правда, в Афгане побывал, медаль имеет. В коммунистической областной газете пишут, что в службе тыла числился, при дивизионном продскладе состоял, консервные банки учитывал. А специально же образованные газеты-однодневки наоборот, напирают на воинскую доблесть и подвиги значимые кандидата. На всякий случай рекомендую никому из них не верить. Да задумываться на этот счет вам и самим в пьяном сне не приснится.

◆ К адмиральскому часу — Гриша Ниппельман родом из Ленинграда, поэтому совсем нелиберально так и называл переименованный Собчаком город — добрались. Получасом позже прибыли в автобусе-пазике и ангажированные цыгане. В невеликом городе с почти тысячелетней историей имелась только одна гостиница, впрочем, достаточно вместительная: на первом этаже ресторан, два других под номера. В советское время все они занимались командирован-

ными на два местных завода: конденсаторный и аппаратуры для военно-морской связи. В дни районных партконференций их сменяли озабоченные текучкой колхозные председатели и парторги. Заводы успешно ликвидировали в самом начале девяностых, а гостиницу заполнили торговые южные люди. Сейчас же, летом — самое жаркое время заготовок и грузоперевозок, южане на время разъехались, поэтому филармоническим и цыганам отвели почти весь второй этаж. Администраторша раздала ключи от парных номеров, предупредив, что обед в ресторане «за счет направляющей стороны» в два часа. Слегка пообваляв бока на гостиничных кроватях, артистический народ в указанное время спустился кучно на первый этаж. Уже рассевшиеся за столиками цыгане дружелюбно приветствовали компатриотов.

Сергей Казвинский, сидевший в компании Гришки, конферансье Николы Пасецкого и сопрано-певицы Лолы (контральто Нину с возбуждающей хрипотцой усадил с собой саксофонист Влад), после почти приличной окрошки обратил внимание шефа на приоконный ряд столиков:

— Посмотри налево, Гриша, вроде как нашего поля ягоды: лабухи и чувихи эстрадные. Только несколько старообразные. Откуда такие взялись в этой глубинке?

— А-а, забыл сказать. Наши, так сказать, коллеги, но только с противоположной стороны — из губернаторской команды. Под серьезный репертуар подобраны, на слезу старушек брать будут. Старшой нашей команды сказал, что из второго состава московской облфилармонии цека нашей бывшей родной партии их заарендовал. Даже вроде как пара лиц отдаленно знакомы... да-да, вот та пожилая из киношных, а мужика лохматого где-то по эстрадной части встречал. Давно впрочем. Ладно, сейчас пошамаем — и в клуб на сыгровку-спевку. Ромалы

попозже подтянутся. Как бы наркотой не начали приторговывать. Народ здесь простой, а менты еще по старинке рассуждают; загребут, а нам за них отдуваться, лабухать вдвойне, тебе, Серега, с девками голоса драть.

В районном клубе, еще именовавшемся по старинке дэка военно-связного завода, кое-как, для сельской местности сойдет, сляпали свою часть программы, уступив эстраду цыганам. На их спевку и пляски смотреть не остались и вернулись в гостиницу. Гришка Ниппельман легким матерком, чередуя его с увещеваниями, уговаривал мировцев до концерта ни грамма в рот не вливать, а кому невтерпеж — кружкой пива обойтись.

Конкурирующая губернаторская команда для репетиции и выступлений получила второй клуб города — дэка бывшего конденсаторного завода. Построенные одновременно в пятидесятых годах и по типовому проекту небольших — для районов — общественных зданий позднесталинского ампира, близнецовые дома культуры располагались на параллельных улицах, соединенных на траверсе культурных учреждений проулком, в середине которого на бывшем пустыре была выстроена лет двадцать тому назад гостиница.

Еще загодя старшие конкурирующих артистических команд, как люди деловые и уважающие собратьев по профессии, ведь трудовые деньги не пахнут! договорились особо не усердствовать, не переплевывать друг другу на потеху уездной публике: овчинка выделки не стоит, свое отработали и баста! А главное, еще до приезда подопечных, разрешили возникшую техническую неувязку. Поначалу полагалось — с подачи местной администрации — «губернаторцам» выступать в клубе военно-связного завода, а мировцам с цыганами в бывшем дэка конденсаторщиков. Но оказалось, что у морских связистов

отсутствует не то что концертный рояль, но и плохонького пианино калужской фабрики музинструментов нет: при передаче заводом-банкротом дома культуры на городской баланс вороватый завхоз подвел под списание все что можно из движимого оборудования. А старорежимная концертная бригада от губернатора как раз упор сделала на песенный репертуар с аккомпанементом на фоно. И наоборот, мировцам с цыганами инструмент вовсе ни к чему, тем более, что в коллективе Гриши Ниппельмана имелся мобильный синтезатор *Yamaha*. Но именно в дэка конденсаторщиков имелся вполне приличный рояль гэдэровской постройки.

Скоренько, договорившись, хлопнув по стопке коньяка, старшие команд, кстати, давние знакомцы еще с орготдела комсомольского обкома, где оба начинали трудовой путь инструкторами, переиграли клубные базировки, о чем и известили подопечных по их прибытию в гостиницу.

◆ «Надо власти городские предупредить», — заметил губернаторский, с наслаждением смакуя настоящий азербайджанский коньяк советских времен, бутылочку которого презентовала им директорша гостиницы в качестве алаверды за пригон постояльцев в мертвый сезон. Коллега его согласно кивнул головой: «Конечно. Позво...». Но здесь их внимание отвлекли громкие голоса в матерной грамматике, тотчас заглушенные крепкими мордобойными ударами: скандал возник за угловым сдвоенным столом, где обедали местные братки. Дело принимало нешуточный размах: вот неверно брошенная бутылка разбилась в центре зала, даже слегка окропив пивной пеной наших конфидентов. В окна была видна набегающая милиция, вызванная директоршей. Того и гляди в свидетели привлекут, а это ненужные сейчас хлопоты. Не договорив, но прихватив початую коньячную бутылку, оба старших ретировались. А

здесь и команды их подъехали: текущие хлопоты развели их.

Мировцы не совсем верно поняли слова Гриши насчет «кружкой пива обойтись», поэтому явились к семи часам в клуб военно-связного завода умеренно навеселе. В отличие от прибывших туда же цыган — они, подобно браткам, на дело всегда трезвыми ходят. Опять же неча на подчиненных кивать, коль у самого рыльце в пуху: Лола, его дежурная разъездная подруга, от перемены обстановки вспылала страстью. Поскольку же соседку ее по номеру контрольно Нину явно с той же целью увел к себе саксофонист Влад, то и поле для битвы свободно, да и Гриша Ниппельман особо не сопротивлялся. А у лабухов традиция: где спалка, там и кирка. Словом, приняли они с Лолой по паре стопок из припасенной ею бутылки вошедшего в провинциальную моду лжеитальянского многоградусного ликера «амаретто». Конферансье же Николе Пасецкому и баритону Сергею Казвиньскому не то что сам бог велел, но даже неофициально вроде как по штатному расписанию полагалось сотку за галстук залить: первому для развязности языка, другому для густоты голоса — это как у Чехова бас Михайла обязательно лакировал свою октаву перед распевкой...

Может по причине веселости настроения всего состава мировцев — а цыганам, кроме как на деньги, и вообще было на все наплевать, — когда занавес раздвинули, они и внимания не обратили на несколько однообразный вид слушателей: в основном пожилые с преобладанием (бывшего) заводского пролетариата с такими классово суровыми взглядами. С некоторым непониманием выслушали они дежурные репризы Николы Пасецкого, перемежавшего шуточки «с салцом» с лозунгами либерализации всего уклада «прежней осточертевшей совковой серой жизни», которую и призвана обеспечить

вновь сформированная команда молодого и энергичного кандидата.

Многие в зале пооткрывали и не сразу смогли закрыть рты. Послышался и настораживающий гул, но здесь Никола удачно ввернул анекдот и объявил начало концерта, который и подавил этот гул. Репертуар в музыкальной форме развивал либеральные тезисы конференсье. Лола с Ниной по мере своих вокализов копировали столичных законодательниц эстрады, только одеты были не в одни трусы и лифчики. Баритон Казвиньский распевал про господ офицеров, поручиков и корнетов, придвигающих бокалы, и комиссаров, что «девушек наших ведут в кабинет». Лабухи грохотали на полную мощь, саксофонист Влад почти превзошел — по громкости — самого Луи Армстронга, а Гриша Ниппельман, совмещавший руководство со ставкой фониста, извлекал из «ямахи» такие фиотуры, что заставлял болезненно морщиться засуровевшие каменные лица пролетарских слушателей.

...Поздним вечером, обмывая удачную халтуру в гостиничном ресторане, мировцы услышали от сдружившихся с ними губернаторских, что их выступление в дэка конденсаторщииков неоднократно было хулигански освистано слушателями, в основном из молодого и средневозрастного поколений.

Все разрешилось по возвращении мировцев домой. Оказывается, старшие, отвлеченные ресторанной схваткой местных братков, понадеялись друг на друга, а в итоге так и не оповестили городскую администрацию о переориентации мест концертов. Но, дело сделано, деньги халтурные выплачены, народный губернатор переизбран. В райцентре же, где выступали мировцы, за него почти стопроцентно проголосовали: и без того прогубернаторски настроенные, классово близкие зрители клуба морских связистов возмутились либеральной халтурой мировцев

и распоясавшейся цыганщиной, отбросили неясные сомнения и проголосовали за *своего*. Собравшиеся же у конденсаторщиков молодые, а по этой причине слабо соображающие, решили, что это кандидат из Ильичевского района над ними, районными простакми, решил поиздеваться и прислал пронафталиненное старичье. И свое возмущение выразили, отдав голоса его противнику — действующему губернатору. Правда народная всегда восторжествует!

— Вот видите, — торжествуя завершил свое повествование Сергей Станиславович, — весело жили, не то что в нынешнее посконно-домотканное безвременье!

Глава девятнадцатая

КРУГ ЗАМКНУЛСЯ, ИЛИ ТВОЙ ЧЕЛЕНДЖ В КЛИКАХ ВСТРЕТИТ МИЛЛИОНЫ ПРОСМОТРОВ

◆ — Весело жили, не то что в нынешнее посконно-домотканное безвременье!

— Ох, как ты прав, дорогой наш баритонище! — добродушно спугайничал Михаил Семенович, — я ведь свое советское гражданство потерял одновременно с получением школьного аттестата. Все по закону Архимеда, все минусы и плюсы компенсируются. Хотя, конечно же, события не сравнимые. Это к тому, что ваш покорный слуга полупродукт, пятьдесят-на-пятьдесят, или на нынешнем телерадиоязыке фифти-фифти, от двух эпох: прежней и лихо галопирующей нынешней. А как всякий полукровка — я не про национальность свою полуветхозаветную говорю — стержня в характере не должен иметь.

— Бесхребетный что ли? — хохотнула Кристина, почему-то стараясь казаться более охмелевшей, чем была на самом деле. Хотя и действительно несколько перебрала.

— Не шали, Кристиночка, бесхребетные в биоразнообразии нашей планеты — это даже в иерархии ниже рыб. Я же все-таки... как это по латыни? — хомо сум, нихил гуманум алиенум путо*. Женечка, нас с тобой первые два курса примерно одинаково обучали — верно я говорю?

— Как Цицерон, Михаил Семенович. И вы, интеллигент в третьем поколении...

— В четвертом, моя дорогая, в четвертом: мой прадед в дореволюционных Пружанах раввином был. Так или не так? — от матери слышал.

— Извиняюсь, в четвертом. Тем более что-то вы обидное про телерадио съязвили. Я привыкла, все в моем присутствии стараются колкость сказать, а мне как по барабану. Ну и что — работаю на телевидении? Так ведь кто-то ассенизатором трудится, будь не за столом это сказано...

— Во-во, Женька, а почему неприлично за столом насчет ассенизации беседовать? — заухмылялся Егор, — так именно ваш «ящик» давно смял все традиционные этические нормы. Обычная ситуация: собралась рядовая трудовая семья вечером за ужином. Сидят за столом муж с женой, теща понятно дело, двое детей бывшего пионерского возраста, уминают за обе щеки жареную картошку с магазинными фастфудовскими котлетами. Глава семьи еще и стопку-другую для жизненного оптимизма принял. Как положено, телевизор обок стола в красном углу, что вместо иконы, включен. А вот и «ре-еклмная пауза!» как тот усатый в известной игре поднадоевшей с пафосом выкрикивает. Семейство хрустит умело поджаренной на свином сале тещей картошкой (Нина Григорьевна подняла правую бровь, оценив умелый комплимент зятя), а на экране чередуются рекламные ролики, сопровождаемые хорошо постав-

---

* Я человек и ничто человеческое мне не чуждо (лат.).

ленными баритонами (Сергей Станиславович поморщился) и меццо-сопранами. О чем они говорят? — О совершенно невинном, подблюдном: про патентованную, пардон дамы, смазку партнершам чего надо для более приятного сношения и новейшую противозачатку; совсем уж невинное про прокладки; очень красочная и обстоятельная реклама в части естественного газообразования в кишечниках больных или переевших граждан; борьбе с хронической диареей и полный восторг от облегчения при запорах. Дальше не буду продолжать, потому что не все еще шашлык доели, а впереди новая перемена чего-то и десерт.

— Все, все, сдаюсь и безоговорочно капитулирую. Тем более, Егорка уселся на своего Буцефала, — засмеялась Женя, — не останови, так всю глобализацию и деятельность тайного мирового правительства по полочкам разложит и печатью сургучной проштемпелует. На то мы и телевизионщики, что скоморох попу не товарищ. Мы на службе ведь. Если велено всем внушить, что современный типаж, когда с цифрой в башке и пепси-колой в руке, то под козырек! Исполним в два притопа, в три прихлопа. Главное в точку попасть, в живую житейскую ситуацию, — разгорячилась Женя. — Эпидемия второй год на дворе, так с утра до вечера идет реклама похоронных служб «на доверии»; мол, всего за двадцать пять тысяч упакуем, отвезем и зароем: деньги ваши, хлопоты наши! И тут же предостережение о погребальных мошенниках, а при заказе памятника надгробного скидка пенсионерам и в подарок портрет. Кому в подарок? Покойнику? Опять же в два лайка, в три клика, ведь клик — от слова откликнуться на ваши беды, нужды и устремления, особенно в пандемию...

— Хха! — восторженно выдохнул доселе о чем-то задумавшийся Костя, — могу, сестренка, бесплатно уступить тебе тему схожего рекламного слогана:

полицейский участок, куда иного неловкого гражданина волокут оформить и штраф заплатить, значит от слова участие?

— Хорошо, Костик, повеселю коллег по одурманиваю трудовых масс.

— А вот для меня реклама телевизионная в самый смак, лучше всякого детектива,— оживился и Денис,— разве Сименон или Агата Кристи додумались бы до текста рекламы службы по найму в тюрьмички: «Служба в органах принудительного исполнения наказания — это конкурентная заработная плата, социальный статус и самореализация». Я когда первый раз этот шедевр местного телевидения услышал, так решил, что это розыгрыш или фраза из комедийного сериала. В полном восторге хлопнул стопку моего любимого «Джонни Уокера», закрыл глаза и живо нарисовал образ этого счастливого: здоровенный парнишка в своей американизированной униформе, обвешанный ручными кандалами, дубинкой, кобурой с табельным макаровым, почему-то перепоясанный, как мосфильмовский балтфлотовский братишка, пулеметными лентами. Стоит этот контрактованный парень перед тюремной решеткой, задорно ухмыляется и говорит затюканным ээкам: «Вот вы, гниль пакостная, лагерная пыль, смотрите на меня: социальный статус повыше иного академика, оклад содержания конкурентный в высшей степени, а главное, самореализован повыше пирамиды Хеопса!».

— Хорошо излагаете, молодой человек,— похвалил образность рассказа завлит Пружанцев,— когда выйдете на свою капиталистическую пенсию, будет чем заняться: модные сейчас фэнтази сочинять. А я рекомендацию для вступления в писательский союз загодя дам.

— Да нет, спасибо, дорогой Михаил Семенович, я любитель рыбалки. И Ока под боком в той ее

части до Чекалина по течению, что химией не отравлена. Так что вы за нас по литературной части! Еще хочу яхту небольшую разборную, что в обычном прицепе к авто перевозится, прикупить. Вот соберу денег, утаю их от супруги, стану яхтовладельцем, буду в отпуск ездить на Белое море... там такая рыбка! здесь и не снилась. Буду вас звать на балык белужий собственного копчения: за уши не оттащишь, а водки под него можно без меры выкушать. Главное, организм, пораженный такой закуской, не сопротивляется все новому в него вливанию... красота!

— Поэт! Истинный поэт в прозе, — вроде как все есть на этом гостеприимном достархане, что душа пожелает, а как речитатив нашего молодого рыболова услышал, так желудок вроде как взмолился: Миша! введи в меня все то, о чем Денис говорил, — немедленно и немеренно! Но все же ты, Денис, к литературе придешь, хотя бы и к специфической: как знаменитый Сабанеев напишешь, но уже не в двух, а в трех-четырех томах, руководство по рыбалке.

— Спасибо, литературный вы наш, за истинный мужской комплимент! Гостую: за литературу и рыбалку! А засим попросим нашего писателя поораторствовать, согласны?

◆ Никто не обратил внимания, что при ранее упомянутом десерте Степаныч встрепенулся, посмотрел на Нину Григорьевну, ответившую кивком головы, и вышел из гостиной. Михаил же Семенович, закусив поданной завершающей пир переменной — не зря Денис о рыбалке заговорил! — запеченой горбушей под маринадом и с зеленым горошком, охотно согласился побаловать собравшихся литературными байками.

— Вот поговорили мы о всех сторонах скорбной вообще, но такой уютной в отъединении нашей жизни. Осталась на закуску не только горбуша, удиви-

тельно своеобразная и вкусная, пью! — пальчики оближешь, но и нашей пишущей братии занятие. Здесь тоже все поменялось: если в славные и не столь давние времена начинали с поэзии, то сейчас, увы, словесность разве что из вежливости упоминают. И на том спасибо, поклонимся вам низжайше о нас, почти забытых громадян письменников. Это побелорусски, откуда я родом, значит: товарищей писателей. Опять же насчет баек — здесь сапожник всегда в сапогах. Как же без баек, раз их сочиняют люди творческие, пишущие? Но и сама писательская житуха порой на скверный анекдот — это как у Достоевского — походит. Вот навскидку совсем свежая история с воспоминаниями...

— Так байка или быль? — пьяненькая Кристина, уже приятельски прильнувшая к завлиту, обратила на себя внимание.

— Быль, истинная быль, Кристиночка. Не далее как на прошлой неделе слушаю за домашним ужином вечерние новости местного радио... добавлю, что я всегда стараюсь слушать, поскольку должен по роду занятий быть в курсе городских литературных дел. А как раз в шестичасовом вечернем выпуске местной радиостанции — на укавэ*, или по проводной трансляции, если у кого с советских времен сохранился кухонный динамик — ведет программы-интервью старейший и известнейший радиожурналист. Кстати, Вадим Викторович, как и я, выпускник редакторского факультета Полиграфа; так сказать, однокашники с разнесением по времени. Сам пишет публицистику, имеет изданные книги. Поэтому регулярно на литературные темы с местными писателями беседы проводит.

---

* То есть УКВ — радиовещание на ультракоротких волнах; сейчас эта аббревиатура усилиями СМИ обезьяннически заменена американской «эфэм»: *FM* — *frequency modulation* — частотная модуляция. — Прим. авт.

— И я часто слушаю эти передачи,— заметила Антонина Филипповна,— впрочем, не только литературные, но и по другим темам: сразу чувствуется человек добротной советской школы!

— Да, да, конечно. Вернусь к тому, с чего начал: к прошлой неделе и вечерней передаче, в которой Вадим Викторович с двумя причастными к литературе ветеранами издательского дела беседовал о днях минувших и малорадостных для писателей нынешних. А когда услышал в представлении Вадима Викторовича их фамилии, а затем и знакомые, не затухевшие многими прошедшими годами голоса, то мигом вспомнил — ба! старые знакомые по девяностым годам, когда я, совсем недавний выпускник Полиграфа, только приобщался к будущей своей профессии, а заодно переходил от рассказов, что печатал во множестве расплодившихся тогда литературных журналах — прямых преемниках советского диссидентского самиздата — к более, так сказать, крупным жанрам. Проще говоря, сочинял роман, а получилась приличная по объему повесть. Понятно дело, искал где бы ее издать на дармовщину. О гонорах тогда уже начали забывать. И издательств в города самопальных тогда много развелось. Похаживал по ним — везде ответ: печатают только за счет авторов; сколько денег имеет бедолага, столько экземпляров и растиражируем. Откуда у молодого специалиста деньги? Вот в одном таком издательстве, что в Поречье в выкупленном у города здании бывшего детсада, случайно и познакомился шапочно с одним из собеседников Вадима Викторовича в радиопередаче... Извиняюсь, что-то в горле запершило. С вашего позволения стопочкой прочищу и продолжу.

◆ — Значит, познакомились... впрочем, для понятности начну с недавней радиобеседы Вадима Викторовича. Оба приглашенные уже в девяностых годах значились как профессиональные редакторы, а

в наступившей вольности и издатели. Попросту же говоря, из редакторов издательских и газетных перешли в частнособственнические аналогичные структуры. Кстати, припомнил, слушая радиобеседу, знакомые по девяностым годам их лица и фигуры, а Вадим Викторович представил их по именам. Я еще усмехнулся: как два брата-акробата, оба редакторы, не только внешностью схожи, но и фамилии как по заказу: Петров и Петренко. Петров — это с которым в пореченском издательстве познакомился. А тональность же беседы уловил сразу. Оба «петровича» ругали современных писателей за бесталанность, скудомыслие, графоманство, а объединяющий их писательский союз в лице нашего областного отделения по значимости ставили где-то ниже редсовета и авторского коллектива прежней советской школьной стенгазеты. И всячески открещивались от этого союза, дескать, в страшном горячечном сне нам не придется вступать в него. Вот не успели мы по годам стать членами советского союза писателей, а в те времена это считалось более трудным, нежели защитить докторскую диссертацию по филологическим наукам. Говорили сожалеющее, эх, не успели... А в этом «эх, не успели» прямо-таки слышалось, что прибавь им годков немного, как тем, кто в войну себе эти годики для военкомата приписывали, так они шу-тя переплюнули бы этих филологических докторов и с первого захода стали обладателями пухловатых книжек с тиснеными золотом изображением ордена Ленина и горделивой надписью «Союз писателей СССР». Эх, молоды мы еще были, да работой праведной издательской увлеклись, а ночи, особенно летние, коротки были для написания многоосмысленных романов, эпических поэм, тысячестраничных литературоведческих исследований навроде четырех томов Сартра о Гюставе Флобере. Даже подобное «В поисках утраченного времени» Марселя Пруста в семи

томах под силу бы было — да вот времени не хватало... а в нынешние литтусовки ни ногой! Так-то.

— Что ж они, братья-акробаты, в девяностые вольнолюбивые бросились деньгу в частных книгопечатнях ковать, а не засели за свои многотомники?

— Ха-ха, Валерий Васильевич,— как будто ждал навоящего вопроса рассказчик, даже благодарно кивнул в сторону старшего Болховитова,— вот и «петровичи» как-то ловко выкрутились от подобного вопроса Вадима Викторовича. Даже не то, что вывернулись, но и в облике бессеребрянных радетелей русской литературы себя славно на бронзовые постаменты поставили! Петров, убывший тогда на трудовые подвиги в столицу, занял где-то второе-третье место в иерархии среднего по масштабам частного издательства. «Конечно, коммерция коммерцией, но я где только мог, с одной стороны, ставил заслоны низкопробным, графоманским рукописям, а с другой, всячески помогал одаренным автора бесплатно издаваться тиражами, обеспечивающими себестоимость, прибыль издательству и даже небольшие гонорары»,— мягким бархатным голосом говорил в студийный микрофон Петров.

Петренко же, как истинный патриот своего города, основал на кооперативных началах — эти два слова произнес негромко и скороговоркой — издательство, специализирующееся на классике и лучших образцах современной русской литературы, не забывая и местных писателей из числа наиболее даровитых. Далее Петренко подробно и эмоционально, впрочем, не называя имен, в течение десяти минут рассказывал о провинциальных талантах, сохраненных его издательством и им лично для «великой русской литературы, уже четвертое десятилетие, правда, в его начале, переживающей нелегкие времена».

— Извиняюсь, Михаил Семенович,— вступила именинница, впрочем, думая о чем-то своем, далеко

от изящной словесности,— ты просто пересказываешь радиопередачу или лихо закручиваешь сюжет? — как в детективном романе.

— Дорогая Нина Григорьевна! Я как раз и подвожу к развязке, впрочем, даже не детективной, но... как бы это сформулировать непритязательно? — скорее нравственно-психологической. Впрочем, беседа перед микрофоном получилась очень даже живой — ведь люди старого закала, умеют по-русски говорить, не нынешние мямли, у которых через каждые два слова непременно «э-э-э» и «ну-у», а если женская особь, то непременно бесконечно повторяемая «проблема» и еще пара американских словечек навроде контента или квеста. Сейчас еще онлайн добавился. Поговорили, вспомнили добрые старые времена, умеренно побрюзжали Петров с Петренкой о нынешних литературных делах. В общем хэппи-энд!

◆ Рассказчик отпил из стакана минералки и продолжил:

— А у меня в контексте беседы интервьюируемых тотчас в голове выскочили давние воспоминания. Возвращаюсь к знакомству в пореченском издательстве, когда начинающий писарчук безуспешно искал возможность издать свою первую тоненькую книжку. Хоть и без гонорара, но, так сказать, задарма. Именно с Петровым тем и свел шапочное знакомство. Хотя о нем ранее слышал: очень квалифицированный редактор нашего областного книгоиздательства, которое, понятно дело, в самом начале девяностых убыло в небытие. Узнав из необязательного разговора — оба ожидали директоршу, в смысле владелицу издательства: я с унылой и загодя тухлой целью, Петров же по серьезному делу, — что тот сейчас в столице не последний человек в крупном книжном деле, сходу, нищий за милостью и к попу обратится, к нему со своей докукой обратился. Тот покровительно рассмеялся: «Так у нас коммер-

ческое издательство: что напечатаем и продадим, тем и на хлеб с маслом заработаем. Ты, Миша, может и архиталантливый писатель, образование соответствующее имеешь, но для гарантированной самоокупаемости, разумеется и прибыли, автор должен иметь имя, *бренд* по-нынешнему. А откуда оно у начинающего провинциального, хотя и недалеко от Москвы, литератора? ... Вот и хорошо, что согласен. Могу дать бесплатный, ха-ха-ха! совет, причем вполне серьезный и в духе времени. Следует тебе срежиссировать какой-либо скандал, чтобы фамилия твоя, обязательно в сочетании с писательской профессией или просто родом занятия, хотя бы с недельку покрутилась не только в областных, но и в столичных газетах, желательнее в желтых, их больше народ читает. Конечно, лучше всего попасть на страницы архилиберальных изданий, «Комсомольской правды», «Московского комсомольца», «Аргументов и фактов». Но... это слишком высокая планка. Здесь застрелить кого-либо требуется, но тогда на большой отсидке тебя и издание книжки не будет интересовать, да? — Шучу, конечно, но без скандала в прессу, тем более московскую, желтую и либеральную, не проскочишь».

«А как это можно организовать — с шумом, но без срока за решеткой и материальных потерь? Посоветуйте». — «Ну, навскидку: пасквиль в нашей «Толоке», главной городской желтой газетенке — они с охотой скандалщину печатают — тисни в адрес какого-нибудь чиновника, но не выше замгубернатора. Грешки за всеми водятся. Из той же «Толоки» такого конфидента найдешь. Или публично, на митинге, которые сейчас каждый день шумят, к депутату городскому или областному примотайся, но без рукоприкладства, воров или вымогателем назови. И чтобы нанятый тобою корреспондентшишка из той же «Толоки», но лучше из областной коммунистиче-

ской газеты, все это зафиксировал и заметку пропечатал у себя. Главное, чтобы этот чиновник или депутат оказался из людей вспыльчивых, в суд на тебя за клевету подал. И совсем превосходно, если полным дураком окажется и тебе, извиняюсь, по мордасам треснет. Тогда ты и в суд с иском, а главное — в местную и столичную прессу: спасайте, мол, общественным мнением молодого и талантливого писателя, убежденного демократа — можно и наоборот: молодого коммуниста, яростно сопротивляющегося разворовыванию всего советского наследия».

Петрову и самому его филиппика понравилась. «Как только шумиха в прессе апогея достигнет, так мы, или иное какое столичное частное издательство, и напечатаем твою книжку. Сразу двух зайцев поймаешь: книгу издашь и засветишься на литературном горизонте, у нас в городе имя приобретешь, что всегда на пользу идет». — «А как же судилище, иск на неподъемную для меня сумму за моральный ущерб и прочее?» — «Знаешь, чиновники и депутаты сейчас меж двух огней вертятся, им большие скандалы ни к чему. Сразу одумаются, как шумиха в прессе поднимется, иски свои отзовут. На мировую с тобой же пойдут. Вообще-то... я только сейчас к тебе пригляделся: ведь можно на пятой графе паспортной сыграть. Но здесь талмудистская выверенность, продуманность должна быть: не переиграть. И еще поддержка синагоги обязательна — конечно, я имею в виду не маленькое учреждение на улице Московской на Серебрянке, а знакомых *ваших* с именами в городе». — «Да нет, я как-то далек от этих дел, тем более не из местных, корней в городе не имею». — «Ну тогда остается первый вариант». В это время с первого этажа, где размещалось производство типографии, поднялась хозяйка и, дружески поприветствовав Петрова, увлекла того в свой кабинет. А я с безнадегой отправился домой.

— И что, мой рыцарь-личарда, обласканный литературными музами, решился на скандал?

— Нет, Кристиночка, для этого нахальство требуется столичное, а мне где его было набраться: из тихого местечка да в благословенную тишь *нашего* города. Годы учебы в Москве не в счет: веселость студенческого быта наложилась на карнавал постгорбачевщины. И повальное всенародное пьянство, которое главари-перестройщики ввели, чтобы развязать себе руки для продажи родины оптом и в розницу. Так что некогда довоспитанием было заниматься.

— С Петровым все ясно, не решились вы насчет депутатов,— оживился рассказанным профессиональный депутат Валерий Васильевич,— а что его тезка по мове Петренко?

— Дошла в моем повествовании и него очередь. Однако, кто-то хвалился, что принес бутылек настоящей белорусской зубровки? а-а, вижу на том конце стола! Денис, будь другом, переправь ее к своему земляку. Благодарствую.

◆ — А с Петренко история поддетективнее. С ним мы не знакомы, но зато проживал-соседствовал в те годы с его компаньоном по кооперативному издательству, тож раньше работавшим редактором в областном издательстве, как и Петров, писателем Омшанниковым. В советское время он баловался хорошо оплачиваемой публицистикой, писал брошюры на историко-краеведческие темы. Тогда каждый район заказывал в издательстве книжку о своих успехах в социалистическом строительстве. Но основав на развалинах областного издательства на паях с Петренко свой кооператив, Омшанников почувствовал сочинительский зуд, благо свое издательство в руках. Девяностые годы — разгул бесконтрольного либерализма, поэтому избрал особо приглянувшуюся ему тему, которую с чьей-то меткой подачи в городе отнесли к категории историко-порнографической.

Родом он из рязанского села, что близ есенинского Константинова, чем очень гордился. В школе возглавлял в старших классах комсомольскую организацию, поэтому во взрослую жизнь вступил с неизменно развитой хитроумностью и нахальством.

Как только их совместное с Петренко издательство начало приносить солидные барыши, понятно, что никаких местных писателей они в упор не видели, а тиражировали Дюма-отца, детективы и зарубежную фантастику, по которым народ соскучился, Омшанников своим крепким деревенским умом высчитал момент, когда оборотных средств у кооператива скопилось достаточно, а впереди всей книгоиздательской отрасли в стране явственно грозил кризис перепроизводства ввиду резкого падения числа читателей и нагрянувшей массовой нищеты. И в один прекрасный для него день, воспользовавшись трехдневной командировкой компаньона в соседнюю Калугу — в тамошние книжные оптовки насчет размещения своих тиражей, использовал ранее подписанную обоими заготовку доверенности на временную единоличную финансовую ответственность; тогда она не понадобилась, даже даты и печать не поставили, но Омшанников ее сохранил... Печать, которую компаньон должен был взять с собой в командировку для возможного заключения договора, Омшанников выкрал из его портфеля накануне отъезда Петренко. Словом, когда раздосадованный компаньон вернулся из Калуги: договор не состоялся, печать забыл взять, — то долго не мог понять, почему на их с Омшанниковым офисе вместо вывески издательства висит на двери табличка «Сдается в аренду», а домашний телефон (мобилы тогда только у братьев имелись) компаньона не отвечает. Отправился к нему, дверь на звонок не открывают, зато выглянула любознательная соседка, от которой Петренко узнал: Омшанников месяц-другой будет у се-

стры — отдохнуть в городке на Оке. Почувств не- доброе, бросился названивать в налоговую и иные службы, в обслуживающий их кооператив банк. К вечеру все разъяснилось: по подлинной доверенности Омшанников ликвидировал кооперативное издательство, со скидкой реализовал залежавшиеся тиражи и закрыл счет в банке, перечислив все солидные активы на несколько своих сберкнижек. Сотрудники издательства не обидел, чтобы врагов не наживать: рассчитался с выплатой выходного пособия. Классика жанра случилась: ничего личного — только бизнес!

В суде у Петренко исковое заявление не приняли: доверенность по всей юридической форме, подпись заявителя подлинная, печать также. Морду бывшему компаньону для самоудовлетворения набить? — Как бы не так. Предусмотрительный Омшанников загодя в очередном своем романе вывел положительным героем, поименовав настоящим *ФИО* и званием, милицейского полковника, начальника *РОВД*, каковую книжку и презентовал весьма польщенному руководителю правопорядка. Поэтому как только Петренко начал названивать с угрозами Омшанникову, то его тотчас повесткой вызвали в райотдел. После беседы с полковником Петренко стал тише воды, ниже травы. Сила солому ломит, особенно когда не закон для человека, а человек для закона.

◆ — Почти как вор у вора дубинку украл, — почему-то с удовлетворением промолвила Наталья Андреевна, — а этот жук Омшанников чем еще себя прославил?

— Ха-ха, в литературном, так сказать, мире нашего города он в девяностые и двухтысячные годы был самой счастливой шутовской фигурой. Не могу точно сказать, в какой момент и на каком предмете упал он в умоисступление — манию величия? Ско-

рее всего два предмета роль сыграли, счастливо соединившись и осенив голову Александра Демьяновича: приличный денежный капитал, оттяпанный от издательского кооператива, и веселый идиотизм тех славных голов, когда ловки ребята, перебравшиеся из самостийной Одессы в просторные для бизнеса российские необъятные просторы, в великом множестве зарегистрировали академии и научные фонды, которые по посылной таксе начали продавать звания академиков и дипломы докторов всевозможных наук. Также в промышленном масштабе началась чеканка орденов и медалей, обозначающих звания почетных граждан Мира и Вселенной. Все это и начал скупать лавролюбивый писатель-порнографист Омшанников: дипломы тридцати академий хранились в ящике его письменного стола. Также приобрел патент на звание генерал-майора казачьих войск (в Ростове-на-Дону их печатали), а также два докторских диплома: по философии и филологии. О каждом новом приобретении он давал платную информацию в областных газетах. Можно обхохотаться и пожалеть бедолагу, читая такое вот сообщение, я наизусть запомнил: «Срочно в номер! Многие телеграфные агентства ведущих стран сообщили о высокой награде нашему земляку, академику и всероссийски известному писателю А. Д. Омшанникову: золотой медали «Выдающийся деятель Мира», ежегодно присуждаемой Союзом британских научных обществ. Ввиду занятости работой над четырехтомной эпопеей «Мое Мироздание», наш прославленный писатель, гуманист и ведущий в мире исследователь-есениновед не смог вылететь в Лондон для получения высокой награды из рук патрона Союза принца Чарльза, поэтому медаль будет доставлена ему специальным курьером». Далее поздравления, пожелания и прочее.

Мои знакомые из нуворишей, летающие на европейские курорты, смеялись: такие медальки в качест-

ве сувениров — анодированные вместо позолоты — за полтора евро штука продают в киосках аэропортов вместе с зажигалками, магнитиками на холодильники и прочей мелкой дрянью. Омшанникова же одесские выходцы нагрели на штуку баксов.

На эти цацки Александр Демьянович израсходовал половину несправедливо приобретенного капитала, а на вторую напечатал тремя изданиями собрание своих историко-порнографических сочинений в тридцати томах. Эти тома книжные магазины отказывались брать на реализацию: спроса нет. Тогда он, потратив остатки капитала, начал их рассылать всем солидным библиотекам страны и зарубежных стран, включая библиотеки конгресса США, Оксфорда, Кембриджа, Гарварда и Массачусетского технологического института. С усталой улыбкой и тихой гордостью в беседах с коллегами-литераторами он сообщал, что «авторский дар моих сочинений» имеют Фидель Кастро, президенты стран Европы и обеих Америк. А чтобы усмехающиеся письменники не сомневались, вынимал из дипломата, с которым никогда не расставался, папку с ответами на иностранных бланках, где на разных языках его сухо благодарили за внимание. «И руководители фракций госдумы нашей не обижены. Верно читают взахлеб...». Словом, нарочно не придумаешь, почище чем в фильме «Город Зеро» Шахназарова, с Леонидом Филатовым в главной роли. Сейчас таких нет. Целая безалаберная эпоха с ним ушла.

— Вижу, литераторы нашего города не скучают, — заметила чем-то озаботившаяся Нина Григорьевна, — что это Степаныч со своим самоваром запаздывает: пора за чай, за десерт, за танцы и фанты, вольные разговорные посиделки. Ночь нашего пира в Валгалле только начинается!

Глава двадцатая, она же эпилог

**ОБЛАКО РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ
СГУЩАЕТСЯ: НЕ К ДОБРУ ВСЕ ЭТО**

◆ — А вот и Степаныч, — воскликнула Нина Григорьевна, — как всегда легок на помине и с семейной реликвией!

Действительно, завхоз зимовья появился, судя по наброшенному ватнику, с улицы, из сарая, откуда ранее доставили шашлыки. Там же он раскопегаривал семейную реликвию, которую растопырко́й внес в гостиную и с помощью подоспевших Егора и Дениса водрузил на спешно расчищенный женщинами заглавный край стола. Это был жаровой полутораведерный самовар фабрики Баташова, о чем свидетельствовала фирменная марка и год изготовления 1902-й, рельефно вытисненные наряду с дюжиной медалей по нижнему ободу. Самовар содержится Степанычем в абсолютном порядке, хотя в деле использовался не чаще раза-другого в год, а в последние два эпидемические и вовсе простоял в мастеровом сарае. Накануне Степаныч оттер пузача от насевшей пыли и тряпочкой с шлифовальной гоивской* пастой довел медный корпус, краник, подставку и верхнюю закрышку до яркости красного заходящего солнца. Вместе со Степанычем и самоваром в гостиную тугим бодрящим облаком, резиново оттеснив пряные ароматы еды, вина и дамских духов, вкатилась зимняя морозная свежесть, перебиваемая костерковым запахом горящих березовых чурок и щепок.

Поскольку из всех присутствующих только старшая из Болховитовых застала в своем вологодском деревенском детстве в обиходе жаровой, настоящий

---

* Паста для шлифовки по металлу, стеклу и пр. От названия ГОИ, то есть Государственный оптический институт. — Прим. авт.

самовар, то именно Наталье Андреевне и предложили стать чайной хозяйкой, для начала заварив настоящий китайский цветочный («Из контрабанды таможенной», — пояснила Нина Григорьевна, — из запасов презентов докавидных, от хабаровских гостролеров») в двух литровых фарфоровых чайниках, чтобы неспешно всем чаевничать, которые накрыла ватинными купчихами, едва ли не ровесницами самовару. Пока Наталья Андреевна по всем правилам, в три приема заваривала чай, отобранный таможенниками на китайской границе, освобожденное пространство вокруг самовара уставлялось мейсенскими (трофеи из Германии) сервизными чашками. Отдельно для Кости и баритона Казвиньского, как выраженных патриотов, доставили стаканы тонкого стекла в мельхиоровых подстаканниках, явно шедеврах гжельских мастеров. Из кухни доставлялись десерты. Опять же Сергей Станиславович, Костя и примкнувшие к ним комбатански Егор и Михаил Семенович, десертом полагали добавление в чай коньяка, ликера «Южный Кюрасо» и кубинского рома «Гавана-клуб» — у каждого по своему вкусу. Коньяк — из имеющегося ассортимента.

Соблюдая церемониал, выждав время заварки чая, Наталья Андреевна приступила к разливанию в мейсенские чашки и стаканы в подстаканниках строго по чайной пропорции: на треть крутой заварки из фарфоровых чайников, остальное из самоварного крана. Лиза с Женей обносили по мере готовности чашками и стаканами сидящих за столом. Порывалась в разносчицы и пьяненькая Кристина, но Михаил Семенович вовремя отвлек ее пикантными театральными анекдотами. Нина Григорьевна поблагодарила его за бдительность кивком головы; она более всей остальной посуды в доме заботилась о целостности мейсинского сервиза. Перед торжественным чаепитием Сергей Станиславович уговорил дружно

пропустить «по полпромилле», сославшись на известный хрестоматийный обычай: чай подождет, он не водка, все одно много не выпьешь.

Поскольку знаменитые напольные часы в гостиной пробили полночь, то, выпив по чашке под торт с марципанами — слабость именинницы, — супруги Болховитовы-старшие с Натальей Андреевной, «пора и честь знать, дорогие хозяйки», засобирались домой, благо идти не далеко. Проводить их взялся Костя. Почему-то все решили, что и он останется в родительском доме, но через полчаса тот вернулся. Нина Григорьевна восприняла это как нечто само собой разумеющееся. В эти полчаса откланялись Антонина Филипповна с Надеждой Тихоновной — разошлись по своим комнатам; спальня первой — дверь из гостиной, а ее двоюродная сестра поднялась на мансарду. С возвращением Кости, таким образом, пиршественный состав среднеарифметически помолодел. Со старейшинами Степанычем и баритоном Казвиньским. Михаил Семенович, красуясь перед Кристиной, отнес себя к «вечно молодым душой». И вдобавок что-то шепнул на ушко пьяненькой прелестнице, от чего та поощрительно рассмеялась. Место Натальи Андреевны у самовара заняла внучка Женья, а Лиза продолжила служить разносчицей.

◆ — У нас, конечно, не «стенвэй», — притворно извинилась Нина Григорьевна, усаживаясь за инструмент, — но позвольте немного помузыцировать. Может и Лиза не проманкирует. Тем более по нынешним временам это роскошь: играть и петь после полуночи, не опасаясь вызова соседями кого следует. В такие моменты и начинаешь особенно ценить усадебное частнособственничество. Согласен, Денис?

— А то как же. Хотя все вы меня, но почему-то на Жене не акцентируясь, в буржуазное сословие записали и припечатали, но и я завидую: ведь наше бунгало за городом, считай в деревне, а вот ваше

зимовье стоит и процветает, гостей собирает в самом истинном центре города! С чем, дорогая Нина Григорьевна, и поздравляю.

— Спасибо, Денис, за поздравление. И вам того же желаем.

— Ха-ха-ха! — рассмеялся Сергей Станиславович, — вы прямо в точку оба попали. Как мой дед, в гимназии провинциальной учившийся, рассказывал мне, пацаненку младшекласснику, про их забавы на святках. Увяжутся за колядующими ребятами из мещанских и церковноприходских, только те начнут рождественскую песню гнусаво тянуть, а гимназисты за их спинами и грянут молодецки:

*Днесь Христос родился,
Ирод царь взбесился.
Мы вас поздравляем
И того ж желаем!*

— Эк, подловил! Не знаю кого больше: меня или Дениса? Так я пробегусь по клавишам, давно не играла, а ведь в юности и первой молодости надежды подавала. Маман моя, жаль что почивать ушла, не дала бы соврать: когда в музыкальную школу водила меня, то учителя без лицемерия хвалили, советовали дальше музыки держаться, далеко от рояля не отходить... Не срослось. Лиза вот до музучилища дошла, но — не дальше. Хотя пальчики у нее ох какие беглые! Что-то семейное, генофенотипическое, как мудрено Егор говорит, ставит запрет на профессиональном музыкантстве. Однако — к делу! Вставай, наш славный баритон, пошли к барьеру. Благо репертуар у нас с тобой спетый. А у тебя еще и умеренно проспиртованный. Или уже наклюкался, друг мой филармонический?

— Никак нет, благодетельница, в самую что ни на есть *плепорцию*. Ведь она, порция-то винная, у

каждого своя. У кого шкалик, а иной заматеревший, под хорошую закуску навроде сегодняшней, и пару злодеек с зеленой наклейкой без труда осилит и девок по деревне гонять от околицы до околицы пойдет.

— Вот и давай для распевки мою любимую.

— «Выйду ль на улицу», так понимаю?

Нина Григорьевна уверенно взяла аккорд, а Сергей Станиславович сходу, как истинный профессионал, попал на нужную тональность и тембр. Распевка ему была без надобности.

В течение последующего часа Лиза сменяла мать, а решившего «освежиться холодненькой» баритона Казвиньского замещала Женья, от природы имевшая недурное контральто, хотя бы и «не поставленное на нотную грамоту», как любил подколоть ее дед Василий. Даже разохотившаяся до общего веселья Кристина порывалась спеть соло, но ее со смехом удерживал Михаил Семенович, полюбив шаловницу и отвлекая неисчерпаемыми своими анекдотами из одесского и кавказского репертуаров.

— Ах ты, письменник мой пружанский! Ну дай же мне спеть, душа раскрепостившаяся просит. Могу же я спеть здесь, среди друзей и родственников? А где же еще, не на заседании же кафедры социологии и политологии? Может я певица несостоявшаяся! Нет голоса? Так я фибрами души пою. Вот слушай: налей, налей бокалы полней, налей мне рому, последний в дорогу, бездельник кто с нами не пьет. А, каково?

— Душевненько. Слова умеренно перевернаны, и вместо рома, которого ты слегка перебрала, в балладе этой Бетси грог наливает. И в дорогу тебе, очаровательная моя, вовсе не к чему собираться. Здесь по-купечески: двери на запор, Фомку огнедышащего на двор выпустить и гулять до падения риз.

— Но мне хозяйка, которая именинница, отвела опочивальню на мансарде. Я заблужусь. И как по лестнице я наверх поднимусь?

— А я тебе провожу и в постельку уложу. И не пора ли наше веселье, так сказать, дифференцировать? То есть веселье продолжить, но по интересам.

— Это как после бала: кто в карты дуется, старые барыни торопятся перед разъездом оставшимися сплетнями обменяться, гусары-лихачи в темных уголках податливых барышень обжимают, губернские чиновники средней руки в буфетной на херес и мадеру налегают, а лакеи в парадном зале саженными шестами с колпачками свечи на люстрах гасят. Как это... окончен бал, погасли свечи.

◆ Если иной страдающий бессонницей или запойный пьяница, проснувшийся посреди ночи от жажды и нестерпимой сухости во рту, из числа проживающих на двух верхних этажах дома-хрущевки, что напротив зимовья через улицу Павелина, в течение некоторого времени всматривался в фасадные окна этого странного для центра города частного домовладения, то непременно бы приметил (пьяница опохмелившись): свет в этих окнах, горевший вызывающе ярко до двух пополуночи, сменился еле видными отсветами. Значит верхний то в одной комнате, в том числе из мансардных, затем в другой и далее по фасаду выключали, заменяя менее яркими бра и ночниками. Но и в глубокий сон, или просто покидая неспальную комнату, участники затянувшегося веселья не торопились от мирской суеты уходить. Значит правым оказался театральная завлит Пружанцев: общее веселье дифференцировалось и перешло в фазу бесед и прочих действий по взаимным интересам.

Но раз мы, люди посторонние этому пиру в губернской Валгалле, хотя и любопытные, решили извне посмотреть на зимовье, его обитателей и старинных друзей-гостей, то и сделали это не болезненными глазами страдальца бессонницей, тем более запойного мужичонки, но взглядом подобным всеви-

дящему Галилею, Копернику, нашему Ломоносову. И еще для узрения всевозможных мелких деталей вооружимся флотским биноклем деда Василия, мощным двенадцатикратным, изготовленным в первые послевоенные годы в Загорске на оптико-механическом заводе по немецкой технологии на оборудовании знаменитого завода Карл-Цейс-Иена, по приказу рачительного хозяина страны Сталина вывезенного в счет репараций* из советской зоны оккупации.

Ну-у, что происходит внутри зимовья, включая сарай с мастерской, в котором Степаныч с молодежью готовил шашлык, а потом сам-один раздувал баташовский полутораведерный реликтовый самовар, мы уже отчасти — но далеко не все и не обо всех! — знаем. Но ведь уместившиеся в теплом зимовье люди не забывают, что они не одни на этой, в общем-то неуютной планете. А что вокруг? Вокруг же исследователь — не путать с ментовскими дознавателями! — увидит в деда Василия импортнозамещенный бинокль нечто напоминающее тяжелой рифмы стихотворение старинного поэта Василия Кирилловича Третьяковского, друга-соперника все того же Михайлы Ломоносова — из его «Тилемахиды»: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя».

Сгустившийся к середине ночи морозный воздух обло укутал зимовье — и весь мир впридачу. Направленный доцентом-ракетчиком Николаем Андреевичем в верную сторону здравого мышления Егор назвал бы это *облаком расчеловечивания*, которому люди всячески противятся, запирая на все

---

* Автор проходил в студенческие годы преддипломную практику на ЗОМЗ'е, в Загорске (ныне Сергиев Посад), много чего узнал от старожилков. Именно с вывезенного оборудования из Иены и началась советская оптико-механическая промышленность: ЗОМЗ, Красногорский ОМЗ, ленинградское ЛОМО, белорусское БелОМО, Изюмский завод под Харьковом. — Прим. авт.

засовы свои зимовья, в которых наивно полагают переждать, отсидеться, отвеселиться, просто на время оно забыть о ледящей нечисти, насланной на многогрешный мир и безгрешные души людей. Да, человек обычно грешен, но в душе своей таким себя не считает. Это не казуистика, но самооправдание существования человека.

Самый умный, в смысле геополитически подкованный, Егор, уведенный Лизой в начале третьего часа на покой (мыслит женщина всегда коварно: свой мужчина не должен напиваться, иначе в постели от него мало чего добьешься, а она молода, счастлива и в умеренном хмелю перевозбуждена...), так обозначил это облако в усталом от пиршества сне.

♦ Как и виртуальное интернетовское облако, хранилище секретов и информационного хлама, расчеловечивающая туманность внешне бесформенна, но в то же время столь хитроумно организована Великим глобализатором, младшим братом Великого инквизитора у Достоевского, что даст сто очков вперед самым мощным суперкомпьютерам навроде того, что установлен в натовской штаб-квартире в Брюсселе. Здесь же во сне, отягченном дегустацией всевозможных крепких напитков, таким вкусным, но столь тяжело ложащимся на желудок шашлыком, наконец, полным физиологическим напряжением самого сладостного мужского (а для женщины он многократно сладостен, но они это на всякий случай скрывают от партнеров) труда... словом, Егор дисциплинированно сам себя поправил: чего с компом сравнивать, если само облако расчеловечивания и есть его многомасштабная копия?

Наслоенные в желудке коньяк и ром, водка трех сортов, мадера и принесенные буржуем Денисом настоящее шотландское виски, поочередно впитываясь через стенку в кровь, также друг за другом в токе крови добежали вперегонки до сосудов головного

мозга. И каждая волна, в полном соответствии с сортом выпитого, ставила свой акцент на сумрачных размышлениях таинственного даже для увешанных титулами и наградами академиков подсознания, что главенствует во сне, отключив напрочь хлипкое дневное активное сознание.

Первым на нейроны и синапсы легонько надавил кубинский ром «Гавана-клуб», что перед общим сбором обнаружил в библиотечной комнате баритон Казвинский. Хотя и грамульку, но за компанию с Сергеем Станиславовичем успел Егор принять братского привета с Острова Свободы — ровно за минуту, как разыскавшая их Лиза позвала к табльдо-ту... Как и положено веселому и общительному характеру производителей этого славно напитка, «гаванская» волна вызвала в спящей голове Егора размышления о гибридном содержании нынешней жизни человечества: и смех и грех, хоть стой, хоть падай, а из вологодского фольклора бабушки Натальи и вовсе лучше с умными в аду проживать, чем с дураками в раю. Здесь за примерами не то что ходить не нужно, а они впереди тебя самого бегут во множестве. Вот на днях в их отделе появился командированный на «Меткость» из Москвы инженер-ракетчик старого еще закала, навроде Ивана Николаевича Гражданникова. Дело у него пустячное — пару чертежей согласовать как раз по профилю Егора. И обедать в столовую свою, учрежденческую, уже сдружившись пошли. А за неприятельными, но хорошо приготовленными переменами блюд столичный гость пару тройку анекдотических, вроде как даже в *СМИ* попавших, историй рассказал — близких к оружейной тематике.

Оказывается, оконфузились на открытии памятника Калашникову: вместо знаменитого *АК-47* изваяли... немецкую штурмовую винтовку, вроде как *МП-43*? А на постаменте недавно открытого мону-

мента Александру Третьему на его ордене Андрея Первозванного вместо православной восьмиконечной звезды изобразили звезду Давида — шестиконечную! «Доработали после конфуза, конечно, — усмехнулся почтенный Борис Иосифович, — но ведь и дурак поймет, что это не обычная неряшливая безграмотность, но либеральные подковырки: немецкой винтовкой намекнули на известные диссидентские — всех времен! — разговорчики, что де знаменитый наш оружейник за основу своего «калаша» взял изделие Гуго Шмассера, которое не успело в серию пойти, поэтому мало кому известно. Тем более, что после войны Шмассер на оружейном заводе в Коврове несколько лет трудился. А с заменой звезд на ордена «самого русского царя» сам смекнешь что к чему...».

Егор алаверды на ту же тему рассказал собеседнику, что не далее как пару месяцев назад слышал по телеканалу «Мир» такие слова дикторши: «Снаряды для двадцатидвухмиллиметровых орудий танка *ИС-1* вытачивали подростки в оккупированном Ленинграде».* Каково? Потому и гибридная дурь, что с подленьким смыслом... А водка, так та вызвала тревожное ощущение грозового разряда.

◆ Женья, в отличие от брата, веселящий кубинский ром не пробовала, но от рюмки коньяка «Сарадживили», столь нахваленного гурманом Пружанцевым, и пары фужеров крымской мадеры в течение всего праздника, сон к ней подбирался ощупью. Тем более, что Денис наклюкался-таки и мигом уснул, едва они поднялись на мансарду и заняли отведенную им летнюю спальню Нины Григорьевны. Она не то, что не обиделась, но даже одобрила по-

---

* Вовсе не диссидентская выдумка: эти многозначительные слова произнесены 12.02.21 в программе «Вместе» телеканала «Мир»... — Прим. авт.

ведение супруга. Женья не страдала по семейной жизни от «половой передержки», выражаясь на закулисном сленге телевизионщиков, но главное, понимала и Дениса. Специфика его занятости делами мясокомбината с полной юридической ответственностью, шесть дней в неделю с бесконечными разъездами — сам, разумеется, за рулем — по разбитым районным дорогам, частые визиты в областную и городскую администрацию с нуднейшими многочасовыми разговорами с чиновниками, так и норовящими поймать денежного клиента на неосторожном слове. А про посещение налоговиков, финансовых служб, банков и «всякой пожарно-санитарной нечисти», как сам Денис говорил, и вспоминать к ночи не след. О своем рабочем дне, его обычной длительности без всякого сарказма и самоиронии отвечал интересующимся, что от зари и до зари, если арифметически приводить к дням равноденствия; неважно которого из двух: весеннего или осеннего. При таком темпе и общении не то что в будний вечер, но и в воскресенье выпить от души — себе стократ навредить. Поэтому редкие празднества навроде сегодняшнего и есть заслуженный отдых тела и той же все души от заведенного часового механизма ритма жизни. Нет, грех Жене сейчас обижаться на мужа. Хотя... она тихонько рассмеялась: ох, баба она и есть частнособственница! Только не на акции и недвижимость, как Дениска, а на мужика своего. Ладно, любя смиримся, утро будет зимнее, долгое — компенсируем.

Осторожно свернулась клубочком, благо хозяйки-на кровать просторная: со смыслом или без него? — хватит раззадоривать себя на постельные темы, позадничала на разогревающую ниже пояса мадерцу! Но она же и сон оттягивает. Значит помечтаем. Тоже редкое удовольствие для двадцатисемилетней молодухи уже с двумя детьми в самом возрасте пробуждения любознательности ко всему окружающему.

Особенно Ромка с его пятью годиками. Как это Лев Толстой писал? — что от пятилетнего ребенка до него нынешнего всего-то один шаг. Значит не просто детсадовский возраст, но уже полностью сформированный человек с его чувствами и разумом, только пока не наполненными содержанием и опытом всей последующей жизни.

Что-то их ждет, Ромку и Роксану, в пугающе ускоряющемся нынешнем мире? Главное и обидное за человечество — это ускоряющее движение в пучину расчеловечивания. Не только умный брат Егор это определение часто повторял — уже с экранов телятников по столичным каналам самые высокие чины его недавно начали использовать. Пока вроде как скороговоркой, инстинктивно оглядываясь, но день ото дня все увереннее — по мере стремительного битья горшков с прежними заокеанско-европейскими «партнерами по борьбе с мировым терроризмом». Нет худа без добра...

И все же — что их ждет? Сохранится ли до наступления их юности, поры терзаний и проходящих страданий, искренности душевных устремлений, а главное — всепоглощающей любви, такое мироустройство, которое позволит им остаться людьми в этих волнующих юных качествах? Главное, чтобы хоть любовные чувства суррогатом не заменили. Чем и она по выбранной профессии невольно занимается в этом тошнотворном, паскудном до рвотного рефлекса, давно уже расчеловеченном миреке, именуемом, словно в откровенную насмешку, «царством голубого экрана». Гм-м, давно понятно из чего ноги растут: от древних «снятся людям иногда голубые города» и «катится, катится голубой вагон». Вот и докатились до полностью опидорасенной Европы... Америки тож. Хорошо у нас нация молодая, на целое тысячелетие от Европы в истории отстала, мышление русского человека пока не трансформировалось в сторо-

ну этой разновидности шизофрении. Спасибо брательнику, правильным словом все эти педермотства определены.

Хотя... сейчас этих либералов поприжали, в тень отодвинули — может по причине все обостряющегося конфликта с западниками? Но не так уж и давно, учась на журфаке «имени Ясена Засурского», попала в Дом журналиста на встречу с дипломатами из Африки. А как попала? — Убей, бог, не помнит. Может по разрядке на их курсе. Вот слово взял посол настолько крохотной страны, что между Гвинейским заливом и рекой Конго, что Женя и названия-то такого не слышала, и радостно, без переводчика говорит об успехах цивилизации в Западной Африке, что никого сейчас не удивляют в его маленькой, но гордой стране даже деревенские однополые браки: «Решили два парня вместе жить — строят себе хижину на окраине бантустана своего племени, где такие же проживают, и ведут хозяйство по-семейному, а ночи в любви проводят».

При этих словах однокурсник Жени, слабо воспитанный, грубоватый Пашка Гриваков из Стерлитамака, зажал рот разлапистой своей ладонью и быстро побежал на выход из зала, глухо бормоча что-то яростно матерное. Женя припомнила, что Пашка в начале мероприятия задержался в буфете. А пил он только водку... и коньяк на дармовщину.

Тревожно засыпала Женя. Сон понемногу вступал в свои непререкаемые права. И в наступающей его немоте ей вроде как послышалось потрескивающий звон чего-то небесного, стекольно-ломкого. Гроза посредине зимы? Вряд ли, что-то иное, но — предупреждающее.

◆ При расходе гостей и хозяев Кристина, отведя именинницу в сторонку, слегка пошатываясь и как-то забыто по-девичьи похихатывая, откинув голову, подтянулась к ее уху (она пониже хозяйки), собира-

ясь нечто прошептать. Но Нина Григорьевна, прикусив смехок на нижней губе, тихо сказала:

— Забирай *своего* завлита, пока он на ногах еще стоит и не затеял дискуссию со Степанычем о своем великодержавном патриотизме или не сцепился с Сергеем Станиславовичем на тему упадка исполнительского искусства, и *занимайте* малую гостиную. На нее сегодня никто не претендует. Там и шалите на раскидном диване. Подушки к нему в комплекте, а все остальное возьмишь в бельевом шкафу, когда будешь проходить через угловую прихожую. Сообразишь. Успехов! Не мне тебя учить, но не единому слову женатого мужика верить нельзя. И как это он у своей Альбины на ночь отпросился? Тем более, она помнит о на... ладно, иди. Постинорчику не дать для оптимизма?

— Нет, дорогая Нинель, я сегодня в безопасности... спасибо, родная моя именинница!

Кристина вовремя пошабашила, ибо Михаил Семенович уже успел пристать к баритону Казвиньскому, убеждая того: мол, у него самого выдающийся тенор, но нет музыкального диплома, чтобы на сцену выходить. При всей неустойчивости в движениях и нарушенной связности мыслей завлит, когда Кристина крепко взяла его под локоть и развернула в сторону двери в угловую прихожую с гардеробом и бельевым шкафом, мигом заученно сориентировался и ловким жестом фокусника смахнул со стола в брючный карман лишь на треть початую бутылку «Сараджишвили» — из числа поданных к окончанию пира. Лиза, уловив этот жест, на правах младшей хозяйки тоже взяла со стола вазочку с конфетами, сверху положила пару миндальных пирожных, у самой двери догнала парочку и отдала ее Кристине, шепнув:

— Пригодится. Посуда в тамошнем серванте. Беспокойной вам ночи! Адью.

...Пьяный, пьяный, но лихой завлит для своего предполтинничного стажа даже озадачил несколько Кристину, саму девушку-разведенку общительную с противоположным полом. Озадачил, несколько протрезвел, чокнулся коньячными рюмками с кутающейся в одеяло, поджавшей под себя ноги на диване «очаровательной доцентшей», как ее окрестил, протянул вазочку с конфетами и пирожными.

— Однако, дружок мой Миша, спать ты не собираешься?

— Кто в такую, так сказать медовую, ночь бездарно спит? Опять же я сторонник не футбольных, а хоккейных счетов.

— Шалунишка! Разве можно такие слова почти невинной девушке говорить? Ладно, я-то женщина свободная, но как Нина разрешила, учитывая ваш прошлый...

— Тс-с! Молчок, Кристиночка. Во-первых, это было давно; во-вторых, формальная, так сказать, тайна.

— Да-да, понимаю. Тайна замка Броуди. Опять же для женщины что прошло, то и минуло. Этой истине верю стопроцентно.

— Давай, моя очаровательная, по нижегородскому обычаю: между первой и второй промежуток небольшой. Это я о коньяке... впрочем и о том, о чем ты подумала, ненаглядная моя!

...И хотя оба медоносца не из тех, кто пьян с вина на алтын, но все же через час сон пресек шаловство. Устало, до приятной дрожи на кончиках пальцев рук и ног, засыпая, каждый вроде как услышал со стороны обоих окон, завешанных зимними портьерными шторами, несколько неясный, длящийся в переливах звук: что-то ломкое, переливающееся на высоких, отрывистых друг от друга нотах. Кристина решила на самом уходе в ночное небытие сознания, что это накрепко засевший в голове университетский

звонок по расписанию. Слава богу, сейчас прощальный на сегодняшний лекционный день-ночь. Спать, спать, спать!

Михаилу же Семеновичу, то есть просто Мише-Мишутке (в ее экстазе), непонятные звуки со стороны окон также профессионально проассоциировались с третьим театральным звонком, когда публика торопится из буфета — это в вольные допандемийные времена — в зал в предвкушении лицезрения высокого искусства питомцев провинциальных муз. Почему-то среди них он выделил Терпсихору и именно изображенную в декоративной парижской Гранд-Опера (довелось с десятков лет тому назад на дармовщину побывать там), хотя бы танцы и хорошее пение вовсе не в ведении драмтеатра. И перед падением в сладостный глубокий сон сообразил: очень та парижская муза схожа личиком, прической и фигурой с Кристиной. Но еще одна подленькая мыслишка встряла между Терпсихорой-Кристиной и сном; как всякий закоренелый ходок налево, завлит ревниво подумал: а *моя-то* Альбиночка (хотя Альбина, в контры с именем, и выраженная брюнетка) ленива совсем в постели стала. Неужели и она того, налево?

Стеклянный, звонко-ломкий, продолжающийся, почти космический звон, переходящий в шипение, со стороны окон в наступившей тишине малой гостиной снисходительно проводил новообретших друг друга любовников в сон.

♦ Кристина баловалась веселящим не часто, но «раз пошла такая пьянка», то предпочитала крепкое зелье. Так и в наступившем сне мозговые клетки озадачились: ром, коньяк и водка-старка будоражили кровеносные сосуды; озадачились и растерялись: под какое меню выдать характерное сновиденье чистой помыслами и застояло-страстной телом Кристине? Хотя бы и безвинно укравшей у незнакомой ей Аль-

бины кусочек женского... счастья? — сложно так сказать; правильнее — мимолетного удовольствия.

Махнули условными ручонками нейроны и синапсы в хорошенькой головке Кристины и пошли по легкому пути: раз доцентшей служит в педуниверситете, так путь и снится ей нечто профессиональное. По части образования то есть.

Вот видит себя в горячем — от вина и любви — сне Кристина, вернее в официальной обстановке доцент кафедры социологии и политологии Кристина Николаевна Кружилина, на заседании ученого совета университета. Собравшиеся молча выслушали дежурный доклад ректора на тему снижения динамики роста общеобразовательной неграмотности студентов, что несомненно должно вызывать осторожный оптимизм... и так далее.

Совсем приуныл педагогический народ, слушая эмоциональное выступление завотделом менеджмента качества обучения Нателлы Витольдовны Мекалис, латышки по отцу, но публично выдающей себя за остзейскую баронессу. Эта великосветская дурь пришла ей в голову еще в юности, в девяностые годы, когда даже в дальних провинциальных городках ловкие ребята организовали геральдические общества, в которых за умеренную (не столица ведь!) плату давали справки — это как персонаж фильма Данелии «Паспорт» говорит — о дворянском достоинстве. За графство и княжество доплата. Дед Нателлы Витольдовны, то есть по паспорту Наталья Викторовны, услышав от внучки-десятиклассницы заявку о баронстве, как истинный потомок революционных латышских стрелков вспыл, но время воспитательного рукоприкладства упущено. Махнул на все рукой и впал в легкий трехдневный запой.

Семейную эту историю Кристине поведала двоюродная сестра лже-Нателлы — ее школьная подруга.

Народ же приуныл по понятной причине: всякое

упоминание о *менеджментере количества* — наименование этой службы заглаза; более привычное — гестапошулен (явно с кафедры немецкого языка вытекло), вызывало несварение желудка. А внезапный налет команды самозваной тевтонской баронессы, подобранной из кобылистых перезрелых девиц, на кафедру у пожилых преподавательниц вызывал нервные стрессы. Оргвыводы же проверок навряд ли переноса занятий в соседнюю аудиторию без письменного согласования сразу с пятью отделами из множества их, занявших три четверти главного корпуса, гарантировали более серьезные, то есть финансовые огорчения.

После появления одновременно во всей тысяче вузов страны «качественных отделов» многие преподаватели ломали головы: откуда эта напасть налетела на малоденжное и морально забитое преподавательское сословие? Доискались-таки много чего знающие москвичи. Оказывается, это инициатива двух сугубо периферийных вузов, бывших местных пединститутов: один где-то в волжских краях, другой на юге страны в районном городке, где на главной площади в невысыхающей луже обывательские свиньи нежались. Как говорится, комолая корова хоть шишкою да боднет, — как шепнула задремавшей Кристине ее коллега по кафедре, литераторша по образованию.

Но всему приходит конец, тем более заседанию ученого совета с его согласованной с ректоратом повесткой. Народ в зале воспрял духом: секретарша совета Лариса Петровна зачитывала резолюцию: «...Хотя не все трудности преодолены, в частности, корпуса университета на семьдесят процентов обветшали — временные, хотя и уже многолетние, трудности с финансированием; преподавание многих дисциплин страдает формализмом; уровень знаний студентов год от года снижается... но мы с уверенностью смотрим в завтрашний день. Символично, что

на этом фоне наблюдаются и позитивные моменты, например, в университете сформирована футбольная команда высокого класса, состав которой в этом году значительно усилен студентами-иностранцами из Мали и Иордании. А спорт — это здоровье нации. Поэтому столь важно и дальше успешно продолжать уже многолетнюю борьбу с курением».

Здесь Лариса Петровна суховато закашлялась, что характерно — Кристине ли, баловавшейся травкой никотианой, этого не знать? — для курильщиков, обстоятельствами жизни или профессии вынужденных делать многочасовые перерывы воздержания. Извинившись со ссылкой на морозную непогоду, секретарша объявила дату следующего заседания.

...На сладостном моменте завершения нудноватого присутствия Кристина почувствовала холод на ступнях ног и резко проснулась: завлит Миша перетянул на себя низ одеяла. Восстановив равенство с постельной принадлежностью, она шаловливо, легонько щелкнула новообетенного дружка по лбу. В ответ же услышала — ах, он еще и во сне умеет говорить! — страстную патриотическую филиппику о вреде навязанной нам гнилым Западом демократии и кока-колы в противовес пользы от умеренного — по всем нынешним, советским и церковным праздникам — употребления непаленой водки.

Так же внезапно замолчал, перейдя на размеренное глубокое дыхание. Снова отметив странный потрескивающий звук, проникающий в дом через резонирующие ему окна, Кристина, попросив бога больше не посылать ей снов о трудовой деятельности, очень скоро заснула, хотя бы ее соблазнитель — или соблазненный? — пионерской речевкой выкрикнул: «В воздухе пахнет грозой!» Она сообразила: завлиту тоже снится производственный сон: беседа с автором, принесшим для ознакомления пьесу с названием-слоганом, римейком из Островского, в трех

действиях с прологом и эпилогом. «Счастливым же человек: и бабник, и работенку выбрал не бей лежачего», — последняя мимолетная Кристинина мыслишка. Спать, спать... и не курить!

◆ Пока народ попарно расходился, вроде как по-английски, без «отбойного звонка», позевывая деликатно, предварительно с большим вниманием посмотрев на антикварные напольные часы, именинница, отклонив хозяйственные предложения дочери, Жени и даже развеселой Кристины, благословив их на сон грядущий, начерно прибрала со стола, унеся на кухню использованную посуду и требующее холода. Все остальное не трогала, наутро пригодится. Опять же кто захочет, пораньше с постели вскочит — из присказок Степаныча.

Сам же Степаныч с Сергеем Станиславовичем и каким-то тихим в этот день Костей, почти что трезвым, изображали подобие антракта. Усевшись в глубокие кресла вокруг небольшого и низкого круглого столика, расписанного под лаковый палех, что стоял в углу гостиной, перебрасывались в картишки. Поскольку Степаныч, в отличие от знатоков этой забавы Кости и заслуженного баритона, умел играть только в подкидного и упрощенного, «школьного» кинга (и где научился?), то последним и ограничились.

— Чудесное это время зимних суток, когда часы пробьют за середину ночи, когда летом уже рассвет брезжит, а сейчас за стенами мороз трещит; час волка (при этом все покосились на Фомку, что уютно устроился на своем гостинном коврикe), или по римской хронологии время третьей стражи, — попыхая настоящей гаваной, презентованной Егором, коллекционером всяких кунштюков, философски рассуждал Сергей Станиславович.

— Чудо-то в чем? — необязательно отнесся к партнеру Степаныч, перетасовав колоду и раздавая затем карты.

— А это самые тихие часы. И действуют они умиротворяюще. Хотя и выпито вроде как достаточно, не обидно для хозяев, но вот пробил этот дореволюционной постройки механизм три пополуночи — и хмель перешел в некое распределенное по организму состояние: что-то устойчивое и легкое одновременно. В голове полнейшая ясность, а сон в испуге спрятался даже не за углом, не в соседней комнате, а убежал в подвальный этаж, где затаился под бильярдным столом. Кстати, завтра освежительное продолжение торжества, так хочу в американку с Денисом сразиться. В предыдущий раз, бог знает когда, до эпидемии этой чертовой, задолжал он мне партию, не дал отыграться!

Меж тем хозяйка окинула взглядом приведенный в абрисный порядок стол, сменила деловитость во взоре на загадочное спокойствие, обратила внимание на игроков.

— Так понимаю, я вам больше не нужна? Ну-у, не буду и мешать своим присутствием. До утра, господа-товарищи, до оптимистичного рассвета. Чао!

И неспешно направилась в сторону двери, за которой, через угловую прихожую, располагалась ее зимняя спальня. Не доходя метра до нее, Нина Григорьевна на миг нерешительно приостановилась. На четверть повернула голову в сторону игроков и легким, быстрым движением руки поправила упавший не лоб локон. И так же стремительно исчезла в проеме постоянно растворенной двери.

Оставшиеся кивнули головами на прощальные слова именинницы, приступили к новой партии, по окончании которой Костя встал, суховато бросил «до завтра, в смысле до утра» и направился к той же двери, ведущей в жилую, спальную часть дома.

— Консерваторы хреновы, — добродушно проворчал Степаныч.

— Ты, старинушка, конспираторов имеешь в виду?

— Ну да, они самые. Все в девочек-мальчиков играют. И Анфиска, кобылица необъезженная, будет знать как выпендриваться. А Костя правильный мужик. Опять же старую любовь ржа не ест, а баба, в смысле женщина, не мыло, не смыливается. Дай-то бог,— совершенно неопределенно пожелал Степаныч.

— Да-а, дела твои господни. Все девчата с парнями, как в песне, только мы с тобой, два Сереги, сегодня холостякуем. Опять же вдвоем картишками баловаться все одно, что парой хоровод водить. Ты на своей балалайке не разучился за чертову эту пандемию тренькать?

— Не тренькать,— совершенно серьезно обиделся Степаныч,— а играть! С детства обучен. Лет двадцать назад меня даже в самодеятельность заводскую, где надомничал, не раз звали. А ты к чему это... про балалайку?

— Давай-ка сходи за ней. Чего без невесты о свадьбе говорить.

...Через четверть часа все тот же «ломберный» столик украсился початыми еще во время пира коньячной и непатриотичной «немировской» бутылками. Степаныч в обрат воротил из кухонного холодильника пару тарелок с закуской. Сергей Станиславович свежайшим голосом, только в четверть громкости, пел задушевные песни из знакомого Степанычу репертуара. Играл он также легкими касаниями струн балалайки. Через час к ним присоединился Егор, проснувшийся от сухости в горле и захотевший выпить домашнего кваску, что постоянно наводила в маленьком бочонке, что стоял на кухне, Антонина Филипповна.

В антракте, закусив, в наступившей тишине Сергей Станиславович озадаченно прислушался, подошел к окну, отодвинул портьерную занавеску и ахнул:

— Мать моя! Если я только белочку не поймал,

то на небе-то северное сияние! Здесь ни разу еще не видел, только в Мурманске на гастролях. А ну-ка ради такого чуда выйдем во двор. Заодно освежимся.

Все трое, озадаченный Фомка четвертым, стояли, накинув на плечи верхнюю одежду и нахлобучив шапки (это не про Фомку), на крыльце. А на небе творилось невероятное для этих мест зрелище: словно развешанные на бельевой веревке ниспадающие яркие струи елочной гирлянды переключались и перемигивались, издавая шуршащий, звонко-стеклянно ломающийся вселенский мелодичный звук.

— Не к добру все это,— заметил Степаныч,— всему свое время и место должно быть.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог, которого требует классика.</i>	
<i>Зимы не минуешь, но в тепле отогреешься.....</i>	<i>3</i>
<i>Глава первая. Зимовье на Павлина.....</i>	<i>28</i>
<i>Глава вторая. Валькирии зимовья на Павлина.....</i>	<i>43</i>
<i>Глава третья. Во сне не бредь о том, чем занят —</i> <i>кикимора услышит.....</i>	<i>62</i>
<i>Глава четвертая. В каждом роду есть свой ходок.....</i>	<i>83</i>
<i>Глава пятая. В царстве провинциальных грез.....</i>	<i>105</i>
<i>Глава шестая. Несостоявшиеся среднелассцы.....</i>	<i>124</i>
<i>Глава седьмая. Большой сбор в зимовье и грядущий</i> <i>«полтинник».....</i>	<i>146</i>
<i>Глава восьмая. Пир в Валгалле: сбор героев</i> <i>и валькирий.....</i>	<i>158</i>
<i>Глава девятая. Революционная история зимовья.....</i>	<i>177</i>
<i>Глава десятая. Пир в Валгалле: спор о древних</i> <i>и новых.....</i>	<i>202</i>
<i>Глава одиннадцатая. Мнения новых и древних</i> <i>о жизни в цифровом гетто: пока разминка —</i> <i>вокруг да около.....</i>	<i>221</i>
<i>Глава двенадцатая. Зимовье как остров обитания</i> <i>нерасчеловеченных.....</i>	<i>241</i>
<i>Глава тринадцатая. Любовные протесты обитателей</i> <i>зимовья.....</i>	<i>257</i>
<i>Глава четырнадцатая. Другие виды любовного</i> <i>протеста: растянутый треугольник.....</i>	<i>277</i>
<i>Глава пятнадцатая. На службу не набивайся,</i> <i>от службы не отбивайся.....</i>	<i>294</i>
<i>Глава шестнадцатая. На службу с пониманием,</i> <i>домой с радостью.....</i>	<i>312</i>
<i>Глава семнадцатая. Женский мир окрест и изнутри</i> <i>зимовья.....</i>	<i>329</i>
<i>Глава восемнадцатая. Поросенок только на блюде</i> <i>не хрюкает.....</i>	<i>345</i>
<i>Глава девятнадцатая. Круг замкнулся, или твой</i> <i>челендж в кликах встретит миллионы просмотров.....</i>	<i>361</i>
<i>Глава двадцатая, она же эпилог. Облако</i> <i>расчеловечивания сгущается: не к добру все это.....</i>	<i>378</i>

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

ЯШИН
АЛЕКСЕЙ АФАНАСЬЕВИЧ

ПИР ВАЛГАЛЛЕ
СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА 21-ГО СТОЛЕТИЯ

16+

Редактирование и корректура автора
Компьютерная верстка и изготовление оригинал-макета
С.В. Никитин

Издательство «Центр современной литературы и книги
на Васильевском» Санкт-Петербург;
сайт: www.artlitmix.com
e-mail: artlitmix@mail.ru

Подписано в печать 01.01.2024
Формат бумаги 84×108 1/32. Печ. л. 18,0
Печать офсетная. Бумага офсетная
Гарнитура «Akademy»
Тираж 300 экз. Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Аквариус»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а
Тел./факс (4872)49-73-73
E-mail: aquarius-press@mail.ru, grif-tula@mail.ru
<http://www.grif-tula.ru>